

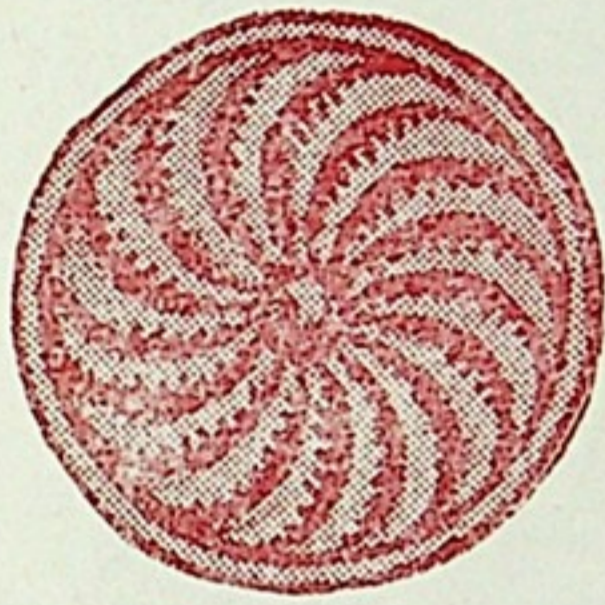
R 95 407
4

Русудан Харагзе

Трудинская
семейная
община

I

რუსუდან ხარაძე

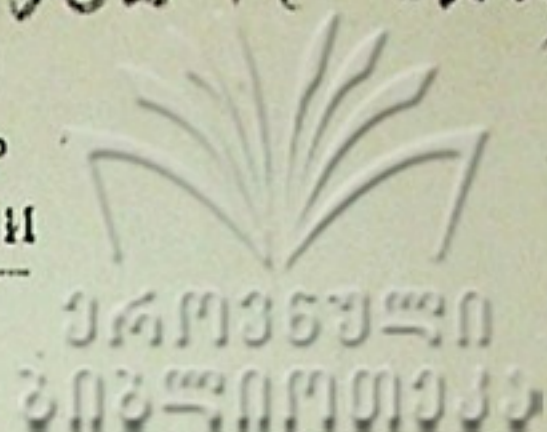
ქართული სამჯახო
თემი

I

ROUSSOUDANE KHARADZÉ

LA FAMILLE INDIVISE
GÉORGIENNE

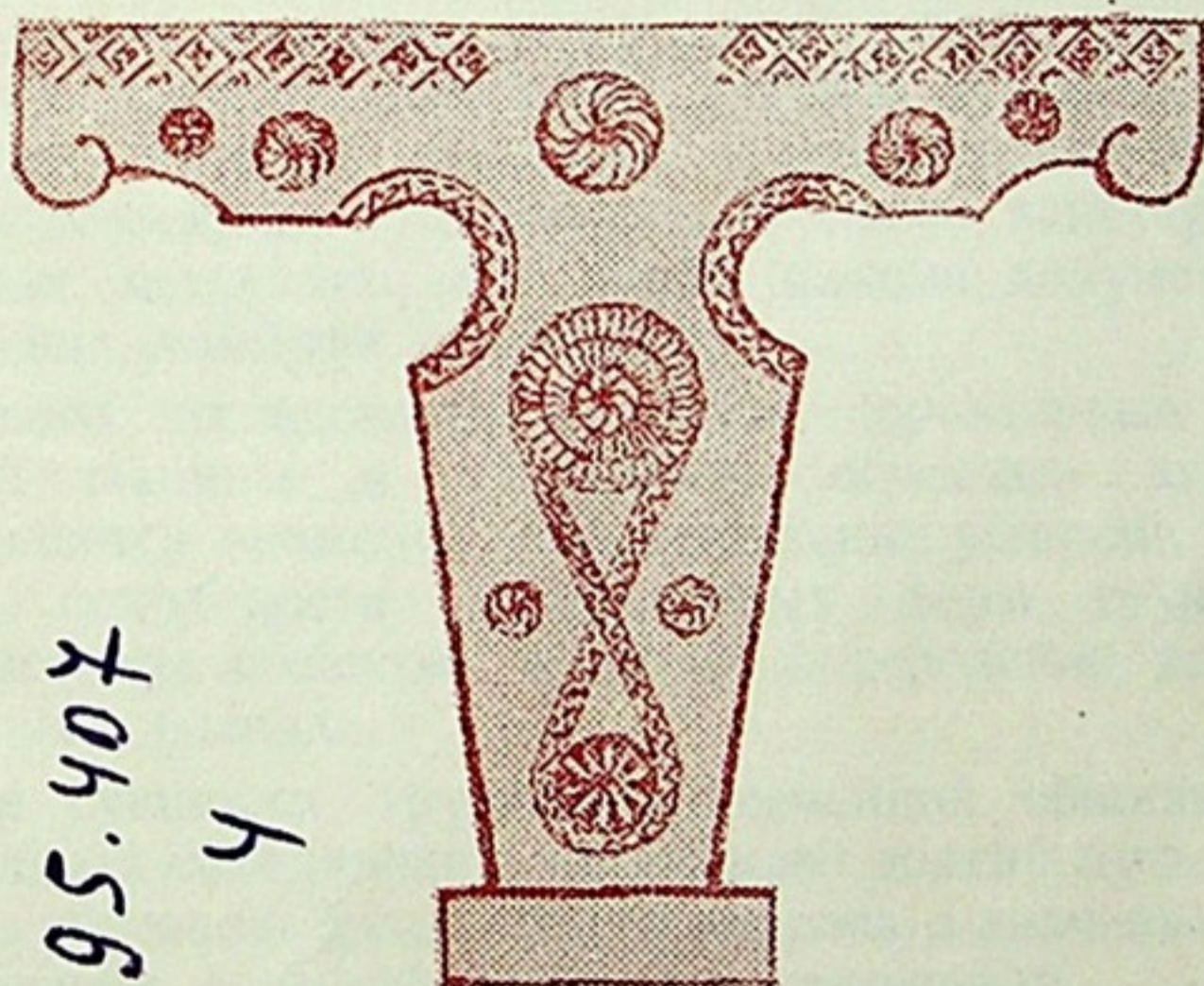
I

РУСУДАН ХАРАДЗЕ

ГРУЗИНСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА

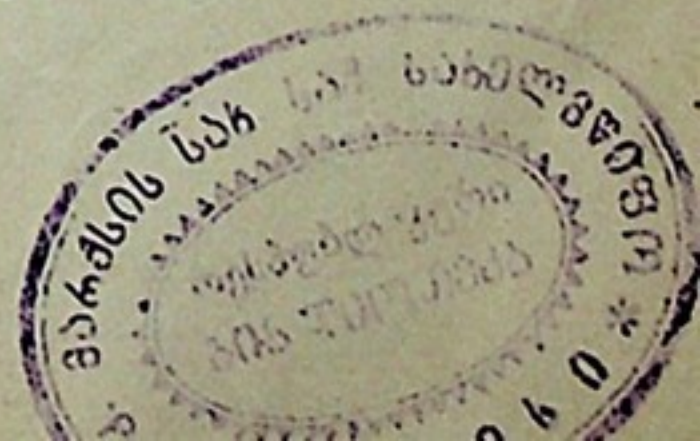
I

R 95.407
4

სკეპ-2000
შემოწმებულია

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока»
Тбилиси 1960

ქართული
ენების ინსტიტუტი

Ответственный редактор

А. И. РОБАКИДЗЕ

400:28 Я

საქართველოს ენების ინსტიტუტი

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование грузинской семейной общины по этнографическим материалам подразумевает изучение указанной общественной формы в ее пережиточном состоянии.

В основе работы лежат материалы многолетних полевых изысканий, собранные автором в отдельных районах Грузии; использованы также литературные данные XIX—XX веков и более ранние письменные источники.

В качестве сравнительного материала в работе использованы, помимо соответствующих данных этнографии народов Кавказа, описания и тех семейных общин, которые относятся к классическим образцам изучаемой хозяйственно-родственной организации, а также некоторые древневосточные письменные источники, как самые ранние документы, отражающие типичные стороны семейной общины.

Цель данного исследования—выявить характерные черты грузинской семейной общины и установить основные этапы ее развития. При этом обращается внимание и на выявление условий, способствовавших спорадической сохранности пережиточных форм грузинской семейной общины в классовом обществе, а также определение конкретных причин ее окончательного распада.

Выявление сущности грузинской семейной общины как одной из форм общественных объединений, прошедшей долгий путь развития, должно способствовать изучению более общего вопроса о значении и месте семейной общины в развитии форм общественных отношений.

Настоящая работа состоит из введения и двух основных разделов. В введении на основании работ классиков марксизма-ленинизма изложены методологические предпосылки изучения семейной общины как одной из форм семьи.

Заострение внимания на общинно-семейной собственности, являвшейся одним из основных признаков семейной общины, вскрывает ее типичные особенности. Характерная для большой семьи форма собственности представляла переходную ступень от общинно-родовой собственности к частной. Следующая за семейной общиной новая форма семьи заключала в себе уже частную собственность, являвшуюся характерной особенностью моногамной семьи. Поэтому мы считаем особо важным рассмотрение основ-

ных сторон семейной общины именно с точки зрения общинно-семейной формы собственности.

Проблема грузинской семейной общины исследователями XIX века освещалась главным образом с точки зрения ее бытового значения. Существовавшие в литературе разногласия касались в основном не сущности семейной общины и ее места в развитии форм общественных отношений, а ее значения применительно к практической жизни крестьянского населения. Разбор этих взглядов и характеристика соответствующих источников, отображающих всеобразный процесс распада семейной общины, представлены в введении.

В первой части работы дается описание и классификация этнографического материала по грузинской семейной общине. Исходным моментом классификации материала является его деление по формам хозяйства с учетом их особенностей в горной и равнинной частях Грузии. Что же касается форм семьи, то в качестве единственно правильной основы их классификации приняты различия в формах собственности, чем и опровергается возможность выделения различных форм семьи по отраслям хозяйства.

Показ на конкретном материале одной и той же формы семьи, основанной на различных формах хозяйства, но создающих лишь различные виды семейных общин, окончательно разрешает вопрос о принципиальном значении формы собственности при определении формы семьи и о несостоятельности механического соединения формы семьи с той или иной отраслью хозяйства. Вопрос о соответствии форм семьи формам брачных взаимоотношений требует дальнейшей разработки в направлении, указанном классиками марксизма.

Вторая часть работы посвящена разбору характерных черт семейной общины в их сравнительно-историческом разрезе. Выяснение отдельных сторон семейной общины связано с целым рядом таких самостоятельных проблем, как например, формы хозяйства, формы собственности, имущественно-правовые взаимоотношения и т. п., которые в данном случае могут быть затронуты лишь частично и в непосредственной связи с поставленным вопросом. Так, при рассмотрении форм хозяйства главное внимание уделяется системе организации труда внутри семьи и особенностям управления, определяющим тот или иной вид семейной общины.

При изучении вопросов имущественных категорий внимание заострено на выяснении характера основных средств производства и норм имущественных взаимоотношений, которые вскрывают общинно-семейную форму собственности, определяющую форму семьи.

Вопрос о причине спорадической сохранности пережиточных форм семейной общины в классовом обществе, о ее природе и условиях ее окончательного распада рассматривается в заключительной части работы.

Книга выходит двумя частями: часть I—материалы, часть II—исследование. Генеалогические схемы семейных общин прилагаются к I части; выводы, резюме, указатели, список использованной литературы, таблица с принятой в книге транскрипцией и иллюстративный материал даны во II части.

ВВЕДЕНИЕ

I

Впервые в марксистской литературе научное определение места семейной общины в развитии общественных форм дал Ф. Энгельс. Определив семейную общину как форму семьи, предшествующую моногамной семье и являющуюся необходимой ступенью в общем историческом процессе развития общества, Ф. Энгельс тем самым свою концепцию противопоставил «патриархальной теории», которая считала моногамную семью изначальной и извечной формой семьи. Для подкрепления своих положений Ф. Энгельс опирался на исследования М. Ковалевского, который в своих многочисленных трудах не только использовал обширнейший фактический материал по семейной общине, но и дал его теоретическое обобщение.

В одном из ранних своих произведений (1886) М. Ковалевский, затрагивая вопросы происхождения семейной общины, определяет ее как одну из последних разветвлений рода¹. Позже, в стокгольмском курсе лекций (1890) М. Ковалевский выдвигает новый взгляд на семейную общину: он считает ее переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к моногамной семье². В более поздней работе (1905) М. Ковалевский снова возвращается к своей первоначальной формулировке. «Она [семейная община — Р. Х.] не более как последнее из разветвлений рода, — пишет он, — вернее, предпоследнее, если считать завершением процесса образование малых семей путем разделов»³. Считая семейную общину одной из ячеек родового строя, появившуюся на поздней ступени его развития, М. М. Ковалевский в указанной работе писал, что происхождение семейной общины, «как не раз было замечено, объясняется позднейшим по времени разветвлением рода на более тесные союзы ближайших родственников»⁴. Останавливаясь на приведенном

¹ М. М. Ковалевский. Первобытное право, вып. I. Род. М., 1886, стр. 86.

² М. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 64—93.

³ М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт из области сравнительной этнографии и истории права, СПб, 1905, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 84.

в «Законнике» Стефана Душана описании родственных отношений, М. Ковалевский замечает: «Из этого текста видно, что значительное число родственников жило вместе. Был ли такой союз родом или семейной общиной, мы сказать не беремся, так как точной границы, отделяющей эти два вида союзов, мы не знаем... Мы согласны поэтому с общим выводом Зигеля, что задолго до издания в 1849 году «Законника» сербы жили уже не родами, а семейными общинами»¹. Приведенная цитата свидетельствует, что М. Ковалевский в семейной общине видел общественную форму, сменившую предшествовавшее ей родовое объединение.

В позднейших своих работах — «Социологии»² (1910) и в «Происхождении семьи, рода, племени, государства и религии»³ (1914) М. М. Ковалевский по существу, не меняя своих взглядов, относит семейную общину к поздней ступени развития родового строя.

Ф. Энгельс вслед за Л. Морганом, не зная, как известно, о существовании семейной общины, в первом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» (1884) также не упоминает большой семьи. В четвертом издании вышеназванного труда Ф. Энгельс, опираясь на стокгольмский курс лекций М. Ковалевского, специально останавливается на вопросе о происхождении и сущности семейной общины. Ф. Энгельс пишет: «Мы обязаны Максиму Ковалевскому (*Tableau etc. de la famille et de la propriété*) [«Очерк происхождения и развития семьи и собственности»], Стокгольм, 1890, стр. 60—100) доказательством того, что патриархальная большая семья (*patriarchalische Hausgenossenschaft*), какую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (означает примерно содружество) или «братство» и в видоизмененной форме, у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»⁴. Таким образом, Энгельс здесь разделяет толкование семейной общины, данное М. Ковалевским в стокгольмском курсе лекций.

Как указывает Ф. Энгельс в предисловии к четвертому изданию вышеназванной своей работы, им сделаны в этом издании «тщательные исправления и дополнения» на основе новых успехов, достигнутых в науке со времени появления первого издания⁵. Наиболее тщательному пересмотру подверглась работа Ф. Энгельса в части, касающейся семьи. Характер внесенных автором уточнений и дополнений говорит о том, что они были продиктованы, главным образом, открытием семейной общины как новой формы общественно-хозяйственной организации первобытно-общинного строя. Более того, «большие успехи» в изучении развития форм семьи выявили но-

¹ М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт из области сравнительной этнографии и истории права, СПб, 1905, стр. 81. См. также его раннюю работу «Первобытное право», вып. I. Род. М., 1886, стр. 78.

² М. М. Ковалевский. Социология, т. II (Генетическая социология, или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности). С.-Петербург, 1910, стр. 111.

³ М. М. Ковалевский. Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии. «Итоги науки в теории и практике». Изд-во «Мир», М., 1914, стр. 65.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 41.

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Предисловие к четвертому изданию (1891). Госполитиздат, 1952, стр. 6.

вую форму собственности — общинно-семейную собственность — как переходную ступень от родовой собственности к частной. Это и было внесено Ф. Энгельсом в четвертое издание его работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в качестве одной из характерных сторон семейной общины.

При этом, как пишет И. Н. Винников, Ф. Энгельс «определяет форму собственности в патриархальной семье как «Sondereigenthum» — обособленную собственность, т. е. общинно-семейную собственность, которая является переходной формой от «Gemeineigenthum» — общей собственности, т. е. племенной и родовой, к «Privateigenthum» — частной собственности»¹.

Таким образом, в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» патриархальная семейная община рассматривается как хозяйственно-родственная организация, основанная на общинно-семейной форме собственности, представлявшей последующую ступень развития общей, т. е. родовой собственности. Помимо выделения новой, переходной формы собственности, в работе Ф. Энгельса привлекает внимание и противопоставление семейно-общинной собственности, характерной для большой патриархальной семьи, частной собственности, специфической для моногамной семьи; это говорит о том решающем значении, которое придавал Ф. Энгельс формам собственности при определении форм семьи.

Далее Ф. Энгельс в новом издании своего труда вносит исправление и в классификацию форм семьи, которая в первом издании была сделана в полном соответствии с классификацией Л. Моргана. В частности, при определении кровнородственной семьи Ф. Энгельс, как это установлено в специальной литературе, опускает слова «первая организованная форма общества»².

Это изменение, очевидно, вызвано тем обстоятельством, что Энгельс после открытия семейной общины и установления зависимости форм семьи от форм собственности не считал уже возможным рассматривать кровнородственную семью в качестве общественно-хозяйственной единицы, ибо по существу она могла являться лишь формой брачных взаимоотношений.

Следовательно, Энгельс при рассмотрении форм семьи придавал определяющее значение формам собственности, и, после открытия семейной общины как определенной общественно-хозяйственной организации, более не нашел возможным кровнородственную семью считать первой организованной формой общества, хотя и допускал возможность ее существования. Это говорит о необходимости дальнейшей разработки классификации форм семьи и в первую очередь вопроса соответствия брачных единиц формам семьи³.

Семейная община, так же как и моногамная семья, подразумевает определенное общественно-хозяйственное единство ее членов, основанное

¹ И. Н. Винников. Четвертое издание книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Опыт текстологического анализа); Пятьдесят лет книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», АН СССР, Л., 1936, стр. 117.

² Там же, стр. 146.

³ Подробно см. редакционные статьи журналов «Вестник Древней Истории», 1959, № 4, стр. 6; «Советская этнография», 1959, № 6, стр. 14.

на постоянном союзе мужа и жены с их потомством. Семейная община отличается от моногамной семьи в первую очередь формой собственности и составом семьи. Характерными признаками семейной общины являются общинно-семейная собственность, общее производство и потребление, а также общинная форма управления при многочисленном родственном составе, обусловленном нераздельностью братьев. Исходя из этого определения сущности семьи, можно было бы говорить о наличии к тому времени двух основных форм семьи — семейной общины и индивидуальной семьи.

Вместе с тем обращает на себя внимание характер общинно-семейной собственности, представляющей по Ф. Энгельсу переходную ступень от общинной собственности к частной. Это обстоятельство дает основание предполагать, что семейная община должна была окончательно оформиться именно на поздней ступени родового строя, ибо самостоятельную организационную форму хозяйственно-родственного объединения с общинно-семейной собственностью, все еще покоящуюся на принципе патриархально-родовых взаимоотношений, она могла приобрести лишь в процессе суживания рамок общественного объединения, вызванного новым этапом в развитии производительных сил.

Именно поэтому в одном из своих примечаний к «Капиталу» К. Маркса Ф. Энгельс писал: «...различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»¹.

Пережиточно сохранившиеся семейные общины, которые не прекращали своего спорадического существования в условиях классового общества и приобретали новые, характерные для той ступени общественно-экономического развития черты, сделались предметом специального исследования, вначале, главным образом, с точки зрения норм обычного права.

В русской литературе XIX века изучению и исследованию семейной общины, сохранившейся в рассматриваемое время, уделялось большое внимание. Одна часть исследователей видела в семейной общине в основном хозяйственный коллектив и игнорировала его родственный характер. Другая часть исследователей защищала родовую основу семейной общины².

История настоящего вопроса изучена и исследована в этнографической литературе с исчерпывающей полнотой и потому не требует к ней специального возвращения³. М. О. Косвен в работе «Семейная община (к истории вопроса)» указывает на то обстоятельство, что семейная община, ставшая предметом внимания в период 50—80-х годов прошлого века, изучалась «в качестве не только исторической, но и современной, существующей в ту пору, формы русского крестьянского быта»⁴. Указывая на то, что семейная община исчезла, не получив удовлетворительного описания в этнографической литературе, автор отмечает: «При таких условиях наиболее

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 387, прим. 50-а.

² Анализ отдельных концепций представителей этих теорий будет дан во второй части настоящей работы в связи с разбором основных вопросов грузинской семейной общины.

³ М. О. Косвен. Семейная община (к истории вопроса), Известия АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 4, Москва, 1943; его же, Семейная община (Опыт исторической характеристики). «Советская этнография», т. III, 1945.

⁴ М. О. Косвен. Семейная община (к истории вопроса), Известия АН СССР, сер. истории и философии, т. III, № 4, Москва, 1946, стр. 358.

осязаемыми и выразительными образцами большой семьи сделались и остались прежде всего югославянская задруга, ставшая классическим примером семейной общины... за ней русская большая семья и, наконец, кавказская»¹. Остановливаясь на вопросе трактовки семейной общины как крестьянской семьи, М. О. Косвен указывает, что «в этом случае большое распространение получил взгляд, на основании которого семейную общину рассматривали не как историческую родственную и общественную форму, а как форму хозяйственную, «трудовую ассоциацию» или, наконец, как род артели»². Настоящая точка зрения, получившая в специальной литературе наименование теории трудового начала, в основном грешила, как указывает М. О. Косвен, «идеализацией в народническом духе трудового начала и его якобы уравнительного действия в русских больших семьях». Рассматривая сущность этой теории, автор особо заостряет внимание на том обстоятельстве, что «статическое, экономическое и юридическое рассмотрение семейной общины совершенно снимало необходимую историческую трактовку данной общественной формы»³.

Такое одностороннее освещение фактов, исходящее в основном из теории трудового начала, не могло не отразиться отрицательно как на описании, так и на исследовании семейной общины указанного периода. Родовая тесрия, в которой в основном правильно была представлена критика теории трудового начала, также не сумела дать точного определения семейной общины, совершенно игнорируя ее хозяйственную основу.

Грузинский этнографический материал дает возможность определить характер семейной общины как хозяйственно-родственного объединения, наметить основные этапы развития и различные ее виды в зависимости от особенности хозяйственного быта, а также выявить время и условия окончательного распада ее пережиточной формы.

II

При этнографическом изучении грузинской семейной общины использованы три основных источника.

1. Этнографические описания, в которых, начиная, главным образом, со второй половины XIX века, систематически появляются указания на существование большой семьи в различных районах Грузии. Эти описания представлены в виде статей в грузинской и русской периодике, отдельных изданий, а также в виде архивных материалов, хранящихся в рукописных фондах Института Рукописей АН ГССР.

2. Исторические документы начала XVIII и XIX веков в виде специальных договоров складства — *šeqilobis čignebi* (შეყილობის წიგნები) и *gaqilobis čignebi* (გაყილობის წიგნები) — актов объединения и раздела семей, содержащих ценные сведения относительно процесса разложения грузинских семейных общин.

3. Этнографические материалы, собранные автором в экспедициях сначала ИЯИМК Груз. филиала АН СССР, а с 1941 года — Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР.

¹ М. О. Косвен. Семейная община (к истории вопроса), Известия АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 4, Москва, 1946, стр. 354.

² Там же, стр. 359.

³ Там же, стр. 360.

Факт существования в Грузии семейной общины неоднократно отмечался в этнографической литературе XIX века как местными учеными, так и посетившими Грузию путешественниками и исследователями.

Побывавший в 1843 году в Закавказье А. Гакстгаузен в своем исследовании писал: «Обыкновенно грузины живут несколько поколений в больших семействах в одном дворе»¹. Грузинский историк Пл. Иоселиани в своем «Описании города Душета» (1862), характеризуя общественное устройство жителей арагвской области, останавливается на многочисленности семьи и ее характерных чертах. «В древние времена, — пишет он, — семейства неохотно и не скоро делились. Этот обычай нераздельности домов, особенно в горных местах, был ручательством силы, могущества и богатства домашнего очага. Он и теперь соблюдается. Были дома, в которых семейство заключалось в 40 и 50 душах. Таких семейств и теперь очень много. Вот причина, объясняющая древнее вооружение арагвской области, выставившей против врагов до 15000 воинов»².

Сведения о семейных общинах у сванов в литературе появились еще раньше. В 1846 г. в газете «Кавказ» была напечатана коллективная статья Шаховского, путешествовавшего по Сванети в 1834 г., Немировича-Данченко, побывавшего там в 1839 г., и кутаисского благочинного Кутателадзе, посетившего Сванети в 1840 году. «Многие побуждения, которые объясним ниже, — пишут авторы, — заставляют сванетов жить вместе, огромными фамилиями, нераздельно и даже в одном доме»³. Д. В. Добровольский, путешествовавший по Сванети в 1863 году, указывает на численность больших семей: «В доме, или дыме, обыкновенно 12, 15 и 25 душ, выделы между братьями очень редки»⁴. А. И. Стоянов в своем «Путешествии по Сванетии», напечатанном в 1876 году, указывая на нераздельность сванской семьи, упоминает о семейных общинах, созданных путем искусственного объединения: «Сванетская семья живет вместе, в одном доме. Иногда две семьи соединяются в одну и дают взаимную присягу. Имущество становится общим. Такое соединение называется лишхвал»⁵.

Однако все эти авторы ограничиваются, как правило, лишь беглым указанием на факт существования большой семьи, не делая попыток дать ее подробное описание или исследование.

Как видно из имеющихся в литературе указаний, грузинская семейная община в свое время стала предметом исследований и Вольтазара Богишича, который, как известно, один из первых открыл богатые относящиеся к семейной общине материалы⁶. Благодаря его исследованиям задруга южных славян обратила на себя внимание юристов и этнографов как новая ступень в истории развития форм общественных учреждений и стала классическим примером семейной общины. Ознакомлению с малодоступными для широкого круга специалистов трудами В. Богишича, написанными на хорватском языке, способствовала на-

¹ А. Гакстгаузен. Закавказский край, ч. I, гл. III, СПб., 1857, стр. 68.

² Пл. Иоселиани. Описание города Душета Тифлисской губернии. «Записки Кавказского отделения русского географического общества», кн. 5, 1862, стр. 63.

³ Сванетия. Газета «Кавказ», 1846, № 43.

⁴ Д. В. Добровольский. Поездка в Сванетию. «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», 1868, № 5—6.

⁵ А. И. Стоянов. Путешествие по Сванетии. «Записки Кавказского отделения русского географического общества», кн. 10, 1876, стр. 433—437.

⁶ V. Bogišić. Zbornik sadasnjih pravnih običaja u južnih slovena. Загреб, 1874.

писанная на французском языке и переведенная на русский язык работа Ф. Демелича¹. Именно в этом труде Ф. Демелича упоминается о предпринятых В. Богишичем во второй половине XIX века поездках на Кавказ, которые, как он замечает, ввели ученого в новый мир исследований. «В 1872 году г. Богишич предпринял обширное путешествие по различным странам Кавказа, которые ему доставили весьма любопытные данные и обширные примечания для его книги. Он объехал Абхазию, Самурзакань, Грузию и Сванетию. Главная его цель состояла в том, чтобы ставить в параллель обычаи этих стран с обычаями славянскими, ибо посредством такого приема он надеялся найти ключ к некоторым загадкам обычного права своего народа. Программа служила ему основанием для этого долгого и терпеливого изучения... Он вошел как бы в новый мир. Его уму представлялись новые многочисленные вопросы. Прежняя программа не удовлетворяла его более. Он должен был ее расширить. На основании этой новой программы г. Богишич успел собрать значительное количество обычаев, которые составят предмет другого сочинения»² (подчеркнуто нами — Р. Х.). Судьба этого сочинения неизвестна, да и сами эти материалы Богишича пока еще не обнаружены.

В этнографической литературе XIX века, посвященной грузинской семейной общине, особое место принадлежит исследованиям М. М. Ковалевского, благодаря которому грузинская семейная община была введена в круг материалов, послуживших основой для установления новой ступени в истории развития форм общественных отношений. М. М. Ковалевский, занимаясь исследованием семейной общины в сравнительно-историческом аспекте, как отмечает Ф. Энгельс, «на Кавказе сам мог доказать ее существование»³. Грузинская семейная община была изучена М. Ковалевским главным образом у пшавов⁴ во время его поездки на Кавказ в 1887 году. Относительно сванской семьи у М. Ковалевского имеется лишь упоминание о том, что там жили большими нераздельными семьями⁵, что было засвидетельствовано автором в 1885 году во время его пребывания в Сванети совместно с И. И. Иванюковым⁶. Установив факт существования семейной общины, М. Ковалевский не обратил внимания на своеобразные черты семейной общины данного народа, ибо к исследованию социального строя тех народов Кавказа, которые сохраняли пережитки древнего общества, М. М. Ковалевский, как и большинство его современников, подходил лишь с точки зрения изучения общего исторического процесса с целью восстановления утраченных форм общественного развития.

Несмотря на указанные методологические особенности работы М. Ковалевского, а также неточности, допущенные им при фиксации грузин-

¹ Ф. Демелич. Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича, перев. с франц. В. Гедевича. М., 1878.

² Там же.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 60.

⁴ М. М. Ковалевский. Пшавы, этнографический очерк. «Юридический вестник», 1888, № 2; его же, Закон и обычай на Кавказе, т. II, 1890, стр. 73—74.

⁵ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, 1890, стр. 4.

⁶ И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, «Вестник Европы», 1886, № 1—2; их же, В Сванетии. «Вестник Европы», 1886, № 8—9.

ского материала, на которых мы специально остановимся в соответствующих разделах настоящей работы, заслуга М. Ковалевского в изучении данного вопроса вне всяких сомнений велика. М. М. Ковалевский теоретическими обобщениями грузинских материалов по семейной общине поднял изучение данного предмета на принципиальную высоту, чем способствовал привлечению к этой теме внимания других исследователей.

Вопрос о сущности русской общины вызвал, как известно, дискуссию по поводу ее значения в устройстве будущей общественно-экономической жизни и привлек внимание Маркса и Энгельса. Этот вопрос уже впоследствии был окончательно разрешен В. И. Лениным, вскрывшим классовую сущность русской общины.

Интерес, который был проявлен во второй половине XIX века к русской сельской общине, нашел отражение и в грузинской общественной мысли. Все это способствовало усилению интереса к изучению общинного землевладения в Грузии.

Судя по публицистической литературе, вопрос общинного землевладения привлекает внимание грузинской общественности к 70-м годам XIX века. Как установлено П. В. Гугушвили¹, одна из первых статей, посвященных данному вопросу, принадлежит Нико Николадзе («Колокол», 1865, № 199, стр. 1632—1635), который и в дальнейшем неоднократно возвращался к этой теме (Избранные произведения, I, стр. 174 и др.). В 1881 году Антон Пурцеладзе издал отдельной брошюрой статью, написанную в 1874 году под заглавием «Об общинном землевладении». В 1880 году Илья Чавчавадзе в своей статье о «Хизанском деле»² вскользь касается вопроса общинных земель, а в 1886 году он публикует отдельную статью о «Частном и общинном землевладении»³, где указывает на пережиточно сохранившуюся в то время в Грузии форму общинного землевладения и подчеркивает значение периодических переделов в урегулировании подымного (saqomlo—საკომლო) — распределения земель.

Вообще 90-е годы XIX столетия характеризуются в Грузии живым интересом к изучению различных форм общинного землевладения. В периодических изданиях печатаются передовицы, посвященные этим вопросам, а также помещаются отдельные статьи на указанную тему, затрагивающие попутно и вопросы семейной общины.

В грузинской газете «Дроэба» в 1884 году был помещен ряд статей, озаглавленных «Об общинном землевладении у нас» («საეროთი ბიჭობის მდებლობაზედ ჩვენში»). Статьи эти, за подписью «Шакро», принадлежали З. Гулисашвили, описавшему общинное землевладение в отдельных районах Кахети и Картли⁴. Этот вопрос для рассматриваемого времени был настолько актуальным, что редакция газеты «Кавказ» нашла нужным поместить в своей газете краткий перевод одной части названной статьи, сделав при этом следующее примечание: «В грузинской газете «Дроэба» появился ряд статей, озаглавленных «Общинное землевладение в Грузии». Статьи эти представляют большой интерес для всякого, занимающегося вопросом об общинном землевладении у нас, почему и позволим себе познакомиться с ними вкратце наших читателей»⁵.

¹ П. В. Г у г у ш в и л и. Общинное землевладение в Закавказье, Труды института экономики АН ГССР, т. 1, Тб., 1946, стр. 54—58 (на груз. яз.).

² И л ь я Ч а в ч а в а д з е. Полн. собр. соч., т. VI, 1956, стр. 115—130.

³ Там же, стр. 181—197.

⁴ «Дроэба», 1884, №№ 168, 263, 267, 269, 270. Ср. Захарий Гулисашвили. Рассказы и исследования (на груз. яз.), Тб., 1953.

⁵ Газета «Кавказ», 1884, № 285, Общинное землевладение в Грузии.

В первой статье говорится относительно кизикцев, жителей одного из районов Кахети. Сохранность семейной общины в Кизики, по мнению автора, объясняется существованием у них общинного землевладения. Сама семейная община, по определению автора, представляет основанную на трудовом начале артель, состоящую из объединения восьми, девяти братьев. Здесь автор указывает на основной принцип организации труда внутри этих больших семей (один брат занимался овцеводством, другой — уходом за крупным рогатым скотом, третий свиноводством, четвертый земледелием, пятый домашними работами и виноградарством). Семья эта имела своего «старшего человека», защищавшего на общих сходах интересы большой семьи и принимавшего участие при разрешении общих сельских вопросов. Невестки, занятые в основном делами по дому, устанавливали в отдельных случаях очередность. В общей сложности такая семья состояла из 60 душ, участвующих в трудовой жизни семьи как в доме, так и на поле. Перечисляя в отдельности эти семейные общины, автор указывает на то обстоятельство, что такие семьи отличаются своей состоятельностью и каждая из них платит в год 300 рублей, покрывая тем самым большую часть общей подати, распределяемой сельским сходом подымно.

Вопрос об имущественном состоянии семейной общины авторами конца XIX столетия выдвигается на первый план. При делении крестьянских семей на наиболее состоятельные — *tavqasi* (თავკაცი — буквально главные), средней состоятельности — *şuaqasi* (შუაკაცი) и наименее состоятельные — *bolokasi* (ბოლოკაცი) семейные общины относились обычно к первой категории. По степени обложения, соответствующей имущественному состоянию семьи, население делилось тоже на три категории, обозначаемые специальными терминами: в одну меру — *litrisqasi* (ლიტრისკაცი), в полмеры — *pahevari litris* (ნახევარი ლიტრის) и в треть меры — *mesamedi litrisa* (მესამედი ლიტრისა) или *şageki* (წარეკი); разделы общинных земель происходили соответственно установленным по этому принципу категориям. Поэтому наименее состоятельные — *bolokasi* (ბოლოკაცი) — получали одну меру земли, семьи средней состоятельности — *şuaqasi* (შუაკაცი) — две меры, а самые состоятельные — *tavqasi* (თავკაცი) — три меры земли¹.

Сведения эти, связанные как с системой крестьянских наделов, так и земельных переделов, содержатся также в статьях З. Биланишвили, посвященных вопросам общинного землевладения в Иорском ущелье и напечатанных в газете «Дрозба»² незадолго до появления исследований З. Гулисашвили. Названные статьи касаются существовавших в Иорском ущелье двух видов землеустройства: в одном случае подворного пользования землей, в другом — общинного пользования сельскими землями с существовавшими внутри общины периодическими переделами. В примечании редакции газеты «Кавказ», которая поместила у себя перевод статей З. Биланишвили, указывалось, что «в 51 и 52 №№ газеты «Дрозба» напечатана статья З. Б—швили, трактующая о землевладении в Иорском ущелье. Несмотря на то, что статья эта отличается некоторой отрывочностью, вопрос, затрагиваемый ею, настолько интересен и нов в нашей литературе,

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тифлиского уезда, «Материалы для изучения экономич. быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, 1887, стр. 198.

² «Дрозба», 1884, №№ 51, 52. «Землевладение у нас». Корреспонденция из Иорского ущелья (на груз. яз.).

что мы сочли не лишним познакомить с нею читателей «Кавказа»¹. Оба автора указанных статей склонны видеть общественную пользу семейной общины в ее материальных возможностях. Практикуемый принцип переделов общинных земель, как это было видно из приведенного выше описания, способствовал в известной мере сохранению состоятельности семейных общин. Относясь к категории *liḡis ḡasī* (ლიḡის ḡასი) и выплачивая соответственно своему положению большую часть налога, семейные общины, по сравнению с малыми семьями, получали землю в тройном размере.

Во второй половине XIX века на страницах грузинской прессы систематически печатались статьи, в которых указывалось на значение семейных общин для экономического благополучия крестьянства². В этом отношении не лишены интереса официальные данные 80-х годов XIX столетия относительно искусственных ограничений большесемейных разделов³.

Практическая заинтересованность крестьян в сохранении семейных общин как основных податных единиц особо подчеркивалась авторами статей, посвященных характеристике и значению грузинской семейной общины конца XIX века.

В этом отношении заслуживает особого внимания статья Иосифа Цискарашвили, писавшего под псевдонимом И. Кахели. В этой статье автор дает подробное и содержательное описание кизикской семейной общины с. Земо-Мачхаани Сигнахского района⁴. Описывая семейную общину Гогишвили, состоящую из 56 душ, Цискарашвили замечает, что двор семейной общины Гогишвили, в котором расположено двенадцать каменных домов, по своему общему виду похож скорее на целый квартал, чем на одну нераздельную семью. Семейная община Гогишвили насчитывала внутри себя 25 душ работников обою пола, занятых как в земледелии, так и в молочном хозяйстве, в овцеводстве, свиноводстве и т. д. ...Семья эта имела два «гутнеули» — две полных упряжки, т. е. 16 пар волов, кроме

¹ З. Биланишвили. Землевладение в Иорском ущелье, «Кавказ», 1884, № 62. Передовица газеты «Дрозба» в свою очередь также отмечала большое значение того вопроса, которому посвящались статьи З. Биланишвили. На основании сохранившейся общинной формы землевладения, характерной черты русской общины, говорится в этой статье, вопрос этот современными исследователями увязывается с практическими целями устройства общественного благополучия. Поэтому изучение сохранившейся в Иорском ущелье формы общинного землевладения приобретает особое значение. («Дрозба», 1884, № 162, на груз. яз.).

² См. «Дрозба», 1883, № 127. «Относительно разделов семейных общин» (на груз. яз.).

³ См. Н. К. Никифоров. Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, ч. II, 1887, стр. 24—25.

«Вопрос о семейных разделах, — пишет Н. К. Никифоров, — за последнее время обратил на себя особое внимание печати и земства. В правительственных сферах выработан уже, по газетным известиям, законопроект, по которому семейные разделы в среде крестьян будут впредь допускаемы лишь при безусловном согласии не только главы семейства, но также сельского схода и с утверждения начальника губернии. Исследование экономического быта недавно разделившихся семейств Душетского уезда вполне доказало необходимость какого-либо регламентирования семейных разделов у крестьян, так как разделы эти, видимо, вредно отражаются на общем строе крестьянской жизни».

⁴ И. Кахели. Корреспонденция из Кахети, газ. «Иверна», 1887, № 21 (на груз. яз.).

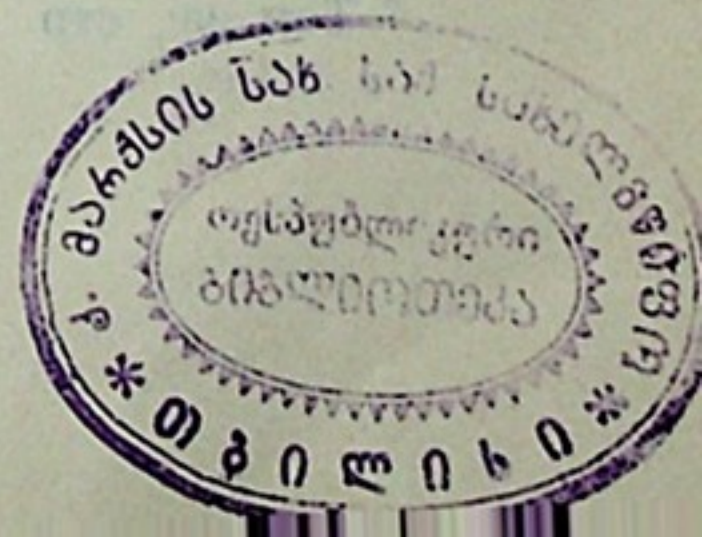
того, более пяти тысяч баранов, до 600 голов коров, 200 лошадей, 300 сви-ней и т. д. «Каковы результаты такого объединенного труда, — пишет автор, — на это указывает само количество одного только зернового урожая, равняющегося 60 арбам пшеницы, 50 арбам ячменя, 80 арбам ржи и 30 арбам кукурузы, собираемой с полей семьи Гогишвили... А кроме того, они имели большое количество шерсти, сыра, масла, о чем свидетельствует названное поголовие скота...» Автор отмечает гостеприимство этой семьи и сообщает, что взаимоотношения внутри семьи были основаны на общем согласии и взаимном уважении. И. Цискарашвили стремился показать, что благосостояние описываемой им семьи основано именно на ее нераздельности и что раздел семейной общины представляет собой отрицательное явление как с точки зрения интересов отдельной семьи, так и всего села в целом. Как и большинство его современников, касавшихся настоящего вопроса, И. Цискарашвили считал особым преимуществом всего сельского общества наличие в селе большого числа нераздельных семейных общин, облегчающих выполнение податных обязательств. Считая семейные разделы основным бичом крестьянства, И. Цискарашвили положительно относится к мероприятиям, могущим способствовать сохранению больших семей, в частности к таким, как вмешательство сельских сходов в вопросы раздела семейных общин и др. В целом статья И. Цискарашвили, содержащая ценный этнографический материал по семейной общине, публицистического характера; она имела целью доказать экономическое преимущество семейной общины перед малыми семьями.

С именем Н. Хизанашвили (Урбнели)¹ в грузинской этнографии связано изучение пережитков родовой ступени развития общества грузинского народа. Существование пережитков родового быта у горцев Восточной Грузии во второй половине XIX века было отмечено Н. Хизанашвили до появления работ М. Ковалевского². Этнографические работы Хизанашвили, насыщенные богатым конкретным материалом о горцах Восточной Грузии, содержат ценнейшие сведения как для изучения древних социальных отношений, так и для изучения древних религиозных верований грузин. В статье Н. Хизанашвили «Древняя грузинская семья»³ использованы как общие данные из области этнографии и социологии, так и грузинские исторические документы. Разбирая взгляды представителей эволюционной школы относительно развития форм семьи, Н. Хизанашвили приводит отдельные сведения древних писателей о народах Кавказа и Передней Азии, свидетельствующие о существовании у них в прошлом древних форм семьи. Автор не останавливается специально на описании грузинской семейной общины, но указывает на ее существование в связи с разбором отдельных юридических установлений в области грузинского гражданского права XI—XVIII веков. Так, права старшего брата при разделе семейного имущества, о которых говорится в законах царя Вахтанга, а также частично в законах Баграта IV Курапалата, отражали характерную сторону уклада древней грузинской семьи, в которой строго соблюдалось деление «на старших и младших». Необходимость такого деления Н. Хизанашвили объясняет главным образом тем, что древняя гру-

¹ Н. Хизанашвили (Урбнели). Статьи по этнографии. «Материалы по этнографии Грузии». Вып. II, Тб., 1940 (на груз. яз.).

² Г. С. Читай. Предисловие к названным статьям Н. Хизанашвили, стр. XIV.

³ Н. Хизанашвили. (Урбнели). Статьи по этнографии, «Материалы по этнографии Грузии». Вып. II, Тб., 1940 (на груз. яз.), стр. 155—170. Указанная статья перепечатана из газеты «Дроба», 1885, № 2.

зинская семья была многочисленна и вследствие этого требовала соблюдения в ней иерархических отношений, подчинения одного члена другому. Имя Н. Хизанашвили, как исследователя грузинской этнографии второй половины XIX века, настолько авторитетно, что, несмотря на отсутствие у него конкретного описания, а также соответствующего указания на источник его выводов о многочисленности грузинской семьи и существовавшего в ней порядка деления по поколениям, отмеченный им факт имеет важное значение и при изучении грузинской семейной общины должен быть учтен.

Работа «Семейная община у грузин», принадлежащая перу Н. Л. Абазадзе¹, является описанием картлийской семейной общины, в частности, как указывает сам автор, семейной общины Горийского уезда. Статья эта относится к тем ранним трудам по грузинской семейной общине, которым предшествовала вышеназванная статья о кахетинской семейной общине И. Цискарашвили (Кахели)². К этому же времени относится и описание пшавской семейной общины М. М. Ковалевского³.

Касаясь в своей статье отдельных вопросов семейной общины и используя при этом различный материал, Н. Л. Абазадзе не ставит своей целью дать полное описание жизни одной или нескольких конкретных семейных общин. Особое внимание автор уделяет вопросу родственного состава семейной общины, различным обычаям, в частности усыновлению. Описывая общий вид, а также планировку и внутреннее распределение жилого помещения семейной общины, автор останавливается на описании *darbazi* (ძარბაზი), в котором располагалась вся семейная община. При установлении причин существования одного общего помещения для большого числа членов семьи Абазадзе приводит оригинальное объяснение, основанное на показаниях самих сказителей, указывающих, «что этим устраняется возможность утайки общего добра, что жизнь на виду у всех предупреждает раздоры между отдельными членами семьи, сплетни и лень»⁴.

Н. Л. Абазадзе далее правильно была замечена допущенная М. М. Ковалевским неточность при описании порядка назначения в пшавской семейной общине старшей женщины, согласно которому, по Ковалевскому, якобы «главенство предоставляется ежегодно одной из невесток»⁵. В действительности, как это показал Н. Абазадзе, имел место обычай годичной очередности в выполнении хозяйственных обязанностей невестками, назначаемыми самой хозяйкой — *diasaxlisi* (დიასახლისი)⁶. Наши конкретные данные о пшавской семейной общине полностью подтверждают эти соображения Абазадзе. Настоящего вопроса мы подробно коснемся в специальной части, посвященной пшавской семейной общине. С выводами по ряду других вопросов, которых касается Н. Л. Абазадзе, напротив, трудно согласиться. Так, например, в связи с вопросами управления семейной общиной Н. Л. Абазадзе пишет: «В грузинской семейной общине главою может быть выбран и парень, помимо отца семейства, в «упроси кали» дома может быть выбрана девушка, помимо старухи матери»⁷. Несмотря на

¹ Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин, «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 13.

² Газ. «Ивериа», 1887, № 21.

³ «Юридический вестник», 1888, № 2.

⁴ Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 15.

⁵ По поводу внесенного Н. Абазадзе исправления в работу М. Ковалевского см. М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. «Советская Этнография», 1946, № 2, стр. 113, 115.

⁶ А. Л. Абазадзе, назв. раб., стр. 17—18.

⁷ Там же, стр. 16—17.

то, что возраст члена семьи действительно не являлся единственным требованием при избрании старшего, существовавшее в грузинских семейных общинах деление по поколениям, как будет видно из соответствующих глав настоящей работы, имело решающее значение, и поэтому парень и девушка не могли быть избраны руководителями семьи.

Интересные материалы приводит Н. Л. Абазадзе по вопросу о типе расселения. «Деревни, в которых живут только однофамильцы... как показывает и название их к а р и (двор) или у б а н и, — пишет автор, — образовались из распавшихся больших грузинских семей»¹. Конкретные данные, собранные нами в Картли относительно разделов и расселений вновь выделившихся семей, выявляют древний порядок образования кварталов по моногенному принципу, подтверждая правильность выводов Н. Л. Абазадзе.

Объясняя как возникновение картлийской семейной общины, так и ее длительное существование в основном хозяйственными особенностями края, Н. Л. Абазадзе указывает на существующую там практику пахания, требующую 8 пар буйволов и быков и по крайней мере 4 рабочих, что и определяло значение семейной общины у картлийцев на поздней ступени ее существования «Возникновение семейных общин у грузин, — пишет автор, — как и происхождение всех вообще однохарактерных с данным видом сожителства агнатов, можно объяснить как, с одной стороны, религиозным представлением грузин о необходимости поддержания религиозного культа (почитания предков), так, с другой, — теми экономическими условиями, среди которых приходится жить грузину. Занимая удобные места для земледелия и виноделия, жители Грузии издавна занимаются этими видами промышленности. Глубокий и жирный чернозем страны с его своеобразною оранкою требует, однако же, много рабочих рук и скота. Чтобы обработать землю, земледelec составляет гутани (плуг с многоголовой упряжкой) из 8 пар буйволов и быков и по крайней мере 4 рабочих, и только с такими силами он может вспахать землю. А сколько труда и усилий при дальнейшем ее возделывании! Не мало рабочих рук и времени требует и возделывание виноградника»².

После описания особенностей хозяйственно-производственного быта картлийцев автор заключает, что «благодаря такого рода занятиям семейная община грузин нашла твердую почву для прочного и незыблемого существования»³.

Далее Н. Л. Абазадзе подробно излагает экономические преимущества картлийской семейной общины перед малой семьей: «...большая грузинская семья пользуется большим достатком, чем уже обособившиеся малые семьи. Первая часто имеет свои собственные поземельные владения, притом в достаточном количестве, несколько пар буйволов и быков, коров и лошадей, стадо баранов и свиней, тогда как малая семья обыкновенно живет на псмещичьих, казенных или церковных землях, которые обрабатываются соединенными силами нескольких простых семей. Г у т а н и (плуг) не может сложить одна простая семья на свои средства, поэтому для составления его приходится прибегать к артели, в которой участвуют несколько простых семей: кто личным трудом, выставя работника, кто предоставлением скота и орудий, необходимых для «гутани», и т. п., за что «гутани» обязан пахать земли каждой семьи пропорционально вложен-

¹ Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 13.

² Там же, стр. 19.

³ Там же.

ному его труду или ценности выставленного его для «гутани» орудия. Часто один «гутани» складывается средствами и усилиями целой деревни. Большой семье редко когда приходится прибегать к такому артельному началу, так как она обыкновенно имеет свой собственный плуг и иногда даже не один, а два»¹. (Подчеркнуто нами — Р. Х.)

Вопроса взаимоотношений между семейной общиной и малой семьей, равно как и вопроса дифференциации крестьянства, Н. Л. Абазадзе не касается. Факт сравнительной зажиточности семейной общины автором был использован именно для того, чтобы показать хозяйственное преимущество семейной общины, обосновав тем самым ее общественное значение не только в прошлом, но и при современных для него условиях. «Решительное благосостояние больших грузинских семей сравнительно с малыми, замечаемое в Карталинии, — пишет Абазадзе, — заставляет заключить, что такая организация хозяйства, где только она еще возможна, и теперь благодетельна для крестьян, не говоря уже о прошедшем, когда семьи с таким стрсем, по уверению стариков, положительно благоденствовали»².

Для того чтобы придать больше убедительности обоснованию своего главного положения, а именно доказательству того, что семейная община как в настоящем, так и в прошлом была обусловлена хозяйственными особенностями страны, Н. Абазадзе приводит уже не раз использованную и другими авторами историческую справку о том, что грузинское законодательство препятствовало дроблению семьи. «Статья 98-я законов царя Вахтанга, — пишет Н. Л. Абазадзе, — прямо говорит, что царь или господин всеми мерами должен всячески стараться посредством увещания старших, угроз младшим или наказания посевающим между ними раздор умиротворить их и отклонить от раздела»³. И далее: «Крестьяне и теперь сознают выгоду такой семьи: по их мнению, чем больше в доме, тем он считается счастливее, так как в нем можно найти обеспеченную и безмятежную жизнь. Отсюда естественно, что грузины по тем же признакам, как и пшавы, смотрят на разделы недружелюбно: по их понятиям семья от них необходимо должна прийти в упадок»⁴.

Явно идеализируя внутренний уклад семейной общины, Н. Л. Абазадзе считает, что она является единственно целесообразной формой семьи для картлийцев в XIX веке.

Девятнадцатый век автор считает новым периодом в развитии истории грузинской семейной общины, когда трудовое начало начинает вступать в свои права. «Таким образом семейную общину грузин, — пишет Н. Л. Абазадзе, — мы застаем теперь в том периоде ее существования, когда с чисто патриархальными, родовыми началами столкнулось экономическое, трудовое начало. Последнее, как более отвечающее духу времени, естественно, вступило в свои права». (Подчеркнуто нами — Р. Х.)

¹ Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 28.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 19—20.

⁴ Там же, стр. 27. В приведенной цитате Н. Л. Абазадзе при упоминании грузин и пшавов допущена неточность: под грузинами, в данном случае, надо понимать картлийцев.

Несмотря на то, что точка зрения Н. Абазадзе относительно значения экономического преимущества для сохранности грузинской семейной общины XIX века правильна, автором неверно освещается вопрос о трудовом начале и, в частности, неправильна данная здесь по этому поводу формулировка. «Подтверждением той мысли, — пишет Н. Л. Абазадзе, — что в современной общине грузин ярко и рельефно выступает трудовое начало, может отчасти служить, во-первых, то, что при дележе каждому члену предоставляется имущество пропорционально интенсивности его участия в общей семейной наживе, во-вторых, то обстоятельство, что нерадение и равнодушие одного члена к общему делу является поводом распада большой семьи»¹. В этой части исследования Н. Л. Абазадзе сказывается некоторая односторонность, вызванная идеализацией трудового начала в грузинской семейной общине. В действительности при разделе семейной общины картлийцев существовал порядок, согласно которому учитывались как родовые начала, так и момент трудового участия каждого из членов семьи. Все наследственное имущество делилось только по братьям, и в этом случае никакие другие права, кроме родовых, во внимание не принимались; благоприобретенное же имущество действительно делилось по числу членов, участвующих в общей трудовой жизни семьи. Таким образом, было бы неправильно признавать за членами картлийской семейной общины даже последнего времени лишь только права, основанные на трудовых взаимоотношениях.

Настоящий вопрос имеет принципиальное значение при определении характера семейной общины, поэтому он будет специально рассмотрен в соответствующей части настоящей работы.

Большой и ценнейший материал по сванскому быту содержат исследования Бесариона Нижарадзе.

Бесарион Нижарадзе (известный под псевдонимами «Тависупали Свани», «Бесарион Свани», «Свани» и др...), будучи сваном, хорошо был знаком с бытом и культурой своего народа; труды его, насыщенные надежным фактическим материалом, имеют большое значение для изучения этнографии сванов.

Одно из центральных мест в его работах занимает описание сванского обычного права, которому посвящен ряд статей автора². Изучением сванской семейной общины Б. Нижарадзе специально не занимался, однако касался этого вопроса с точки зрения имущественно-правовых взаимоотношений членов семьи, останавливаясь при этом особо на правах и обязанностях женщины, на практике развода супругов, двсеженства, брака вдовы с деверем и других. Каждое из этих явлений автор считает порождением современного быта, а отнюдь не пережитком. Так, например, брак деверя с невесткой он объясняет фактом существования в то время в Сванети меньшего по сравнению с мужчинами числа женщин (установленного статистическими данными), а двсеженство — бездетностью женщин.

Указывая на многочисленность сванской семьи, Б. Нижарадзе касается и вопроса ее сохранности. Не вдаваясь в данном случае в исследование конкретных условий, способствовавших сохранению семейной общины у сванов, автор полностью разделяет объяснения самих местных жителей. Основной причиной сохранения семейной общины, пишет Б. Нижарадзе, является то обстоятельство, что сваны не любят разделов. «При разделе

¹ Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 27.

² Тависупали Свани. Обычное право в Сванети, газ. «Ивериа», 1886, №№ 27, 49, 55, 62, 72, 73 (на груз. яз.).

семьи очаг заливается водой, т. е. гаснет семья, — так говорят сваны», — пишет автор. Приведенное автором фигуральное выражение хотя и не объясняет причин существования семейной общины во второй половине XIX века, к которому относятся описания Б. Нижарадзе, однако хорошо определяет существовавшее тогда в самом народе отношение к семейной общине, раздел которой считался для сванов большим несчастьем. При описании различных сторон жизни сванов Б. Нижарадзе, как один из представителей местной интеллигенции, старался в своих статьях заострить внимание на необходимости при введении новых законов учитывать особенности коренившихся в стране обычаев.

Итак, основной целью работ вышеприведенных авторов, как правило идеализирующих внутреннюю структуру семейной общины, являлось доказать экономически важное значение семейной общины и необходимость ее сохранения в интересах благоустройства крестьянской жизни.

Эта точка зрения в известной мере перекликалась со взглядами русских народников, нашедшими отражение в грузинской общественной мысли 70—80-х годов XIX столетия.

В грузинской прессе XIX столетия нашли свое отражение и диаметрально противоположные взгляды. Носители этих взглядов, являясь представителями буржуазного либерализма, увязывали вопрос образования малых индивидуальных семей с вопросом «свободы личности» и решительно высказывались против всяких искусственных ограничений разделов семейных общин.

Так, например, грузинская газета «Шрома»¹ в 1883 году в одной из передовых статей отмечала, что с начала восьмидесятых годов усилились, особенно в равнинной части Грузии, разделы между братьями, а также между отцом и сыновьями. Характеризуя ранее существовавшие порядки семейной общины, автор отмечает, что семья делилась в редких случаях. Часты были случаи, когда в крестьянских семьях за стол садилось от десяти до пятнадцати одних работников-мужчин. В случае возникновения между членами семьи недоразумений в дело вмешивались близкие люди, стараясь уладить дело миром, предотвращая таким образом разделы между братьями, а также между отцом и сыновьями.

Ссылаясь на законы царя Вахтанга, автор указывает далее, что семейные разделы в старое время не одобрялись и официальными кодексами, поэтому поверенные лица должны были принимать все меры для сохранения семейного единства.

Автор статьи не анализирует причин и обстоятельств, обуславливающих существование семейных общин в более позднее время, и ограничивается лишь указанием на препятствия, осложняющие разделы семейных общин. В феодальной Грузии, по указанию автора, желающая разделиться семейная община должна была выплатить определенное вознаграждение для получения права на раздел, а также принять обязательство по отношению ко всем выделившимся семьям в том, что будет нести все необходимые отработки. С отменой крепостного права, по свидетельству автора, разделы семейных общин участились, так как все указанные виды оброка были упразднены.

Поддерживая существовавшее в народе стремление к разделам семейных общин и придавая статье, в этой ее части, уже полемический характер, автор старается доказать, что в данном случае принцип «свободы личности» является основным стимулом семейных разделов. В статье высказы-

¹ Газета «Шрома», 1883, 15 февраля, № 7.

вается далее благосклонное отношение к семейным разделам и отрицается необходимость искусственных препятствий выделам. Такова, в основном, цель автора разбираемой статьи, обвиняющего сторонников семейной общины в ее идеализации и не замечающего при этом своих идеалистических позиций, с которых он старается защитить преимущество малой семьи по сравнению с семейной общиной.

В действительности защищаемая автором точка зрения явилась отражением известной дискуссии, возникшей в Грузии в связи с переводом на грузинский язык выдержек из работы «К критике политической экономии» К. Маркса в статье Г. Маиашвили (Зданович), опубликованной в №№ 7 и 8 «Иверии» за 1882 год. Опираясь на высказывания К. Маркса, определяющие материалистическое понимание истории, Маиашвили резко критикует тех историков, которые, ограничивая свои интересы рамками политической истории Грузии, не обращают внимания на экономическую историю, не видят в ней основы правильного понимания всей истории народа, обходят молчанием вопросы хозяйственного и юридического быта, вопросы семейной жизни¹.

В дискуссии, продолжавшейся на протяжении ряда лет, принимали участие такие видные представители грузинской общественной мысли, как Хизанашвили (Урбнели), Джабадари, Чрелашвили, Мчедлидзе (под псевдонимом Бослевели) и др.

Часть интеллигенции разделяла взгляды Г. Маиашвили и тем самым значительно способствовала дальнейшей популяризации учения Маркса; другая часть грузинской интеллигенции вступила, напротив, в полемику с Г. Маиашвили. Одним из очагов этой оппозиции явилась газета «Шрома», издаваемая в Кутаиси. Сотрудник этой газеты Е. Мчедлидзе (Бослевели) в своей статье считает необходимым для улучшения экономического благосостояния народа привести в движение «политические рычаги», «обеспечить свободу личности человеку», чтобы он мог воспользоваться плодами своих трудов.

Вышеуказанная передовица газеты «Шрома», автора которой, к сожалению, не удалось установить, является выражением тех же тенденций².

Определяя причины образования индивидуальной семьи, эту же мысль, в основном, развивает в своей работе и А. Аргутинский.

Ценные сведения о существовании у имеретин больших нераздельных семей в первой половине XIX века содержит работа А. Аргутинского³. Недостатком работы следует считать отсутствие в ней конкретных данных об особенностях имеретинской семейной общины. Даже в тех случаях, когда автор останавливается более или менее подробно на порядке семейных разделов, он дает только отдельные обобщения, лишенные конкретных фактов. В своем исследовании автор руководствовался только актами посемейных разделов, останавливаясь главным образом на обычае выделения медиаторов, на разделении имущества между братьями и на вопросе приданого девушек.

¹ П. В. Г у г у ш в и л и. К. Маркс в грузинской публицистике и общественности, Тб., 1952, стр. 39 (на груз. яз.).

² Газета «Шрома» выходила в г. Кутаиси и являлась органом социал-демократов. Редактором газеты был Д. С. Месхи; в газете сотрудничали Г. Гелесиани, Сил. Хундадзе, Р. Джибладзе (Джибила) и др. См. «Грузинская периодика», Тб., 1947, стр. 32 (на груз. яз.). Издавалась 1908 г., отличалась от «Шрома» 1883 г.

³ А. А р г у т и н с к и й. Семейные разделы у имеретин, «Новое Обозрение», Тб., 1893, №№ 3174, 3175.

Семейную общину А. Аргутинский называет сильной семьей, подчеркивая тем самым ее экономическое преимущество перед малой семьей. При характеристике большой семьи автор особое внимание обращает на патриархальный строй семейной общины, на строгое соблюдение в ней возрастного деления с якобы «неограниченным распорядителем всех начинаний во главе».

Характеризуя имеретинскую семейную общину, основанную на натуральном хозяйстве, автор специально останавливается и на развитии в крае новых отраслей промышленности, как на «новых источниках для заработков, открывших возможность находить для местного населения пропитание за пределами семейного хозяйства». Развитие новых отраслей хозяйственной деятельности имеретин внесло существенное изменение в характер имеретинской семейной общины описываемого периода. Однако в настоящей статье этот факт рассматривается только как один и отнюдь не главный фактор в развитии форм семьи. Главной причиной разложения семейной общины у имеретин автор считает стремление к осуществлению идеи «свободы личности». «Новые условия, — пишет А. Аргутинский, — с одной стороны, пошатнули прежнее натуральное хозяйство больших семей путем конкуренции более производительного машинного труда с малопродуктивным ручным, с другой, — подняли значение личности, уже не желающей мириться с прежним бесправием, и дали ей возможность найти приложение своему труду и вне дома». Положив в основу своих суждений идею «свободы личности», автор не обратил соответствующего внимания на непосредственное значение для развития имеретинской семейной общины новой отрасли промышленности (марганец), привлекавшей значительную часть местного населения. Как свидетельствуют этнографические данные, во второй половине XIX столетия имеретинская семейная община включала в свой состав членов, постоянно участвующих в промышленности, индивидуальный заработок которых употреблялся все еще на общие нужды семьи. Новая форма индивидуального труда здесь противопоставляется основному коллективному труду семейной общины. Значение индивидуального труда, пробившего брешь в коллективной форме труда семейной общины, является специальным вопросом, который может быть рассмотрен на примере имеретинской семейной общины. Анализ конкретного материала дает возможность, с одной стороны, проследить факторы, способствующие сохранению семейной общины в условиях нарастающего капитализма, с другой стороны — определить конкретное значение отходничества в разложении семейной общины.

Отходничество всегда подразумевало развитие индивидуального труда, кардинальным образом отличного от семейно-коллективной формы труда. Потребление семейной общины все еще продолжало носить коллективный характер. Возникшие противоречия между индивидуальным и коллективным трудом, равно как и между индивидуальным трудом и коллективным потреблением, неизбежно должны были привести и действительно привели к распаду семейной общины.

Не связывая вопроса разложения семейной общины непосредственно с формой труда, Аргутинский, как отмечалось, дал этому факту чисто идеалистическое объяснение, рассматривая вовлечение отдельных членов семьи в промышленность и образование малых — индивидуальных семей главным образом как средство для осуществления идеи «свободы личности».

В литературе второй половины XIX века, посвященной вопросам социально-экономических отношений в Грузии, особое место занимают ис-

следования М. В. Мачабели, в которых дается также частичная характеристика и грузинской семейной общины. В печатных трудах автора основное место уделено пшавской семейной общине, сведения о которой автором собраны как в Арагвской Пшави, так и среди пшавов Иорского ущелья.

При характеристике пшавской семейной общины автор останавливается на вопросах численности пшавской семьи, на общинном характере управления семейной общиной, но, говоря о ежегодном избрании «старшей женщины» в пшавской семье, допускает ошибку. Последнее утверждение М. Мачабели не соответствует, как это ни странно, конкретным описаниям, оставленным автором в его личном архиве.

Касаясь имущественно-правовых отношений членов семьи, М. Мачабели обращает особое внимание на существование личного капитала женщины — *satavno* (სათავნო) и, наконец, дает описание системы посемейных разделов¹.

При характеристике экономического быта грузинского населения Тифлисской губернии М. В. Мачабели более подробно описывает село Диди Лило, принадлежавшее некогда самим Мачабели. Материал, собранный автором в Диди Лило, в печатной его работе использован только частично — при характеристике земельных переделов и возникших на этой почве неурядиц между бедными и богатыми дымами. М. Мачабели подробно описывает причину, создающую конфликт при распределении общинных участков земли по способу их «захвата». Отмечая характерную в этом случае сторону указанного порядка, автор пишет: «Обыкновенно богатые крестьяне, имеющие возможность во всякое время явиться со своими плугами, запахивают лучшие участки из этих общественных земель; пока бедному придет очередь воспользоваться товарищеским плугом, все лучшие земли оказываются уже занятыми, и ему ничего не остается делать, как начать пахать вдали от селения и на худшем месте»². По данной М. В. Мачабели более подробной характеристике экономического быта селения Диди Лило (находящейся в его архивном материале), явствует, что в вышеназванных случаях имели место несогласия именно между представителями семейных общин и индивидуальных семей.

Особенно ценным в его архивных материалах следует считать описание семейной общины села Диди Лило³. Благодаря конкретным описаниям автора можно составить представление об общественных взаимоотношениях, установившихся в XIX веке между семейными общинами и индивидуальными семьями внутри сел одного из тех районов Грузии, население которых к этому времени уже давно встало на путь капиталистического развития.

По описанию М. В. Мачабели, находившиеся в Диди Лило семьи резко отличались друг от друга по своему численному составу: здесь были как малочисленные, так и многочисленные семьи, насчитывавшие до 80 душ,

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда Тифлисской губ. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 398—402.

² Там же, стр. 193—198.

³ Архив М. В. М а ч а б е л и. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, (на груз. яз.).

размер которых зависел от их естественного размножения и неделимости семьи¹.

По характеру отдельных семей, как описывает автор, все селение делилось на *oḡaxiṣṣviloḡa* (ოჯახის შვილობა) и *komloḡa* (კომლობა). Первые представляли собой многочисленные зажиточные семейства, при этом настолько древние, что предания о первоначальном их образовании истомками были уже утрачены², вторые же были малочисленны и по своим средствам значительно уступали первым. Семейная община *Т и н а ш в и л и*, на характеристике которой подробно останавливается автор, являлась одной из тех многочисленных семей — *о д ж а х и с ш в и л о б а*, в которой было более шестидесяти душ и которая владела большой площадью пахотной земли, доходящей в общей сложности до 200 *duigi* (დღიური — дней пахания), и двумя или тремя полными, восьмипарными упряжками плуга³.

Неравномерное распределение общинных земель, а также неравенство во владении другими средствами производства между *оджахисшвилоба* и *комлоба* представляло одну из существенных сторон их экономического неравенства. Право на находящиеся в семейном пользовании общинные земли, как указывает автор, стало со временем наследственным. Но при этом сельская община все еще считалась номинальным собственником земли и продолжала обсуждать вопросы возможных земельных переделов. Из описанных М. В. Мачабели сельских сходов, на которых ставились обычно на обсуждение вопросы земельных переделов, явствуют те разногласия, которые существовали между представителями семейных общин и малых семей. Требования о переделах земли обычно выставлялись представителями малых семей. Представители же больших семей, напротив, резко возражали против переделов и, имея на своей стороне большую силу, добивались чаще всего их отмены⁴.

¹ Приводим в подлиннике выдержку из вышеназванного источника: «ლილოს კომლები ერთიანეორისაგან ძალიან განირჩევიან თავისი წევრების რიცხვით: კომლში კომლის წევრების რიცხვი მოყოლებული ერთი სულიდამ, სამოც, ოთხმოც სულამდინ აღწევს ხოლმე. ეს რიცხვი დამოკიდებული არის ბუნებით გამრავლებაზე და კომლის გაუყრელობაზე».

² Термин *о д ж а х и с ш в и л и* для обозначения зажиточной семейной общины у кизикцев (кахетинцев) употребляет также и А. И. Аргутинский, который пишет: «Внутренняя обстановка домов самая разнообразная. Вообще же хозяева со средним достатком живут, в смысле удовлетворения своих потребностей, значительно лучше, чем зажиточные. Последние (*о д ж а х и с ш в и л и*) живут, обыкновенно, большими семьями в 20—30 душ, а в одном селении встретили в 48 душ». Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлисской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, Т., 1886, стр. 191.

³ «ოჯახისშვილები ჩამომავლობით ძალიან ადრინდელი კომლობა არიან ისე, რომ როდის დაიწყო ამ კომლობამ ცხოვრება თითქმის არავინ იცის და თითონ ოჯახშიაც ამაზე არა იციანრა. ჩვენ სოფელში ოჯახისშვილების გვარებს შეადგენენ შემდეგი გვარები: თინაშვილი, გაბათაშვილის ორი კომლობა, ყორონაშვილი, ოქროაშვილი, გურჯაშვილი და კიდევ ორი თუ სამი კომლობა, რომლის გვარი დამავიწყდა. თითო ოჯახს უჭირამს საზიარო მიწის კარგა დიდი ნაწილი. მე აგიწერთ თინაშვილის ოჯახის ყოფა ცხოვრებას, როგორც ტიპს ოჯახისშვილებისას. თინაშვილი შეადგენს მეორე გვარს სოფელში, როგორც ს ი მ დ ი დ რ ი თ ი ს ე ოჯახისშვილობის რიცხვით. მგონი, სამოც სულზე მეტია მიხა თინაშვილის ოჯახში. ამ ოჯახს 200 დღიურამდინ უჭირამს მიწა». (Подчеркнуто нами. — Р. X.)

⁴ В подлиннике сказано: «სოფლის საზიარო მიწა განაწილებულია კომლებს შუა (შენიშვნა: როდის განაწილდა მიწა, ან როგორ განაწილდა ეგ არავინ იცის). აქამდისინ სოფლის კომლს საზიარო მიწის ნაწილი მემკვიდრე მფლობელობათა აქვს მიცემული. სოფლის ღარიბი კომლობა ცდილობს ეს მემკვიდრე თანამდებობა მოსპოს, მაგრამ ჯერ ვერას გახდნენ...»

В работе М. В. Мачабели даны конкретные описания самих сходов, в которых ясно представлены, по словам автора, «два враждебных типа семейств, образовавшихся на почве их экономического неравенства». Описания эти настолько ценны, что мы считаем нужным привести их здесь полностью. «При обсуждении общих вопросов, — пишет М. В. Мачабели, — *ოდჯახისვილობა* и *ბედნიაკიე კომლობა* всегда сталкиваются друг с другом.

При выделении сходом общих пахотных или пастбищных земель, а также при обсуждении какого-либо другого вопроса споры и ссора между ними были неизбежны. *ბედნიაკიე კომლობა* выставляют своих ораторов, которые борются за защиту их интересов и сталкиваются с *ოდჯახისვილები*. Многие из этих ораторов настолько красноречивы и так блестяще доказывают представителям противоположного лагеря их нечестность и указывают на учиненные ими над бедняками грабежи, что часто переводят на свою сторону большинство из присутствующих на сходах представителей отдельных семей. Несмотря на это, старания ораторов, добивающихся переделов пахотной земли, оказываются тщетны». Далее М. В. Мачабели заключает: «Как видите, в деревне существует два различных типа семейств, которые являются при этом врагами друг для друга»¹. (Подчеркнуто нами. — Р. Х.)

М. В. Мачабели доказывает, что враждебные, экономически неравные семьи имеются во всех близлежащих сельских общинах: Диди Лило, Патара Лило, Марткопи, Норио, Ахалсопели и других. Везде большая часть общинных земель находится в наследственном пользовании семейных общин и всякие начинания бедняцких семей, связанные с установлением земельных переделов, кончаются неудачей.

Раздел семейной общины приводит немедленно к изменению благосостояния семьи; *ოჯახისვილობა* (ოჯახისვილობა) превращалась в отдельные малые семьи — *კომლობა* (კომლობა). По свидетельству М. В. Мачабели, село радовалось разделу семейных общин, так как крестьяне считали, что *ოჯახი* (ოჯახი — подразумевается семейная община) после раздела будет приравнена к малым семьям — *კომლი*².

М. В. Мачабели замечает при этом, что образованные посредством раздела семейной общины отдельные малые семьи своим благосостоянием резко отличаются от своего первоначального экономического положения, ибо с разделом семейной общины она теряла возможность общинного производства и тем самым уменьшались ее ежегодные доходы.

სოფლის კომლობის შიგა, მიწა სწორ-სწორ ნაწილად არ არის განაწილებული. ისე რომ ყველა კომლს 25 დღიური არა აქვს, ზოგ კომლს ასე ორას დღიურამდინა აქვს და ზოგს ერთი დღიურიც არა აქვს. როგორცა ხედამთ, სოფელში ძალიან თანაუსწორი კომლები არიან, როგორც თავისი წევრების რიცხვით ისე სიმდიდრით, რადგანაც ლილოს თანაზიარებებს მიწის მფლობელობის უფლება ერთიდაიგივე აქვსთ, ამიტომ ღარიბი კომლობა ცდილობს ჩამოაცილოს მიწა სხვა მდიდარ კომლობას და ყველა წელიწადს ესენი შეჰკრეფენ ხოლმე სოფელს, რომ მიწის განაწილების საქმე სისრულეში მოიყვანონ. მდიდრებს ეს ძალიან არ ეჭაშნიკებათ და ამიტომ ცდილობენ ეს აზრი სისრულეში არ მოიყვანონ». (Подчеркнуто нами. — Р. Х.)

¹ По Мачабели, последняя фраза в подлиннике: «როგორც ხედამთ სოფელში ორნაირი ოჯახობა არის, რომელიც ერთიმეორის მტერნი არიან».

² По описанию Мачабели в подлиннике: «სოფელს ოჯახის გაყრა ძალიან უხარიათ ხოლმე და იძახიან, რომ ოჯახი დაიშალა და კომლთან გასწორდება».

М. В. Мачабели приводит конкретный пример истории семейной общины Кочонашвили, платившей государству до раздела 70 рублей, с разделом же ее на две семьи одна из них стала выплачивать сорок, другая только восемнадцать рублей, что свидетельствует об их экономической слабости. М. В. Мачабели приводит народное объяснение этого факта тем, что семьи эти «живут уже отдельной жизнью» («გაცალკვებულნი არიან»).

При сопоставлении оджахисшвилоба и комлоба в описаниях М. В. Мачабели обращает на себя внимание утверждение, что первая представляет в хозяйственном отношении более независимое объединение. Од ж а х и с ш в и л о б а обладала средствами производства, заключающимися во владении пахотным орудием с восьмипарной упряжкой, в то время как комлоба могла вести свое хозяйство только лишь посредством супряги—модгамоба, которые объединяли труд и орудия производства отдельных малых семей.

В специальной части настоящей работы (см. часть I, «Семейная община у картлийцев») указанное положение вполне подтверждается конкретными этнографическими материалами.

Этнографический материал по семейной общине отдельных районов Грузии является яркой иллюстрацией экономического превосходства семейных общин над малыми семьями, характерного для позднего периода в развитии семейной общины. В некоторых земледельческих районах превосходство это определялось общинно-семейной собственностью на орудия производства, состоявшие из большого плуга и восьмипарной упряжки.

И. В. Сталин в статье «Аграрный вопрос», впервые напечатанной в газете «Элва» в 1906 году, характеризуя существовавшее между крестьянами того времени имущественное неравенство, пишет следующее: «Можно ли думать, что хозяин восьми пар волов в той же мере использует землю, как хозяин, не имеющий ни одного вола? А социалисты-революционеры думают, что «уравнительным землепользованием» уничтожится наемный труд и настанет конец развитию капитала, что, конечно, абсурдно»¹. Это заключение И. В. Сталина освещает с точки зрения общественно-экономического значения вопрос об экономическом приоритете семейной общины на поздних этапах ее существования; тем самым придается особое значение и представленным в работе М. В. Мачабели конкретным описаниям.

Необходимо отметить, что в описаниях М. В. Мачабели обращено внимание не только на характеристику внутренней жизни семейной общины (на состав семьи, ее имущество, управление и разделение труда между членами семьи), но и на анализ некоторых сторон общественно-экономических отношений семейных общин с окружающей их средой. Если в отношении внутренней жизни семейная община представляет для автора положительное с общественной точки зрения явление (общинная собственность, демократическое управление, коллективизм труда и пр.), то с точки зрения внешних взаимоотношений семейная община — явление отрицательное.

Проиллюстрированное М. В. Мачабели на конкретном примере имущественное превосходство грузинской семейной общины XIX века, показ ее места и значения в процессе дифференциации крестьянства войдет в

¹ И. В. Сталин. Аграрный вопрос. Соч., т. 1, М., 1946, стр. 220

историю изучения грузинской семейной общины как один из надежных источников.

В дореформенный период, когда экономика страны основывалась преимущественно на натуральном хозяйстве, семейная община, как многочисленная хозяйственно-родственная организация, все еще сохраняла определенное значение, несмотря на то, что в это время земля, как основное средство производства, составляла феодальную собственность.

После крестьянской реформы экономические условия Грузии, за исключением ее высокогорных районов, резко меняются: основная масса крестьянства остается фактически без земли, но вместе с тем усиливается концентрация средств производства в зажиточных семейных общинах, что знаменует собой новую ступень в процессе разложения крестьянства; с распадом патриархально-натурального хозяйства и развитием промышленности увеличивается рост товарооборота, в результате чего сельскохозяйственное производство меняет свой характер. Это обстоятельство должно было отразиться и действительно отразилось и на истории семейной общины, хотя на первых порах семейная община пока еще уживается и с этими экономическими изменениями страны. При этом отдельные члены семьи вовлекаются в отходничество, в то время как другие продолжают заниматься сельским хозяйством, все более подчиняя его интересам товарного производства.

Вышеуказанные обстоятельства приводят к тому, что семейные общины приобретают новые общественно-экономические функции, существенным образом меняющие их былые значение.

Семейные общины представляют уже экономически сильные объединения, которые, сосредоточив в своих руках основные средства производства, постепенно захватывают управление всей жизнью села. Семейная община этого времени, сохранявшая в своем укладе пережиточные формы родового быта, в общественных взаимоотношениях выступала уже как представительница зажиточной части населения.

Указанное обстоятельство углубляло процесс имущественной и социальной дифференциации крестьянства и ускоряло образование внутри нее тех двух лагерей, о которых говорит И. В. Сталин: «В то время как развитие промышленности сплачивает рабочих, ликвидирует деклассирование рабочего класса и восстанавливает рабочий класс как целое, в деревне, наоборот, развитие сельского хозяйства ведет к разложению, дифференциации крестьянства, к образованию двух лагерей: лагеря кулаков, старающихся занять командные позиции в деревне, и лагеря бедноты, ищущей союзников против кулака»¹.

Таким образом, литература XIX века по вопросу о грузинской семейной общине, как это видно из вышеприведенного обзора, в основном отражала два диаметрально противоположных направления. Одна часть авторов придерживалась народнических взглядов, идеализируя семейную общину как общественно-хозяйственную организацию, якобы способную претворить в жизнь идеи экономического и правового равенства в условиях классового общества. Другие авторы, рассматривая семейную общину с позиции буржуазного либерализма, доказывали преимущества индивидуальной семьи, объясняя и оправдывая участвовавшие разделы семейных общин стремлением к «свободе личности».

Однако, несмотря на то, что вопрос о сущности семейной общины в вышеуказанной литературе рассматривался с явно неправильных методов

¹ И. В. Сталин. Об очередных задачах партии в деревне. Соч., т. VI, 1947, стр. 311.

логических позиций, труды этого периода, касающиеся семейной общины, содержат ценные этнографические данные. Эти материалы представляют собой основу для уяснения некоторых сторон семейной общины, в частности позволяют выявить те изменения в значении семейной общины, которые были определены общим ходом исторического процесса.

В современной грузинской литературе описания семейных общин горной Грузии — Мтиулет¹, Рачи², Тушети³, Пшави⁴ и Хев⁵, принадлежащие С. И. Макалатиа, хотя и не претендуют на полноту, однако и они констатируют факт существования семейных общин в недалеком прошлом. Более подробное описание, касающееся мтиульской семейной общины, дано в работах Л. Б. Панек⁶. В работе Л. Б. Панек «Жилище мтиулов» отдельно рассматривается жилой дом больших семей, его планировка и бытовое пользование. В другой работе — «Следы родового строя у мтиулов» — Л. Б. Панек специально останавливается на описании мтиульской семейной общины. При этом приводятся конкретные данные о числе членов семьи, описывается система управления и распределения труда между членами семьи, обращается внимание на разделение членов семьи по выполняемым ими видам труда, на овцеводов и домашних работников, занимающихся земледелием. В этой части работы отмечается в общих чертах существование коллективной собственности семейной общины, а также коллективной формы производства и потребления.

Констатируя факт существования семейных общин у мтиулов до начала XX века, автор обращает особое внимание на то обстоятельство, что разделы у них должны были происходить еще в исторически отдаленные времена. Приводя документ XIV века «Законы Георгия V», Л. Б. Панек пишет: «Хотя из § 16 видно, что большая семья считалась желательной формой, но вместе с тем делаются указания на случаи отделения сына от отца. Следовательно, и в конце XIV в. большая семья не была единственной формой семьи, и наряду с нею существовали уже малые семьи»⁷.

При определении причин, способствовавших распаду семейных общин у мтиулов, автор ограничивается перечнем общих причин, не останавливаясь на характеристике местных условий. «Рост малоземелья, переход от натурального хозяйства к денежному, рост городов и промышленности, нуждающейся в рабочей силе, все это, — пишет Л. Б. Панек, — содействовало распаду большой семьи». Л. Б. Панек, так же как и многие предшествующие ей авторы, в отдельных случаях руководствуется объяснениями самих жителей, содержащих в большинстве случаев такие определения, как, например, «разделы произошли из-за ссор», что, безусловно, не может быть принято во внимание при установлении причин распада семейной общины, ибо это является скорее результатом определенных изменений во внутрисемейной жизни, нежели их причиной.

¹ С. И. Макалатиа. Мтиулет. Тб., 1930, стр. 81 (на груз. яз.).

² С. И. Макалатиа. Горная Рача. Тб., 1930, стр. 38 (на груз. яз.).

³ С. И. Макалатиа. Тушети. Тб., 1933, стр. 99 (на груз. яз.).

⁴ С. И. Макалатиа. Пшави. Тб., 1934, стр. 87 (на груз. яз.).

⁵ С. И. Макалатиа. Хев. Тб., 1934, стр. 99 (на груз. яз.).

⁶ Л. Б. Панек. Жилище мтиулов, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. IX, 1930, стр. 252—254; Следы родового строя у мтиулов, «Советская этнография», 1939, № 2, стр. 81—84.

⁷ Л. Б. Панек. Следы родового строя у мтиулов, «Советская этнография», 1939, № 2, стр. 71. Точную датировку указанного памятника см. у И. С. Дolidze, Судебник Георгия Блистательного. Тб., 1957, стр. 5—15.

Материальное хозяйство → денежное
рост городов и промышленности

Автор не ставил своей целью, как это видно из самих наименований работ, дать специальное исследование семейной общины мтиулов. Однако имеющиеся по этому вопросу в работах Л. Б. Панек сведения заслуживают внимания и должны быть учтены при общей характеристике грузинской семейной общины.

Изучению сванской¹, картлийской², мохевской³ и тушинской⁴ семейных общин посвящены специальные исследования автора настоящей работы. Некоторым вопросам картлийской семейной общины посвящена работа И. В. Чкониа⁵.

Семейной общине и терминологии родства и свойства посвящен специальный раздел «Очерков по истории брака и семьи у абхазов» Ш. Д. Инал-ипа. В указанной главе дано обстоятельное описание существовавших в XIX веке в Абхазии некоторых семейных общин⁶.

В древних грузинских исторических документах, согласно наблюдениям акад. И. А. Джавахишвили, упоминается как о многочисленных, так и о малых семьях⁷.

Для воссоздания истории семейной общины из грузинских юридических документов заслуживают внимания законы Баграта IV Курапалата (1027—1072) и законы Бека и его внука Агбуги (XIII—XIV веков) — владельцев одного из центральных районов Грузии — Самцхе-Саатабаго (переименованного затем в Ахалцихо-Ахалкалакский уезд). Законы эти, при составлении которых учитывались местные обычноеправовые взаимоотношения, содержат ценные сведения и о разделах грузинских семей.

Отдельные параграфы законодательства Баграта Курапалата, составленного им для всего объединенного Грузинского царства, были впоследствии объединены в законнике Бека и Агбуги, как это установлено в работе И. С. Долидзе⁸. Таким образом, в дошедших до нас древних законах в области грузинского семейного права, датированных XI, XIII—XIV веками, четко выражены права старшего брата в доме и неприкосновенность женского приданого, обособленного от общесемейного имущества⁹.

Судебник Георгия V (1318—1346) представляет интерес для изучения древних правовых норм восточной части горной Грузии. Законы эти были

¹ Р. Л. Харадзе. Пережитки большой семьи у сванов. Тб., 1939, Изд. Груз. филиала АН СССР (на груз. яз. с русским и французским резюме).

² Р. Л. Харадзе. Структура семейной общины у картлийцев, «Вопросы этнографии Кавказа», Тб., 1952, стр. 267.

³ Р. Л. Харадзе. Хозяйственная основа семейной общины мохевцев. Тезисы этнографического совещания Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР в январе — феврале 1951 г.

⁴ Р. Л. Харадзе. Пережитки семейной общины у тушин. Материалы по этнографии Грузии, т. X, Тб., 1959 г.

⁵ И. В. Чкониа. Некоторые вопросы семейной общины в Картли. Труды Института Истории им. И. А. Джавахишвили, Тб., 1955, стр. 395—407.

⁶ Ш. Инал-Ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, стр. 184—193.

⁷ И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. II, Тб., 1929, стр. 372 (на груз. яз.).

⁸ И. С. Долидзе. Древнегрузинское право. Тб., 1953, стр. 43—60; 101—103 (на груз. яз.).

⁹ Там же, §§ 46, 49, 81—82; 155—158.

составлены с учетом местного обычного права горцев, в основном для жителей верховьев рек Арагви и Ксани, где на протяжении долгих веков сохранялись пережитки древних общественных отношений. И. С. Долидзе, специально исследуя этот памятник, указывает на особенности судебного Георгия Блистательного, отличного от судебных феодальной Грузии и составленного именно для той части населения, где жив был еще патриархальный быт¹.

Относящиеся к более позднему времени (к первой половине XVIII века) законы царя Вахтанга VI содержат интереснейшие подробности о порядке семейных разделов в условиях феодальной Грузии; при этом эти законы привлекают особое внимание сведениями о родственном составе семейных общин. Так, например, в одном из положений указывается, что, «какое бы несогласие ни возникло между братьями, между отцом и детьми, между дядей и племянником, между двоюродными братьями или другими нераздельными родственниками, они не могут разделиться без царя или их господина...» В указанном параграфе перечисляются основные категории родственников, входивших в семью, а именно родителей и детей, дядей и племянников, родных и двоюродных братьев, имущественно-правовые отношения которых видны из самих законов о семейных разделах².

Ценный материал содержат исторические документы XVIII—XIX веков, отражающие своеобразный и длительный процесс распада грузинской семейной общины.

Экономическое превосходство семейных общин над малыми семьями являлось, как это было выше указано, основной причиной устойчивости семейных общин в последний период их существования и причиной образования искусственных семейных союзов. В данном случае показательным является именно то обстоятельство, что объединение семей посредством союзов происходило в большинстве случаев между ранее разделившимися однообщинниками.

По сохранившимся документам предоставляется возможность проследить на конкретном материале процесс распада отдельных семейных общин, характерную особенность которого составляло сочетание разделов семьи с искусственным объединением *šeqiloba* (შეკილობა — складство), периодически восстанавливающим семейно-общинные отношения.

Šeqilobis čigebī (შეკილობის წიგნები — акты складства) — представляют собой акты договоров, заключаемых как между посторонними, неродственными семьями, так и между ранее разделившимися членами одной семьи, восстанавливающими свое единство с целью обеспечения экономической устойчивости. По имеющимся документам—*šeqilobis čigebī* (შეკილობის წიგნები) можно проследить на протяжении ряда поколений несколько случаев такого объединения между потомками одной и той же семьи.

Семейнообщинная собственность, система разделения труда и управления, коллективная форма труда и потребления составляют характерную особенность такого вторичного объединения, так же как и при естественном образовании семейных общин. Искусственное образование многочисленной семьи происходило при полном объединении как движимого,

¹ И. С. Долидзе. Судебник Георгия Блистательного. Тб., 1957, стр. 22—23, 30, 38 и др. (на груз. яз.).

² Вахтанг VI. Книга Законов. Исследование и подготовка текста к изданию Тины Энукидзе. Тб., 1955, стр. 76—81, §§ 98—115.

так и недвижимого имущества. В договоре перечисляются обычно все виды объединяемых объектов, а также говорится об обобществлении доходов, об общих расходах и долгах.

Употребляемый в актах термин *zmat šegiqaret* (ძმათ შევიყარეთ) — «братом приняли или братьями стали» — выражает основной принцип семейнообщинного объединения. Братские права являлись основным объединяющим моментом в семейной общине — труд здесь делился по братьям, и братская доля являлась составной частью всего общинносемейного имущества. Так, например, в одном из актов 1720 года говорится, что «сыновья слепого Георгия («ბრმა გიორგის შვილები») Отар и Эстате заключают договор со своими же родственниками¹ Меканаровыми сыновьями — Наскида и Китеса — о принятии их или об объединении с ними в качестве братьев («ძმად შევიყარეთ»). В тексте указано: «Мы вас приняли братьями, свое имение, как приусадебное, так и остальное, объединили с вашим — все сделали братским» («საძმობით დაუდევით»)².

В одном из актов, относящихся также к XVIII веку, говорится об объединении Оглана и его сыновей — Поцхвера и Элиоза с Папуной. Формула их объединения в акте выражена следующим образом: «შევიყარებით ძმათ და სახლისა ჯალაბათა» — «объединились мы в качестве братьев и членов семьи», и далее сказано, что они объединяют весь свой быт и все свое имущество, третью долю земли, весь домашний скот, лошадей, оружие, хлеб и вино, объединив вместе с тем «душу и тело». За этим следует уже подробное наименование всего объединяемого имущества³.

В некоторых случаях документы эти вместо наименования *šeqilobis šignebi* (შევილობის წიგნები — акты складства) именуются просто «актами братства и любви» — *zmobisa da siqvavulis šigni* («ძმობისა და სიყვარულის წიგნი»). Так называется, например, документ, в котором говорится о воссоединении семей двух двоюродных братьев — Иона и Галака. В акте указывается на ранее существовавшее их единство и на то, что заключаемый ими союз должен быть прочным и долговечным. Зачинщик раздела, по договору, должен быть лишен всяких прав на общесемейное имущество⁴.

В документе 1805 года, называемом «*zmobisa da ertobis šigni*» («ძმობისა და ერთობის წიგნი») «актом братства и единства», говорится об объединении семьи Глаха Бершвили с семьей Симона Имерели.

В данном случае уже посторонние друг для друга люди объединяют все свое имущество и начинают жить общей жизнью. При этом здесь сказано, что только одна смерть может их разлучить, но если раздел в будущем

¹ В документе сказано с а х л и с к а ц и, что в узком понимании значит — член семьи, а в широком и в более древнем — член рода, родственник. Термин *saxli* (სახლი — буквально: дом), о котором будет идти речь в настоящей работе особо, в грузинском языке первоначально выражал понятие рода, а затем уже семейной общины или семьи. Отсюда образовано и понятие с а х л и с к а ц ი (буквально: человек дома, или член дома — *gesp.* рода.)

² Документы по истории социальных отношений в Грузии. Под редакцией Н. А. Бердзенишвили. Т. I, Тб., 1940, стр. 188 (на груз. яз.).

³ Приводим выдержку из подлинника: «ასე დაუდევით პირობა და შევიყარებით ძმათ და სახლისა ჯალაბათა: დაუდევით მამულისა წილი მესამედი, გავაერთეთ საქონელი, შრომა, ყოფა, ცხენი, იარაღი, პური, ღვინო, სული და ხორცი ყველა გავაერთეთ».

Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Ad № 372.

⁴ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Hd № 6339.

все-таки произойдет, то все объединенное имущество должно быть разделено на две равные части¹.

Документ 1794 года, именуемый также «актом братства и складства» («ძმობისა და შეჯრილობის წიგნი»), является договором, заключенным между семьями Тамаза и Шеуна Джохадзе. Названные лица заключают между собою договор о «складстве и братстве» («ერძმანხეთობა და ძმობა»); здесь так же, как и во всех других документах этого типа, указывается на объединение всего имущества, всех будущих доходов и долгов. При этом говорится, что тот, кто в будущем нарушит единство этой семьи, должен быть лишен своей доли из общего имущества².

Как уже указывалось, по имеющимся документам представляется возможность проследить за процессом разделов семейных общин, в последующем восстанавливаемых посредством периодически производимых искусственных объединений. Документы эти, представляющие как акты разделов — *gaqilobis cignebi* (გაყრილობის წიგნები), так и акты объединений — *şeqilobis cignebi* (შეჯრილობის წიგნები), касаются не только крестьянства, но и высшего сословия. Так, например, в документе 1717—1719 годов говорится о разделе семьи Туманишвили, состоящей в старшем поколении из трех братьев — Пирана, Манучара и Зазы. При разделе имущество семьи Туманишвили было разбито на две равные части — Пирана и Манучара, так как третий брат, Заза, умер бездетным. Документ этот утвержден и подписан царем Бакаром³. В другом акте, принадлежащем той же семье Туманишвили, датированном 1779 годом, говорится уже об объединении ранее разделившихся братьев. Пиран Туманишвили и сын его Бежан подписывают договор об объединении с сыном Манучара — Горджаспи и дают клятву о нерушимости этого договора до конца их жизни. В самой формулировке, выражающей их объединение, говорится, что они (Пиран и сын его Бежан) вновь объединяются со своим ранее выделенным однообщинником («ჩემს განაყოფს»), сыном Манучара — Горджаспи, объединяя при этом все свое имущество⁴.

Совершенно бесспорно, что в данном случае мы имеем дело с восстановлением единства той семьи, раздел которой произошел в 1717—1719 годах и был подписан царем Бакаром. За указанный промежуток времени могли иметь место и другие случаи объединений и разделов, документы которых не сохранились. По поводу приведенного выше документа имеется примечание издателя — историка Эквтиме Такайшвили, в котором говорится, что документ этот должен был быть составлен раньше указанной здесь даты, так как в это время утверждались уже права сына Бежана, Георгия, на его участие в общем имуществе⁵. Разница в 60 лет между первым и вторым документом действительно вызывает сомнение, так как в обоих случаях упоминается одно и то же лицо — Пиран Туманишвили. Помимо того в фондах Института Рукописей АН ГССР имеется фрагментарная заметка о том, что Пиран Туманишвили и сын его Бежан объединяются с сыном Манучара Туманишвили — Горджаспи⁶, хотя в названном документе дата не указана.

¹ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Hd № 1599.

² Там же, Hd № 563.

³ «Древности Грузии», т. III, стр. 414 (на груз. яз.).

⁴ Там же, стр. 506.

⁵ Там же.

⁶ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Hd № 31.

Из изданных документов по интересующему нас вопросу могут быть названы акты семьи Гоштабисшвили (1711—1714), в которых отражены как разделы этой семьи, так и периодически заключаемые союзы, восстанавливающие единство семьи¹. В одном из этих документов Гоштабисшвили сказано, что настоящий акт составляется при заключении союза на совместную жизнь между Эрасти Гоштабисшвили с его двоюродным братом Зурабом и всеми членами их семейств. Далее говорится, что их предки «и з - з а п л о х о г о в р е м е н и» разделились, после чего «п о л ю б в и б р а т с к о й» они опять объединились и жили вместе, о чем также свидетельствует сохранившийся у них до настоящего времени документ складства. Затем они вновь были разделены, и только теперь, по обоюдной их любви, друг с другом они хотят объединиться. Далее следует перечисление объединяемого ими имущества, условий общего пользования этим имуществом, прав и обязанностей членов семьи и т. п.²

Можно назвать еще один из документов, принадлежащий семье Джавахишвили, датированный 1735 годом, в котором говорится, что когда они были молоды, отец и дед их разделились, семья от этого ослабла и все старались их обидеть; от них, потерявших силу, отреклись и крепостные... Далее указано, что, учитывая все эти обстоятельства, они хотят вновь объединиться в качестве братьев, в чем и принимают на себя клятву³.

Таким образом, с одной стороны, здесь указывается, что настоящий семейный союз заключается между разделившимися ранее членами семьи. С другой стороны, здесь же перечислены причины, которые способствовали восстановлению этих союзов, и тем самым подчеркивается преимущество семейной общины перед индивидуальной семьей.

Одной из основных причин объединения, на которую указывается в документе, является общность всего имущества. Все земли, как наследственные, так и благоприобретенные, кладбище, доходы и расходы, так же как и крепостные, говорится там, все должно быть общим⁴. Весьма своеобразно выражена в документе роль главы семьи и его функции, здесь

¹ Изданные акты семьи Гоштабисшвили, касающиеся их разделов и объединений:
1) Акт о разделе (1711 — 1714). «Древности Грузии», т. I, стр. 103—104;
2) Акт об объединении ранее разделившихся членов семьи Гоштабисшвили (1778). Там же, стр. 97—99; 3) Акт об объединении членов семьи Гоштабисшвили (1801). Там же, стр. 104—105.

² Приводим выписку из подлинника: «1778 ქრისტიანობისთვის 10. ქ. ესე საძმო და ერთობის წიგნი მოგე მე გოშტაბისშვილმა დავითის შვილმა ერასტიმ და სახლისა ჩემისა მომავალმა შენ ჩემს ბიძაშვილს ბეჟანისშვილს ზურაბს და სახლისა შენისა მომავალს ასე და ამა პირსა ზედა, რომ ავის დროს მიზეზითა პაპა ჩემი და მამა შენი ერთმანერთს დაშორებიყვნენ და გაყრილიყვნენ და მას უკან კიდევ ძმობისა და სახლისკაცობის სიყვარულით ძმათ შეყრილიყვნენ, და ერთათ ყოფილიყვნენ, რომ მაშინდელი იმათი შეყრილობის წიგნი დღესაც არის. მას უკან კიდევ გაყრილიყვნენ, და ახლა ჩვენ ერთმანერთის სიყვარულით მოვიმდომეთ ძმათ შეყრა და ერთად ყოფნა...» («Древности Грузии», т. I, стр. 97—99).

³ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Qd № 1026. Приводим соответствующее место из документа: «ასე რომე მამა ჩვენი და პაპა ჩვენი გაყრილიყვნენ ჩვენ ყმაწვილები ვიყავით ერთმანერთის მტერობით და ქიშპობით მტერი მოგვერია, ოჯახიც დაგვიმცირდა და ყოველმა კაცმა ჩვენი დაჩაგვრა მოინდომა. ყმასაც რომ ღონე აღარ ჰქონდა თავი აღარ დაგვიდვა. ახლა ჩვენც ეს საქმე დავინახეთ და ერთმანეთის სახლისკაცობა მოვიმდომეთ და შევიყარენით, ეს ფიცი და პირი დავდევით და ძმათ და სახლისკაცად შევიყარენით».

⁴ Приводим соответствующее место из документа: «დღეს და დღეის იქით ყმა, მამული ნასყიდი და უსყიდი, სასაფლაო, მიწა-წყალი, მთა-ბარი, შესავალი-გასავალი სულ ყველა ერთი იყოს».

говорится: «Пусть будет старшим тот, кто может руководить службою царю и управлять семьей, кого крепостные и раиаты захотят. Все младшие члены семьи должны старшему повиноваться, без него и расправы над крестьянами не учинять, но и мы, старшие, без согласия младших не должны действовать»¹. Далее указывается на то обстоятельство, что порядок в этой семье должен быть такой же, какой установлен во всех других семьях.

В документе осуждается то лицо, которое явится зачинщиком новых разделов семьи². Далее говорится, что ни при их жизни и ни при жизни тех их сыновей, которые в то время там присутствуют, раздела не должно быть. В случае же раздела семьи, могущего иметь место уже между сыновьями и внуками последующих поколений, все имущество должно быть разделено на две равные части. Одну часть имущества должны получить потомки Роини, а другую — потомки Николоза и Бежана³.

Такое же содержание имеет и ряд других документов, в которых упоминаются повторные семейные объединения, перечисляется имущество, которое объединяется, и указывается на характер взаимоотношений внутри этих семей. В большинстве случаев акты эти свидетельствуют о союзах, заключаемых между родственниками⁴.

Таким образом, акты скл а д с т в а — «*şeqilobis çignebi*» (შეყილობის წიგნები), относящиеся к XVIII—XIX векам, являются ценными документами, отражающими последнюю стадию распада грузинских семейных общин. Документы эти вместе с тем фиксируют отдельные случаи образования союзов между ранее разделившимися однообщинниками, что было обусловлено, как уже сказано, новыми функциями семейной общины, приобретенными ею к тому времени.

В этих же документах содержатся сведения относительно общности имущества семейных общин, об их управлении и о патриархальном характере отношений внутри семейных общин. Сведения эти являются более ранними, чем содержащиеся в литературе и в архивах этнографические данные о грузинских семейных общинах.

¹ Приводим соответствующее место из документа: «რომელსაც ხემწიფის სამსახურის გაძღოლა შეეძლოს და თავისის ოჯახის მოვლა, ყმა და რაიათმა მონდომოს იმან იუფროსს. ვინც იმისი უმცროსი იყოს, იმისი უკითხავი არა ქნას რა, იმისის სვის (?) გამგონე იყოს. არც იმ უუფროსოთ გლეხი დავარბიოთ და წავახდინოთ [ვინცა] უფროსნიც ვიყვნეთ იმანაც უმცროსის უკითხავი და უმართებულო არა ვქნათ».

² Приводим соответствующее место из документа: «რომელმაც სახლისკაცმა ამათში უწინ უსამართლო და გაყრა მონდომოს და რიოშობა დაიწყოს, ჯერ იყოს ღ — თის შემცოდე და მერმე ბედნიერის ქართლის მეპატრონის ხემწიფისა და ორმოცის თუმნის ჯარიმის მიმცემი იყოს».

³ Приводим соответствующее место из документа: «ჩვენ ხომ სანამდის ცოცხალ ვართ არც ჩვენგან და არც ჩვენის სიტყვის მომსმენის შვილისაგან გაყრა არ იქნება. ისე რომ ან შვილმა და ან შვილიშვილმა გაყრა მონდომოს — მამული და ყმა შუა გავიყოთ, ნახევარი როინის შვილმა დავიჭიროთ და ნახევარი ნიკოლოზის შვილმა და ბეჟანის შვილმა დავიჭიროთ, ნასყიდი და უსყიდი ყველა სწორეთ გავიყოთ».

⁴ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР: 1) Qd № 196 «Акт объединения» («შეყილობის წიგნი»); 2) Sd № 1889 (1746) «Уговор о братстве» («ძმობის გარიგების წიგნი»); 3) Hd № 5204 (1734) «Акт объединения» («შეყილობის წიგნი»); 4) Hd № 6075 (1724) «Акт о братстве» («საძმო წიგნი»).

Сбор этнографического материала по изучаемому вопросу был начат мною с описания аджарской семейной общины в 1934 году. До того времени, в 1932 году, был фрагментарно обследован материал по тушинской семейной общине в горной Тушети, специальное изучение которой производилось уже спустя много лет — в 1951 году в Заалазанской долине (Земо и Квемо Алвани). Далее, в 1935—1937 годах мною проводилось изучение пережитков семейной общины у жителей Верхней и Нижней Сванети, а также у сванов Абхазии.

Систематическое изучение грузинской семейной общины велось автором в 1946—1949 годах в картлийской этнографической экспедиции. Изучение имеретинской семейной общины, начатое в 1949 году, было закончено в 1952 году, и в том же году был собран рачинский материал. Семейная община в Хеви изучалась в 1948—1950 годах. Изучение пшавской семейной общины велось в 1952 году.

Полевая работа проводилась как в районах, известных своей древней и самобытной земледельческой народной культурой (полеводством, виноградарством, виноделением), так и в той части Грузии, которая сохраняла вековые традиции в области скотоводческого хозяйства. В обоих случаях учитывалось наличие конкретных данных о существовании у народа до конца XIX и начала XX века больших нераздельных семей.

Изучение сохранившихся до конца XIX столетия и начала XX столетия грузинских семейных общин велось посредством записи сведений от информаторов, в большинстве случаев бывших ранее членами нераздельных семей или очевидцами, сохранившими сведения о семейных общинах своих соседей.

Изучение происходило путем конкретного описания, с максимально возможной подробностью, почти всех сохранившихся у населения в памяти семейных общин, причем каждая из таких семей описывалась в основном в следующем плане:

1. Семейная община рассматривалась как хозяйственно-родственное объединение, для которого характерно коллективное хозяйство и коллективное имущество.

2. Устанавливался состав семейной общины посредством составления генеалогической таблицы семьи (учитывающей при этом и женскую часть семьи) с указанием возрастного деления членов семьи к описываемому периоду.

Материалы генеалогических таблиц устанавливали участие членов семьи в общей трудовой жизни, характер их занятий, распределение трудового времени в течение годового цикла.

3. При выявлении прав и обязанностей главы семьи, а также роли в семье старшей женщины фиксировались различные бытовые факты, составлялся свод частных случаев из быта отдельных семей, дающих возможность установить определенные закономерности.

4. Имущественно-правовые отношения членов семьи выяснялись посредством исчерпывающего описания фактов сегментации семейной общины, с конкретными наименованиями самих дольщиков. При изучении разделов семейных общин широко использовались хранившиеся в домах у потомков членов больших семей акты семейных разделов.

Описание всего имущества и выяснение имущественно-правовых отношений дольщиков к наследственному и благоприобретенному имуществу

во время раздела семьи способствовали выявлению пережиточно сохранившихся элементов родового и трудового права в семейной общине. При этом конкретное описание раздела всего имущества и составление схематических планов расселения выделившихся из одной семьи дольщиков восстанавливало картину территориального объединения однообщинников, называемого в специальной литературе патронимией.

Подробное описание и систематизация фактического материала по грузинской семейной общине даются в первой части настоящей работы. Во второй части привлекается сравнительный материал с целью выявления особенностей грузинской семейной общины и определения ее места в общем процессе развития общественных отношений.

Последняя часть работы содержит также общие выводы и заключение.

Настоящая работа является несколько сокращенной публикацией докторской диссертации автора, защищенной в 1955 году в Институте Этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ГРУЗИНСКОЙ
СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ

На основе пережиточно сохранившихся материалов можно установить три различных вида грузинской семейной общины: семейная община, с преимущественно земледельческим хозяйством (в Картли, Кахети, Имерети, Раче); семейная община, важнейшей отраслью хозяйства которой служило скотоводство (у горцев-грузин—тушин, мохевцев, пшавов, а также в одной части Кахети — у кизикцев); семейная община с симбиозной формой хозяйства (у горных рачинцев, сванов).

Приведенная классификация семейных общин по основным формам хозяйства, безусловно, не охватывает всего того разнообразия, которое характеризует отдельные микрорайоны Грузии, сочетающие в каждом отдельном случае различные отрасли хозяйственной деятельности.

Это обстоятельство в какой-то мере могло найти известное отражение в быту семейной общины; однако оно не меняло ее основного характера, так как в отношении формы хозяйственной деятельности, как экономической основы быта, определяющей являлась ведущая отрасль хозяйства. Варианты сочетания ведущей отрасли хозяйства с подсобными отраслями по отдельным микрорайонам Грузии не имели существенного значения для установления вида семейной общины.

Особенности экономической жизни отдельных районов Грузии, характеризующиеся всеобразным сочетанием различных отраслей многогранного хозяйства, при существовавшем уровне развития производительных сил требовали одновременного участия большого коллектива людей и четкой организации труда. Все это определяло характер семейной общины на последних этапах ее существования, а также способствовало замедлению процесса разложения грузинской семейной общины и сохранению ее пережиточной формы до конца XIX и начале XX века.

Спорадически сохранившиеся грузинские семейные общины этого времени отличались уже экономическим превосходством над малыми семьями и постепенным переходом от коллективного производства и потребления к различным формам эксплуатации. С утверждением капиталистической формы товарного производства в Грузии окончательно должен был завершиться и завершился процесс распада семейной общины.

В общей этнографической литературе к разрешению проблемы семейной общины подходили преимущественно с учетом одной какой-либо формы хозяйства. Это обстоятельство, естественно, суживало предмет исследования.

Нижеприведенный конкретный этнографический материал дает возможность рассмотреть отдельные виды грузинской семейной общины, основанные на различных формах хозяйства. Одновременное рассмотрение

грузинской семейной общины в ее различных видах способствует более всестороннему изучению вопроса.

Посредством анализа отдельных видов грузинской семейной общины удается показать, что именно форма собственности, а не отдельные виды хозяйства определяли форму семьи, поэтому одна и та же форма семьи могла существовать при различных формах хозяйства.

Тем самым убедительно подтверждается несостоятельность вульгарно-материалистической точки зрения о непосредственной зависимости форм семьи от форм хозяйства, одним из видных представителей которой был Эрнст Гроссе¹.

Различия между отдельными видами семейных общин, основанных на различных формах хозяйства, отражались главным образом на системе организации труда. Однако эти различия не носили принципиального характера, так как не меняли формы собственности, а постольку и самой формы семьи. Именно поэтому нижеприведенный фактический материал мы располагаем по вышеназванным видам семейной общины.

¹ Эрнст Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства, М., 1898.

Глава первая

СЕМЕЙНЫЕ ОБЩИНЫ С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У КАРТЛИЙЦЕВ

Все имеющиеся в литературе этнографические сведения о больших семьях в Картли в основном относятся ко второй половине XIX столетия.

Придавая особо важное значение существованию больших семей в Арагвском ущелье, Пл. Иоселиани, как мы отмечали выше, писал: «Были дома, в которых семейство заключалось в 40 и 50 душах. Таких семейств и теперь очень много»¹.

Эти сведения относятся к тому времени, когда преимущественно была уже распространена индивидуальная форма семьи и большая семья не являлась господствующей. В этом нас убеждает и высказывание Н. Л. Абазадзе, что «теперь больших семей в высшем сословии не встречается, а в крестьянском они доживают последние дни»². «Большая грузинская семья, — пишет он далее, — представляет несколько брачных чет, связанных между собой агнатным родством и живущих в одной общей избе — дарбази. Число агнатов в семье достигает часто до 30, 50, а прежде оно доходило до 100 и более душ»³.

Таким образом, число душ в тех больших семьях, которые в 90-х годах прошлого столетия еще застал автор, доходило до 50; на основании же сообщений стариков Абазадзе устанавливает далее число членов семьи в прошлом, доходившее до ста.

В нашей полевой работе мы не имели возможности непосредственно наблюдать большие семьи и могли восстановить утраченную форму семьи только посредством бесед с живыми свидетелями. Хорошо сохранилась в памяти стариков семья, доходившая до 40—50 человек в среднем.

¹ П. И. Иоселиани. Описание города Душета Тифлисской губернии, «Записки Кавказского отделения русского географического общества», кн. V, 1862, стр. 64.

² Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин, «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 13.

³ Там же, стр. 14.

Сохранившись в пережиточной форме в условиях феодализма, большая семья не отмирала в Картли и в условиях нарождающегося капитализма. На протяжении многих столетий семейные общины продолжали свое существование одновременно с индивидуальными семьями. Некоторые общины при этом выделялись как продолжатели древних традиций. Благодаря этому и сейчас почти в каждом селе могут назвать те семьи, которые на протяжении долгого времени не делились. В труде Н. Л. Абазадзе особо отмечается многочисленность семейной общины Чедлишвили. «Указывали нам на бывшие семейные общины, — пишет автор, — где число взрослых членов мужского пола, способных работать, доходило до 30 и более; например, такова была семья Чедлишвили в селе Никози, Горийского уезда»¹. На существование семейной общины Чедлишвили или Чедлиани указывали и нам, — спустя более чем полвека, — когда хотели привести пример долго сохранявшейся большой семьи. В селении Земо Никози мы встретили 95-летнюю старуху, одну из невесток—члена последней семейной общины Чедлишвили.

Из многочисленных описаний картлийских семейных общин, произведенных нами, в основном, в Горийском и Душетском районах, только некоторые подвергнутся в настоящем исследовании особому анализу. Большая часть остального материала сведена в таблицы, в которых находит отражение число членов семьи, распределение внутри семьи хозяйственных функций, наименование имущества и долевой раздел семьи при ее сегментации. Этот материал позволяет произвести сравнение.

Изучение моногенных кварталов села, образованных в результате сегментации семейных общин, позволило восстановить первоначальный состав семейных общин.

Так, квартал Эпремаани (селение Земо Никози), состоящий из двадцати трех домов, был образован в результате сегментации семейной общины Эпремаани (Ломсадзе), состоящей из 64 душ. Семейная община Эпремаани объединяла внутри себя потомков Эпрема и Иване, насчитывающих свое родство до V колена (см. схему № 1).

Все пахотные земли, обрабатываемые Эпремаани, брались в аренду у князей Павленишвили. В постоянном их владении были только виноградники. При этом одна часть из них составляла наследственную собственность (К в е и т и в е н а х и — 2 десятины; А х л о в е н а х и — 2 десятины); другая являлась благоприобретенной (К а х и л а а н т е у л и в е н а х и — 2 десятины; П а в л е н и а н т е у л и в е н а х и — 2 десятины).

Число голов скота семейной общины Эпремаани, так же, как и других семейных общин этого района, определялось в основном потребностями земледелия в тягловой силе и необходимыми для внутреннего употребления семейной общины молочными продуктами. Семейная община Эпремаани имела двенадцать пар рабочего скота: восемь пар быков и четыре пары буйволов, а также шесть лошадей. Молочного скота по сравнению с рабочим в семейной общине было значительно меньше: три коровы и две буйволицы. Общее число овец и коз доходило до 500 голов, а число свиней — до двадцати.

Большинство членов семьи было занято в земледелии; Андро был плугарем—*gutnis deda* (გუთნის დედა), в земледелии же были заняты Соломан, Иосеба, Како, Петре, Дата, Коте, Шакро, Ладо и Васо, выполнявшие функции пахарей и дневных погонщиков; ночными погонщиками

¹ Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 14.

являлось младшее поколение. В семейной общине Эпремаани было, кроме того, два овчара: Гига и Гиорги и один скотник — Сико. Молодое поколение использовалось преимущественно в скотоводстве. Из 13 мужчин десять занимались земледелием и только трое были заняты в скотоводстве.

Комплекс жилых и хозяйственных построек семейной общины Эпремаани включал два больших дома—darbazi (ძარბაზი), два хлева—один для крупного рогатого скота, другой для мелкого; конюшню, амбар для зерна, два саманника, два тагапи (ძარბაზი — специальные помещения для вина) — одно рядом с домом, другое в винограднике.

Раздел наследственного имущества семейной общины Эпремаани произошёл в начале XX века по двум равным — братским долям; все же благоприобретенное имущество было разделено по числу имеющихся в семье работников. Долю в благоприобретенном имуществе имело и младшее поколение, она называлась saumcrosi (საუმცროსი — доля младшего), в отличие от основной наследственной доли, называемой sazmo saçilo (საძმობაწილი — буквально — братской долей). Термин saumcrosi встречается и в документах XVIII—XIX веков¹, однако в значении наследственной доли младшего брата.

Находящийся в селении Меджврисхеви квартал Бибилаани был образован от одной семейной общины Бибилаани, которая затем разделилась на две семейные общины — Китесаани и Ниблиани с последующей сегментацией на отдельные малые и большие семьи.

Семейная община Китесаани состояла из пяти братьев: Шио, Сосика, Андриа, Луарсаба и Иакоба с их женами, детьми, невестками и внуками.

Из пяти старших братьев трое — Иакоба, Шио и Андриа были опытными плугарями — gutnis deda (გუთნის დედა), Луарсаб был виноградарем, Сосика — скотником. Один из пахарей — Андриа — являлся главой семьи. Из следующего поколения Гиорги был также gutnis deda (გუთნის დედა), однако он занимался преимущественно изготовлением пахотных орудий и ароб. Остальные мужчины этого поколения являлись дневными погонщиками, а младшего поколения — ночными погонщиками. Часть членов семьи из молодого поколения, кроме того, занималась уходом за скотом.

Пахотной земли семейная община Китесаани имела до одиннадцати десятин: Напузроби и Собисисмицеби; виноградников — около трех десятин: Ватнулисвенахи, Умекаантвенахи, Карисвенахи. Крупного рогатого скота — 2 gutneuli (გუთნეული) — упряжки плуга — с общим количеством в шестнадцать пар буйволов и волов, а также около пятнадцати голов молочного скота и до 30 молодой скотины.

Семейная община Китесаани имела следующее недвижимое имущество: 2 больших дома — darbazi (ძარბაზი), 2 хлева, 2 тагапи (ძარბაზი), саманник, курятник, свинарник и огороженное для мелкого рогатого скота ragexi (ვაგეხი).

Раздел семейной общины Китесаани произошёл в самом конце XIX столетия; все имущество было разделено на пять равных братских долей. Из построек Шио досталось тагапи (ძარბაზი), из виноградников — Карисвенахи, а из пахотных земель — Собисисмицеби. Сосика получил хлев и тагапи (ძარბაზი), виноградники — Ватнулисвенахи и Напузроби; из пахотных земель часть Собисисми-

¹ «Древности Грузии». Сб. общества истории и этнографии, под ред. Е. Такайшвили, т. III, Т., 1910, стр. 414 (на груз. яз.).

цеби. Андриа достался дом — *darbazi* (დარბაზი), часть виноградника — *Ватнули*; из пахотных земель — часть в *Напузроби* и часть в *Собиси*. Андриа получил при этом лишний участок земли за старшинство — *saugoso* (საუფროსო). Луарсабу достался хлеб, часть виноградника в *Ватнули* и часть пахотных земель в *Напузроби* и *Собиси*. Иакобу достался второй дом — *darbazi* (დარბაზი), часть виноградника в *Умекани*, пахотные земли в *Собиси* и *Напузроби*.

Таким образом, все было разделено по равным братским долям *saqmo-saqilo* (საძმოსაწილს) и особой доли для младших членов семьи, участвовавших в работах семейной общины, специально не выделялось. Была только выделена доля за старшинство — *saugoso* (საუფროსო).

Другая дочерняя семейная община *Ниблиани*, которая в свое время, как отмечалось, вместе с семейной общиной *Китесаани* выделилась из семейной общины *Бибилаани*, состояла из 49 душ. Эта семейная община тоже представляла объединение пяти братьев с их женами и потомками до IV поколения включительно.

Количество земли, принадлежавшей семейной общине *Ниблиани*, в основном равнялось количеству земли семейной общины *Китесаани*, с которыми они при разделе поделили поровну все наследственное имущество. Скота у семейной общины *Ниблиани*, как рабочего, так и молочного, было меньше, чем у *Китесаани*, — они имели только одно (*gutneuli*), გუთნეული т. е. восемь пар буйволов и быков.

Семейная община *Ниблиани* разделилась в начале XX века, поделив все имущество на равные братские доли (*saqmo-saqilo* — საძმოსაწილს).

В структурном отношении большая семья картлийцев представлял объединение потомков нескольких нераздельных братьев, иначе говоря родственную группу, в которую входили поколения ближайших родственников, как нисходящих, так и боковых. В основном эта группа доходила до третьего—четвертого поколения, с которого уже начиналась сегментация по новым семейным общинам. Однако в картлийской большой семье встречаются также и случаи объединения посредством установления искусственного родства. Для обозначения последнего у грузин, как в древних юридических документах, так и согласно этнографическим материалам, употреблялся термин *şegiloba* (შეჯილობა) — объединение, складство¹.

Искусственно созданные родственные отношения внутри картлийской большой семьи могут быть иллюстрированы на следующих примерах: в одном из картлийских селений—*Вилда* — квартал *Элиаурт Кари* был населен родственной группой *Элиаури*, в которой различали потомков *Давида*, называемых *Давитаури*, потомков *Курдгела*, именуемых *Курдгелаури*. *Курдгела* был нареченным братом *Давида*, в семью которого он вступил на правах складства. Потомки *Курдгела* и *Давида* на протяжении нескольких поколений объединялись в одной семейной общине. Раздел общины произошел на равных братских условиях. Община, принимавшая к себе чужеродцев и выполнявшая при этом обряд побратимства, предоставляла последним права кровных родственников.

Другим, несколько отличным примером, является семейная община *Хахутаани*, искусственно объединяющая уже не посторонних лиц,

¹ Подробно о складстве см. введение настоящей работы.

а когнатных родственников. В селении Патара Меджврисхеви квартал Хахутаани образовался путем сегментации семейной общины — переселенцев из Имерети Блуашвили и их когнатных кузенов Арешидзе. Потомки Блуашвили и Арешидзе до пятого колена объединялись одной семейной общиной, постепенно теряя связь и имя своих древних родственных объединений и сохраняя свою родословную, идущую лишь от большой семьи Хахутаани. Таким образом, здесь, с одной стороны, прослеживается процесс образования искусственного родства, а с другой стороны — определяется место и значение семейных общин, как основных общественно-организационных единиц, от которых вели свое начало патронимические наименования.

Увеличение состава семьи происходило не только посредством присоединения отдельных членов, но и посредством объединения самих семей в одну семейную общину с целью увеличения как числа рабочих рук, так и общего имущества.

Такого рода семейные союзы, как это было показано в введении настоящей работы, подкреплялись договорами, выполнение которых было обязательно для всех. В большинстве случаев эти договоры оформлялись письменно и ныне представляют ценные документы для воссоздания истории семейной общины. Материал этих договоров содержит обычно подробное описание объединяющихся семей, их родственные взаимоотношения и выявляет основной принцип объединения, заключающийся в общности имущества и в коллективных формах труда.

В большинстве случаев складство — *ḡeqiloba* (შეყილობა) происходило между близкими родственниками и являлось объединением ранее разделившихся семей.

По имеющимся многочисленным документам, *ḡeqiloba* (შეყილობა) подразумевало восстановление потерянного некогда единства. Союзы эти закреплялись юридически как в крестьянской среде, так и в феодальном обществе¹.

В документе 1794 года, принадлежащем семье Джохадзе, говорится о том, что все, что они теперь имеют или будут впредь иметь — „дарованное ли их повелителем, господином или богом“, — земли, скот, доходы и расходы, а также имеющиеся у них долги, пока они живы, все должно быть общим².

В документах хорошо представлена экономическая общность большой семьи. Здесь часто специально оговорено, что в каждодневной жизни «ничего, кроме одежды, не должно быть раздельного у членов семейной общины»³.

По своему характеру, *ḡeqiloba* (შეყილობა) безусловно, являлось более поздним институтом, чем естественно образованные семейные общины, состоявшие из близких родственников, но, несмотря на это, в институте *ḡeqiloba* (შეყილობა) сохраняются основные стороны семейной общины, по типу которой они образованы.

¹ См. приведенные в введении примеры.

² «ერთად შევიყარებით და ამის იქით, რაც ღმერთმან მოგვცეს რამე ბატონის წყალობა თუ კეთილი თუ ბოროტი, მამული, შესავალი, გასავალი, საქონელი, ვალი თუ რაც რამ ცხოვრება გვქონდეს ან დღეის იქით ღმერთმან მოგვცეს რამე სულ ერთი იყოს სახამ ცოცხალნი ჩვენ ვიყვნეთ», Институт Рукописей АН ГССР, Hd № 563.

³ «ერთის ტანსამოსის მეტი ერთმანეთში გაყოფილი არ უნდა რა...» ქკს უმბ. Институт Рукописей АН ГССР Qd № 167.

Итак, характерной особенностью большой семьи было наличие в ее составе различных возрастных групп, при соблюдении принципа старшинства по отдельным поколениям. В семье находились старики и старухи, пожилые женщины и мужчины, юноши и девушки и, наконец, дети; — согласно возрастному принципу, но с учетом индивидуальных наклонностей каждого члена семьи, распределялся в семейной общине и труд, имеющий при этом дифференцированные названия для работ старшего и младшего поколения — *sauposo* (საუძროსო) — буквально: для старших и *saupsgoso* (საუძგროსო) — буквально: для младших. Аналогичный материал встречается и в других районах Грузии.

Ведущей формой хозяйства картлийской большой семьи, как это видно из описания, являлось земледелие. Недостаток земли, находившейся во владении отдельных крестьянских семейных общин, восполнялся арендой участков земли у помещиков, за которые последние получали часть урожая.

В среднем у семейной общины имелось от 10 до 15 *dyiugi* (დეიუგი), т. е. от 5 до 7,5 десятин пахотной земли и от 5 до 6 *dyiugi* (დეიუგი), т. е. от 2,5 до 3 десятин виноградников.

В работе Д. Пурцеладзе представлены официальные сведения о размерах крестьянских наделов по Тифлисской губернии. «По законоположению, — читаем мы в этой работе, — для каждого крестьянского семейства определено коренного надела: поливной земли 5 дней пахания (2,5 десятины) или неполивной 10 дней пахания и добавочного: 5 дней пахания поливной или 10 дней пахания неполивной»¹.

На арендных участках разводились обычно на половинных началах виноградные и фруктовые сады; доставшийся большой семье виноградник затем уже переходил в ее постоянное пользование. В силу этой формы землепользования основные успехи в хозяйстве зависели от рабочих рук и рабочего скота, необходимого для вспашки земли большим плугом.

Одним из примеров, на котором можно проследить у картлийцев характер семейнообщинного владения землей, является так называемое *axo* (ახო) — заимка.

Самостоятельное семейнообщинное владение землей было связано у картлийцев (в частности у жителей Душетского района) с подсечной системой. При новых заимках корчевание леса производилось отдельными семейными общинами, что давало им право пользования этими участками как для поселений, так и для обработки.

Скотоводством картлийская большая семья занималась главным образом с целью иметь собственную тягловую силу для земледелия и естественное удобрение для полей. Как это видно из описания, почти каждая большая семья имела 8 пар волов и буйволов, так называемое одно *gutneuli* (გუთნეული), необходимсе для вспашки большим плугом. Некоторые семьи имели даже две упряжки плуга, т. е. 16 пар скота и, помимо этого, одну или две пары волов и буйволов специально для арбы. Количество дойной скотины всегда было меньше, в среднем не более 5—6 голов. Молочное хозяйство было представлено крупным рогатым скотом; большая семья, кроме того, обладала изрядным количеством баранов и коз, а иногда и свиней.

Состоятельность большой крестьянской семьи, в отличие от феодальной, не всегда определялась размерами земельных угодий, большое зна-

¹ Д. Пурцеладзе. О необходимости улучшения материального положения временнообязанных крестьян Тифлисской губернии, газ. «Кавказ», 1884, № 73.

чение имели число рабочих рук и наличие упряжки плуга для обработки поля.

Разделение труда между членами семьи отражало характер земледельческого хозяйства. Так, например, старшим мужчиной, направляющим всю жизнь семейной общины, организатором всей работы между членами семьи — мужчинами, представляющими в то же время лицо всей общины на общих сходах, являлся руководитель земледельческих работ, плугарь — *gutnis deda* (გუთნის დედა — буквально: мать плуга). На младших братьев или племянников возлагалась обязанность дневных и ночных погонщиков. В других районах Грузии, как это будет видно из соответствующих разделов настоящей работы, соблюдался другой порядок распределения труда.

Виноградарство и виноделие в картлийской семейной общине также управлялось специально выделенным для этой цели одним из старших братьев, который занимался как уходом за виноградником, так и приготовлением и хранением вина. Один из старших братьев являлся скотником — *mesakonle* (მესაქონლე), он следил за скотом, за его приплодом, отбором для улучшения породы и заготовлением для них корма на зиму. Такие же функции были и у овчаров — *mesxvare* (მესხვარე), а также у свинаярей — *meuoge* (მეღორე) в тех районах Картли, где занимались разведением свиней. Младшее поколение обычно использовалось в качестве пастухов и погонщиков. В земледельческом хозяйстве картлийцев большее значение имело орошение; поэтому на период сезонных работ выделялось специальное лицо — *mege* (მეგრე), которое следило за регулированием поливки земель. В тех случаях, когда в хозяйстве большой семьи имелась и пасека, один из братьев являлся пчеловодом. Пасека была нераздельна и поэтому после сегментации большой семьи оставалась всегда в той общине, к которой принадлежал сам пчеловод.

В некоторых частях Картли практиковалось отходничество, например, аробничество у жителей Душетского района. В этих районах часть членов семейной общины уходила на сторонние заработки.

Развитие ремесла по специальностям плотника, каменотеса, башмачника, особо часто наблюдаемое в таких больших селах, как Меджврисхеви, Мериси, Арбо и др., также создавало новый вид занятий для членов большой семьи, заработок которых поступал в общую кассу большой семьи.

Развитие феодальных отношений отразилось и на распределении функций внутри картлийской семейной общины, в которой появляются новые обязанности членов семьи. Так, один из членов семейной общины выделялся в качестве постоянного работника в доме феодала; некоторые из них потом становились *moigavi* (მოურავი — управляющий имуществом феодалов).

Таким образом, в картлийской большой семье, так же как и в других семейных общинах, общее руководство возлагалось на старшего мужчину из поколения старших братьев или отцов и на женщину, старшую из невесток. Все вопросы решались советом большой семьи, состоящим из мужчин старшего поколения.

Сыновья при жизни отца не могли иметь своей независимой доли и производить по своему усмотрению разделы семейной общины.

Члены семейной общины во всех вопросах подчинялись главе семьи, действия которого в основном согласовывались, как отмечалось, с семейным советом. Большак являлся не только хорошим организатором и руководителем семейной общины; он сам должен был быть лучшим работником в доме, исполняющим одну из ведущих и основных работ общинного хо-

зьяства, как правило, плугарем — gutnis deda (გუთნის დედა), обязанность которого в то же время считалась почетной.

Интересная картина семейной общины второй половины XIX века с описанием отдельных сторон жизни большака, а также основных функций других членов семьи представлена в рукописи М. В. Мачабели.

Мы позволим себе остановиться на отдельных моментах этого исключительно ценного описания.

М. В. Мачабели, будучи непосредственным наблюдателем, смог дать подробное описание семейной общины, принадлежавшей роду Тинашвили из села Диди Лило. В работе имеется детальное описание жилых и хозяйственных построек, перечисление пахотных земель, сенокосов, количества голов скота семейной общины, позволяющее судить о размере хозяйства семьи, дана характеристика структуры семьи с наименованием основных членов семьи и описанием их занятий, воссоздающая бытовые особенности этой семьи. Произведенный в 1950 году нами опрос потомков семейной общины Тинаани позволил установить некоторые дополнительные факты истории этой семьи. В частности, выяснилось, что впоследствии из семейной общины Тинаани образовалось семь дымов. Равным образом выяснилось, что Тинаани являлись последующим разветвлением фамилии Бичинашвили, некогда переселившейся из Южной Осетии, а именно из Джавского ущелья.

Обратимся к материалу.

При описании организации труда между членами семейной общины Тинаани М. В. Мачабели пишет: Миха являлся главой семьи, как настоящий хозяин, и распределял работу между членами семьи, при этом распределение работ между членами семьи не носило принудительного характера, так как каждый выбирал такой род занятий, к которому он с самого детства проявлял больше склонности.

У Миха было три брата: Бало, Бесо и Кустра. Бало был главным скотником и находился со скотом на кочевьях, ему же подчинялись все остальные пастухи. Все летнее время Бало проводил в ахалцихских горах, зимой же в Ширакской степи. Только два раза в году он бывал у себя дома. Кустра был тоже пастухом, но ему был поручен только тот скот, который оставался в селе в качестве дойной и рабочей скотины. В доме у Тинаани оставалось около 40 голов молочного и ста голов рабочего скота. Третий брат, Бесо, был главным плугарем — gutnis deda (გუთნის დედა), он вел запяжкой плуга и всем его инвентарем, имея 80 гектаров пахотной земли. Иване—дядя Миха — был главным виноградарем, ему поручались все виноградники; в работе помощь ему оказывали женщины. Все остальные члены семьи также были распределены и приставлены к названным старшим братьям. Одни работали дневными и ночными погонщиками вместе с Бесо, другие же — пастухами с Кустра и Бало.

В своем описании автор своеобразно характеризует деятельность Миха, называя его «министром внутренних», а также «внешних дел», указывая при этом на его роль как «министра финансов». Миха нес ответственность за семейную общину перед всем селом: в случае надобности он обращался в город к адвокатам, к купцам, брал займы деньги, покупал все нужные для семейной общины предметы, а также продавал часть урожая.

Там же сказано, что Миха и его старший сын отличались от остальных членов семьи костюмом: они были одеты в полугородской, другие же носили только деревенский костюм.

Далее М. В. Мачабели специально указывает на большое значение главы семейной общины, от которого требовались порядочность, разум и

справедливость. Несмотря на то, что самостоятельных решений у большака почти не могло быть, так как все вопросы семейной общины решались с общего согласия старших членов семьи, с которыми он каждый вечер совещался, благосостояние семейной общины зависело отчасти и от самого большака.

Иными словами, авторитет главы семьи, выделяющий его по целому ряду признаков из остальных членов семейной общины, не доходил до неограниченной власти большака и деспотического управления общиной.

Главой семейной общины у картлийцев мог быть и младший брат, но он обязательно должен был принадлежать к старшему поколению и обладать вместе с тем способностями к управлению и организации работ внутри семьи. В решении отдельных вопросов семейной жизни принимали участие все представители старшего поколения семейной общины. Глава семьи, который ежедневно совещался с ними и на основании этого решал отдельные вопросы, пользовался при этом правом решающего голоса.

Такой характер управления семейной общиной у картлийцев подтверждался существованием семейного совета, с мнением которого должен был считаться глава семьи и перед которым он систематически отчитывался. В ряде вопросов, таких, например, как отчуждение семейного имущества, глава семьи был обязан всегда совещаться с другими членами семьи.

Внутренней жизнью семейной общины руководила старшая женщина — *diasaxlisi* (დიასახლისი), от которой зависела организация женского труда. Для приготовления пищи существовала определенная очередность между старшими невестками, производящими эту работу под руководством *diasaxlisi* (დიასახლისი). Старшая женщина дома ведала всеми зерновыми и молочными запасами общины и пользовалась большим авторитетом в жизни общины как опытная и умелая хозяйка.

Распределение хозяйственных функций между женщинами в картлийской семье не носило характера строгой организации труда, какая устанавливалась среди мужчин. Это обстоятельство, по-видимому, объяснялось ограничением хозяйственных функций женщин домашними делами, связанными в основном с выпечкой хлеба, приготовлением пищи, обеспечением семьи водой, не носящих на себе основной тяжести хозяйственных работ, связанных с земледелием и скотоводством.

В картлийской большой семье пища для всех членов общины готовилась всеми сообща под руководством *diasaxlisi* (დიასახლისი). Таким же способом готовилась для всех членов семьи и одежда. Принцип распределения одежды, пищи и других материальных благ был основан на принятом в общине делении членов семьи по группам — старших и младших братьев, а также по группам невесток и девушек. Это деление являлось, таким образом, исходным положением при организации коллективного потребления в картлийской большой семье. Распределение продуктов питания и одежды внутри этих групп должно было быть равномерным.

Члены семьи находились в одних и тех же условиях, как в отношении участия в производственной жизни семьи, так и в отношении внутрисемейного коллективного потребления, однако каждый из них выполнял определенную хозяйственную функцию.

Существовавшее внутри семьи деление сами картлийцы объясняют своеобразно: каждый в семье, говорят они, занимает соответствующее ему положение; у каждого из них свое место и свое дело. По образному выражению картлийцев: «у каждого своя выкройка» — *targi* (თარგი),

и хорошая хозяйка—mandilosani (მანდილოსანი) всегда должна этим руководствоваться.

За общей трапезой, происходящей в общем доме — darbazi (დარბაზი), объединялись все члены картлийской семьи, при этом в размещении семьи за столом четко соблюдался принцип старшинства. Ближе к очагу размещались старшие, один ряд составляли женщины, другой — мужчины. Наличие почетного кресла для большака в картлийской семейной общине, утраченное в живом этнографическом быту картлийцев, устанавливается по этнографическим коллекциям Музея Грузии им. С. Н. Джанашиа (см. табл. № I, рис. а).

Очаг вообще имел большое значение в быту картлийской семьи. Все ритуалы, связанные с основными моментами жизни семьи, выполнялись у очага. Около него каждый вечер семья собиралась за трапезой, после которой происходило обычно обсуждение всех основных вопросов текущей жизни.

Очаг у картлийцев располагался обычно у центрального места в darbazi (დარბაზი), около богато орнаментированного резьбой массивного столба — dedabozī (დედაბოძი), который не только признавался основой конструкции дома, но и символизировал единство семейной общины и потому почитался на протяжении долгого времени всеми выделившимися из прежней общины большими семьями. По образному выражению самих местных жителей, все прочно держалось основного столба («დედა-ბოძს მაგრა ვეკიდებოდითო») — символа общности своего происхождения. Dedabozī (დედაბოძი) при этом считался обиталищем покровителя семьи, представляемого картлийцами, подобно мохевцам и сванам, в виде «змеи основы» — ruzis gvēli (ფუძის გველი) или змеи дома — saxlis gvēli (სახლის გველი), а также ruzis angelozi (ფუძის ანგელოზი — буквально: ангела основы).

Для обозначения общего происхождения живших одним кварталом однообщинников у картлийцев существовало такое образное выражение, как «ერთ ცეცხლპირზე გაურიღები» — «от одного очага разошедшиеся»¹, определение, которое со своей стороны также вскрывает сущность термина ruze (ფუძე), обозначающего близкое родство, образованное после раздела семейной общины.

Как было уже указано, вся семейная община картлийцев объединялась под общей кровлей дома — darbazi (დარბაზი).

Darbazi (დარბაზი) иногда представляло собой только жилое помещение, но весьма часто оно заключало в себе комплекс жилых и хозяйственных построек: жилая комната — darbazi (დარბაზი), галерея — dergapani (დერგეფანი), помещение для хранения вина — marani (მარანი), хлебопекарня — satone (სათონე), а иногда и другие хозяйственные постройки (см. табл. № 2а).

Входившие в семейную общину брачные пары отдельных комнат или каких-либо перегородок в darbazi (დარბაზი) не имели. Каждый брат со своей индивидуальной семьей занимал здесь особый угол, причем каждая невестка имела свою специальную полку в стене, где складывалась постель и ставился ее сундук.

Ниже мы приводим имеющееся в специальной литературе подробное описание архитектурных особенностей darbazi (დარბაზი), особо интересующего нас как жилище семейной общины.

¹ Аналогичная формула установлена проф. М. О. Косвенном у осетин. См. его «Из истории родового строя в Юго-Осетии». «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 5.

Г. Н. Чубинашвили, описывая дигомские *darbazi* (დარბაზი), находившиеся недалеко от Тбилиси, пишет: «Дигомские *дарбазы* наиболее несложны и просты; они приблизительно одного размера, построены наполовину в земле. Вход имеют с востока, через небольшой балкон под навесом («дерепани»), на котором с одной стороны устраивается камин. Внутри *дарбазы* разделены столбами на три отделения. В среднем отделении перекрытие выделяет центральный все суживающийся и поднимающийся уступами квадрат (так называемый «гвиргвини») со световым и дымовым отверстием вверху, в центре. Боковые отделения имеют горизонтальное перекрытие: перед стеной заднего отделения, напротив входа, устраивается внизу аркатура для установки крупных сосудов и т. п., над которой находится полка, а над нею в стене ряд небольших нишек. Между арками нижнего ряда есть круглые отверстия для мелочей. По всей длине боковых стен *дарбазы* устроено несколько больших прямоугольных ниш для складывания постелей, которые размещались на бывших под ними широких тахтах. Столбов, поддерживающих балки, делящие *дарбазы*, два: побольше — дальний, поменьше — ближний от входа; по словам местных старожилов, бывали *дарбазы* с тремя столбами — один большой с западной стороны, а два поуже — с восточной. Перед столбами располагали очаг, над которым на цепи подвешивался котел...»

«Центральный интерес в *дарбазы*, — пишет автор далее, — представляет с архитектурно-художественной точки зрения способ перекрытия центральной части, именуемой «гвиргвини» (венеч). В Дигоми это достигается в простейшей форме четырехугольника... Несмотря на простоту форм перекрытия каждая балка и мелкие соединительные звенья покрыты в Дигоми узорами и декоративно оформлены. Главная же резьба сосредоточена на столбах (на обращенных друг к другу их сторонах) и на подбалках поверх них... Таким образом, чисто архитектурные формы дополняются декоративной резьбой, которая применяется и на столбах и подбалках внешнего навеса»¹.

Такова архитектурная особенность одного из видов жилищ картлийской семейной общины, под кровлей которого объединялось несколько поколений нераздельных братьев.

Особого внимания для воссоздания истории семейной общины заслуживают вопросы разделов семейных общин, хорошо представленные картлийским материалом. Последний позволяет установить отдельные ступени сегментации семейных общин, а также проследить за образованием новых кварталов или *qagi* (ჯაგი), от которых впоследствии образовалось село, и тем самым установить форму расселения, создаваемую в процессе сегментации больших семей.

Из картлийских этнографических материалов явствует, что процесс сегментации большой семьи первоначально не был связан с выделением малых семей, а заключался в образовании новых семейных общин.

Так, при изучении семейной общины **Ахалгебриани** в селении Меджврисхеви Горийского района была установлена трехкратная сегментация.

Сохранившаяся в памяти более древняя семейная община **Ахалгебриани**, объединявшая поколения двух братьев — Эстате и Симона, состояла из

¹ «Грузинские «дарбазы», под редакцией Г. Н. Чубинашвили, Т., 1927, ч. 1, Дарбазы в Дигоми, стр. II—IV.

48 душ. Раздел семьи, при котором выделились новые четыре общины, произошёл после женитьбы внуков и появления уже четвертого поколения.

Следующие за этим выделы происходили опять большими семьями, только уже с последующим разделением на малые, индивидуальные семьи, которым был закончен процесс сегментации семейных общин.

Одним из основных и сложных вопросов при сегментации больших семей является порядок раздела имущества, в котором сказывается основной принцип собственности, определяющий саму форму семьи. Естественно поэтому, что мы позволим себе здесь более подробно на этом остановиться.

Все основное, наследственное имущество большой семьи — *тата-рареули* (მამა-პაპეული) — делилось по братьям — *само-саçило* (სამომ-საწილო). Каждая община состояла из столько долей, сколько братьев в ней объединялось. Раздел между братьями, если не учитывать особой незначительной доли главы семьи — *саурго* (საურგო), включающей обычно корову или быка, а также права старшего брата на отчий дом, во всем остальном происходил поровну.

По равным долям братьев делилась как земля, так и весь наличный скот, жилые и хозяйственные постройки и орудия производства. Общим достоянием всех членов семьи являлся урожай, который делился поровну между всеми членами семьи. Несколько своеобразным являлось в этом отношении распределение вина, при котором принимались во внимание пол и возраст, указывающие на возможность этого лица участвовать в работе по обработке виноградника.

Принцип поколенного деления имущества настолько был очевиден, что так называемое *сакоçило* (საქორწილო), предназначенное на свадебные расходы, давалось только холостому брату, племянник на этот пай не претендовал.

Новым явлением при разделе следует считать выделение благоприобретенных земель — *орлит моробеули* (ოფლით მოპოვებული) — от наследственных — *тата-рареули* (მამა-პაპეული). При разделе благоприобретенных земель взрослые племянники, участвовавшие своим трудом в приобретении имущества, также получали оттуда свою долю¹.

Итак, право на благоприобретенное имущество распространялось на всех членов семейной общины, участвовавших в приобретении последнего — момент, составляющий новую правовую категорию в семейной общине.

Из имущества семейной общины женщина получала также приданое — *пзитеви* (ძვირთვი). В случае же отсутствия в семье наследника девушка оставалась дома и приводила примака. В первом случае женщина ничего, кроме приданого, не брала. Оставшаяся же дома женщина и принявшая примака имела право на наследование имущества на правах наследника мужского пола. Мужчина, который уходил примаком в дом тестя,

¹ Несколько иначе описывается этот порядок раздела семейного имущества у С. В. Мачабели, который пишет следующее: «В основу распределения имущества при посемейных разделах принимается в громадном большинстве селений Горийского уезда родовое и трудовое начало; в прежнее время трудовое начало имело здесь большое значение; теперь же осталось очень немного селений, в которых труд вознаграждался бы сполна. В большинстве селений из сообща нажитого имущества дают взрослому сыну только известный излишек и очень редко вводят его братом к отцу, т. е. приравнивают их права на имущество». (Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда, Тифлисск. губ. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. VI, Т. 1887, стр. 173).

терял часть своей доли в отцовском доме. Ввиду того, что примачество у картлийцев составляло исключение, женщина, как правило, не получала своей доли и раздел происходил только между братьями.

Помимо *mzitevi* (მზითევი), в картлийской семье, так же как и в семейных общинах других районов Грузии, женщина имела свое *satavno* (სათავნო), заключавшееся в принадлежавшем лично ей количестве скота и денег. *Satavno* (სათავნო) составлялось из подарков, принесенных девочке с самых первых дней ее рождения близкими родственниками; из подарков, сделанных ей во время свадьбы, а также из ее личных заработков. Капитал этот, постепенно увеличиваемый посредством новых заработков — пущенных в оборот денег, находился в распоряжении самой женщины. Весь скот, входивший в *satavno* (სათავნო) женщины, должен был содержаться вне семейной общины, так как семейная община, не имевшая права на *satavno* (სათავნო) женщины, не должна была при этом нести на него никаких расходов. Отношение семейной общины к *satavno* (სათავნო) женщины хорошо видно также и из документов *şeqiloba* (შეყილობა), о которых выше уже упоминалось.

В одном из таких документов говорится о тех взаимоотношениях, которые должны быть установлены между членами семьи, и там же упоминается о порядке сохранения и использования *satavno* (სათავნო) женщины на стороне¹.

В специальной литературе имеются ценные описания существовавшего еще в XIX веке у картлийцев *satavno* женщины. Ек. Габашвили пишет: «В полное владение женщины поступают «нишани» или «белга», «присахави» и «шашаши». «Нишани» — первый подарок, денежный или вещный (натуральный), подносимый женихом или его доверенным лицом при помолвке. «Присахави» — дар, дающий право узреть лик невесты, по форме переживания напоминающий время, когда лицо невесты закрывалось и она снимала покрывало под условием подарка, приносимого как теперь не только родственниками и свитой жениха, но и вообще всеми участниками свадьбы. «Шашаши» — подарок денежный, получаемый невестой после того, как она протанцевала лезгинку.

Личную собственность крестьянки составляет корова, подаренная ей матерью после первого разрешения от бремени. Женщине же принадлежит «крунчхиспури» и «кериснаболари». «Кериснаболари» — часть ячменного урожая, а «крунчхиспури» — не вымолоченные пшеничные колосья, оставшиеся после веяния хлеба. Женщины собирают эти остатки, молотят для себя и полученные зерна продают или сеют пополам с соседом.

Имущество крестьянки переходит к ее детям. Если придансе небольшое, то оно поступает все в собственность дочери; в противном случае делится между сыновьями и дочерьми и поступает в их полное владение, не идет даже на погашение долга, падающего на всю семью. Женщина предпочитает отдавать свой капитал на проценты в чужие руки, но если семья берет в долг у нея, то обязана возратить беспрекословно. Если женщина умерла бездетной, то право на приданое, принесенное ею, принадлежит

¹ «ჩვენს ცოლებს თუ სამთავნო რა ქონდესთ სახლში ნუ შეინახავენ, გარეთ ესეც უნდა მისცენ და ასაქმონ». Институт Рукописей АН ГССР, Qd № 167.

прежде всего ее родным по отцу и матери, а за отказом их — мужу, вступающему в безраздельное владение капиталом жены»¹.

Подробно касается этого вопроса при описании картлийской семейной общины и Н. Л. Абазадзе. «Приданое составляет отдельную собственность женщины, — пишет Н. Л. Абазадзе, — деньги составляют ее личный капитал под названием с а т а в н о. Приданым женщина распоряжается самостоятельно: ни семья, ни муж не имеют участия в нем. Деньги могут быть пущены ею в оборот, и процентами с них может быть увеличиваемо с а т а в н о; животное же она может продать и вырученными от продажи деньгами опять-таки увеличить «с а т а в н о». В последнем случае приплод она должна делить с семьей: одну половину получает женщина — собственница, а другая поступает в собственность семьи, на счет которой кормилось животное. Женщина может еще увеличить свое «с а т а в н о» так называемыми учительскими деньгами «с а о с т а т о». С а о с т а т о означает следующее: если женщина грамотная и берет ученицу из какой-либо семьи для обучения ее грамоте, то вознаграждение за учительство — «с а о с т а т о» она получает впоследствии от жениха своей ученицы деньгами, по меньшей мере три рубля. Мужская же половина вовсе не имеет никакой отдельной собственности»².

Некоторая часть недвижимого имущества разделу не подвергалась. Так, при разделе семьи мельница, доходы с которой периодически делились по братским долям, обычно оставалась общей собственностью семьи, доли эти доходили до мельчайших единиц. Из меджврисхевских материалов могут быть названы мельницы рода Кочлаани; общая мельница двух родов Мусураани и Ичкити; мельница рода Гогитаани; мельница Бегиашвили и т. д. В некоторых из них установлены случаи столь маленьких долей, когда доходы отдельных семей заключались лишь в нескольких мисках муки.

Таким образом, после семейных разделов мельница оставалась патронимическим имуществом, при коллективном пользовании которым применялось созданное большой семьей деление по братским долям. По такому принципу деления отдельные доли мельницы, принадлежавшие членам родового квартала, не могли быть равны между собой, а зависели от последующих размножений и дроблений семейной общины.

Здесь же необходимо отметить, что неделимость мельницы во время общего раздела имущества семейной общины, наравне с этнографическими данными, устанавливается также и по официальным документам, а именно по актам семейных разделов³. Из некоторых актов выясняется также, что в качестве неделимого имущества наравне с мельницами выступают и маслодавильни⁴.

Особенность образования новых общинных хозяйств и кварталов села также была связана с порядком семейных разделов. После разделов основу нового поселения составляла оставшаяся семейной общине постройка жилого или хозяйственного назначения, под кровлей которой обосновывалась вновь выделившаяся семья.

Вышеназванная семейная община Ахалгебриани, которая прошла через три ступени сегментации, может быть рассмотрена и с этой точки зрения.

¹ Имущественное право грузинки в крестьянской семье. «Этнографическое обозрение», кн. II, 1889, стр. 190—191. Ср. «Ивериа», 1889, № 97 (на груз. яз.).

² Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин, «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889, стр. 20.

³ «Древности Грузии», т. 1, Т., 1909, стр. 55. (на груз. яз.)

⁴ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Qd № 168.

Выделившихся из одной семейной общины Ахалгебриани в последнее время насчитывалось 14 дымов, большинство из них занимало компактный квартал Ахалгебриани, некоторые же отселились. Несмотря на трехкратные разделы этой семьи, на месте удалось восстановить как первоначальный план усадьбы семейной общины (см. табл. № 2а), так и план расселения после ее превращения в квартал Ахалгебриани (см. табл. № 2б), где наглядно показано, как каждая из построек семейной общины, доставшаяся братьям при их разделе, становилась новым жилым помещением для вновь образовавшейся семьи.

На таблицах представлен конкретный материал с указанием имен старших мужчин этих девяти дымов одного *ризе* (ფუძე), а также одного квартала и перечислением их построек, в которых размещались первоначально эти семьи. Таким образом, расселение вновь выделившихся семейных общин происходило на территории прежней семейной общины с прибавлением приусадебных участков, что в общей сложности составляло одно *ризе* (ფუძე), или один моногенный квартал.

Из кварталов Меджврисхеви можно также назвать квартал Бибилаани, который впоследствии состоял из 26 дымов, потомков двух семейных общин Китесиани и Ниблиани. На территории семейной общины Китесиани было расселено 12 хозяйств; на территории Ниблиани — 14 хозяйств. Все вместе составляли один квартал, называемый Бибилаантубани или Бибилаант кари.

Расселение вновь выделившихся патриархальных семейных общин на территории первоначально существовавшей большой семьи было характерно для большинства картлийских селений.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У КАХЕТИН

Ведущей формой хозяйства у кахетин являлась одна из отраслей земледелия — виноградарство, при этом для кахетин было характерно деление на отдельные хозяйственные микрорайоны. Жители центральной части Кахети, как и гарекахетины, занимались преимущественно виноградарством, кизикцы же в основном — скотоводством.

Та часть Кахети, которая по своему расположению получила наименование «Ш и д а К а х е т и» (буквально: внутренней, центральной Кахети), резко отличалась от Кизики как своими хозяйственными особенностями, так и общественными отношениями, о чем будет сказано особо.

Ведущей отраслью хозяйства здесь являлось виноградарство, которое сочеталось с полеводством и скотоводством, имеющим подсобное значение.

Внутренняя жизнь семейной общины, связанная с характером занятий членов семьи и распределения между ними отдельных функций, отличалась здесь некоторым своеобразием. Следы исторически существовавших семейных общин хорошо прослеживаются и здесь на примерах отдельных кварталов, образованных в результате сегментации семейных общин. Существование такого рода кварталов характерно для живой этнографической действительности всей Кахети. Почти во всех селах сохранены остатки расселений, именуемые по названию некогда существовавших семейных общин. Так, например, селение Карданахи было разделено на следующие кварталы: **Илаани, Сесиаани, Чахваани, Шакриаани, Тетула-**

ани, Мартаани, Элисаани, Туриаани, Дзидзаани, Важбедаани, Мамулаани, Беденаани, Берикелаани.

Семейная община Диди Илаани¹, от которой впоследствии был образован по принципу родственности квартал Илаани, объединяла двух братьев с их женами и детьми. После раздела сыновья Тедо — одного из названных братьев, продолжали жить вместе, одной семейной общиной.

Последний раздел произошел уже спустя двадцать пять лет после первого — в 90-х годах XIX столетия.

Семейная община Илаани интенсивно занималась всеми видами хозяйства: виноградарством, земледелием и скотоводством при преобладающем значении виноградарства. При этом Алекси, управляя семейной общиной, занимался в основном виноградарством; Сико и Сандро, занимаясь в основном полеводством, принимали участие и в работах по виноградарству; Закариа занимался торговлей вином и работал в винном складе в Тбилиси; Васо был скотником.

Часть земель семейной общины Диди Илаани составляла ее надел, за который она выплачивала соответствующий государственный налог. Другая часть земель была арендована у бывших феодалов Вачнадзе, за что им уплачивалась одна четверть урожая.

Равным образом подразделялись и виноградники семейной общины Диди Илаани. Виноградник—Кало венахи (находящийся рядом с *kało* (კალო), т. е. током, был расположен на земле бывшего феодала; с этого виноградника получали в среднем 120 ведер вина—столько же, сколько и с виноградника Шарисмица, который входил в наделные земли.

Работа в виноградниках велась круглый год и требовала немалого количества рабочей силы. С января до марта месяца занимались сработкой почвы мотыгой и расстановкой новых подпорок; в марте месяце производили сухую подвязку лозы *şeqelva* (შეყელვა).

В апреле и мае месяцах занимались подрезкой лозы *rigčvna* || *ga-sxlva*—(ფურჩვნა || გასხლვა), последняя работа проводилась также осенью; в ней принимали участие и женщины.

С мая месяца происходило обрызгивание лозы раствором медного купороса—*şeqamlva* (შეწამლვა) и опыливание серой, что повторялось два или три раза в год в зависимости от состояния лозы. Осенью, перед сбором винограда, производились подготовительные работы, заключающиеся в очистке кувшинов и приведении в порядок всего нужного инвентаря. В сборе винограда принимали участие вместе с мужчинами и женщины.

Основными сортами винограда были *gkaçiteli* (გქაწითელი) и *saregavi* (საფერავი). Ркацители — белый сорт винограда. Женщины весьма искусно заготавливали на зиму перекипяченный виноградный сок—*badagi* (ბადაგი), тончайшие лавашы из виноградного сока *tkbiliskveri* (ტკბილისკვერი), *şigçxlebi* (ჩუჩხელეები), приготовленные из виноградного сока и крупных или мелких орехов, сушеного инжира, сушеного винограда, косточек тыквы — все это готовилось под руководством *diasaxlisi* (დიასახლისი), которая затем все изделия уже в готовом виде распределяла поровну между невестками.

Вино обычно находилось в распоряжении главы семьи, который сам занимался реализацией выделенной для продажи части вина. Мерой вина, которой исчислялось как количество общего урожая, так и предназначенное

¹ Сел. Карданахи, Илашвили Алексей Федорович, 85 лет.

для продажи количество вина, являлось одно *saralpe* (საპალბე), равняющееся у кахетин 48 ведрам.

Вино продавалось обычно приезжающим из Тбилиси и Телави вино-торговцам — *siğaži* (სიგაჯი), которые вывозили вино на фургонах в воловьих шкурах—*gimbi* (გუმბი), позднее уже в бочках.

Из оставшейся мязги — *çaça* (ჭაჭა) после продажи вина выкуривалась водка, которая также продавалась в большом количестве.

Все виноградники в сел. Карданахи были отдалены от жилых кварталов села. Виноградники, именуемые по местности *çagari* (ჭაგარი), располагались по соседству с пахотными землями. Каждая семейная община устраивала здесь же и свое гумно — *çaló* (ჯალო), на котором размещался, помимо тока для молотбы, весь комплекс хозяйственных построек.

У семейной общины Диди Илаани, например, на гумне, располагались *тагапи* (ბარაბი — постройка для давальни и хранения вина), хлев для рабочего скота, саманник, амбар и жилия постройка для остающихся на гумне работников.

Часть винных кувшинов была зарыта в земле внутри *тагапи* (ბარაბი), другая была зарыта перед *тагапи* (ბარაბი), где также находились и ямы для хранения зерна. Внутри *тагапи* (ბარაბი) помещалась деревянная давальня — *пави* (ბავი), а также полки *taxebi* (თახები) с расставленной на них глиняной посудой: разного размера кувшинами для вина и круглыми мисками для пищи. У камина, расположенного у одной из стен, была устроена койка с постелью виноградаря, постоянно находившегося в винограднике и *тагапи* (ბარაბი).

На гумне была устроена винокурня, в которой выкуривалась водка из мязги (см. табл. № 3).

Те члены семьи, которые были связаны с виноградарством и полеводством, большую часть времени проводили вне дома, в *çagarebi* (ჭაგარები), где размещались, как указывалось, виноградники и пахотные земли.

Çagarebi (ჭაგარები) являлось постоянной хозяйственной базой семейной общины, где не только происходили первичные процессы труда, но и переработка и хранение продуктов — вина и зерна.

Рабочий скот обычно также находился в *çagarebi* (ჭაგარები). Его количество в семейной общине Диди Илаани доходило до 30—40 голов. Молочное хозяйство, которое велось под руководством одного из братьев — Васо, основывалось на содержании скота на подножном корму; при этом в течение года скоту два раза меняли кормовую базу. С апреля месяца до ноября скот находился в северо-западной части Алазани; земля эта считалась неплодородной и не засеивалась. С ноября по апрель, после уборки урожая, скот перегонялся в юго-восточную часть Алазани. На всей этой территории были устроены соответствующие помещения как для скота, так и для скотников.

Молочным хозяйством в условиях отгонного скотоводства занимались только мужчины: они пасли и доили скот, приготавливали на месте сыр и масло. Овцеводством семейная община Диди Илаани специально не занималась, но имела для домашнего пользования до 200 голов овец.

Семейная община **Берикелаани**, которая впоследствии также образовала особый квартал под этим же названием, разделилась в двадцатых годах настоящего столетия¹.

¹ Сел. Карданахи, Григорий Иванович Берикелашвили, 95 лет.

В последние годы своего существования семейная община Берикелаани состояла из четырех братьев с их женами и детьми.

Иване, глава семейной общины Берикелаани, был крепостным князя Вачнадзе, от которого впоследствии он откупился и после этого стал обрабатывать землю помещика на общих условиях. Преемником Иване был Григол, являвшийся в то же время главным плугарем—*gutnis deda* (გუთნის დედა) и лучшим виноделом семьи.

Общее количество виноградников семейной общины Берикелаани составляло девять с лишним гектаров; они делились на следующие участки: Шина венахи, Тушишвилисеули, Мама-папеули, Исосеули, Ревазянтеули, Чарнапи, Борджалаури. Семья со всех виноградников получала от 3500 до 4000 ведер вина в среднем, из них около трех тысяч ведер продавалось стоимостью от одного до полутора рублей за ведро. Продавалось так же около 500 ведер выкуриваемой водки.

Реализация вина и водки происходила на месте. Приезжие виноторговцы — *siḡaḡi* (სიგაჯი) устанавливали с владельцами вина связь посредством *uvinis atopuebi* (ღვინის ამომღებნი) — лиц, занимающихся переливанием вина из зарытых в землю кувшинов посредством специальных виночерпалок. *Uvinis atopuebi* (ღვინის ამომღებნი) являлись в то же время посредниками между продавцами и покупателями вина, за что они получали специальное вознаграждение как натурой, так и деньгами.

Состоятельность семьи в основном зависела от доходов с вина, благодаря которым семейная община из года в год увеличивала количество земель и разводила новые виноградники. В тех случаях, когда потребности семьи в зерне или рогатом скоте не могли быть вполне удовлетворены, компенсация происходила за счет доходов с виноделия.

В семейной же общине Берикелаани, наряду с виноградарством, являвшимся основной отраслью хозяйства, были достаточно развиты полеводство и скотоводство.

Семейная община Берикелаани обрабатывала следующие пахотные участки: Ордзедзви — 2 гектара, Накодреби — 1,5 гектара, Шорокани — 2 гектара, Хелант гарди-гардмо — 2 гектара; все эти 7,5 гектара принадлежали бывшему феодалу Вачнадзе, которому выплачивалась четвертая часть урожая. Всего годовой урожай в среднем достигал 7—8 тонн зерна, откуда около 5—6 тонн оставалось семейной общине Берикелаани.

Количество скота в семейной общине Берикелаани было строго регламентировано потребностями семьи в мясных и молочных запасах, а также в тягловой силе.

Семья эта имела четыре пары волов и две пары буйволов, две лошади и одного жеребенка, одного мула и одного осла, 7—8 дойных коров, двух дойных буйволиц и 5 голов молодняка.

Как поголовье скота, так и количество виноградников семейной общины Берикелаани, по тем устным сведениям, которые нами собраны на месте, полностью совпадают с данными соответствующего акта о разделе их семейного имущества¹.

Гумно — *kaḡo* (კაღო) со всем комплексом построек хозяйственного назначения представляло основную базу хозяйственной жизни Берикела-

¹ Оригинал акта хранится в семье Григория Ивановича Берикелашвили, сел. Карданахи. Копия акта находится в материалах Кахетинской этнографической экспедиции.

ани; на нем находилось тагапи (ბაღაბი) — хранилище вина и давилня, конюшня—хлев с чердаком, саманник, амбар для кукурузы и ямы для хранения зерна, а также жилое помещение.

В зимнее время на гумне содержался рабочий скот; молочный скот находился в Алазанской долине — в Балбакудур, где были устроены хлева и помещения для скотников. Уход за молочным скотом составлял обязанность брата, Ильи, и его племянника—Сардиона. Летом скот выпасался на другой стороне реки Алазани — в Шорокани. В обязанности Ильи входила дойка коров, приготовление масла и сыра; до августа месяца обычно изготовлялся сыр, а затем, до конца ноября — масло. На зимние стоянки переходили в ноябре месяце и оставались там до апреля.

Женщины не принимали участия в уходе за скотом. Незначительно было также участие женщин в полевых работах и в работах на виноградниках. Основная трудовая жизнь женщин протекала внутри дома, в то время как трудовая жизнь мужчин была сосредоточена в основном в тагапи (ბაღაბი) и на — *qalo* (კალო), представляющем хозяйственную базу виноградарства и полеводства, либо на зимних и летних стоянках скота.

Женщины были заняты воспитанием детей и под руководством старшей хозяйки — *diasaxlisi* (დიასახლისი), выполняли все домашние работы, связанные с выпечкой хлеба и приготовлением пищи; при этом *diasaxlisi* (დიასახლისი) устанавливала между невестками недельную очередность работ — *poati* (ბობათი). Много времени занимали у женщин работы, связанные с шитьем, вязанием и прядением шерсти для нужд семьи, а также работы, связанные с увеличением личных заработков для увеличения *satavno* (სათავნო) своего капитала.

Селение Квемо Ходашени в целом представляло последующее развитие семейных общин, образовавших следующие кварталы: Бурнадзиант убани, Оманаант убани, Залаант убани, Нинаант убани, Халичаант убани, Поликаант убани, Цвилаант убани.

Бурнадзиант убани состояло из 22 семейных общин, которые считали себя выходцами из одной первоначальной семейной общины. Одна из семейных общин этого квартала, называемая Диди Бурнадзиани¹ разделилась в 1908 году, что видно как из устных сведений, так и из документа посемейного раздела².

В семейной общине Диди Бурнадзиани объединены были четыре брата со своими женами и детьми.

Главой семейной общины был Илико, который в основном занимался виноградарством. Второй брат, Датико, был пахарем — *gutnis deda* (გუთნის დედა) и ведал в семейной общине всеми делами земледелия; третий, Закро, был овчаром и постоянно находился с отарами овец на зимних и летних стоянках; четвертый брат, Исако, занимался молочным хозяйством. Молодые члены семейной общины направлялись по усмотрению Илико на те или иные работы.

Семейная община Диди Бурнадзиани имела следующие виноградники: Ницаан губе, Марнис венахи, Амидастури, Карис венахи, что в общей сложности составляло около 6 гектаров;

¹ Сел. Квемо-Ходашени. Елена Исааковна Бурнадзе, 72 лет.

² Оригинал документа находится в сел. Квемо-Ходашени у Ясе Давидовича Бурнадзе, копия хранится у автора в материалах кахетинской этнографической экспедиции.

все эти виноградники находились в наследственном пользовании семьи, т. е. представляли имущество — мама-папеули.

Пахотные земли были представлены участками: Ч а л а (Čala—ჭალა)—1 гектар, К у д у р и (Kuduri—ქუდური)—1 гектар, Н а п а р е х л е б и — 3 гектара, Н а ч х а т е б и — 2 гектара, Х о д а б у н и — 2 гектара, Г а г м а у б а н и (Gauma ubani—გაუმა უბანი)—1,5 гектара, К о р а х а у л и или Н а д а р б а з е б и — 2 гектара, Г у л и а у р и (или Э м т а а н т м и ц е б и)—2 гектара. Сведения относительно виноградников и пахотных земель семейной общины Диди Бурнадзиани подтверждаются также данными вышеприведенного документа. Сеяли здесь просо и пшеницу; из пшеницы сеяли следующие сорта: доли (доли пури), тавтухи (tavguxi თავთუხი) и дика (дика пури).

В семейной общине Диди Бурнадзиани было развито и скотоводство. Разводили как крупный, так и мелкий рогатый скот.

При развитой системе земледелия с пахотой тяжелым пахотным орудием, для которого требовалось по три-четыре пары волов и буйволов, естественно, что параллельно молочному скоту разводился и тягловый скот. У семейной общины Диди Бурнадзиани было три gutneuli (გუთნეული) упряжки плуга, для чего требовалось двенадцать пар волов и буйволов. Кроме этого скота, растили и молодых бычков, от 50 до 60 голов. Количество молочного скота с телятами доходило до сотни, при этом соблюдалось следующее соотношение: 60 коров и телят и 40 буйволиц с буйволятами.

Рабочая скотина находилась в ведении gutnis deda (გუთნის დედა) — пахаря Датико, за которой под его руководством следили дневные и ночные погонщики — молодые члены семьи. Молочным скотом управлял тезгохе (თეზგოხე) — коровник — Исако, у которого всегда было 2—3 наемных пастуха.

Рабочий скот обычно содержался при гумне. Молочный, напротив, находился на подножном корму: зимой — с ноября до апреля — в Ч и а у р и Čiauri (ჭიორი), здесь же находилось в это время стадо овец. В Чи-аури у Диди Бурнадзиани были устроены кошары для овечьих стад и хлева для крупного рогатого скота. Летом молочный скот перегонялся в Ц и в Г о м б о р с к и е г о р ы, а баранта направлялась на Л е к и М т а.

У семейной общины Диди Бурнадзиани были и лошади. Они находились в горах, а также на гумне. Лошадь использовали при молотье, перевозке продуктов для пастухов, а также — для верховой езды.

Имея столь сложное и развитое хозяйство, семейная община Диди Бурнадзиани нуждалась в большом числе рабочих рук. Наемным рабочим платили продуктами, которые были в излишке. При этом продукты выдавались наемным пахарям и жницам вперед за их будущие работы. На масленицу, когда население больше всего нуждалось в молочных продуктах, Диди Бурнадзиани выдавали своим будущим пахарям и жницам в счет будущих сезонных работ требуемое им количество масла и сыра. Выдавали им также с условием будущей отработки и шерсть.

Иными словами, семейная община, хозяйство которой строилось посредством наемного труда, выискивала более эффективные средства эксплуатации бедняков.

Естественно, что в такой, семейной общине, в которой широко использовался наемный труд, участию в общих работах отдельных своих членов семьи особого значения не придавалось, в то время как в других семьях от этого участия зависели даже права членов семьи. Так, например, право пользоваться общими сбережениями семьи для своих нужд подростки получали обычно лишь только после того, как они вносили в семью свою лепту

труда; до того времени детей должна была одевать мать, имея для этого свое приданое — *satavno* (სათავნო) и выскивая пути к побочным заработкам. В семейной общине Диди Бурнадзиани семья обеспечивала одеждой всех своих членов в равной мере, независимо от их возраста, поэтому и шерсть, предназначенная для внутреннего потребления, между невестками не делилась.

Satavno (სათავნო) было и у невесток семейной общины Диди Бурнадзиани. В отличие от других общин *satavno* (სათავნო) женщин рассматриваемой общины часто использовалось для ростовщических операций. Нуждающиеся в деньгах лица получали их из *satavno* (სათავნო) под залог участка земли. В том случае, когда в указанный срок деньги не возвращались, владелица денег продолжала владеть настоящим участком земли до получения своих денег. Занявший деньги мог при этом вспахать участок земли, но при условии, что одну треть или четверть урожая получит владелица денег. Получаемое женщинами вознаграждение в таких случаях шло на увеличение размеров *satavno* (სათავნო).

Дом семейной общины Диди Бурнадзиани, выстроенный в 1801 году, в настоящее время сохранился в несколько измененном виде.

В верхнем этаже двухэтажного дома четыре жилые комнаты, которые принадлежали четырем братьям; в нижнем этаже — хлев для скота — *gomigi* (გომიგი), находящийся под тремя комнатами, под четвертой комнатой — помещение для хранения молочных продуктов. К дому было пристроено *tagani* (თაგანი). В *tagani* (თაგანი) находились зарытые в землю кувшины и давяльня — *pavi* (პავი); рядом с *tagani* (თაგანი) — *beyeli* (ბეიელი) — зернохранилище и амбар для муки; за домом саманник (см. рисунок дома и план усадьбы, табл. № 4а, ср. так же табл. № 4б).

С точки зрения исследуемой проблемы интересно деление селения Гурджаани на кварталы: Сахасо, Дзаглис убани, Натлимцемлис убани, Котехи и др., каждый из которых делился на более мелкие кварталы с родовыми наименованиями. Так, например, Хевис убани имело следующие подразделения: Муракаант убани, Безараант убани, Тетаант убани, Цискараант убани, Шишиаант убани, Мамиаант убани, Элизбараант убани. Все они с явно сохранившимися патронимическими наименованиями.

Семейная община Гонелаани находилась в Элизбараант убани. Свое наименование она получила от прозвища главы семьи Георгия, который вместе с двумя братьями и их женами и детьми составляли названную семью.

Основными доходами семейной общины Гонелаани, также как и других жителей Гурджаани, являлось виноградарство и виноделие. Торговля вином, как на вывоз, так и на удовлетворение местного спроса, давала самые большие доходы.

Илья был старшим братом в семье; он занимался виноделием и виноторговлей, а также руководил семейной общиной. Другой брат, Ваню, был занят скотоводством. В семье широко применялся наемный труд, необходимый для ведения большого хозяйства семьи Гонелаани. Наемный труд, связанный с товарным производством, вообще не был редким явлением для жителей Гурджаани, где торговля вином приобретала большие масштабы.

Гонелаани имели 8 гектаров виноградника: Д и д и ш а р а — 4,5 гектара, Д у б е ш и — 3,5 гектара, откуда получали в среднем от 60 до

80 бочек вина. Кроме вина, семьей выкуривалось в год не менее 20 бочек водки (бочка = 60 ведрам).

Все виноградники с. Гурджаани, также как и часть пахотных земель, находилась в стороне от жилых кварталов села. Расположенное в этой части села гумно представляло комплекс хозяйственных построек земледельческого и виноградарского хозяйства. Гонелаани имели два тагапи (ძარბი): одно на гумне, другое у себя в доме. Основными сортами винограда были гка-çiteli (გქა-წის ელი), sarçavi (სარჯავი).

Пахотные земли семейной общины Гонелаани, обрабатываемые в основном силами наемного труда, были следующие: Ш а б р а а н и — 10 гектаров, А у з и ц х а л и — 5 гектаров, Ч а л а ц х л е б з е — 3 гектара, Ц и т е л ц х а л з е — 3 гектара.

Количество крупного рогатого скота Гонелаани доходило до 500 голов, размножение которого было обусловлено также интересами торговли. Овечьих стад семейная община Гонелаани не имела.

Масштабы хозяйства семейной общины Гонелаани не соответствовали числу рабочих рук членов семьи. Вместо искусственного объединения — ðeqiloba (შეჯილობა), строящегося, как указывалось, на равных братских условиях, семья увеличивала число рабочих рук посредством наемного труда, что свидетельствовало о начале ее разложения. Основным принцип ðeqiloba (შეჯილობა) — складства, вполне отвечал общинным порядкам семьи, которая была заинтересована в ведении и развитии общего хозяйства.

Примеры крупных хозяйственных организаций в условиях сравнительно малого числа членов семьи и при использовании наемного труда могут быть рассмотрены уже как последний этап в развитии семейной общины, переходящий от общинно-семейной собственности к частной собственности и индивидуальной семье.

Этап этот является более поздним сравнительно с той переходной ступенью, которая сохраняла нераздельную хозяйственную базу в качестве коллективного производства при индивидуальном потреблении. Примеры такой формы хозяйства на поздней ступени развития семейной общины приведены в настоящей работе по другим грузинским этнографическим и историческим материалам.

Селение Вазисубани также было разделено на кварталы, сохранившие в своих наименованиях древние родовые обозначения: Га-рибаант убани, Маниаант убани, Абазаант убани, Махароблиаант убани, Тадиаант убани, Датиаант убани, Ростинаант убани, Гогнаант убани, Соломаант убани, Чаракаант убани, Гебриант убани, Лондриаант убани, Канааант убани, Гвдлиант убани.

Одна из семейных общин Гебриант убани — Элиозаани¹, просуществовавшая до 1918 года, состояла из объединения пяти братьев с их женами и детьми.

Семейная община Элиозаани занималась в основном виноградарством и скотоводством, по своим размерам удовлетворяющим не только требованиям семьи, но и интересам товарного производства, и хлебопашеством, имевшим лишь потребительское значение.

Возглавлял семейную общину старший брат — Абеда. Основным его

¹ Михаил Матвеевич Гебришвили, 82 лет.

занятием было виноградарство; два остальных брата, Миха и Арутина также работали по виноградарству; Ника и Кула были скотниками.

Элиозаани имели до четырех гектаров виноградников: Дзедзвани — 2 гектара, Хевивенахи — 1,5 гектара, Аланиани — $\frac{1}{4}$ гектара. Общее количество получаемого в год вина доходило от 15 до 20 бочек (бочка = 60 ведрам).

Скотоводческая отрасль хозяйства была представлена крупным рогатым скотом, насчитывавшим до 100 голов.

В зимнее время скот находился в Шарახеви или в Чиауриჭიაური, (ჭიაური) где у Элиозаани были устроены свои хлева и жилые помещения. Летом скот перегонялся в Цив-Гомбори.

При разделе семейной общины имущество было разделено на пять равных братских долей, причем двум племянникам — Георгию и Дарчо досталась одна четверть гектара виноградника и по одной буйволице.

Абелу, как старшему, полагалось saurgoso (საურგოსო) — пай за старшинство. В saurgoso (საურგოსო) ему не выделили лишней доли, но оказали предпочтение в выборе полагавшейся ему части виноградника.

Два дома, принадлежавшие семейной общине, разделили между четверью, братьями, а пятому брату взамен дома достались конюшня, хлев и участок земли для двора.

Из того же села в качестве примера может быть названа семейная община Чаракашвили¹, которая разделилась только в начале XX века (примерно в 1912—1913 годах), а до раздела состояла из четырех братьев с их женами и детьми.

Виноградарство и скотоводство составляли ведущие отрасли хозяйства семьи; количество крупного рогатого скота доходило до 300 голов. Зимой скот находился в Чиаури, где были устроены хлева, кошары и жилые помещения, а летом — в Цив-Гомборских горах.

Старший брат, Миха, был руководителем семьи и виноградарем; в виноградарстве ему помогал Сандро; Алекса был скотником, постоянно находившимся со скотом.

Количество мелкого рогатого скота — баранты — доходило до 1.000 голов. Главным овчаром был Ванка. Из молодого поколения Датиа, Габро и Ила также находились со скотом.

Для рабочего скота были устроены хлева на гумне, где он постоянно и содержался. Лошади, в количестве от 15 до 20, находились частично на гумне, частично с молочным скотом в горах.

Недостаток в количестве рабочих рук в семейной общине Чаракашвили восполнялся наемным трудом, оплачиваемым натурой — молочными продуктами, так же, как и в вышеописанных семейных общинах.

Семейная община Чаракашвили имела 17 гектаров пахотной земли, обработка которой при интенсивном скотоводческом и виноградарском хозяйстве и при наличии всего 10—12 рабочих мужчин в семье не могла быть осуществлена собственными силами и производилась в основном наемным трудом.

Хозяйственная база семейной общины Чаракашвили помещалась на гумне, где были устроены амбары для зерна, хлев для рабочего скота, конюшни для лошадей, саманник и жилое помещение для находившихся на поле и в виноградниках рабочих.

¹ Леван Иванович Чаракашвили, 79 лет.

Вследствие наличия большого количества скота семье удавалось производить естественное удобрение земли, и поэтому поля ежегодно засеивались без вынужденных перерывов в обработке почвы.

При разделе семейной общины Чаракашвили было учтено то обстоятельство, что внутри этой семьи имелись уже взрослые сыновья и племянники, которые своим трудом в течение долгого времени участвовали в пополнении доходов семьи, в увеличении количества поголовья скота и участков земли. Поэтому раздел семейной общины был произведен следующим порядком: одна половина всего имущества была разделена между братьями — на четыре части, другая же половина — по числу взрослых племянников и сыновей. Три доли приходились на сыновей Ванки: Левана, Датиа и Гиги; две доли на сыновей Миха: Габро и Тите; две доли на сыновей Сандро: Нике и Ила; одна доля на сына Алексия Абела, что в общей сложности составляло восемь долей. Таким образом, вторая половина имущества была разделена на восемь частей. Выдел происходил, тем не менее, по отцам, что формулировалось следующим образом: Ванка со своими сыновьями получал четыре доли; Миха со своими сыновьями — три доли; Сандро со своими сыновьями — три доли; Алекса со своим сыном — две доли. Миха получил при этом за старшинство — sauproso (საუპროსო) — одну корову.

Таким образом, вышеприведенное описание дает возможность установить любопытную деталь, характеризующую внутренний быт семейной общины Шиды Кахети. Эта особенность заключается в том, что в основе раздела благоприобретенного имущества лежало право всех членов семьи, участвовавших в создании этого имущества, на определенную долю в нем, однако, следуя, очевидно, древним традициям, сам раздел сохранял форму раздела по отцам, доли которых включали и доли их сыновей.

Рассмотренный здесь материал является лишь одной частью описания кахетинских семейных общин. Кизикская семейная община, как это было отмечено, представлена отдельно в той части работы, где описываются грузинские семейные общины, с преимущественно скотоводческой формой хозяйства.

Итак, пережитки семейной общины и следы исторически существовавших семейных общин в Шиде Кахети (центральной части Кахети) хорошо прослеживаются на примерах отдельных кварталов, образованных в результате сегментации первоначальных семейных общин.

Ведущей формой хозяйства семейной общины кахетинцев являлось виноградарство, сочетаемое с полеводством и скотоводством, как подсобными отраслями хозяйства.

Для центральной части Кахети была характерна сравнительная с кизикцами малочисленность семейных общин. Внутренняя жизнь семейной общины, связанная с характером занятий членов семьи и распределением между ними отдельных функций, также отличалась некоторым своеобразием. В разделении труда между членами семьи представлены были все три отрасли хозяйства: скотоводство, полеводство и виноградарство, при преобладающем значении последнего. Глава семьи почти во всех случаях занимался виноградарством. Пахотные земли у семейных общин находились в общинно-семейном пользовании по праву надела и арендовались у бывших феодалов.

Основная трудовая жизнь женщин под руководством diasaxlisi (დიასახლისი) протекала внутри семьи, в то время как трудовая жизнь мужчин была сосредоточена на гумне в тагані (მაგანი) и kalo (კალო), представляю-

щих хозяйственные базы виноградарства и полеводства, а также частично на зимних и летних стоянках скота.

На основе виноградарства и виноделия в кахетинской семейной общине возникло и развивалось и товарное производство. Вино и водка вывозились обычно не членами семьи, а приезжими виноторговцами — *siğazi* (სიგაჯი).

Производство и вывоз вина создали в Кахети своеобразную специальность *uvinišvilišvili* (ღვინის ამომღებნი) — достающих из кувшинов вино, которые в то же время являлись посредниками между продавцами и покупателями вина.

Развитие винного производства создавало крупное хозяйство семейной общины, широко применяющее наемный труд. Состоятельность семьи в основном зависела от доходов с вина, за счет которых семейная община в дальнейшем увеличивала количество виноградников.

Примеры крупных хозяйственно-родственных организаций кахетинских семейных общин, использовавших наемный труд при капиталистическом товарном производстве, могут быть рассмотрены уже как последний этап в развитии семейной общины, переходящей к частной собственности и индивидуальной семье.

При разделе благоприобретенного имущества семьи в центральной части Кахети принималось во внимание количество затраченного труда всех членов семьи, но при этом и здесь нерушим был принцип раздела семейной общины именно по отцам, даже в тех случаях, когда в разделе принимали участие сыновья и племянники как самостоятельные дольщики.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У ИМЕРЕТИН

Существование в Верхней Имерети семейных общин может быть установлено как этнографическим описанием сохранявшихся долгое время больших семей, так и по описаниям родственных объединений — *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა), образованных посредством сегментации семейных общин.

В отличие от индивидуальной семьи семейная община в Верхней Имерети имеет специальное наименование — *žalabi ožaxi* (ჯალაბი ოჯახი). Термином *žalabi* (ჯალაბი) в грузинском языке обозначаются члены семьи, *ožaxi* (ოჯახი) — общее понятие — семья; *žalabi ožaxi* (ჯალაბი ოჯახი), в буквальном смысле слова означает — семья с членами семьи, т. е. семья с большим числом членов семьи.

В отдельных селах Верхней Имерети¹ хорошо прослеживается процесс образования отдельных кварталов. Сегментация семейных общин привела к образованию родственного объединения, называемого у имеретин *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა) — буквально — происходящих от одного деда. Наименование патронимии всегда включало имя главы первоначальной семейной общины.

Ввиду того, что процесс сегментации семейных общин не прекращался и после образования патронимии *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა), возникали новые деления, обозначаемые уже отдельными прозвищами всей группы. Так, например, в сел. Сулори (Ванского района), состоящем в основном из Двалишвили, было объединено восемь *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა), каждое из которых состояло из отдельных разветвлений. Расселение с. Суло-

¹ Материал собран в основном в Ванском и Маяковском районах.

(ქობი) и фасоли. Реализация происходила посредством подрядчиков. На вырученные деньги семья покупала для членов семьи одежду, а также расходовала их на предметы первой необходимости. Распространенный у жителей сел. Сулори особый вид высокоствольной виноградной лозы, требовал меньшего числа рабочих рук, чем при уходе за низкоствольной лозой, поэтому специально занятых в виноградарстве лиц здесь не было. Годичный урожай вина в семейной общине Иасеани доходил до 250—300 ჯარი (ჯარი = 16 лиграм). Вино из Сулори не вывозилось, а при надобности продавалось на месте.

Скотоводством сулорцы занимались в ограниченном масштабе. Семейная община Иасеани имела до пяти голов дойной скотины, две пары быков (при существовавшем у имеретин пахотном орудии — *ḡavi* (გავი) для вспашки земли достаточно было одной пары быков). Из молочных продуктов изготовлялся только сыр. Среди женщин в имеретинской семейной общине широко было развито кустарное производство. Молодые невестки в семейной общине занимались как разведением шелковичных червей, так и обработкой шелка. Большое место в женских занятиях занимало ткачество. Выделывались как шелковые ткани, называемые *dagaia* (დაგაია), так и бумажные — *xami* (ხამი), шерстяные — *šali* (შალი), полушерстяные — полушелковые — *šal-abrešuni* (შალ-აბრეშუნი). В полевых работах женщины почти совсем не участвовали, за исключением сбора урожая.

Всеми женскими работами в семейной общине ведала *diasaxlisi* (დასახლისი) — хозяйка дома, которая в большинстве случаев сама занималась изготовлением пищи. Все члены семейной общины вечером собирались вместе за едой. Места членов семьи за общей трапезой были определены по поло-возрастному принципу. С одной стороны стола садились женщины, с другой — мужчины. Во главе сидели самые старшие, а затем, в зависимости от возраста, остальные. (См. таблицы 6—7, Интерьер дома Двалишвили).

Все продукты находились в ведении *diasaxlisi* (დასახლისი), без ведома которой ничего не могло быть израсходовано и вынесено из дома. Единственно неприкосновенным имуществом каждой женщины являлось *satavno* (სათავნო), о котором упоминалось выше при описании других грузинских семейных общин. В имеретинской семейной общине, так же как и в других районах Грузии, входившие в *satavno* (სათავნო) деньги женщина отдавала в долг под проценты. Приплод скота употребляла вся семья, и только приведенный из отцовского дома скот, называемый в этом случае *tavni* (თავნი), оставался в распоряжении женщины. Все входившие в *satavno* (სათავნო) вещи и деньги после смерти женщины переходили к ее детям, остальные члены семейной общины на это имущество никаких прав не имели.

Селение Романети¹ состояло из четырех фамилий: Хурцидзе, Хеладзе, Гиоргадзе и Мепаришвили. Хурцидзе в свою очередь, делились на *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა — буквально — дети одного деда): Габриелашвили, Сехнишвили, Иванешвили, Вахтангишвили, Ростомишвили. Почти для каждого из этих *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა) можно восстановить семейные общины, в результате сегментации которых они образовались. Так, например, одно из названных *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა) Габриелашвили, первоначально представляло семейную общину, состоящую из двух братьев, их жен, невесток и внуков.

На третьем поколении семейная община Габриэлаани разделилась на две части, одну из которых представляла уже семейная община Цкалобаани.

¹ Сел. Романети, Георгий Давидович Хурцидзе, 67 лет.

Семейная община Цкалобаани объединяла семьи трех братьев — Дариспана, Луарсаба и Самсона.

Все три брата занимались земледелием. Молодежь, помимо земледелия, занималась скотоводством. Скотниками были следующие родные и коллатеральные братья: Пармена, Герасиме, Коста, Эпрема, Ладимери, входившие в состав второго поколения. Зимой скот перегонялся на пашни в Силореби, где были устроены зимние помещения для скота и скотников. Летом переходили на летние пастбища в Бугнари—Виупаги (ბუღნარი).

У жителей селения Романети пашни находились на некотором расстоянии от села. Так, например, пахотный участок Силореби находился на расстоянии 6—7 километров, Сатавадоби — на расстоянии 1,5—2 километров. В Силореби семейная община Цкалобаани имела до четырех гектаров земли, такое же приблизительно количество земли составляли и пашни в Сатавадоби.

Общее количество годового урожая зерна (в основном кукурузы) семейной общины Цкалобаани равнялось 800 пудам, часть из которого обычно шла на продажу. При усадебном типе поселения, характерном для Имерети, дворовые участки земли обычно не засеивались, на них обычно сажались фруктовые деревья и культивировался виноград высокоствольной лозы. Годичный урожай вина в семейной общине Цкалобаани доходил до 400 пудов. Жители селения Романети вывозили вино на продажу в соседние, менее урожайные села. Вывозились также фрукты и в города Кутаиси, Самтрелиа и Багдади (именуемое в настоящее время Маяковским).

Крупный рогатый скот семейной общины Цкалобаани, используемый, с одной стороны, как тягловая сила в семье, с другой стороны, удовлетворявший нужды членов семейной общины в молочных продуктах, в среднем насчитывал 3—4 пары быков и 5—6 коров, до 20 голов молодняка, 40 голов баранов и до ста голов коз.

Мужчины, пасущие скот в условиях горных пастбищ, сами доили коров, сами же занимались изготовлением сыра. Участие женщин в молочном хозяйстве проявлялось только в домашних условиях.

Руководителем семейной общины Цкалобаани был Дариспан, хозяйкою дома являлась его жена; diasaxlisi (დიასახლისი) ежедневно распределяла всю работу между невестками; установление недельной или годичной очередности между невестками, характерное для других районов Грузии, здесь не практиковалось. Diasaxlisi (დიასახლისი) ведала всеми домашними работами, также как и распределением запасов семьи.

Молодые невестки в семейной общине Цкалобаани, как и в других семьях, занимались шелководством, являвшимся одним из видов женского труда, связанного уже с товарным производством. Впоследствии семейная община Цкалобаани разделилась по братьям на три части. Старшему брату, главе семьи, был выделен добавочно маленький участок земли (в 1 или 1,5 дня пахания), называемый здесь не sauproso (საუპროსო), а sagatzuolo (საგამძღოლო)—буквально: за управление. Термин, выражающий ту особенность правовых норм, на основании которых настоящая доля выделяется одному из братьев не только за его старшинство, но, главным образом, — за управление и руководство семейной общиной. К тому же sagatzuolo (საგამძღოლო) выделялось только в том случае, если глава семьи находился в должном почете и признавался заслуживающим особой награды за свои труды.

При разделе семьи зерновые запасы делились по числу всех членов семьи, урожай вина — по числу братьев; при этом составлялись письменные документы — pardis kayaldi (ფარდის ქაღალდი) с подробным перечнем всего разделенного имущества.

Семейная община Эkvтимишвили¹, которая также как и Бакарешвилеби, входила в состав babuīšviloba (ბაბუიშვილობა) Эсанешвилеби, разделилась в начале XX века. Ранее указанная семейная община объединяла четырех братьев с их женами и детьми.

Главой семейной общины Эkvтимишвили был Алекси, хозяйкой семейной общины — Макрине. Алекси и остальные его братья — Георгий, Ирод и Кристепоре — были в основном земледельцами.

Пахотные земли Эkvтимишвили состояли из следующих участков: в С и л о р е б и — 2 гектара, в Д и м и д в р е б и — 1 гектар, в К у р д з н а л е е б и — 1 гектар. Весь годовой урожай составлял не более 500 пудов зерна.

Высокая лоза, которая здесь обычно была распространена, культивировалась на следующих деревьях: ольхе, хурме, грабе, каштане. Недалеко от пашен в С и л о р е б и были устроены помещения для скота и людей. Скот находился здесь в течение зимы, весны и осени, только летом переводили его на горные пастбища — Б у г н а р и В и у п а г и (ბუცბარი). В среднем семейная община Эkvтимишвили имела от 4 до 6 коров, две пары быков, до двенадцати голов молодняка, одну лошадь, десять баранов и до 20 свиней.

Ведущей формой хозяйства, при наличии всех остальных видов производства, оставалось земледелие.

Хурцидзе, так же как и Гиоргадзе (в селении Романети), имели свои нераздельные летние пастбища и леса. Эти леса и пастбища отдавались в наймы пастухам-мегрелам, которые перегоняли сюда на целый год мелкий рогатый скот из Зугдидского и Ахал-Сенакского районов, переходя через Самтрелиа. Занимая летом высокогорные пастбища, пастухи со стадами спускались на зиму к опушке леса на близлежащие от леса пашни, удобряя тем самым почву для будущих посевов. Плата за пастбища вносилась владельцам натурой. Получаемое от владельцев скота вознаграждение Хурцидзе делили на шесть равных частей по отдельным babuīšviloba (ბაბუიშვილობა): Габриелашвили, Сехнишвили, Эоанешвили, Иванешвили, Вахтангишвили и Ростомишвили.

После уборки урожая в назначенный день члены отдельных бабуишвилоба собирались вместе и закалывали полученных в счет пастбищной платы коз и баранов. Выполнение этого ритуала происходило в одном из старых домов настоящего бабуишвилоба, а в некоторых случаях, когда была к тому реальная возможность, в том доме, выходцами из которого они себя считали².

Семейная община Шакараани (Мсхвилидзе, селение Хани)³ состояла из 49 душ, объединяя семьи четырех братьев, сыновей Шакара. На протяжении пятидесяти лет дважды происходил раздел семейной общины Шакараани, при этом первый в 80-х годах XIX века.

В семейной общине Шакараани, также как и в других семейных общинах селения Хани, широко было развито, наряду с земледелием, скотоводство, а также лесной промысел, табаководство, извозный промысел, виноделие и торговля вином.

Глава семейной общины, Шакара, сам принимал участие почти во всех видах сельского хозяйства и отходничества.

¹ Сел. Романети, Сергей Алексеевич Хурцидзе, 66 лет.

² Сел. Романети, Георгий Симонович Хурцидзе, 75 лет; Эпрем Луарсабович Хурцидзе, 69 лет; Георгий Давидович Хурцидзе, 67 лет.

³ Сел. Хани, Онисим Никифорович Мсхвилидзе, 72 лет.

Жители селения Хани занимались торговлей в основном в Ахалцихе, переправляя туда вычным транспортом через Зекарский перевал вино, табак и дрань для крыш.

Старший сын Шакро, Иване, был земледельцем и кузнецом, изготовлявшим ножи, мотыги, топоры по заказу своих односельчан. Сесико был «человеком мотыги» — *toxis kac'i* (თოხის კაცი), работал на кукурузных полях и виноградниках. Третий брат, Парсадан, был «человеком топора и мотыги», занимаясь наравне с земледелием плотничеством и, в частности, строительством домов. (Строительству домов он выучился в Багдади у рачинца Кобахидзе, у которого в первое время работал учеником). Четвертый брат, Никипоре, был скотником, постоянно находившимся при скоте.

В семейной общине Шакараани, кроме старших братьев, в основных работах семьи принимали участие и старшие племянники, представлявшие уже второе поколение состава семьи. Один из них, Кимоте, был «человеком мотыги и топора»; он занимался, наравне с земледелием, лесным промыслом, в частности выделыванием драни. Лесные работы по заготовке драни начинались с июня месяца и заканчивались только к концу сентября. Дрань в сыром виде оставлялась на 8—10 дней для просушки на месте; в течение этого времени мужчины продолжали вести свои полевые работы. После высушивания дрань навьючивалась по частям на лошадей и вывозилась на ярмарки, устраиваемые по пятницам и воскресеньям в Чхари, Багдади, Кутаиси, а также перевозилась через Зекарский перевал в Ахалцихе.

Из мужчин второго поколения трое — Кимоте, Барнаба, Эрманоз — работали как в поле, так и на лесном промысле, шестеро — Серапион, Силибистро, Луарсаб, Кириле, Севасти, Антон — занимались в основном полеводством, Сико постоянно был занят извозным промыслом. Саулиа и Онисиме были скотниками и находились безотлучно при скоте.

Таким образом, в семье из 17 работоспособных мужчин 13 постоянно работали на кукурузных полях, трое занимались скотоводством и только один (Васила), будучи хромым, не отлучался из дома.

Все пашни селения Хани находились в отдалении от самого села. У семейной общины Шакараани пахотные земли были разбросаны на большой территории. В местности *Никабее ти*, находившейся в 15 километрах от села, располагалось около четырех гектаров земли; на ней сеяли кукурузу и пшеницу.

В земледелии применялась исключительно двухпольная система. Использовались способы восстановления плодородия полей как посредством оставления почвы в залежи — *gaqatigeba* (გაყატიგება), так и естественного ее облесения. В среднем с одного гектара земли получали около 200 пудов кукурузы и 70 пудов пшеницы. В *Никабее ти* имелось и хранилище зерна — *palia* (ბაღია). Под перекрытием *palia* (ბაღია) обычно устраивались мужнины, остававшиеся на гумне на ночлег во время сезонных работ.

Начиная с конца марта месяца и до конца апреля производилась вспашка земли. На этой работе постоянно было занято не менее 14 человек из семьи Шакараани. В течение 10—12 дней пахари оставались безотлучно в *Никабее ти*, где сами и обслуживали себя (готовили пищу, пекли кукурузный хлеб — *çadi* (ჭადი) и др.). Общине Шакараани принадлежали также и земли *Ткел-ваке* (*tqel-vake* — ტყელ-ვაკე), расположенные на расстоянии 5—6 километров от селения. Эти земли насчитывали около двух гектаров, на них сеяли кукурузу и сажали картофель. Примерно на таком же расстоянии, как *Ткел-ваке*, находились и земли *Нога* (*Noya* — ნოა), где был выстроен маленький деревянный до-

мик, 3—4 palia (ბაღია) для хранения зерна и ахогі (ახოგი) — помещение для скота; площадь последнего пахотного участка равнялась 6—7 гектарам; здесь сеяли кукурузу и пшеницу, здесь же содержался в зимнее время скот, уходом за которым занимались Саулиа и Онисиме. Перекочевывали сюда обычно в ноябре месяце, часто уже после снегопада, и оставались до конца апреля; в мае месяце подымались на альпийские луга. Рядом с пашнями в Нога находились сенокосы, которые являлись зимой кормовой базой для скота.

На расстоянии одного-двух километров от села находился еще один участок, где семейная община Шакараани имела около четырех гектаров пахотной земли; сеяли здесь кукурузу и пшеницу. В Сицамула (Siçamula-სიჭამულა) располагался дом, два хлева—ахогі (ახოგი) для скота и амбар — palia (ბაღია). Кроме зерновых злаков, на этом участке культивировались фруктовые деревья — слива, айва и орех.

Молочный скот в зимнее время у семейной общины Шакараани содержался в Сицамула; со скотом постоянно находился Никипоре. С рабочим же скотом, находившимся в Нога, был, как отмечалось, Саулиа.

Пашни семейной общины Шакараани располагались так же и в Зедатба (1 гектар), Теласхиди (до двух гектаров), Шавнаканеби (1,5 гектара), Дабичвели (2 гектара), Анцлагеле (1 гектар), Тубати (1,5 гектара), Чабикоури (ჭაბიკოური — ჭაბიკოური) (1,5 гектара), Гудети (0,5 гектара).

В земледелии применялась двухпольная система. В общей сложности семейная община Шакараани ежегодно заседала около 15—20 гектаров земли. Пашни Нога и Сицамула представляли хозяйственные базы как полеводства, так и скотоводства с необходимым комплексом жилых и хозяйственных построек. На остальных участках располагались, как отмечалось, зернохранилища и саманники.

Виноградники семейной общины Шакараани или примыкали к пашням, как например, 0,5 гектара в Тубати и 0,5 гектара в Чабикоури—ჭაბიკოური (ჭაბიკოური), или располагались изолированно, как в местности Кведубани и Никалтеети, где виноградники насчитывали около 10 гектаров. Общее количество годового урожая вина равнялось 20—30 сапалне (сапалне в данном случае равнялось 12 пудам).

Семейная община Шакараани относилась к числу тех зажиточных семей, у которой наравне с пашнями и виноградниками было сравнительно большее количество крупного рогатого скота, в том числе рабочей скотины 5 пар. При пахании для рабочего скота был установлен порядок чередования. В пахотное орудие — kavı (კავი), в отличие от картлийского большого плуга gutani (გუთანი) в Имерети впрягалась только одна пара волов, которую на следующий день сменяла другая пара. Помимо волов семейная община Шакараани постоянно имела от двух до трех выючных лошадей, используемых главным образом для перевозки драни и вина.

Число голов молочного скота в семейной общине Шакараани достигало 10—12, молодняка — до 16—20. Избыток скота продавался на месте. Обычно скот покупали жители близлежащих сел: Парцхнали, Вардзиа, Персати. Свиной разводили только в количестве голов, требуемом для внутреннего потребления семейной общины.

Часть скота, находившаяся с ноября месяца до конца марта в местности Нога, переводилась летом на высокогорные луга, меняя при этом периодически места стоянок. Начинали с участка Сакире, затем переходили в Кведасахлеби, а оттуда уже — на высокогорные паст-

бища в местности Чв ин т а ჭვინთა (ჭვინთა), Н а к а л о в а р и, Ч у к а н и — ჭიკაანი (ჭიკაანი). На всех названных пастбищах были устроены избушки (kaḡavi — კარავი). Отмеченный путь следования скота проходил дважды в год.

Наряду с отмеченными отраслями хозяйства в семейной общине Шакараани было также широко развито табаководство и пчеловодство. Основной базой для выращивания табака была местность Г у л а ш м а н и, находящаяся недалеко от С и ц а м у л а. Годовой урожай табака достигал 20—30 пудов. Реализация табака в основном происходила в г. Ахалцихе, куда табак отвозился как самими жителями, так и специальными скупщиками табака. За пуд табака семья выручала от 4 до 5 рублей. Помимо табака семья продавала также около 100—150 пудов картофеля на сумму от 50 до 75 рублей.

Основные доходы семьи шли с лесозаготовок (дран), продажи табака и скота, зерновые культуры товарного значения не имели и использовались исключительно для внутреннего потребления семьи.

Работы по табаководству, так же как и по огородничеству, выполнялись в основном женщинами, главным образом молодыми невестками, под общим руководством diasaxlisi (დიასახლისი); мужчины обрабатывали только почву под посевы табака, женщины сажали табак, срезали его, сплетали и сушили в специальных сушилках.

Базой для пчеловодства, как и для скотоводства, являлась местность С и ц а м у л а, где постоянно находилась пасека. Пчеловодством занимались скотники Никипоре и Сико. На продажу мед вывозился главным образом в Ахалцихе.

Дом, в котором жила семейная община Шакараани, состоял из большого зального помещения, называемого saḡalabo saxli (საჯალაბო სახლი), и двух комнат, предназначенных в основном для гостей. Термин saḡalabo saxli (საჯალაბო სახლი—ср. приведенное выше наименование—джалаби оджахи) является специальным обозначением дома, в котором помещалась семейная община.

В центре saḡalabo saxli (საჯალაბო სახლი) располагался очаг, называемый ḡua sesxli (შუა სეცხლი). Вдоль двух стен были устроены широкие нары, на которых располагались на ночь все члены семьи. У каждого женатого брата было специальное место для него и членов его семьи. В saḡalabo saxli (საჯალაბო სახლი) в специальном ларе sarkvile (სარკვილე) хранились запасы муки. В одной из стен комнаты были устроены ниши с полками и стенные шкафы для посуды. Перед очагом во время еды, а главным образом во время ужина, ставился узкий и длинный стол на коротких ножках, называемый surḡa (სურგა), за которым располагались все члены семейной общины; surḡa (სურგა) днем обычно убиралась и привешивалась к стенке. Здесь же около очага был устроен плетенный из веток настил — lasti (ლასტი), используемый для шелковичных червей.

Saḡalabo saxli (საჯალაბო სახლი) имело двухскатную крышу, в отличие от odugi saxli (ოდუგო სახლი), дома с четырехскатной крышей, которые характерны для более позднего времени.

Как свидетельствуют полевые материалы, odugi saxli (ოდუგო სახლი) было построено семейной общиной Шакараани уже перед самым их разделом. Дом этот был двухэтажный; первый этаж, выстроенный из камня, назывался palati (პალატი—см. табл. № 8). В настоящее время этот дом принадлежит одному из бывших членов семейной общины Шакараани. Комплекс хозяйственных построек, находившихся внутри усадьбы Шакараани, включал в свой состав beyeli (ბეელე — хранилище зерна с отделениями для кукурузы, фасоли и пшеницы), таḡани (მაგანი) с кув-

шинами для вина, конюшню; специального хлева для скота здесь не было, так как скот, как это было уже сказано выше, содержался при пастбищах.

Семейная община Шакараани разделилась в самом начале XX века, примерно в 1904—1905 годах. Все основное имущество семейной общины — пашни, виноградники, скот и постройки — было разделено на четыре равные братские доли.

Saželabo saxli (საჯალაბო სახლი) досталось двум старшим братьям, oda saxli (ოდა სახლი) — двум младшим братьям. Глава семьи, Сесико, получил за управление семейной общиной — sagamzyolo (საგამძღოლო) — 60 св. драни. Старшие племянники, участвовавшие в семейных работах, получили по одной корове и быку.

Из семейной общины Шакараани впоследствии было образовано одиннадцать семей. Семь из них образовали хозяйство на территории, принадлежавшей ранее семейной общине, а четыре семьи переселились в другой квартал того же села, называемого Н и к а л т е е т и.

Семейная община Гиоргани (Горгодзе, селение Зегани)¹ являлась объединением пяти братьев с их женами, детьми и внуками. Старший брат — Джашиней был главой семьи. Его занятиями были как сельское хозяйство, так и торговля. Остальные четверо братьев (Паата, Григоле, Росапа, Гисрги) были «людьми мстыги и топора» — земледелие и лесной промысел составляли их основное занятие.

Пять человек второго поколения (Эгнате, Нико, Спиридон, Агдгомела и Алфез) занимались полеводством, виноградарством, а также скотоводством. При существовавшей здесь двухпольной системе обработки земли засеивалась только одна половина поля.

У семейной общины Гиоргани было 40 десятин пашни: в местности Колотани — 5 десятин, Тхмелари — 2 десятины, Барноуле — 8 десятин, Гогобосели — 5 десятин, Могвергула — 6 десятин, Нигозеети — 6 десятин, Цкависевери — 8 десятин. Несмотря на то, что половина земли оставалась под паром в течение 6—7 лет, семейная община Гиоргани получала такое количество зерна, что выделяла часть для продажи.

Культивируемыми сортами винограда у семьи были цицка, кундза и цоликоури. Виноградники семейной общины Гиоргани располагались недалеко от дома: в Чала — 3 гектара и в Накалакеби — 2 гектара. Годовой урожай вина с этих виноградников доходил до 35—40 sarape (საპაპე = 12 пудам). Вино продавали в Кутаиси и Ахалцихе.

Размеры скотоводческого хозяйства зависели от требуемого в полеводстве количества рабочего скота, а также нужд семейной общины в молочных продуктах.

У семейной общины Гиоргани было не менее четырех пар быков, 5—6 дойных коров и не более одного десятка молодняка, 60 голов коз, 40 голов баранов и не менее 60 свиней.

В Цхилари, на расстоянии одного километра от дома, была устроена зимняя база для скота (зимнее помещение для скота и людей). Здесь же находилась и часть пашен. Скот содержался обычно на подножном корму. Скотоводством занимались молодые члены семьи. Летом скот переводили на высокогорные пастбища — Могобила (в одной части Ркинисджвари), где он оставался до середины августа. Дойный скот, равно как и используемый в каждодневных занятиях рабочий скот, на горные пастбища не отправляли.

¹ Сел. Зегани, Виктор Алпезович Горгодзе, 78 лет.

Коз и овец доили пастухи, они же сами приготавливали сыр, который в конце каждой недели доставлялся домой и сдавался хозяйке дома — diasaxlisi (დიასახლისი). В последнее время хозяйкой дома — diasaxlisi (დიასახლისი), или как ее еще называли tsaqatsoebeli (ძაჭათსოებელი), буквально — организаторша, руководительница общины Гиоргани была Нино — жена Эгнате (одного из братьев второго поколения), все молочные продукты, так же как и деньги, сдавались ей.

Одну из доходных отраслей хозяйства семейной общины Гиоргани составляло табаководство. Ежегодно не менее 70—80 пудов табака продавалось. Помимо табака, для продажи обычно выделялись вино, водка, а также кукуруза и крупный рогатый скот.

Перевозка товаров происходила вычным транспортом, для чего у семейной общины Гиоргани имелось шесть лошадей.

Раздел описываемой семейной общины произошел несколько своеобразно. Одновременного раздела всех братьев здесь не было. Прежде всего выделился старший брат, Джашиней со свсеей семьей, затем — Григол, после него — Паата. Такая форма раздела не может считаться типичной для сегментации семейных общин, она больше характерна для образования малых индивидуальных семей.

Развитию отходничества у имеретин во второй половине XIX века особенно способствовала работа на Чиатурских марганцевых промыслах. В ближайших от Чиатура селах, расположенных в Квирильском ущелье, почти из каждой многочисленной семьи одна часть уходила на работы в рудники. Работая в качестве рабочих на добыче марганца, они выполняли следующие работы: рудокспов, работающих киркой, — kigkis kası (კიგკის კასი), работающих лопатой — menıçbe (მენიჩბე) сортировщиков — mçeveli (მჩეველი) или çekis mişa (ჩეკის მუშა) и тачечников, вывозивших из рудников марганец. Многие работали также арбщиками и погонщиками лошадей, доставляя руду на железнодорожную станцию. Доход сезонных рабочих в день составлял от 30 копеек до 1 рубля 20 копеек, в зависимости от выполняемых обязанностей. Каждый состоял на собственном пайке, доставляемом ему из дому членами семьи или взятыми с собою самими рабочими на всю неделю. В некоторых случаях наниматели, владельцы рудников¹, выдавали рабочим хлеб. Оплата труда происходила еженедельно по субботам; по воскресным дням рабочие уходили к себе домой, доставляя заработки главе семейной общины.

Дополнительных расходов на себя рабочие почти не производили; существовали они исключительно на домашние пайки, одевались, в основном, в домашнюю одежду, сшитую из бумажной или шерстяной домашней материи.

Начатая в восьмидесятых годах XIX века в Чиатурском районе добыча марганца, находившегося в недрах уже заселенной земли, повлияла на изменение первоначального расселения его жителей. Однако и в этом районе наравне с расселением по семейным общинам сохранялись пережитки родового типа расселения.

Селение Ргани, где частными предпринимателями с самого же начала восьмидесятых годов велись работы по добыче руды, состояло из следующих фамилий: Самхарадзе, Хведелидзе, Кавтеладзе, Гвелесиани, Кипшидзе. Кварталы села соответствовали этому делению по фамилиям. Селение

¹ Относительно местных владельцев рудников: Мосешвили, Чубинидзе, Сихарулидзе, см. Г. Церетели. Фельетон: «Производство марганца в Западной Грузии» Газ. «Иверия», 1889, № 8. („შავი ქვის წარმოება დასავლეთ საქართველოში“); Гани, фельетон: «Марганцевое дело». Газ. «Иверия», 1886, № 30 („შავი ქვის საქმე“).

Ргани состояло как из кварталов — иҭანი (უბანო), ведущих наименование от полных фамилий: Кавтеладзе, Геелесиани, Кипшидзе, так и из кварталов, наименование которых было образовано от наименования фамильных подразделений: Сирнал Махарашвили и Татунашвили относящихся к фамилии Хведелидзе. Фамилия Хведелидзе, кроме названных двух подразделений, имела еще подразделения Товлиашвили, Одриклеби, Хизанашвили и Рамазашвили. Фамилия Самхарадзе делилась на Тошалишвили и Татришвили, но деление это на расселение не успело отразиться (см. таблицу расселения).

В семейной общине Ростемаани (сел. Кацхи, Базгадзе)¹ насчитывалось до 40 членов семьи, выделившихся в начале XX века из одной семейной общины. Семейная община состояла из шести братьев с их женами, детьми, невестками и внуками. Имевшееся у них количество земли не могло прокормить членов семьи без добавочных заработков, и поэтому четверо из мужчин постоянно работали на промыслах: Иване и Коциа — рудокопами, Ладико работал лопатой *მეწიბე* (მეწიბე), Свимон — погонщиком лошадей *čalandari* (ჩალანდარი) — перевозил марганец из селения Лаше на железнодорожную станцию Зестафони (Квирилла) и Чиа-турскую платформу. Остальные занимались земледелием, обрабатывая, кроме своих земель, также и чужие пашни и виноградники.

Удельный вес участия жителей Квирильского ущелья в промышленности постепенно увеличивался; из чернорабочих квирильцы переходили в лесовщиков, подрядчиков, надсмотрщиков, что значительно повышало их доходы.

Большие заработки доставались на долю тех членов семьи, которые занимались добыванием и реализацией руды. Это хорошо иллюстрируется на примере семейной общины Гаприндашвили¹ (сел. Мгвимеви), насчитывающей до 20 человек и состоящей из семейств трех братьев — Абесало, Давито, Луарсаба с их женами, детьми, невестками и внуками. Один из братьев, Луарсаб, работал в мгвимевских рудниках сперва чернорабочим — *მეწიგე* (მეწიგე), а затем уже рудокопом на арендованной земле, выплачивая от 1 копейки до 1,5 копеек арендной платы за пуд. За руду, доставленную на Зестафонскую (Квирильскую) железнодорожную станцию, платили с пуда по 25 копеек. Чистую прибыль, которая оставалась Луарсабу, он должен был сдавать в общую кассу семьи. Братья Луарсаба занимались сельским хозяйством, участвуя также попеременно в добыче марганца, но с гораздо меньшими доходами.

Итак, земледелие, являющееся у имеретин ведущей формой хозяйства, как это видно из приводимых выше конкретных описаний, отличалось исключительно богатством культур, обработка которых создала разнообразные отрасли их хозяйственной деятельности.

Помимо земледелия в хозяйстве имеретин были представлены и такие отрасли, как лесозаготовительные работы и скотоводство. Комплексное хозяйство создавало условия для совместной производственной жизни большого числа людей, объединенных общими интересами и общим происхождением.

Развитие товарного производства в семейной общине было связано как с земледелием, так и с лесозаготовительными работами.

¹ Сел. Кацхи, Михаил Иванович Базгадзе, 51 года.

² Гаприндашвили Доменти Луарсабович, 60 лет. Живет в настоящее время в сел. Саване

С дальнейшим развитием капиталистических отношений имеретинское население втягивалось в работу на производстве, что способствовало притоку индивидуальных заработков, все еще сдаваемых в общую кассу большой семьи. Однако все это ускорило развитие внутренних противоречий и вело к разложению общинно-семейной собственности — основы большой семьи.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У ЖИТЕЛЕЙ ВЕРХНЕЙ И НИЖНЕЙ РАЧИ

Основной формой хозяйства для Верхней и Нижней Рачи являлось земледелие — земледелие и виноградарство, с преобладающим значением последнего для Нижней Рачи. При характерном для всех жителей Рачи малоземелье сельское хозяйство не могло быть для них единственным источником существования, почему отходничество и сделалось одним из источников их экономического благосостояния.

Само отходничество, как это будет показано в соответствующих разделах настоящей работы, имевшее у рачинцев всеобразный характер, развивалось в различных направлениях: по линии кустарного производства — обработка дерева и металла, а также работа в качестве поваров, пекарей, грузчиков.

Во всех селах Верхней и Нижней Рачи, как при существовавшем там развитом феодализме, так и после реформы все еще сохранялись семейные общины, внутренняя организация которых соответствовала имеющимся в то время там экономическим условиям жизни.

Селение Сева (Онский район, Верхняя Рача), в котором хорошо восстанавливается картина древнего типа расселения, состояла из многих фамилий¹, одной из которых является фамилия Бакурадзе. По линии близкого родства Бакурадзе делились на две группы — *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა) — Мосикееби и Чабукеби. Чабукеби, состоявшие из тринадцати дымов, представляли позднейшую сегментацию ранее существовавшей одноименной семейной общины и сохраняли моногенность расселения (см. табл. № 9).

Семейная община Чабукеби², сохранявшаяся в селе дольше других семейных общин, была известна большим числом своих членов и экономическим превосходством над другими семьями. Экономический вес семьи отразился в специальном наименовании, данном семье другими односельчанами Диди Бакурадзеби (Большие Бакурадзе). Семейная община Чабукеби объединяла потомков четырех братьев с их женами и детьми и насчитывала в последние годы своего существования более 60 душ.

Руководителем семейной общины Чабукеби был старший брат — Николоз; он ведал всеми доходами и расходами семьи, руководил работами по сельскому хозяйству и мелкими торговыми делами, заключающимися как в сбыте излишков сельскохозяйственных продуктов на Онском базаре, так и в торговых операциях внутри села. Все братья, сыновья и племянники были распределены Николозом по отдельным отраслям хозяйства. Кроме земледелия и виноградарства, члены семейной общины Чабукеби занимались ремеслом и торговлей. При доме они имели

¹ Фамилии сел. Сева следующие: Паркосадзе, Гдзелишвили, Надирашвили, Гугешашвили, Хуцишвили, Кирвалидзе, Демеграшвили, Абаишвили, Пахирели и Бакурадзе.

² Сел. Сева, Нина Ягоровна Бакурадзе, 60 лет, урожденная Бендианишвили, из сел. Химши.

бакалейную лавку, для торговли, в которой был выделен один из старших братьев — Сандро.

Всего работоспособных мужчин в семье было 16 человек. Четверо из них находились на постоянных заработках в городах: Серго и ТеоPILE работали поварами, первый — в Тифлисе, второй — в Грозно; Малакиа — пекарем в Тифлисе, Романоза — носильщиком на тифлисской железнодорожной станции. Все остальные мужчины занимались земледелием и виноградарством, используя свободное от сезонных работ время для различных видов заработка: Димитри и Нестор уходили на зимний период в город пекарями; Илия и Валама работали грузчиками на различных рынках. Некоторые члены семьи ремесленничали на селе, так Иасона и Сандро совмещали с сельским хозяйством кузнечество и сапожничество, а Сисо — плотничество, изготавливая главным образом арбы и сани, а также и другой сельскохозяйственный инвентарь. Один из братьев, Тедоре, был деревенским старшиной — *matasaxlisi* (მამსახლისი).

Таким образом хозяйственная жизнь семейной общины, основанной на земледельческом хозяйстве, далеко выходила за круг только земледельческих работ. Все члены семьи работали под общим руководством главы семьи, в права и обязанности которого входили также концентрация и распределение всех видов заработков.

Пашни семейной общины Чабукеби располагались внутри самого села на участках *Паидаури*, откуда получали 700—800 пудов зерна, *Рцхилани*, дающем доход до 400 пудов зерна, *Ахо* — до 200 пудов зерна. Вдалеке от населенного места находился только участок *Квахури*, откуда семья получала до 200 пудов ячменя; а также сенокосы: *Тапла*, *Карадкеди*, *Сацураули*, *Магалминдори*, *Сахвтокари*, *Дикаури*, *Пирцитела*.

Виноградники семейной общины Чабукеби, также как и других жителей этого села, прилегали к самой усадьбе. С этих виноградников (*Цицкила* и *Карисвенахи*) получали в год от 200 до 300 пудов вина, употребляемого для собственных нужд семьи.

Количество рабочего и молочного скота семьи обычно насчитывало до пятидесяти голов вместе с молодняком и до 2—3-х верховых лошадей. Весь скот находился в хлевах, расположенных на территории усадьбы, летом содержался на сельских выгонах, зимой находился на стойловом корму. Сообразно с нуждой семейной общины в мясе и шерсти разводились свиньи и мелкий рогатый скот.

Усадьба семейной общины Чабукеби состояла из большого жилого дома с одним *dagbazi* (დარბაზი) — большим зальным помещением — и нескольких маленьких комнат; к дому была пристроена пекарня — *рипе* (ფურბე). На некотором расстоянии от дома находилось *тагапи* (მარაპი) — помещение с давяльней и маленьким огороженным участком с зарытыми в землю кувшинами для хранения вина. В этом же дворе располагались четыре амбара — *beyeli* (ბეღელი) для кукурузы, пшеницы, ячменя и ржи. Большие зернохранилища — *palia* (ხაღა) были расположены на току.

Вся женская половина членов семьи работала при доме; жены и дети тех братьев и сыновей, которые по своему роду занятий были оторваны на длительный период времени от семейного очага, никогда не меняли своего местожительства. Женские работы, ограниченные работами по дому, регулировались хозяйкой — *diasaxlisi* (დიასახლისი). Старшие невестки семейной общины выполняли следующие работы: *тохеде* (მოხელე) пекла хлеб, *tzageuli* (მზარეული) готовила каждодневную пищу и заготавливала молочные продукты и *tebosle* (მებოსლე) следила за чистотой хле-

ва — *boseli* (ბოსელი), в котором помещался крупный рогатый скот. При выполнении всех этих функций между невестками устанавливалась годовичная очередность. В семейной общине Чабукеби одну и ту же функцию выполняли одновременно по две невестки. В день праздника крещения происходила передача хозяйственных функций *toxele* (მოხელე) — одной невесткой другой. Заканчивающая свое дежурство невестка преподносила вновь назначаемой *toxele* (მოხელე) *gapaxeti* (გაპახეტი) — пирог с сыром) с зажженными свечами, произнося при этом следующие слова: «კეთილად შეგესრულებოს შენი მოხელეობა» (благополучно справиться тебе с твоими обязанностями). В результате чередования каждой из старших невесток приходилось попеременно выполнять все вышеназванные функции. Все запасы пищи находились в руках *diasaxlisi* (დიასახლისი); ее обязанности состояли также в уходе за птицей и реализации ее для нужд семьи на рынке. Молодые невестки выступали в роли помощниц старших, а также посылались ими на поле во время уборки урожая и посева бобовых или на огород. Их занятиями руководила также *diasaxlisi* (დიასახლისი).

Diasaxlisi (დიასახლისი) семейной общины Чабукеби по имени Марта была женой главы семьи; она распределяла занятия между невестками, следила в доме за порядком и выполнением всех необходимых правил внутреннего распорядка дома. Семейная касса находилась в ее руках, и все, что было необходимо для женской половины дома, покупалось самой Мартой. Появление в лавке или на базаре молодых невесток семьи не было принято.

В женские обязанности входило изготовление одежды для всех членов семьи. Работы по обработке шерсти и хлопка выполнялись невестками сообща под руководством *diasaxlisi* (დიასახლისი). Распределение одежды происходило, исходя из нужд членов семьи, без учета их прав на «идеально» существовавшие братские доли.

Широко развитое птицеводство в данном районе требовало большой затраты времени и составляло основное производственное занятие хозяек семейных общин. Обработка птичьих перьев и пуха являлась занятием всех женщин. Из гусиного пера женщинами заготавливалось большое количество не только подушек, но и перин, называемых *bumbuli* (ბუმბული — пух); *bumbuli* (ბუმბული) являлось необходимой принадлежностью приданого женщины. Каждая мать собирала для приданого своих дочерей гусиный пух, требуемый поэтому в семье в большом количестве. Распределением пуха между невестками, равно как и распределением другой продукции производства, занималась сама *diasaxlisi* (დიასახლისი).

Изготовление молочных продуктов и, главным образом, сыра, приготавливаемого таким же способом, как и у имеретин, занималась сама *diasaxlisi* (დიასახლისი). Никто, кроме нее, не имел права дотрагиваться до посуды с сычугом — *taçiki* (მაჭიკი), приготавливаемым самой хозяйкой из желудка домашней птицы, и до глиняного горшочка для сыроварения. Хранение и распределение запасов сыра, как для каждодневного употребления в доме, так и реализация излишков на рынке, также составляли обязанность *diasaxlisi* (დიასახლისი).

Разделилась семейная община Чабукеби в начале XX столетия. Имущество семейной общины при этом было поделено не на четыре братские доли, а на пять частей. Пятая доля была выделена и распределена между двумя сыновьями Николоза — Дмитрием и Сандро, самыми старшими племянниками, вложившими много труда в улучшение материального

благосостояния семейной общины, у которой было больше благоприобретенных, чем наследственных земель¹.

Жители селения Хванчкара (Амбролаурский район, Нижняя Рача) занимались земледелием — главным образом, виноградарством. По сравнению с другими микрорайонами Рачи жители Хванчкара, Садмели, Жошха, так же, как и других сел Нижней Рачи, в меньшей мере занимались отходничеством, ибо виноградарство требовало постоянного, систематического труда, приковывающего к месту жительства работников в течение всего года.

Существовавшее здесь отходничество развивалось частично по линии виноградарства. Из селений Нижней Рачи — Хванчкара, Садмели, Жошха, Чквиши (ჭვიში—ჭუჭო) и других виноградари уходили на работу в отдельные кахетинские и имеретинские села. Там они иногда брали виноградники в аренду на половинных началах, иногда работали за денежную плату².

В феодальную эпоху владельцами сел. Хванчкара являлись князья Кипиани, а затем частично Цулукидзе. Семь крестьянских фамилий³ составляли основу селения Хванчкара. Часть из них жила семейными общинами на протяжении всего XIX века.

Семейная община Квириасанеби (Сарданашвили)⁴, просуществовавшая неразделенной до 1905 года, состояла из двадцати пяти душ членов семьи. Здесь объединялись поколения двух братьев: Квириа и Батломе, родство которых восходило до IV колена.

В семейной общине Квириасанеби было шесть трудоспособных мужчин из старшего поколения. Квириа, глава этой семьи, был земледельцем, искусным виноградарем, умел прививать лозу и скрещивать разные сорта винограда. Другой брат, Батломе, тоже был виноградарем, и, ввиду недостатка земли, он брал в аренду виноградники в Кахети, где и находился большую часть времени. Свои заработки он вносил в общую кассу семейной общины. Старший сын Квириа — Коста был плотником и в то же время занимался одновременно виноградарством. Тома был землепашцем и занимался также и всеми другими домашними делами, сменив впоследствии Квириа как главу семьи. Баграт и Бесо занимались землепашеством и виноградарством. Им же поручался уход за рабочим скотом семьи. Молодежь следующего поколения основное время уделяла землепашеству и виноградарству, занимаясь при этом и ремеслом.

Жили Квириасанеби в одном большом помещении, называемом *šua-saxli* (შუახალი⁵ — буквально: средний дом), с открытым очагом в центральной части дома. Внутри усадьбы были расположены: хлев—*bo-seli* (ბოსელი), саманник с хлевом—*koх-boseli čardaxit*, (ქობ-ბოსელი ჩარ-

¹ Относительно семейных разделов у рачинцев см. также И. Л. Бахтадзе, Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии. Семейные разделы и обычай усыновления. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. II, ч. 1, стр. 28—30.

² Нико и Спиридона Ломтадзе из сел. Чквиши, работали в виноградниках сел. Хашми (Кахети), получая в год вначале 120 рублей, а затем на половинных началах.

³ Чарбадзе, Сарданашвили, Ткешелашвили, Лухуташвили, Немсицверидзе, Метонидзе, Ломтадзе.

⁴ Сел. Хванчкара, Сарданашвили Христина Алексеевна, 70 лет.

⁵ Относительно «шуа сахли» см. подробно работу А. Киквидзе — Шуа сахли в Раче и Лечхуми. Известия Ин-та языка, истории и ист. мат. культ. 1940, т. V—VI, стр. 361. (На груз. яз.)

დაბაო), саманник—sabzeli (საბძელი), амбар—beyeli (ბეელი) и пага-
pi (პაგაპი) — дaвильня и винохранилище.

В последние годы своего существования Квириасанеби имели уже достаточное количество виноградников и пахотных земель.

Квириасанеби в урожайные годы получали со своих виноградников не менее 400 ведер вина. Виноградники располагались недалеко от усадьбы и имели следующие наименования: Самзара (доход составлял до восьмидесяти ведер), Тетрапира (до ста пятидесяти ведер), Татасеули (до ста ведер). Половина урожая шла на продажу; оставшиеся после необходимых расходов вырученные деньги отдавались на хранение хозяйке дома — diasxlisi (დიასახლისი). Они предназначались на расширение виноградников. Большая часть виноградников Квириасанеби была приобретена именно на эти деньги. Функции diasxlisi (დიასახლისი) после смерти свекрови выполняла старшая невестка — Эдукиа.

Пахотные земли, за исключением участка Садатвиа, находились вдалеке от усадьбы. С пашень Джапареулеби, Ахуеби, Гдзеликана, Кечехарееби, Напузребн, Набогиреви собирали до 300 пудов зерна; часть пашен попеременно засеивалась пшеницей, часть — кукурузой.

Крупного и мелкого рогатого скота в семейной общине Квириасанеби насчитывалось: до трех пар волов, двух-трех коров с телятами, до двух десятков баранов и примерно такое же количество свиней. Молочным хозяйством занимались женщины, рабочий скот находился в ведении мужчин. Летом скот выпасался на сельские выгоны, зимой же содержался в стойлах.

В семейной общине Квириасанеби женщины занимались, кроме того, шелководством, выделывая нитки и шелковые ткани. Шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани женщины выделывали для общих нужд семьи, одевая общими силами и общими средствами всех членов семьи, независимо от их возраста. Некоторое количество тканей предназначалось для продажи. Доход от их продажи шел на приобретение необходимых для женщин товаров. Как реализацией изделий, так и покупкой всех необходимых товаров занималась diasxlisi (დიასახლისი). Остальные женщины покупали только ртуть и сурьму—kerzari (ქერძაფი) для изготовления белил, употребляемых как молодыми, так и старыми женщинами. Женщинам заготавливались на зиму сушеные фрукты и различные виды сладостей—čigxela (ჩუჩხელა), tkbiliskveri (ტკბილისკვერი) и т. д. Сладости хранили невестки в своих сундуках, посылая в подарок своим родственникам и друзьям и угощая своих гостей.

Все домашние работы между женщинами распределялись в зависимости от старшинства, с соблюдением очередности, как было уже показано в вышеприведенных описаниях.

При сегментации семейной общины Квириасанеби все наследственное имущество — samato (სამათო) было разделено на две части: Квириа и Батломе; благоприобретенное же — šepazepi (შეპაძეპი) было разделено на три части: две из них получили Квириа и его сыновья, являвшиеся активными участниками при его создании.

В семейной общине Заликисани (Ткешелашвили, селение Хванчкара)¹, разделившейся в начале XX века, насчитывалось до сорока душ членов семьи, представляющих объединение пяти братьев с их женами и детьми (за исключением пятого брата, не имевшего своей семьи).

¹ Сел. Хванчкара, Самсон Заликович Ткешелашвили, 71 года.

Усадьба семейной общины Заликисани включала в свой комплекс жилых и хозяйственных построек *kvitkigi* (ქვიტკირი) — каменный дом, верхний этаж которого являлся *sastumgo* (სასტუმრო) — гостиной, нижний же служил складом для вещей; второй дом — *sažalabo saxli* (საჯალაბო სახლი), предназначался для жилья членов семьи, в нижнем этаже этого дома жила семья зимою, в верхнем *sažaxulo samqoro* (საჯახულო სამყოფო) — летом.

На территории усадьбы находились, кроме того, почти все хозяйственные постройки; *pağapı* (ძარაპი) и амбар были устроены в общем помещении, в нижней части этажа были установлены даильни; верхняя, деревянная часть постройки служила амбаром. Перед самой постройкой, внутри деревянной ограды, под тенистыми, защищающими от зноя деревьями, хранилось в закопанных в землю глиняных кувшинах вино. Невдалеке располагались хлев и сгманник. Нижний этаж дома — *sažalabo saxli* (საჯალაბო სახლი) — был каменный и состоял из *šua saxli* (შუა სახლი), — в центральной части которого находился открытый очаг, *pałati* (პალატი) и одной комнаты; верхний этаж — *sažaxulo samqoro* (საჯახულო სამყოფო), представляющий одну большую деревянную комнату, был надстроен над частью *pałati* (პალატი). Отдельно от дома находилась кухня с открытым очагом, пурней и торней; приготовление пищи происходило на кухне, собирались же для еды все вместе в *sažalabo saxli* (საჯალაბო სახლი).

Семья Заликисани занималась, как и все другие жители этого села, земледелием: земледелием и виноградарством, а также ремеслом.

Один из пяти старших братьев, Самсон, не будучи старшим по возрасту, был главой семейной общины. Его основное занятие составляло виноградарство. Из остальных четырех братьев Шио был постоянно занят сельским хозяйством, в том числе и виноградарством, считаясь при этом искусным виноделом. Эгнате работал в доме бывшего феодала Кипиани, занимаясь там также земледелием. Остальные братья наряду с земледелием уделяли внимание также и ремеслу — плотничеству и кузнечеству, которое вынуждало их систематически отрываться от дома. Так, брат Бесарион, занимаясь плотничеством, работал то в Амбролаури, то в Они, Кутаиси, Ткибули. Полия был кузнецом, изготавливавшим топоры, мотыги, подковы и гвозди то у себя на селе, то перенося свою кузницу временно в г. Кутаиси.

Почти все земли, принадлежавшие семейной общине Заликисани, были выкуплены братьями у феодала. Средняя урожайность этих участков составляла от 60 до 100 пудов. С участка Дедабера снимали урожай от 60 до 100 пудов зерна; с Дедагвгиса — до 60 пудов; Напузвари — до 200 пудов; с Гоглоури — до 100 пудов; с Таисоури — до 50 пудов; с Батоникана — до 60 пудов; с Цклавии и Цкалквеша — до 30 пудов. Общий урожай, полученный со всех этих полей, удовлетворял внутренние потребности семьи в зерне.

С виноградников Субеджера, Ахо, Карикана, Напузвари семья получала до 200 пудов вина, одну треть или половину которого обычно продавали. Выручка составляла главный источник дохода семейной общины.

Количество скота доходило до 2—3 пар волов, 3—4 коров с телятами, нескольких десятков овец, не более одного десятка свиней, одной или двух лошадей. В семейной общине разводилось также большое количество домашней птицы. Скот, также, как и зерно, удовлетворял внутренние потребности семьи.

Распределение женских работ в семейной общине Заликисани, производимых под руководством *diasaxlisi* (დიასახლისი) Сопио, регулировалось

следующим образом: была установлена недельная очередность между невестками (*šili შილი*) для выпечки хлеба, остальные домашние работы выполнялись без предварительного распределения хозяйственных функций.

В отличие от обычной семейнообщинной формы собственности и коллективного потребления в семейной общине Заликисани существовал особый порядок распределения доходов по братьям. Основные доходы семейной общины Заликисани, как это уже было указано, получались главным образом от реализации вина. Половина доходов откладывалась для общих семейных потребностей, другая делилась поровну между братьями, независимо от числа членов индивидуальной семьи каждого из них. Глава семьи — Самсона имел специальный журнал, куда он вносил все доходы и расходы семьи, отчитываясь при этом перед братьями в произведенных расходах. Каждый из братьев при надобности мог получить добавочную сумму из общих денег, но это выдавалось ему уже в долг до следующего года с соответствующей при этом отметкой в журнале.

В описываемом случае коллективная форма потребления, основанная на равном праве каждого из членов семьи, заменялась правом на братскую долю — *szto szilo* (*საძმოს საწილი*), которая во всех других характерных случаях семейной общины считалась обычно «идеальной долей» и при равном коллективном потреблении не имела значения, принимаясь во внимание только при сегментации семьи.

Указанная форма потребления может быть признана характерной лишь для позднего этапа развития грузинской семейной общины с тенденцией к развитию элементов частной собственности.

В семейной общине Диди Чарбадзеби — (*დიდი ჯარბაძეები*) — Большие Чарбадзе¹ объединялось четыре поколения трех братьев с общим числом членов семьи, доходившим до сорока душ (см. схему № II и табл. № 10). Семья эта разделилась в первом десятилетии XIX столетия. Из семьи Диди Чарбадзеби образовалось восемь дворов. Отец трех братьев — Маркоза, Нико и Иосеба был еще крепостным феодала Кипиани. В семье было восемь мужчин-работников, трое из старшего и пятеро из среднего поколения. Главой семьи вначале был Иосеб, *diasaxlisi* (*დიასახლისი*) — его жена Магдани, затем руководство семейной общиной перешло на представителей следующего поколения — Баграта и его жену Магдани. Всеми доходами и расходами семьи ведал Баграт. Основные расходы заключались, главным образом, в покупке для членов семьи одежды, соли, медного купороса и серы для виноградарей. Все имущество считалось общим, и раздела доходов не производили. Получаемое за год количество вина в среднем доходило до 600 пудов; половину этого количества обычно продавали. За вином приезжали торговцы в селение, ибо качество хванчкарского вина славилось далеко за пределами села. Приезжали торговцы обычно в августе — сентябре месяце; к этому времени глава семьи мог уже произвести расчет возможного для продажи количества вина, так как в это время можно было приблизительно определить количество нового урожая. Пуд вина продавали за два с полтиной и за три рубля.

Помимо занятий сельским хозяйством члены семьи ходили и на заработки. Из трех братьев только Нико находился постоянно дома; Иосеб и Маркоз работали время от времени угольщиками. Представитель следующего поколения, Калите, был лучшим виноградарем, занимающимся привив-

¹ Сел. Хванчкара. Баграт Иосифович Чарбадзе, 79 лет.

кой и скрещиванием различных видов виноградной лозы. Артем работал дома, Георгий был мельником, Баграт и Алекси — плотниками, постоянно при этом участвовавшими во всех сельскохозяйственных работах семьи.

Большая часть земель семейной общины Диди Чарбадзеби была приобретена посредством побочных заработков. Члены семьи на половинных началах обрабатывали земли и виноградники у помещиков. Скот разводился в необходимом для потребления семейной общиной количестве.

Разделилась семейная община Диди Чарбадзеби на три части. Наследственное имущество соответственно было разделено на три равные доли, благоприобретенное же — на четыре, две доли из которых достались Иосебу, имеющему взрослых сыновей, две остальные были разделены между двумя братьями — Нико и Маркозом.

Селение Садмели, расположенное недалеко от Хванчкара, как было уже сказано, также относилось к виноградарскому району Грузии. Многофамильное¹ население Садмели до крестьянской реформы находилось в феодальной зависимости князей Иашвили, а частично Джапаридзе. Кварталы села *К а н а п е у л и с у б а н и*, *К е д и с у б а н и*, *К л д и с у б а н и* ни по составу населения, ни по наименованию не сохранили моногенного расселения. Однако пережитки семейной общины и здесь прослеживались на протяжении долгого времени.

Семейная община Ошхарели² включала в свой состав три поколения одного предка — Тамаза. В семье объединялись женатые братья — родные и двоюродные во втором и третьем поколении, разделившиеся только в четвертом поколении. Таким образом, в семейной общине Ошхарели, разделившейся только в восьмидесятих годах XIX столетия, насчитывалось до 35 душ.

Жили все в одном большом доме, возглавляемом Тамазом Ошхарели, а после его смерти одним из его сыновей, Кокиа, жена которого, Тути, была *diasaxlisi* (ძიასახლისი) и вела домашнее хозяйство.

Из четырех братьев трое занимались земледелием — земледелием и виноградарством. При недостаточном количестве земли членам семьи приходилось обрабатывать на половинных началах и чужие земли, постепенно увеличивая посредством покупки размеры собственных виноградников. Получаемые с побочных заработков деньги употреблялись, главным образом, на покупку земель. Общая касса семейной общины пополнялась заработками Гогиа — одного из старших братьев, систематически работавшего поваром в Тифлисе, а также доходами Гигила, периодически работавшего мельником в Кахети (Телави).

Из девяти работников следующего поколения, кроме Иосеба, все братья постоянно были заняты в земледелии; Иосеб работал поваром в Тифлисе и вносил свои заработки в семью.

В хлебе семейная община не нуждалась, имея до 500 пудов зерна годового урожая³ и до 300 пудов вина, большую часть которого обычно продавали⁴.

¹ Фамилии сел. Садмели следующие: Кереселидзе, Голодзе — *Yoloze* (ლოლოძე), Кобзунадзе, Омнадзе, Шарабидзе, Бакурадзе, Метонидзе, Шаутидзе, Читаладзе, Джанелидзе, Ратиани, Челидзе, Папуашвили, Мусеридзе, Картвелишвили, Энукидзе, Гурули.

² Сел. Садмели, Ошхарели Коста Иосифович, 85 лет.

³ Пашни семейной общины Ошхарели были следующие: *Н а о м р е б и*, *Б е г е л а д з и с к а н а*, *Б л а ш и с к а н а*, *У р н а л и с к а н а*, *Д и д к а н е б и* и *Н а м о в р е б и*.

⁴ Виноградники, принадлежавшие семейной общине Ошхарели, были следующие: *Б и ч и к а в е н а х и* (ბიჭიკა ვენახი), *Н а п у з в р е б и* *Г в е р д и б о л о*.

Держали как крупный, так и мелкий рогатый скот, от 7 до 8 голов коров и до трех пар волов, баранов не более 15—16 голов и в таком же количестве свиней, имея при этом несколько сот голов домашней птицы.

Женские ручные работы выполнялись коллективно; шерсть, а также птичий пух и перья не делились, так как они шли на заготовку одежды и постели для общих нужд семьи. Детей, так же как и взрослых, одевали всегда на общие средства.

Раздел семейной общины был произведен на четыре равные доли.

Семейная община Заликаани (Пруидзе, селение Квемо Жошха)¹, разделившаяся впоследствии на четвертом колене родства, первоначально объединяла внутри себя поколения двух братьев с их женами и детьми.

Семейная община Заликаани возглавлялась братом Мелитоном, который, как и остальные, занимался земледелием и главным образом виноградарством. Оба других брата (Лука и Георгий) занимались также виноградарством. Из семи работников следующего поколения только один отлучался на заработки. Третье поколение, помогая старшим членам семьи во всех работах, участвовало и в земледельческих работах.

Семейная община Заликаани получала в год до 300 пудов вина, больше половины которого продавала. Выручка от продажи вина составляла основные денежные доходы семьи. Вино обычно сбывалось приезжим из Лаилаши продавцам по три рубля за пуд. Вывозилось вино при этом в бурдюках, навьюченных на лошадей.

Специфически местными сортами винограда были распространенные во всей Нижней Раче красное Кабистони и Александроули. Позднее была введена культура винограда Цулукидзис тетра (Цулукидзевское белое).

Брат Лука потомков не имел, поэтому сыновья Георгия разделили между собой все имущество на четыре равные части.

Итак, в семейной общине рачинцев, основанной на земледельческом хозяйстве, всеми сельскохозяйственными работами занимались мужчины, труд женщин в земледелии являлся вспомогательным. Деятельность женщин ограничивалась работами по дому и проходила под руководством свекрови или старшей невестки, называемой *diasaxlisi* (დასახლისი). Условия работы, определяющие характер производственной жизни семейной общины, предопределили более высокую хозяйственную роль мужчины по сравнению с женщиной, а также общественный авторитет главы семьи, осуществляющего общее руководство семейной общиной.

Развитие индивидуальной формы труда, способствующее развитию индивидуальной собственности и малой семьи, в условиях семейной общины рачинцев происходило главным образом на почве товарного производства и отходничества.

Конкретный рачинский материал позволяет проследить отдельные случаи разложения семейной общины рачинцев, иллюстрирующие переход от коллективной формы потребления к делению по братским долям, тогда

¹ Сел. квемо Жошха, Василий Георгиевич Пруидзе, 91 года.

как для обычной формы семейной общины с коллективной формой потребления доля братьев *saçilo* (საჯილო) являлась только «идеальной долей», приобретающей реальное значение лишь при разделе семьи.

314136340
3134110133

Во всех вышеназванных семейных общинах: картлийской, кахетинской, имеретинской и рачинской — ведущей формой хозяйства являлось земледелие. Между тем для всех этих семейных общин специфичны свои характерные особенности как хозяйственного порядка, включая сюда и организацию труда, так и относящиеся к семейно-правовым отношениям.

Спорадическому сохранению семейных общин у картлийцев способствовали существовавший в то время уровень развития производительных сил и, в частности, способы ведения основной формы хозяйства — земледелия.

Земледелие картлийцев было основано на применении такого орудия производства, которое требовало большого количества скота и коллективной организации труда. Семейная община своей структурой, системой распределения труда, количеством рабочего скота вполне удовлетворяла этим требованиям.

В кахетинской семейной общине мы имеем дело с особенностями отдельных микрорайонов; здесь, как это было видно из самого описания, в одном случае преобладало земледелие, в другом — скотоводство. В хозяйстве кахетинской семейной общины, основанной на земледелии, ведущую роль играли не зерновые культуры, а, как и в одном микрорайоне Рачи, виноградарство. Комплексность хозяйства предопределила специфику семейной общины.

Распределение труда между членами семьи охватывало все три отрасли хозяйства: скотоводство, полеводство и виноградарство. Основные работники семьи под руководством главы семьи были заняты в виноградарстве, составляющем ведущую отрасль хозяйства.

Расширение масштабов товарного производства в кахетинской семье происходило на базе расширения виноградарства и виноделия. Развитие виноделия создало соответствующие условия для широкого применения в семейной общине наемного труда, способствующего образованию частной собственности и стимулирующего переход к индивидуальной семье.

Земледелие, являющееся ведущей формой хозяйства имеретинской семейной общины, отличалось значительным разнородием культур, каждая из которых по мере развития составляла отдельную отрасль хозяйственной деятельности внутри одной и той же семьи. Основными земледельческими культурами здесь являлись кукуруза, пшеница, гречишная (гоми), бобовые (фасоль). Широко было развито табаководство, а в некоторых районах Имерети — виноградарство. Помимо земледелия, были развиты скотоводство, а также лесозаготовительный промысел. Все эти многообразные отрасли хозяйства одной семейной общины создавали условия для совместной производственной жизни большого коллектива людей, объединенных также и родственными узами.

Рост объема торгового производства семейной общины был связан как с земледелием, так и с лесозаготовительными работами; табаководство и шелководство также вышли за пределы натурального хозяйства и отвечали уже требованиям товарного производства. Торговое производ-

ство создавало соответствующие условия для образования частной собственности и окончательного распада семейно-общинных отношений.

Из числа названных грузинских семейных общин с преимущественно земледельческим хозяйством, особо обращает внимание развитием ремесла и разнообразных видов отходничества рачинская семейная община на поздней ступени своего бытования.

Индивидуальный труд, характерный для отходничества вначале хорошо уживался с семейно-общинными традициями и даже создал своеобразное разделение внутри семейной общины на домашних работников и отходников. Однако с дальнейшим развитием капиталистических отношений индивидуальный труд приобрел качественно новое значение и превратился в одно из решающих условий окончательного распада семейной общины.

Глава вторая

СЕМЕЙНЫЕ ОБЩИНЫ С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СКОТОВОДЧЕСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У КИЗИКЦЕВ

На существование в одном из районов Кахети — Кизики пережитков древних общинных отношений было обращено внимание еще в восьмидесятых — девяностых годах прошлого столетия.

В грузинской газете «Дрозба» (за 1884 год), как было отмечено в вводной части настоящей работы¹, напечатан ряд статей, озаглавленных «Об общинном землевладении у нас».

Автор статей касается существовавшей в Кизики особой формы землепользования и описывает общинные порядки распределения земель, расположенных в Иорской долине, указывая при этом на живучесть этих обычаев. В одном из номеров «Дрозба» этого же года настоящему вопросу специально была посвящена передовица².

На страницах «Дрозба» описываются, как посемейные владения переходящих по наследству земель, так и способ пользования общинными землями у кахетин. Общинные земли находились в нераздельном владении села, а иногда даже группы близко друг от друга расположенных нескольких сел, как, например, Сагареджо (900 дымов), Нино-цминда (120 дымов) и Гиорги-цминда (140 дымов).

Общинными землями владели сообща селения Патардзеули (300 дымов) и Бертубани (125 дымов).

Подымное распределение находящихся в общем пользовании земель происходило между отдельными семьями перед самым началом посева.

В назначенный день общинники собирались вместе, выстраивались в ряд недалеко от поля и по общей команде пускались бегом. Каждый старался при этом захватить как можно больше земли, обводя вновь захваченный участок бороздой и приобретая тем самым право на обработку поля. Такой порядок разделения общинного поля повторялся через каждые два-три года³.

¹ См. стр. 14 и др. настоящей работы.

² «Дрозба», 1884, № 162.

³ З. Б - ш в и л и (Биланишвили). Землевладение у нас. Корреспонденция из Иорского ущелья. «Дрозба», 1884, №№ 51, 52. Е г о ж е. Корреспонденция из Иорского ущелья. О системе пахания грузинским плугом. «Дрозба», 1884, № 73.

«Подробное описание Кизикии, — пишет А. М. Аргутинский, — показывает, что она представляет вполне однородную единицу. Существенное отличие ее от остальных частей уезда заключается в полном почти отсутствии в ней частных земель». И далее автор там же продолжает: «Помещиков и помещичьей земли в Кизикии нет, и крепостного права она не знала никогда.

Гомборские горы, простирающиеся вдоль уезда, делят его на две части: Цинамхари — вдоль Алазани, и Уканамхари — вдоль Иори. Группа селений, расположенных в Уканамхарах, к северу от сигнахо-тифлисского шоссе, носит общее название Уканамхари. Уканамхарцы пашен и пастбищ в Цинамхарах не имеют. Группа эта состоит из 8 крестьянских обществ с 8 селениями. Из них селения Джимити, Какабети, Кандаури и Череми состоят исключительно из государственных крестьян, а в остальных четырех преобладающим большинством являются бывшие помещичьи крестьяне. Селения в Уканамхаре не скучены, как в Кизикии, а разбросаны на большом пространстве»¹.

Система распределения общинной земли Аргутинским описывается следующим образом:

«В каждом селении, кроме земель, находящихся в общем пользовании так или иначе распределенных между всеми, есть еще так называемые земли даче м е б у л и — присвоенные, находящиеся в наследственном пользовании отдельных лиц, по преимуществу кулаков. Поэтому владение землею в Кизикии и Уканамхари носит и характер общинно-подворного. Земель д а ч е м е б у л и, как и в Кизикии, так и в Уканамхари, довольно много. Происхождение частной собственности обусловливается, в настоящем случае, не какими-либо юридическими правами, а попросту произволом отдельных лиц. В прежнее время, когда населения было меньше, а земель было вдоволь, на такой захват никто не обращал серьезного внимания и не придавал ему значения. Поэтому в частную собственность обращались лучшие земли, лежащие вблизи селений. Земли эти переходили из рода в род и даже делались предметом продажи. Мотивировать захват владельцы захваченных участков решительно ничем не могут: ни согласием на то обществ, которые всегда противодействовали захватам, ни особым трудом, вложенным в эти участки. Правда, некоторые защищают свои права тем, что их деды расчистили лес, покрывавший эти земли, и, следовательно, вложили в них массу труда»².

По собранным нами этнографическим материалам, существование земель *daçetebuli* (დაჩემებული) в виде частной собственности не устанавливается.

Наследственными землями в отличие от общинных земель называют только *tata-rareuli* (მამა-პაპეული) — буквально: отцовско-дедовские, которые находились в постоянном пользовании отдельных семей. Возможно, что они в свое время составлялись по описанному здесь Аргутинским порядку и представляли приоритет именно семейных общин.

Что касается системы распределения общинных земель, описанной корреспондентом «Дрозба», ее существование вполне подтверждается пока-

¹ М. А. А р г у т и н с к и й. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Т., 1886, т. IV, стр. 185—186.

² Там же, стр., 209.

заниями стариков, участвовавших в свое время в разделах общинных земель.

Подробное описание указанного порядка может быть здесь приведено так же и по Аргутинскому: «Процесс захвата состоит в бегании взапуски. В определенный заранее день, в начале весны, на назначенный участок выходят все крестьяне, кто пеший, кто конный. Участие в захвате могут принимать все, даже подростки; не допускаются к захвату только женщины. Пешие задолго до этого дня, упражняются в бегании, а конные стараются запастись хорошими скакунами. Все население выстраивается в ряд поодаль первой, более близкой, сакцеви. по направлению длины ее, причем пешие становятся в полуверсте от нее, а конные—за версту. По данному старшиною знаку все стремглав пускаются бежать. Все искусство заключается в том, чтобы, добежав до сакцеви, занять по ее начальной продольной линии выгодное место. Ставший по этой линии первым от конца сакцеви считается захватившим четырехугольную площадь, одною стороною которой служит ширина сакцеви и другою — расстояние от места, на котором он стал, до ближайшего конца сакцеви; второй получает площадь, у которой одною стороною служит тоже ширина сакцеви, а другою — расстояние от места, которое он занял, до места, занимаемого первым и т. д. Кто не успеет захватить первой сакцеви, бежит на следующие. Занимают земли при таком способе захвата или на два года или на три»¹.

Таким образом, судя по вышеприведенным литературным описаниям и этнографическим данным, часть земель находилась в общинном владении. Другая часть, превратившаяся уже в семейное владение, носила наследственный характер. Первоначально эти земли находились в общинно-семейном владении, со временем же, с развитием частной собственности и появлением индивидуальной семьи, они уже превратились в частное владение.

Существование в Кизики семейной общины, как это было отмечено в введении, было зафиксировано на страницах грузинской прессы еще в девяностых годах XIX века, т. е. в то время, когда начали интересоваться вопросами семейной общины, придавая ее сохранению в условиях крестьянской жизни особое практическое значение.

В журнале «Ивериа» под псевдонимом И. Кахели, была напечатана статья Иосифа Цискарашвили, который описывает одну из кизикских семейных общин селения Земо-Мачхаани — так называемую семью Гогишвили.

Согласно описанию, семейная община Гогишвили представляет экономически сильную ячейку села². В описании конкретно перечисляются все члены семьи с указанием на существующее между ними распределение труда. Семья состояла из 56 душ обоего пола.

Глава семьи Илья Гогишвили являлся овчаром, который постоянно находился со стадами овец вдали от дома; старшинство по дому — *šina urgosoba* (შობა უფროსობა) было возложено на его племянника — Иванэ Гогишвили.

Жилые и хозяйственные постройки составляли, как замечает автор, особый квартал. Двенадцать каменных одноэтажных сооружений, покры-

¹ А. М. А р г у т и н с к и й. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Т., 1886, т. IV, стр. 213.

² Газ. «Ивериа», 1887, № 21 (на груз. яз.).

тых черепицей, состоящих каждое из трех и четырех комнат, были объединены одним двором и представляли жилые помещения семейной общины Гогишвили; по мимо этих отдельных домов был также один общий дом — *darbazi* (დაბაზი), где во время обеда и ужина собиралась вместе вся семья.

В семейной общине Гогишвили было 25 душ работников. Все они были распределены по отдельным отраслям хозяйства, в овцеводстве, молочном хозяйстве, в свиноводстве, коневодстве, а также земледелии.

Семья Гогишвили владела 3.000 голов баранов, 600 коровами, 200 лошадьми, 300 свиньями. Кроме того, семья имела два *gutneuli* (გუთნეული), т. е. две полные упряжки плуга, каждая из которых состояла из восьми пар волов.

Годовой урожай семьи состоял из 60 аров пшеницы, 500 аров ячменя, 80 аров проса и 30 аров кукурузы. Кроме того, семья собирала достаточное количество шерсти, масла и сыра.

Автор статьи касается далее и вопросов внутреннего распорядка жизни семьи Гогишвили, обращая при этом особое внимание на сильно развитое у них гостеприимство.

В статье подчеркивается, что нераздельные семьи по сравнению с малыми семьями обладали большей платежеспособностью и тем самым вносили значительную часть выплачиваемого всем селом государственного налога.

На основании собранных нами впоследствии на месте—в селении Земомачхаани сведений, сохранившихся в памяти сказителей¹, устанавливается, что семейная община Гогишвили или Гогилаани, разделившаяся в 1899—1900 годах, состояла из девяти братьев и кузенов с их женами и детьми (см. схему № III).

В последний период своего существования семейная община Гогилаани размещалась в четырех домах: в двух домах находились старшие невестки со своими мужьями; в третьем доме — молодухи и их мужья, а в четвертом — девушки (см. табл. № 11).

В первом доме, в частности, жили Гайане и ее муж Сосана, Паско с Абрамом, Эпросине с Гегена и Тевана с Иване; во втором доме — Паско и Нинико, Микана и Бежана, Паско и Абриа, Сопиа и Миха.

В третьем доме жили молодые — Нене и ее муж Титиа, Ола и Тома, Машо и Ника, Мариам и Гига, Като и Сико, Ола и Малакос, Ева и Леван, Бабе и Баса, Анна и Алекси, Катиа и Сандро.

В четвертом доме — доме девушек—жили: Ола, Нуца (дочери Ниника); Тамро, Матро (дочери Бежана); Елена (дочь Иване), Даро, Бабе, Мариам (дочери Сосана); Мато, Даро (дочери Дата); Надо (дочь Абриа); Елена, Кето, Зено (дочери Миха); Нато (дочь Гегена).

Как видно из приведенного описания, распределение жилого помещения происходило между женщинами с соблюдением принципа старшинства и с учетом семейного положения каждой из них.

Хозяйкой дома — *diasaxlisi* (დასახლისი) в семейной общине Гогилаани была Гайане (жена Сосана). Она руководила всей жизнью женщин, иными словами — внутренней жизнью семьи. Гайане устанавливала недельную очередность *pvbati* (ბაბათი) — домашних работ. Распределение

¹ Записано со слов бывших членов семейной общины Гогишвили:

Мананы Михайловны Папагашвили-Гогилашвили, 130 лет (жены Бежаны Гогилашвили), Тамары Алексеевны Чучулашвили-Гогилашвили, 70 лет (жены Карумы Гогилашвили); Нины Ивановны Созашвили-Гогилашвили, 55 лет (жены Иагоры Гогилашвили), Тамары Фоминичны Натришвили-Гогилашвили, 55 лет (жены Иасе); Сико Гегеновича Гогилашвили, 80 лет.

работ практиковалось только для старших невесток, которых в семейной общине Гогилаани было восемь душ; им помогали молодухи.

Согласно установленной очередности старшие невестки выпекали хлеб, пользуясь обычно при этом специальным помещением с торней, готовили пищу, состоящую как из мясных, так и молочных и растительных продуктов.

Приготовление пищи в семейной общине Гогилаани происходило в передней части тагапи (მაგაპი), называемой саґехи (საგეხი). В самом тагапи (მაგაპი) хранились зарытые в землю кувшины с вином, а также молочные продукты. Деньги, принадлежащие семейной общине, находились у diasaxlisi (დიასახლისი) — хозяйки дома.

Как указывалось, несколько женатых братьев жили в одном общем помещении, в котором каждая невестка имела свои полки, так называемые ґало (წაღო), где хранилась постель и помещался сундук skivgi (სკივიგი) с одеждой. Постель и сундук, являясь частью женского приданого, составляли собственность женщины.

В комнатах были устроены, кроме того, стенные шкафы — гапґина (გაბგინა), в которых расставлялась глиняная и медная посуда, составляющая общую собственность семьи.

В центральной части жилого помещения находился очаг с земляным полом, на некотором расстоянии от которого на маленькой возвышенности был сделан деревянный настил для размещения семьи на ночь и во время еды. В последнем случае скатерть, обычно из синего ситца с изображениями отдельных элементов самой трапезы, стлалась прямо на этот настил. За трапезой с одной стороны располагались мужчины, с другой — женщины, при этом строго соблюдался принцип старшинства.

В течение недели приготовлением и распределением пищи руководила специально выделенная женщина — менобате (მენობათე), назначаемая на это время хозяйкой дома — diasaxlisi (დიასახლისი); ей обычно помогали молодухи — мыли посуду, разносили на подносах разложенную по мискам пищу и выполняли отдельные поручения.

Семейная община Гогилаани, как это видно из описания Цискарашвили, а также из собранного нами материала, занималась главным образом скотоводством — как овцеводством, так и молочным скотом.

Овцеводством семейной общины Гогилаани ведал один из старших братьев — Сосана, под руководством которого находились занятые в этой отрасли хозяйства его брат Гегена и сын Леван, а также племянники — сын Миха (Дата), сын Иванэ (Баса) и Гига (сын Дата). Зимой скот перегонялся в Иорскую долину на стоянку, называемую Карго — ґаґуо (ყარგო), летом в дагестанские горы — Лекимта, где Гогилаани имели свои собственные кошары. Количество овечьего стада Гогилаани достигало 4.000—5.000 голов.

Лошади, количество которых в семейной общине Гогилаани доходило до нескольких десятков, находились обычно со стадами.

Молочное хозяйство также было развито в семейной общине довольно значительно. Количество крупного рогатого скота доходило у них до 300 голов. Довольно много у семьи было и волов и буйволов, занятых в пахании плугом с четырехпарной упряжкой.

Крупный рогатый скот также перегонялся на зимние и летние пастбища. Зимние хлева, предназначенные для молочного скота, были расположены в Иорской долине в Карго; в летнее время все стада находились в горах. Часть членов семьи была при этом занята работой в молочном хозяйстве; старшим скотником был Бежана, под руководством ко-

торого работали его племянники: Титна, Ника, Сико, Дата, Баса и Алекси.

Земледелие, представлявшее дополнительную отрасль хозяйства кизикцев, в отличие от другой части Кахети, было однако в достаточной степени развито и вполне удовлетворяло требованиям натурального хозяйства семейной общины.

Главным плугарем — *gutnis deda* (გუთნის დედა) в семейной общине Гогилаани был один из старших братьев — Ниника; дневными и ночными погонщиками были его сыновья Иагора и Бесо, а также племянник — Кола.

Главный погонщик в семейной общине распоряжался обычно волами и занимался аробничеством, представляющим единственный вид колесного транспорта семейной общины. Главой семьи был Иванэ, находившийся всегда при доме.

Пахотные земли Гогилаани также как и других семей этого села были — расположены в Ширакской степи, где они составляли участки *Д и д н а у р и*, *Д и д х е в и*, *А к а к и а н г о р а*, *К о р е — qoqe* (ყორე).

Виноградники были расположены в трех местах: *М е л к о с е у л и*, *М т а ш и*, *Ш и х и а н т х е в ш и*; урожай с них равнялся в среднем 1.500 ведрам вина.

Виноградниками и виноделием в семейной общине Гогилаани занимался в основном Миха; ему помогали Абриа и другие члены семьи из младшего поколения. Как зерно, так и вино с годового урожая семьи шло целиком на удовлетворение внутренних потребностей семьи.

Сегментация семейной общины Гогилаани привела к образованию одного из кварталов села, носящего имя, тождественное имени первоначальной семейной общины. Гогилаани представляли один из родственных по своему составу кварталов села Земо Мачхаани (Верхнее Мачхаани), которое состояло из восьми подобных Гогилаани кварталов: **Натроаани**, **Джанаани**, **Робитаани**, **Бостобаани**, **Гогилаани**, **Бостаани**, **Бенаани**, **Токликаани**, также созданных путем сегментации семейных общин.

С товарным производством было связано только овцеводческое хозяйство семьи Гогилаани, которое в условиях натурального хозяйства составляло основную базу развития обмена.

Разделение села на кварталы — *ubani* (უბანო) или *qagi* (კაგი), как известно и по другим грузинским материалам, связано с развитием и сегментацией семейных общин. В кахетинских селах и в частности в Кизики это прослеживается достаточно наглядно на родственном составе отдельных кварталов, сохранявших в своих патронимических названиях первоначальные наименования семейных общин.

Так, например, селение Вакири Сигнахского района было разделено на кварталы: **Надаан-Хелаани**, **Канчаани** — *qančani* (ყანჩანო), **Кемаани** — *qemaani* (ქემანო), **Гогаани**, **Квемо-Канчаани** (Нижние Канчаани), **Бентуриан-Чкараани**, **Деметраани**. Каждый из этих кварталов был образован в результате сегментации семейной общины. При этом внутри самих кварталов продолжали существовать вновь образовавшиеся семейные общины.

Как это видно на примере описания семейной общины Гогилаани, кизикские семейные общины были многочисленны и состояли обычно не только из объединения индивидуальных семей братьев, но, в большинстве случаев, из объединения кузенных семей, доходящих до четвертого и пятого колена родства.

Основным видом хозяйства кизикцев являлось скотоводство, вместе с которым существовали земледелие и виноградарство. В земледелии вплоть до второй половины XIX века существовала своеобразная форма владения землей.

Распределение труда внутри семейной общины хорошо отражало все указанные отрасли хозяйства. Так, например, семейная община Л а м б о а н и (М о с а ш в и л и, селение Вакири)¹, которая разделилась только в начале XIX века на Б о л ь ш и е и М а л ы е Л а м б о а н и, состояла перед разделом из пяти братьев и их семей.

Бежиа был главой семьи, по местному названию motauri (მოთაური) или saxlis didi (სახლის დიდი), он занимался земледелием и виноградарством и поэтому считался šina qaci (შინა კაცი — буквально: домашним человеком.)

Аналогичным термином называлась и старшая в доме хозяйка — diasaxlisi (დიასახლისი — буквально: мать дома) или saxlis didi (სახლის დიდი — буквально: большая дома), функцию которой в семейной общине Ламбоани выполняла невестка Марта. Нодар — один из старших братьев, был свиномаром в семейной общине, владеющей не менее чем 300 свиньями. Сандро был его помощником, а Леван — главным землепашцем, он владел и управлял всей рабочей скотиной, используемой при пахании земли и для транспорта.

Миха, будучи šina qaci (შინა კაცი), работал на поле и в винограднике. Соломан был овчаром, занимался пастушеством. Стада мелкого рогатого скота семьи насчитывали не более 200 голов баранов; их обычно присоединяли к чужим стадам на товарищеских началах. Ила занимался в основном уходом за крупным рогатым скотом семейной общины, количество которого доходило до 150 голов.

Сравнительно со всеми другими скотоводческими районами горной Грузии, особое внимание здесь обращалось не только на развитие молочного хозяйства, но и на выращивание рабочего скота, нужного при пахании. Виноградарство нуждалось также в развитии аробничества, как перевозочного средства. Рабочий скот кизикцев был представлен не только волами, но и буйволами, причем последние в некоторых местах даже преобладали. Тягловую силу в семейной общине кизикцев представляли также ослы.

Молочный скот в Кизики содержался исключительно на подножном корму. Рабочий скот на подножном корму содержался только летом, зимой — в стойлах.

Из селения Вакири, так же как и из других сел Кизики, молочный скот на зиму перегонялся в Алазанскую долину. Здесь были устроены у отдельных семейных общин свои постоянные кошары и избушки. Семейная община Ламбоани выгоняла свой скот на зиму в К а б л и с г о р а.

В семейной общине Ламбоани Ила и Георгий постоянно находились при молочном скоте и назывались поэтому тезгохе (თეზგოხე — буквально: коровник). Старший тезгохе был Георгий, они сами доили коров, готовили масло и сыр. Сыр выделялся из весеннего удоя, масло же заготавливалось летом — в августе месяце.

Бежиа, глава семьи, был занят виноградарством и виноделием.

¹ Сел. Вакири, Сео Соломонович Мосашвили, 80 лет.

В селение Вакири, которое находится в той части Кизики, где виноградарство было наиболее развито, виноградники располагались на сравнительно большом расстоянии от дома. Семейная община Ламбоани владела виноградником Ч а л и с в е н а х и размером 0,5 гектара, который при среднем урожае давал около 9 бочек вина (бочка = 60 ведрам), т. е. 540 ведер. Часть вина обычно шла на продажу. Продажей вина и молочной продукции восполнялся недостаток хлеба в семейной общине Ламбоани.

Нужное для внутреннего потребления семьи количество вина в семейной общине Ламбоани определял обычно сам Бежиа; он же выделял возможную для продажи часть вина.

Как уже отмечалось, в кизикских селах имелись пахотные земли как — тата-рареули (მაბა-პაპეული), принадлежавшие семейным общинам по наследству, так и общинные — satemo (სათემო), которые в каждом отдельном случае занимались той или другой семейной общиной.

Семейная община Ламбоани имела следующие пашни — м а м а - п а п е у л и: Т х р и л з е — Txgilze (თხრილზე) — размером в 1 гектар, Ч к а р а а н к у р е ჯკაგაანკურე (ჩქარაანკურე) — 2 гектара, Б у э т а н и — 2 гектара.

Общинные земли, в которых свою долю имели и Ламбоани, состояли из участков К а р г а ч и — qaguaci (ყარღაჩი) и Т х р и л с и к и т и. Общинные земли в определенный день занимались всеми представителями семейных общин и размежевывались бороздой на время. Из числа общинных земель семейной общине Ламбоани принадлежало не менее 4—5 гектаров. Весной обычно сеяли просо, осенью это же самое поле засеивалось пшеницей или ячменем, что называлось уже паретваги (ბაფეტვაგი — буквально: место, где раньше сеялось просо).

Пашни засеивались с двух, или трехлетним перерывом; земли тата-рареули (მაბა-პაპეული), находящиеся в наследственном владении, обычно уваживались.

Сенокосы у жителей селения Вакири по семейным общинам не делились. Все сенокосы были расположены в Алазанской долине и являлись общинными владениями. В назначенный день косари направлялись к сенокосам и таким же способом, как при разделах общинных пахотных земель, каждый участник раздела обводил косой захваченный им участок, отмечая тем самым границы своего поля.

Собранное сено устанавливалось стогами и сохранялось для питания рабочего скота.

Участие женщин в хозяйственной жизни семейной общины у кизикцев было весьма своеобразным. Хозяйка — diasaxlisi (დიასახლისი) ведала в доме молочными запасами и выпечкой хлеба. Она распределяла пищу между членами семьи и устанавливала между невестками недельную очередь — повати (ბობათი). Ни одна отрасль хозяйства не находилась целиком в руках женщин; более того, участие их в той или иной отрасли хозяйства было весьма ограничено. Женщины почти не занимались полевыми работами, если не считать молотьбу и веяние зерна.

В скотоводстве женщины также не играли ведущей роли; так как скотоводство Кахети требовало длительного отрыва от семьи. Со скотом находились исключительно мужчины, которые занимались и изготовлением молочных продуктов. Участие женщин в виноградарстве было пассивным и второстепенным. Даже хранение запасов вина, так же как и зерна, не поручалось женщине, ими ведал мужчина. Женщины были заняты исключительно каждодневными заботами по дому, а также воспитанием детей.

Таким образом, организация труда внутри кизикских семейных общин отличалась от той системы, которая была характерна для семейных общин горной Грузии также с преимущественно скотоводческой формой хозяйства.

Семейная община Ламбоани разделилась в начале XX столетия. Все имущество семейной общины — скот, земля, дома и движимое имущество — было разделено на пять равных частей по братьям.

Зерновые запасы семьи (пшеница, ячмень) делились ежегодно по числу душ, а кукуруза, просо и вино — по числу рабочих рук *mklavze* (მკლავზე). В разделе имущества семейной общины женщины не принимали участия; девушки имели свое *satavno* (სათავნო), состоящее из подаренных им близкими родственниками денег, а также и собственных заработков. После замужества девушки и перехода ее в дом мужа *satavno* (სათავნო) женщины брали с собою, но и в семейной общине мужа женщина совершенно самостоятельно распоряжалась своим *satavno* (სათავნო), которое не присоединялось к общему имуществу семьи.

Существование *satavno* (სათავნო) кизикийки отмечалось еще в описаниях авторов конца XIX века. В статье, озаглавленной «Письма из Кахетии»¹, говорится: «Капитал (приданое, деньги), принадлежащий женщине, называют здесь «сатавно» в отличие от другого капитала (в деньгах), которым иногда располагает богатая местная семья и который называется «с а с а х л о». «С а т а в н о» свое кизикийка пускает в оборот, отдавая на проценты сама же, или через посредство мужа, братьев и других родственников».

Satavno в Кизики, согласно указанному описанию, состояло только из денег. Согласно нашим сведениям, в *satavno* включался также как крупный, так и мелкий рогатый скот.

Интересно указание автора на то, что «сатавно» — личная собственность женщины — действительно существовала наравне с «сасахло» — общинно-семейной собственностью.

Семейная община Докаани (селение Вакири, Кемашвили)², которая согласно полевым материалам и приводимому ниже официальному документу, разделилась в 1890 году, до раздела состояла из нескольких брачных пар с их потомством.

Наименование Докаани семейная община получила от прозвища главы семьи Георгия, которого называли Дока.

Дока был опытным виноградарем и виноделом, возглавляющим семейную общину. После смерти Дока главенство в семье перешло к его сыну Закара. Между остальными братьями хозяйственные функции распределялись следующим образом: Гегена был главным плугарем — *gutnis deda* (გუთნის დედა), которого позднее заменил его сын Мосе. Сандро и Коте занимались земледелием, Иовел — уходом за молочным скотом, Никола — овцеводством.

По сведениям наших информаторов, и в частности по показаниям невестки семейной общины Евы Кемашвили, Докаани имели пахотные земли как наследственные — *tapa-rareuli* (ძამა-პაპეულო), так и общинные, составлявшие общее владение села. В семейно-общинном владении находились у них также и виноградники.

К первому виду земель относились следующие: С а н г а л и — размером в 3 гектара, К а м и а н и — 15 гектаров, А б а н к у р е — 1 гектар,

¹ Ш а - ж о в. Письма из Кахетии. «Новое Обозрение», 1895, № 3825.

² Ева Ильинична Размадзе-Кемашвили, 115 лет.

К о р г а н и — 1 гектар, У р о п а н и — 1 гектар (здесь же содержался в зимние месяцы крупный рогатый скот), Г у р а к е б и с м и ц а — $\frac{1}{2}$ гектара, Г у б р а а н и п и р и — 1 гектар.

Общинные земли, в которых одну долю наравне с другими односельчанами имели и Докаани, были следующие: К а р г а ч и, где семейной общиной Докаани вспахивалось не менее трех гектаров; здесь находился обычно в зимнее время мелкий рогатый скот. Г з а с и к и т и, где семейной общиной Докаани обрабатывалось также не менее трех гектаров.

Виноградники, находившиеся в семейно-общинном владении у семейной общины Докаани, были расположены в следующих местах: в Н а к а л о а р и — $\frac{1}{2}$ гектара, с которых получали до трехсот ведер вина; в К в е м о в е н а х и — 1,5 гектара, откуда получали до 1.000 ведер вина; Ш и н а в е н а х и — 600 сажений, получали не более 60 ведер; З е д а в е н а х и — 1 гектар, получали около 700 ведер вина.

Сохранившийся у Евы Кемашвили документ — копия акта раздела семейной общины Докаани (переданный в настоящее время Сигнахскому краеведческому музею) подтверждает наличие как названных здесь пахотных земель, так и виноградников¹.

По описанию сказителей, Докаани имели достаточное количество крупного и мелкого рогатого скота: 10 коров и буйволиц; 40 голов рабочей скотины — волов и буйволов; от 15 до 20 лошадей; не менее 300 овец и 100 свиней. Скот круглый год находился на подножном корму. Зимние кошары и хлева были устроены в К а р г а ч и. Отары овец летом перегонялись в Л е к и м т а и л и на Триалетские пастбища.

В вышеназванном документе подтверждается также и наличие указанных видов скота в семейной общине Докаани. Перечисляется крупный рогатый скот, баранта, свиньи и лошади. Весьма любопытно, что весь скот при сегментации семьи был разделен не по числу братьев, как было во всех остальных случаях раздела имущества, а по числу непосредственных участников в хозяйстве, в данном случае по числу братьев и взрослых племянников. В документе говорится, что крупный рогатый скот, баранта, свиньи и лошади были разделены на 10 долей: «2,5 части отдали Георгию; 5,5 частей Гегену и Михаилу; одну часть Метру и одну часть Ивану». В документе указывается, что Георгий, Метре, Гегена, Миха и Иванэ (сын Исака) должны получить братскую долю независимо от числа членов их семьи. Из приведенных же фактов ясно, что скот был разделен по числу рабочих рук — взрослых мужчин: Георгию, в семье которого было четверо мужчин, досталось 2,5 части; Гегене и Михаилу, вместе выделившимся двум братьям, в семье которых было 7 мужчин, досталось 5,5 частей; Метру и Иванэ (Вано), не имеющим в семье других работоспособных мужчин, — по одной части.

Указанный документ, содержащий описание имущества семейной общины Докаани, выявляет и отдельные права членов семьи, связанные с разделом как унаследованного, так и благоприобретенного имущества. Все дома семейной общины Докаани были разделены на пять равных частей, т. е. по числу братьев. При этом доли Михаила и Гегены, как вместе выделившихся братьев, упоминаются в документе вместе. Приводим выдержку из документа:

«Верхнее помещение каменное с марани и 2 комнаты с торней достались Михаилу и брату Гегену; рядом с ними до оврага одна деревянная

¹ Все места из настоящего документа приводятся без изменения.

комната и один амбар достались опекунше Мелании (подразумевается вдова брата Исаака, мать Ваню — Р. Х.); Георгию достался большой длинный дом с конюшнею. Новый дом, двухэтажный, каменный, достался Метру, так как усадебное место больше принадлежало Метру, а потому дали ему по общему согласию. Кроме того, опекунша Мелания требовала деньгами 40 рублей и одну арбу досок; 40 рублей обязан уплатить ей Георгий, а доски должны доставить все братья. У всех дорога будет на стороне оврага, а Георгию и Михаилу с братом будет дорога сзади двухэтажного дома Метра; Мелания тоже будет иметь сзади дома Метра (проход — Р. Х.), так что у Метра есть место для дождевого желоба сзади своего дома».

В приведенной выдержке обращает на себя внимание, во-первых, описание домов, согласно которому выявляется два типа домов: один, засвидетельствованный нами на месте, как более старинный одноэтажный дом семейной общины у кахетин, где обычно располагались все члены семьи как во время еды, так и на ночлег (см. табл. №№ 12 а, 12б), и другой — новый двухэтажный дом, который появляется еще при существовании семейной общины, но в первое время предназначается в основном для гостей и молодоженов. Далее в документе перечисляются постройки, находящиеся на гумне: «Разделили после этого помещения в нижнем имении, т. е. на гумне, где молотили: на восточной стороне досталось Михаилу и Мелании каменная конюшня, сарай, крытый черепицею, и саманник — соломою. На западной стороне досталась конюшня каменная Георгию, сарай, саманник и амбар...» Настоящая выдержка из документа интересна и в том отношении, что воссоздает картину комплекса хозяйственных построек, расположенных на гумне — *ḡalo* (ḡḗḡ), где протекала связанная с земледелием хозяйственная жизнь семейной общины; приведенное здесь документальное описание гумна при этом вполне соответствует вышеприведенным этнографическим данным относительно хозяйства других семейных общин этого района.

Селение Вакири являлось одним из тех селений Кизики, где виноградарство получило наибольшее развитие. Как это было видно из приведенного текста, при разделе домов и вообще отдельных видов построек, специально упоминается *taḡapī* (ḡḗḡḡ) — помещение для давальни и хранения вина в кувшинах. При этом в акте особо описывается раздел винных кувшинов между братьями и упоминаются кувшины ритуального назначения. Эти последние известны и по этнографическим описаниям, как кувшины *sazedaše* (ḡḗḡḡḡḡ), посвященные определенным праздникам; кувшины эти в дни праздников обыкновенно торжественно вскрывались семейной общиной. В соответствующей части акта говорится: «винные кувшины разделили на четыре части. Метру дали 2 кувшина, каждый 2,5 сапане; 1 кувшин 10-чаповый, 1 кувшин 7-чаповый, 1 кувшин 3-чаповый. Георгию дали 1 кувшин в 2 сапане; Михаилу и Гегену 1 кувшин в 1 сапане, 1 кувшин 5-чаповый; 1 кувшин 10-чаповый. Мелании дали 1 кувшин в 2,5 сапане. В марани остались кувшины 2 сазедаше — 1 кувшин 28-чаповый, 1 кувшин 3-чаповый; 1 кувшин сломанный в 3 сапане». Таким образом совершенно очевидно, что принадлежащие семейной общине Докаани винные кувшины *sazedaše* — (ḡḗḡḡḡḡ), в отличие от обычных винных кувшинов, не подлежали разделу между братьями и их не трогали со старого места в *taḡapī* (ḡḗḡḡ). При этом по имеющимся этнографическим материалам известно, что члены разделившейся семейной общины, сохраняя общность своего происхождения, в дни, установленные для этих *saze-*

daše (საზედაშე) на протяжении долгого времени все еще продолжали собираться вместе в старом тагапи (ძაბაბი).

Как известно из других этнографических описаний разделов грузинских семейных общин, мельницы, маслодавильни, винокурни не делились и оставались в коллективном пользовании разделившихся семей. В настоящем акте также упоминается порядок очередности между братьями в пользовании мельницей:

«Разделили мукомольные мельницы: Георгию досталось на 2 части 2 суток; Михаилу и Гегену — 2 суток; Ивану достались 1 сутки; Метру 2 суток; одних суток очередь осталась между братьями в общем пользовании».

Здесь говорится также относительно порядка употребления после раздела братьями ручной мельницы, называемой здесь просто камнями: «Очередь на камни разделили: 2 суток Георгию, 2 суток Михаилу и Гегену; одни сутки Метру; одни сутки Ивану достались; одни сутки в общем пользовании между братьями». Упоминается здесь также при разделе и об общем пользовании ореховым деревом: «...при входе виноградного сада большое ореховое дерево, каковым должны пользоваться мы все — братья...»

Таким образом, как на основании этнографических данных, так и из приведенного документа следует, что:

1. У жителей селения Вакири, в отличие от других кизикцев виноградарство занимало почетное место.

2. Раздел семейной общины велся по отцам даже в тех случаях, когда доля сыновей, участвовавших своим трудом в хозяйственной жизни семейной общины, была специально предусмотрена.

3. Элементы общности происхождения из одной семейной общины сохранялись и после раздела, как в идеологии sazedaše (საზედაშე), так частично и в хозяйственной жизни (водяные и ручные мельницы, маслодавильни, винокурни, фруктовые насаждения).

Существование моногенных кварталов, образованных в результате сегментации семейных общин, установлено по этнографическим материалам и других кизикских сел. Так, например, здесь, помимо выше указанного, может быть названо селение Земо Магаро, которое делилось на следующие кварталы: Цихитвиани, Беладани, Чедлиани, Даникаани, Уснаани, Чрелаани, Бандуаани, Кадагиани, Нацвлиани.

Каждый из этих кварталов в прошлом представлял отдельную семейную общину, в дальнейшем же — уже совокупность отдельных родственных семейных общин. При этом каждый из них сохраняет первоначальное наименование семейной общины. Так, например, семейная община Джандиэраани составляет часть жителей квартала Чедлиани, которые в свое время представляли также одну семейную общину. Семейная община Джандиэраани, которая разделилась в 1915—1916 годах была представлена в следующем составе:

Главой семьи был Шакро, он занимался в семье всеми организационными делами как по земледелию, так и по скотоводству. Семейная община Джандиэраани не была многочисленна, мало было поэтому в ней, конечно, и работников; овцеводство, которым руководил второй брат, Гига, и его племянник, Ладос, развивалось при участии наемных пастухов.

Джандиэраани имели до 1.800 голов баранов, от 20 до 30 лошадей, от 100 до 150 коров вместе с буйволицами. Было у них при этом шесть пар рабочей скотины: волов и буйволов и около пятнадцати ослов.

Весь скот в зимнее время находился в Иорской долине, где у Джандиэраани были устроены свои зимние кошары для баранов, зимние жилища для пастухов и хлева для крупного рогатого скота. В Иорской долине скот находился с ноября месяца до половины апреля. Там же производилась и стрижка овец; в редких случаях стрижка производилась на горных яйлах.

В скотоводстве семейной общины Джандиэраани были заняты также и наемные пастухи; наемным был и главный овчар — *sarkali* (სარქალი) — Ника Бандошвили, который в течение долгого времени руководил работой остальных пастухов, занимался изготовлением сыра и доставлял пищу пастухам на зимние и летние пастбища. На летние пастбища в Триалети стада направлялись обычно со второй половины апреля.

Стада овец укомплектовывались по следующему признаку: дойных овец, для одного стада которых (в 200 голов) требовалось не менее 3—4 пастухов; стада «сухих» — не дойных овец; в этом случае стадо могло обойтись двумя пастухами. Труд пастухов оплачивался по трем категориям: первый получал в год 15 баранов и 1 или 1,5 пуда сыра; второй — 12 баранов и $\frac{1}{2}$ пуда сыра, а третий — 10 баранов и столько же сыра. При этом владельцы стад выдавали своим пастухам в год одну пару *сбужи* — *kalamani* (ქალამანი) типа лаптей, брюки, рубашку, шинель или овчину и бурку.

Как было сказано выше, земледелие у кизикцев при общинном владении землей не занимало ведущей роли в хозяйстве семейной общины.

Все основные пахотные земли в селении Магаро находились на известном расстоянии от самого села, в так называемом *Келмечури*.

Пахотные участки находились в отдалении от жилых кварталов села, благодаря чему хозяйственная жизнь членов семьи, в основном мужчин, протекала либо со скотом в Иорской долине и Триалети, либо в *Келмечури*, где у всех магаровцев были устроены свои *qalo* (კალო) — гумно с током и с соответствующими постройками.

У семейной общины Джандиэраани на гумне имелись следующие виды каменных построек: жилая избушка, *tavla* (თავლა), *čardaxi* (ჩარდახი) хлев с чердаком, *sabzeli* (საბძელი) — саманник; все указанные виды построек имели черепичное перекрытие. Помимо каменных сооружений здесь же имелись деревянные и плетеные избушки временного назначения.

В одной части гумна были вырыты ямы — *огто* (ოტო) для хранения зерна. Ямы эти были выложены зелеными ветками, на дне был насыпан саман и затем уже зерно. Наполненная зерном яма закрывалась деревянным кругом — *sarkveli* (სარქველი) и сверху засыпалась землей. В летнее время, когда производили уборку и молотьбу зерна, на гумно переселялись так же и женщины и до конца уборки оставались там. Дома обычно оставалась хозяйка — *diasaxlisi* (დიასახლისი), дети и другие старшие невестки, молодые же помогали молотить зерно.

В семейной общине Джандиэраани в первое время *diasaxlisi* (დიასახლისი) считалась свекровь — Теона, затем, после ее смерти, ее заменила Минадора (вторая жена главы семьи — Шакро).

В *Келмечури* были устроены также и мельницы; мука уже в готовом виде перевозилась в дом, где были устроены специальные амбары для муки, вмещающие каждый из них по 6 *sacalo* (საცალო), равняющееся 18 *qodi* (კოდი) или 54 пудам.

Жилой дом Джандиэраани, находящийся на некотором расстоянии от гумна, состоял из двух больших комнат — одной побольше, предназначенной для жилья всей семьи и называемой *sadgomi otaxi* (სადგომი

თახი), и другой, отведенной для гостей — *sastumgo* (სასტუმრო). Внутри обеих комнат были устроены по стенам полки для постелей — *çalo* (წალო), а также стенные шкафы для посуды; в обеих комнатах находились камин и маленькие ниши — *taxça* (თახჩა) для свечи или лампы. Постель на ночь раскладывалась на деревянном настиле, который обычно был выложен на определенном расстоянии от входа с квадратным углублением перед дверью. Во время еды на этот настил стлалась скатерть, вокруг которой размещалась вся семья.

Днем обычно постель убиралась в *çalo* (წალო), которые были распределены между невестками.

Diasaxlisi (დიასახლისი) следила за домашним порядком и устанавливала очередность в домашней работе между женщинами. Женщины занимались только домашней работой и в хозяйственной жизни семьи — в скотоводстве и земледелии их участие было незначительно. Ни в одной отрасли хозяйства — ни в скотоводстве и не в земледелии они не играли более или менее значительной роли; их основным занятием было лишь приготовление пищи, экипировка членов семьи и воспитание детей.

Diasaxlisi (დიასახლისი) распределяла между невестками поровну ту шерсть, которую они затем перерабатывали для нужд своих детей и мужа. Поровну делила также *diasaxlisi* (დიასახლისი) между невестками заготовленные на зиму фрукты и сладости, которые матери затем сами распределяли между детьми.

Таким образом, внутри семейной общины в распределении одной части женских работ уже соблюдался принцип деления работ по нуждам и потребностям индивидуальной семьи.

Женщины своим трудом сами одевали себя и своих детей до их определенного возраста; семья не расходовала на малолетних членов семьи общих денег, так называемых *saõžaxo* (საოჯახო) — буквально: семейных. Матери заботились о мальчиках до того времени, пока они не достигали 10—12-летнего возраста, когда они уже становились пастухами и тем самым принимали участие в хозяйственной жизни семьи, после чего расходы на них уже производились из общих средств. До определенного возраста девочки также находились на попечении матерей; достигнув 13—14-летнего возраста, они не только одевали себя, но уже копили вырученные своим рукоделием и другими побочными заработками деньги для составления своего *satavpõ* (სათავპო).

Диди Шаншаани (буквально — Большие Шаншаани, селение Квемо-Мачхаани)¹, которые разделились в начале XX века, представляли семейную общину, состоящую из четырех нераздельных братьев с их женами и детьми (см. табл. № 13).

Семейную общину возглавлял Илия, который в то же время был *kevxa* (ქევხა) — официально назначенным должностным лицом села. Придон постоянно находился при молочном скоте и в основном был *тезгохе* (მეძროხე) — коровник; Степане занимался земледелием, находясь дома в качестве *šipa kasi* (შობა კაცი) — буквально: домашний человек. Бесо был священником, Сико — овчаром, Нико работал почтовым чиновником, Цако — овчаром, Залико — земледельцем, являясь тем самым *šipa kasi* (შობა კაცი).

Все пахотные земли и сенокосы селения Квемо Мачхаани, находившиеся в общинном владении, были расположены в отдалении от села — в части, называемой **К а р г а ч и** — *qargaci* (ყარგაჩი). Виноградники также

¹ Шаншашвили Мосе Гегенович, 65 лет.

были отделены от поселений, находились в части *Х и р с а* на расстоянии 3—4 километров от дома. Семейная община *Диди Шаншаани* имела 5 гектаров виноградника.

В *Квемо-Махчаани*, так же как и в других селах *Кизики* (за исключением некоторых), ведущим хозяйством являлось скотоводство, крупным подспорьем которому являлись как земледелие, так и виноградарство.

Диди Шаншаани имели до ста голов рабочего скота, с преобладающим количеством буйволов, несколько сот голов молочного скота, до двух тысяч овец и не менее десятка лошадей.

Земледелие в *Квемо-Мачхаани*, как и вообще в *Кизики*, в основном было построено на общинном владении землей. При освоении общинных земель, занимаемых семейной общиной, свободный участок земли обыкновенно весной обрабатывался и засеивался просом (*Panicum miliaceum*) или кукурузой, после чего на этом участке, называемом *Н а п е т в а р и*, уже засеивалась пшеница. В течение трех-четырех лет подряд чередовались пшеница и просо; затем земля с целью ее оздоровления два-три года простаивала, после чего ее уже могла занять другая семейная община.

При этом в *К а р г а ч и*, где находились общинные луга и сенокосы, каждая семейная община имела свое гумно с амбарами и саманниками, а также жилые помещения для занятых в земледелии лиц. На гумне были устроены помещения для скота: зимние хлева и кошары, конюшни и сараи. Летом баранта перегонялась в *Триалети*, а зимой в *К а р г а ч и*.

Братья, занимающиеся в семейной общине земледелием, проводили в *К а р г а ч и* весну, лето и осень; члены семьи, находящиеся при скоте перекочевывали вместе с последним.

Диди Шаншаани имели не менее 4—5 наемных пастухов, постоянно находившихся со стадами овец, количество которых, как было указано выше, доходило до двух тысяч голов. Таким образом, в *Квемо-Мачхаани* земледелие полностью было сосредоточено в *К а р г а ч и*.

Вместе с тем, как было уже сказано, у целого села в одной части *Х и р с а*, находящейся на отдалении 3—4 километров от *Квемо-Мачхаани*, были расположены виноградники и там же устроены специальные помещения *тагапи* (მარაპი), предназначенные для виноделия и винохранения. Здесь находился тот член семейной общины, который постоянно занимался виноделием и ведал запасами вина. Во время сбора винограда другие члены семейной общины, мужчины и женщины, также переселялись сюда на месяц или полтора.

Запасы вина и зерна хранились там же, где было представлено само земледельческое и виноградарское хозяйство.

Женщины не принимали участия ни в полевых работах, ни в скотоводстве, они участвовали лишь в молотье зерна и в сборе винограда.

В семейной общине *Диди Шаншаани* хозяйкой дома — *diasaxlisi* (დიასახლისი) — руководительницей женских работ являлась *Майя*, которая устанавливала между старшими невестками в каждодневной домашней работе недельную очередность — *повати* (ბობათი).

Селение *Квемо-Бодбе* (буквально—*Нижнее Бодбе*), относящееся также к части *Кизики*, является позднейшим образованием. *Квемо-Бодбе* состояло из отдельных участков земель, принадлежащих *Земо-Бодбе* (*Верхнему Бодбе*). Здесь у каждой семейной общины было устроено *қало* — (қалло) гумно с полным комплексом земледельческих и скотоводческих построек, подобно *К а р г а ч и*, принадлежащему селению *Квемо-Мачхаани*. Впоследствии, с уменьшением состава семейных общин, парал-

лельная оседлость в двух местах не могла сохраниться, и находящееся в Квемо-Бодбе гумно превратилось в усадьбу с сосредоточенной в ней же самой всей хозяйственной жизнью.

Старое наименование Нижнего Бодбе, по сообщению сказителей, было Бодби Калоеби, т. е. Бодбийские гумна. Примерно к концу XIX века на «Бодбийские гумна» перебралась уже с целью постоянного жительства одна часть бодбийцев, образовав тем самым на базе ранее существовавших хозяйственных ячеек новое село.

Одна из нижеописываемых семейных общин селения Квемо-Бодбе— **Чиликаиани** (Куситашвили)¹ к концу XIX столетия, примерно к тому времени когда «Бодбийские гумна» принимали характер села, состояла из нераздельных шести братьев с их женами и детьми.

Жила эта семейная община, как и все другие, вначале в Земо-Бодбе, имея при этом гумно со всеми хозяйственными постройками земледельческого и скотоводческого характера в Бодби Калоеби. Чиликаиани в основном занимались скотоводством, имея от 1.000 до 1.500 голов баранов и до 200 коров.

На гумне работали в основном мужчины; женщины принимали участие только в молотье. Работы, связанные с тремя видами хозяйства — полеводством, скотоводством и виноградарством — между членами семейной общины Чиликаиани были распределены следующим образом: Ниниа был главой семьи и главным пахарем *gutnis deda* (გუთნის დედა); Дата, Вано и Китеса также были земледельцами.

Земли все были общинными, вместе с Чиликаиани они обрабатывались и другими семейными общинами в следующих местах: в В а к е, Н а о м а р и, И о р и (в частности в участке Н а б а м б р е б и), а также в Ширакской долине; вся площадь, обрабатываемая семейной общиной Чиликаиани, составляла около 15 гектаров.

Освоение общинных земель здесь происходило также путем чередования проса и пшеницы, как это было описано в отношении села Квемо-Мачхаани. Все пахотные земли, за исключением усадьбы и гумна, были общинными. Усадьба и гумно находились в семейно-общинном владении и назывались землями *tata-pareuli* (მამა-პაპეული — наследственными). Сеяли обычно следующие сорта пшеницы: *doli puri* (დოლი პური), *tavtuxi* (თავთუხი), *poşola* (პოშოლა); *Poşola* сеялась весной, а *doli puri* и *tavtuxi* — осенью. Как было выше сказано, посеву пшеницы предшествовал посев проса; производили и озимую вспашку — *apeuli* (აპეული).

Из остальных братьев двое — Сосина и Ника — занимались овцеводством, а Титиа — молочным скотом. В зимнее время стада овец находились в Иорской долине, а летом в Триалетских горах.

В семейной общине Чиликаиани женскими работами руководила Тасиа; она устанавливала между невестками недельную очередность — *potati* (პობათი), заключающуюся в основном в выпечке хлеба и приготовлении пищи; она же хранила кассу семейных денег.

Тасиа распределяла между невестками шерсть для домотканки — *saçoxe* (საჩოხე), предназначенной главным образом для мужской одежды.

Все расходы, связанные с одеждой членов семьи, распределялись следующим образом: семья одевала мальчиков только с того возраста, когда они уже принимали участие своим трудом в общих работах семьи. У бодбийцев для этого существует специальный термин *tonagoba* (მონაგობა)

¹ Китеса Ниниевич Куситашвили, 99 лет.

семья одевала только таких, которые были способны к *topagoba* (*ძობა-გობა*)—буквально: к трудовому заработку, остальных же должна была одеть сама мать своим трудом.

Из всех указанных видов хозяйства с товарным производством у кизикцев было связано только овцеводство, которое в условиях натурального хозяйства создавало у них основную базу для развития товарного производства. Исключение представляли некоторые села Кизики, в частности Вакири и Анага, где виноградарство являлось основным видом хозяйства.

Разделение труда внутри семейной общины кизикцев хорошо отражало все указанные виды хозяйства, с преобладающим значением овцеводства.

Применение наемного труда в Кизики существовало исключительно в области овцеводства, создавая при этом различные формы оплаты труда пастухов натурой.

Как мелкий, так и крупный рогатый скот у кизикцев находился на подножном корму, что требовало постоянной отлучки от дома одной части мужского населения. Другая же часть занималась хлебопашеством и виноградарством, находясь обычно на гумне *qalo* (*კალო*), представляющим базу комплексного хозяйства с временными жилыми постройками.

Впоследствии, с уменьшением состава семейных общин, параллельная оседлость в двух местах, естественно, не могла сохраниться, и гумно превращалось в усадьбу с сосредоточенной в ней всей хозяйственной жизнью, образуя тем самым на базе ранее существовавших хозяйственных ячеек новое село (ср. превращение Бодби калоеби — Бодбийские гумна — в село Квемо-Бодбе — Нижнее Бодбе).

Женщины в кизикской семейной общине занимались преимущественно домашней работой и в хозяйственной жизни семьи — в скотоводстве и земледелии сколько-нибудь значительного участия не принимали, чем семейные общины кизикцев отличались от других скотоводческих семейных общин, относящихся к горной части Грузии. Основными занятиями женщин в кизикской семейной общине, так же как и в земледельческих семейных общинах, были приготовление пищи, экипировка членов семьи и воспитание детей. Установленные между невестками в каждодневных домашних работах недельные дежурства — *pvati* (*ბობათი*) регулировались хозяйкой семейной общины — *diasaxlisi* (*დასახლისი*). Особые требования, предъявляемые семейной общиной к женщине в отношении экипировки нетрудоспособных, малолетних детей за счет матери, ложились тяжелой обязанностью на женщин. В связи с этим в определенных случаях при распределении женских работ уже соблюдался принцип деления работ по нуждам и потребностям индивидуальной семьи. Женщины имели свой личный капитал — *satavno* (*სათავნო*), которым они самостоятельно распоряжались, расходуя его также на отдельные нужды своей индивидуальной семьи.

Принцип раздела по братьям в кизикской семейной общине не нарушался даже в тех случаях, когда в разделе благоприобретенного имущества специально была предусмотрена доля племянников, участвовавших своим трудом в хозяйственной жизни семейной общины.

После раздела семейной общины между разделившимися память об общности происхождения сохранялась, как в области идеологии *sazedaše* (*საზედაშე*), так и в области их хозяйственной жизни (водяные и ручные мельницы, винокурни, фруктовые насаждения).

При этом в кизикских селах со всею очевидностью прослеживаются патронимические названия отдельных кварталов, сохраняющих первоначальные наименования генетически к ним восходящих семейных общин.

Таким образом, ведущей формой хозяйства кизикцев было скотоводство—овцеводство, крупным подспорьем для которого являлись виноградарство и земледелие.

Несмотря на ведущую роль скотоводства, развитие земледелия, представленного в виде полеводства и виноградарства, в свою очередь отразилось на создании специфического семейно-хозяйственного уклада кизикцев, отличающего их от семейных общин горной Грузии. Поэтому включение кизикских семейных общин по принятой нами классификации в настоящий раздел требует особой оговорки.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У ТУШИН

I

Этнографические данные о существовании в XIX — начале XX веков в пережиточной форме семейной общины у тушин находят свое подтверждение и в ряде письменных источников, отражающих отдельные стороны их семейного быта.

К числу таких источников относится «Список исповедовавшихся в 1852 году прихожан церкви св. Георгия (с. Бочорма)»¹, который является ценным документом, не только подтверждающим существование многочисленных семей у тушин, но вместе с тем содержащим и конкретные данные о составе каждой семьи в отдельности. Однако надо полагать, что списки эти в большинстве случаев отражают неполный состав семьи, так как в списки исповедующихся малолетние члены семьи не вносились.

В документе перечислены фамилии отдельных семейств селений: Бочорма, Дикло, Шенако, Омало; при этом список составлен подымно, что дает возможность определить состав и родственные отношения внутри отдельных семей.

В качестве примера из этого списка может быть названа семья Татары Хведегуридзе (селение Бочорма), состоящая из одиннадцати душ. Из описания видно, что в семье объединены четыре брата со своими женами и детьми: Татары Бежанович Хведегуридзе; брат — Георгий и его дети: Неди, Нина, Кетеван, Иване и Анна; брат — Бабо, жена его Баи Кахоевна; затем сын четвертого брата — Давид и жена его Мария Давидовна и, наконец, их мать, вдова — Лела Бабуевна.

В других посемейных списках, как правило, также представлены три поколения, насчитывающие от 11 до 15 душ. Так, например, семья Гвтисавара Сехниайдзе описана следующим образом: Гвтисавар Лагазович Сехниайдзе, сын его — Баноели, жена его — Тамар Джарджоевна, дети их — Георгий и Цоцо. Брат Бансела — Шалва, его сын — Тевдоре; брат Шалвы — Лагаза, его жена — Анна Кахоевна, сын их Леван, брат его Иванэ и жена его Нана Георгиевна.

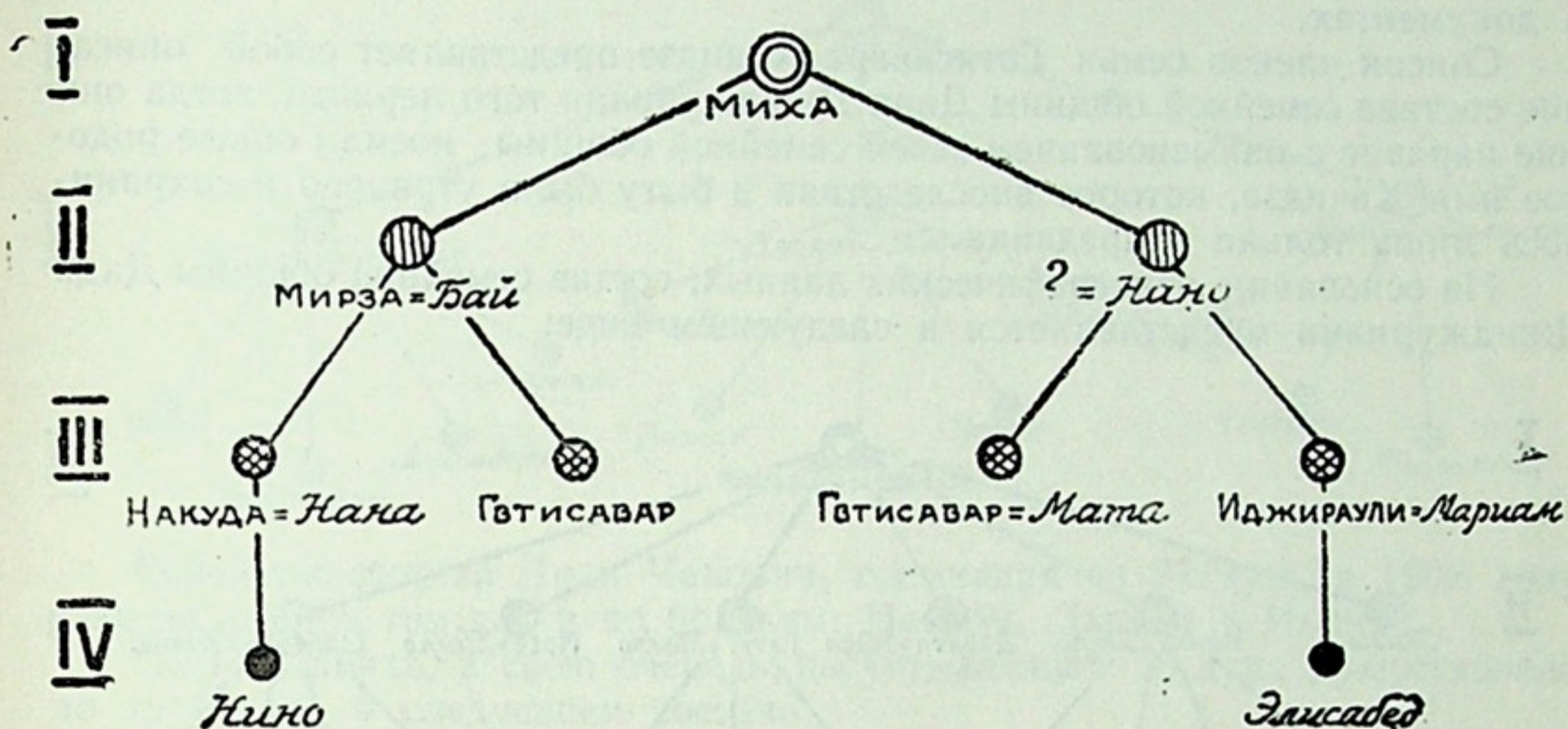
Таким образом, в данном описании, порядок которого мы полностью сохраняем, представлены три поколения: отец и четыре сына со своими женами и детьми.

Такие же сведения мы имеем и о семье Тавбера Иджираули (селение Омало), которая состояла из главы семьи Тавбера Вардановича Иджираули,

¹ Институт Рукописей АН ГССР, Qd, № 952. (На грузинском языке).

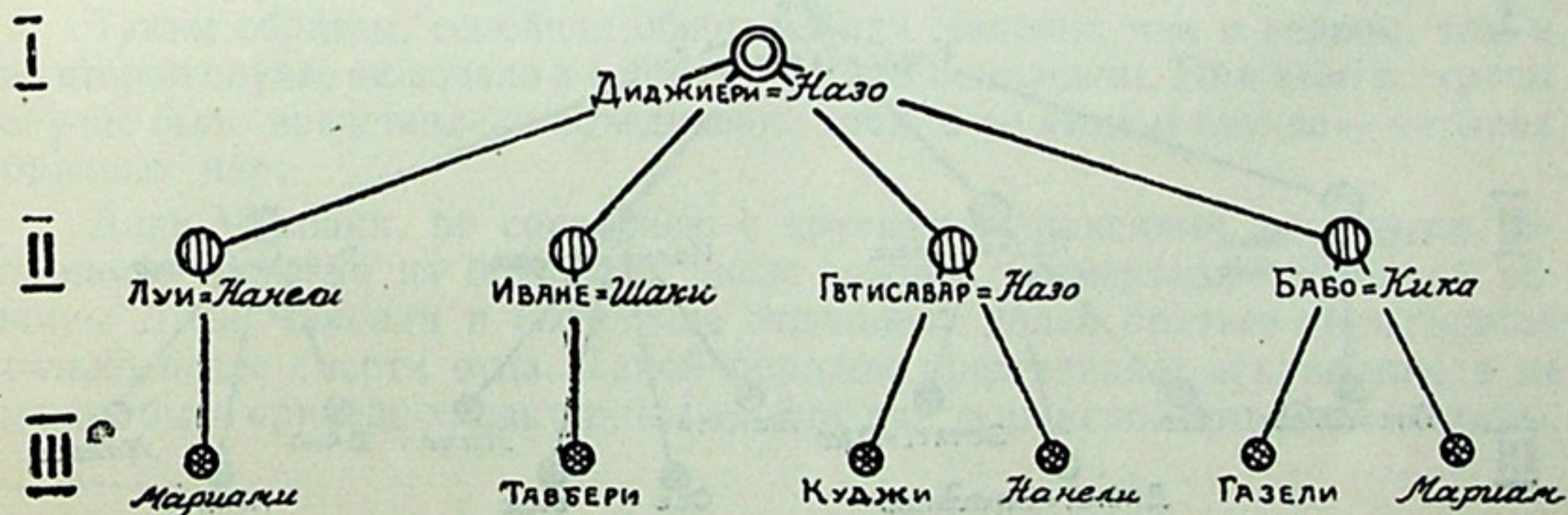
его сыновей — Ушаро и Накуда; брата — Бабо, его жены Наны Бебоевны, дочери — Тамары и сына — Зураба, а также семьи брата Бабо — Георгия, жены его — Мерцхалы Бежановны, дочерей их — Тамары, Мариам, Нино и, наконец, матери их, вдовы Мачхо Тевдоровны. Всего тринадцать душ.

Таким образом, здесь были объединены семьи трех братьев; из первого — старшего поколения, жива была только мать. В таком же составе представлена и семья Мирза Иджираули (селение Омало), в которой объединены три поколения двух братьев. Семья эта состоит из тринадцати душ, она интересна как в своем вертикальном, так и в горизонтальном развитии. Схематически эта семейная община может быть представлена следующим образом:

В вышеуказанном посемейном списке особый интерес представляют те семейные общины, по которым удалось собрать и этнографический материал (с. Шенако, Гвтисавар Хачидзе). Сопоставление письменных и этнографических материалов дает возможность не только схематически проследить за процессом развития состава семьи на протяжении более чем одного столетия, но и заполнить эту схему живым этнографическим содержанием.

Состав семьи Гвтисавара Хачидзе, по представленным в списке материалам с указанием отдельных поколений и брачных пар, схематически может быть представлен в следующем виде:

* Миха уже не было в то время в живых.

Итак, здесь в вертикальном развитии семьи представлены три поколения, содержащие в горизонтальном развитии второго поколения четыре брачные пары.

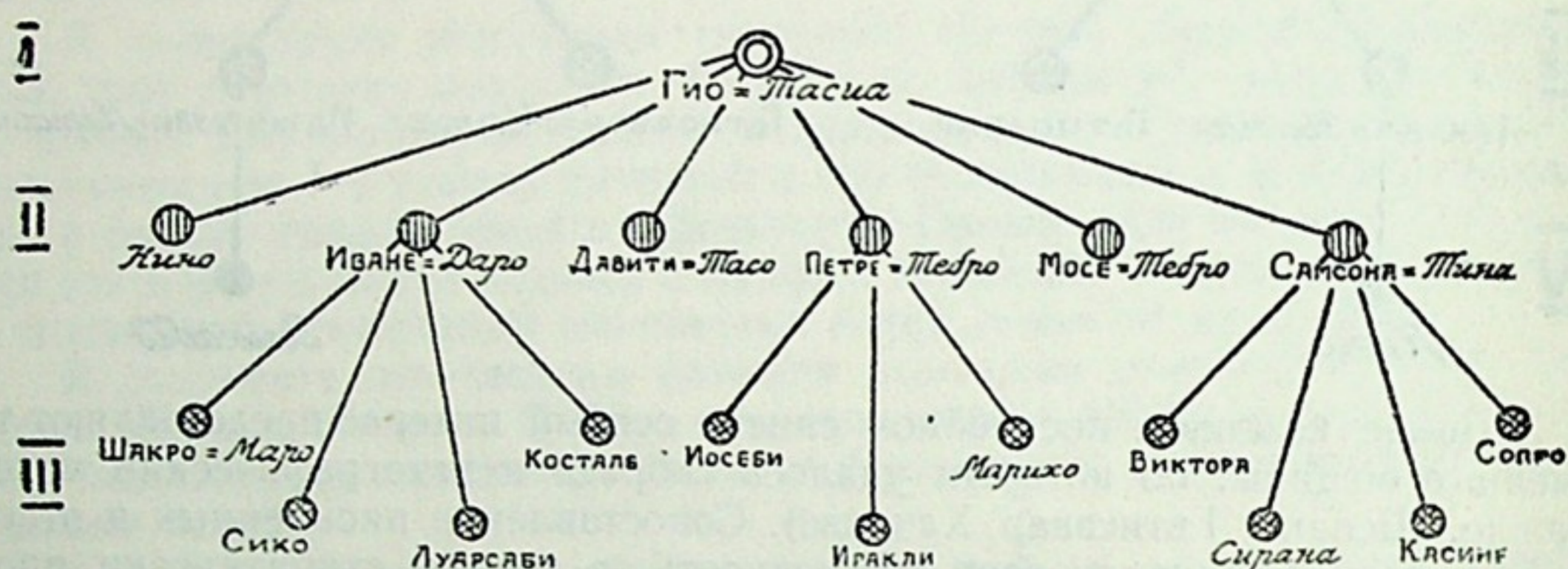
Семейная община Диди Джиджуриани хорошо сохранилась в памяти тушин. Диджиер Хачидзе, упомянутый в списке лишь в качестве отчества Гвтисавара (გვთისავარ ძე ლევიერისა ხაჩიძე), так как, по-видимому, во время составления списка его уже не было в живых, должен был быть в свое время главою семейной общины Джиджуриани, именем которого семья эта была впоследствии названа.

Все потомки этой семейной общины, утратив позднее свою фамилию Хачидзе, как это выясняется из этнографических материалов, сохранили в качестве своего фамильного наименования имя Джиджуриани.

Сохранившиеся в памяти сказителей отдельные имена семейной общины Диди Джиджуриани вполне соответствуют именам, зафиксированным в документах.

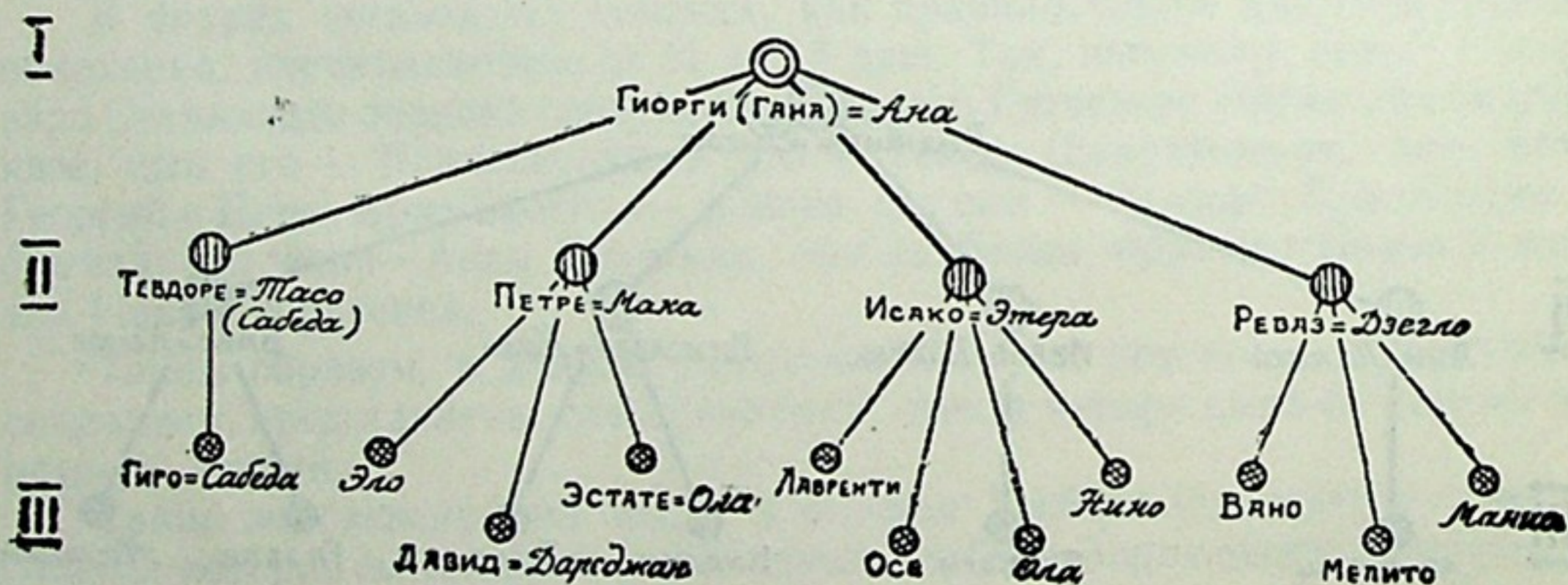
Список членов семьи Гвтисавара Хачидзе представляет собой описание состава семейной общины Диди Джиджуриани того периода, когда они еще наравне с наименованием своей семейной общины носили общее родовое имя Хачидзе, которое впоследствии в быту было утрачено и сохранялось лишь только в предании.

На основании этнографических данных, состав семейной общины Диди Джиджуриани представляется в следующем виде:

Для полноты описания состава тушинской семейной общины привлекаем здесь же этнографические данные относительно семейных общин и других сел Тушети.

Так, например, семейная община Диди Ганаани (Котилайдзе, с. Сачиголо),¹ которая сохранилась до начала XX века, была представлена в следующем составе:

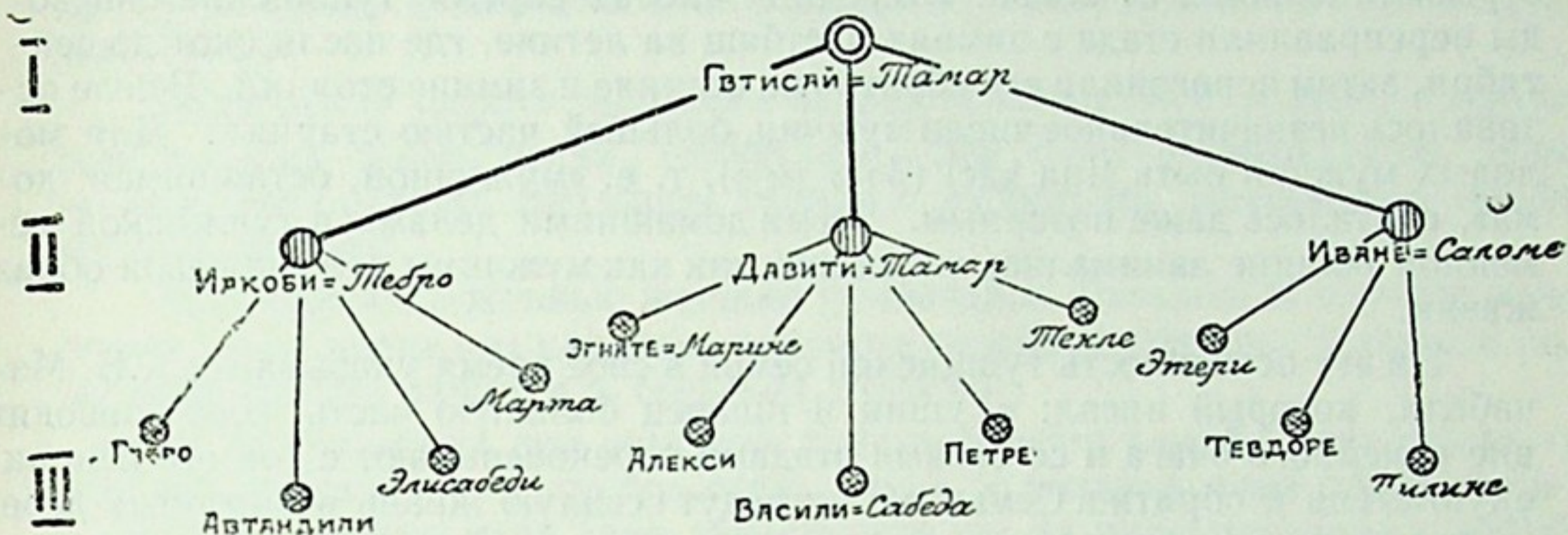

¹ Сел. Сачиголо, Дареджан Давидовна Котилайдзе, 64 лет.

В семейной общине Диди Ганаани были представлены три поколения, каждое из которых имело по четыре брачных пары как во втором, так и в третьем поколении. Раздел семейной общины Диди Ганаани произошел в 1906 году.

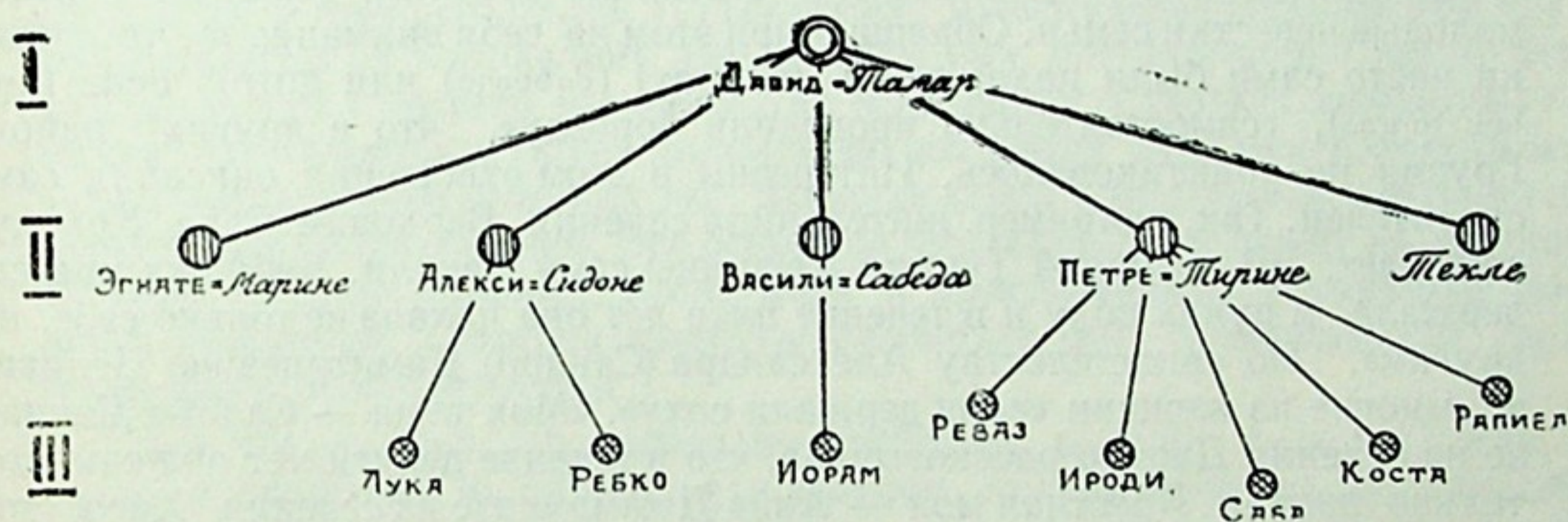
Хорошо сохранилась в памяти также семейная община Диди Цоггани (Хачидзе, селение Шенако)¹, в которой были объединены поколения двух братьев, насчитывающие в общей сложности восемнадцать душ.

Семейная община Диди Чакоани (селение Квавло)² представляла одну из хорошо сохранившихся до начала XX века семейных общин Пирикитской Тушети. По этнографическим данным можно установить две ступени развития семейной общины Диди Чакоани. Первый состав семейной общины Диди Чакоани был представлен следующим образом:

Семейная община Диди Чакоани, состоящая из 23 душ, в 1908 году разделилась на три части по братьям: Иакову, Давиду и Ивану.

Семья Давида, в свою очередь, насчитывающая 18 душ, существовала до 1919 года в следующем составе:

Таким образом, семейная община Диди Чакоани как в первом, так и во втором случае включала в свой состав три поколения. При этом в первом случае было представлено объединение трех, а во втором случае — четырех брачных пар.

Диди Чакоани, по сравнению с другими тушинскими семейными общинами, состояла из большого числа членов. Сегментация семейной общины Диди Чакоани и выделение отдельных долей братьев происходили только после смерти отца. Такой порядок представляет исключение и не может быть признан характерным вообще для тушинской семейной общины.

¹ Сел. Шенако, Эло Цоггани — Сехиандзе, 75 лет.

² Сел. Квавло, Кико Гацридзе, 76 лет.

По имеющимся в настоящее время этнографическим данным, а также отдельным письменным документам, тушинская семейная община являлась менее многочисленной по сравнению с нижеприведенными семейными общинами мохевцев и пшавов.

II

Ведущей формой хозяйства семейной общины тушин являлось овцеводство, наряду с которым каждая семейная община занималась земледелием и молочным скотоводческим хозяйством.

Земледелием, равно как и молочным хозяйством, основанным на крупном рогатом скоте, у тушин занимались главным образом женщины; овцеводство целиком находилось в ведении мужчин.

Овцеводство и связанный с ним пастушеский образ жизни надолго отрывали мужчин от семьи. В средних числах апреля тушинские овцеводы переправляли стада с зимних пастбищ на летние, где пасли скот до сентября, затем перегоняли его обратно на осенние и зимние стоянки. В селе оставалось незначительное число мужчин, большей частью старики. Для молодых мужчин быть *šipa qasi* (შობა ჯიჯი), т. е. «мужчиной, оставшимся дома», считалось даже позорным. Всеми домашними делами в тушинской семейной общине занимались женщины, так как мужчины вели кочевой образ жизни.

На эту особенность тушинской семьи в свое время указывал и М. В. Мачабели, который писал: «Тушин и пшавец большую часть года проводят вне семейного очага и со своими стадами перекочевывают с гор на Ширакскую степь и обратно. Семьи же их ведут оседлую жизнь в нагорных деревнях, занимаясь земледелием»¹.

Во время вспашки земель (во второй половине марта) большая часть мужчин находилась со стадами в Ширакской степи, поэтому тушины были вынуждены договариваться с лезгинами и дидойцами и нанимать их на сезонные весенние работы. Договаривались обычно хозяйки семейных общин — *diasaxlisi* (დიასახლისი). Помогали сезонным рабочим, главным образом, молодые невестки семьи. Обращает при этом на себя внимание то, что тушинки часто сами были пахарями — *taxpavi* (მახპავი) или *gutnis deda* (გუთნის დედა), «самостоятельно проводили борозду», что в других районах Грузии не практиковалось. Интересны в этом отношении описания самих сказителей. Так, например, жительница селения Верхоани Сара Критиули сообщает: «В нагорной Тушети женщины сами пахали. Бабушка моя сама держала в руках соху и в течение пяти лет она пахала не только себе, но и другим». По свидетельству Александра (Сандро) Дмитриевича Цецианидзе, многие из женщин «сами держали соху». «Моя теща — Саломе Лекиаидзе из селения Дартло рассказывала, что в течение девяти лет она самостоятельно пахала. Крестная моя — Анна Джамруидзе из селения Хисо, тоже была пахарем, помню я ей мальчиком сам помогал».

Таким образом, в Тушети, в связи с отсутствием в доме мужчин, женщины самостоятельно занимались пахотой и хлебопашество находилось в ведении *diasaxlisi* (დიასახლისი). Все другие виды полевых работ — косовица, жатва и другие — проводились также самими женщинами.

После окончания осенних полевых работ одна часть невесток вместе с переправляющимися скотниками и стадами направлялась в Алвани

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 328.

(в Кахети), где параллельно с горной Тушети находилось домашнее хозяйство тушин.

В женском труде большое место занимали также работы, связанные с изготовлением одежды для членов семьи¹, а также изготовление нужного в молочном хозяйстве инвентаря.

Шерсть между женщинами делила хозяйка дома — diasaxlisi (დიასახლისი). Одна часть шерсти, заготавливаемая общими силами невесток и называемая saozaxo (საოჯახო — семейная), откладывалась для общих нужд семьи: для изготовления паласов, бурок, мешков, сумок (большая часть из этих предметов употреблялась затем в овцеводческом хозяйстве). Шерсть для мужской и женской одежды ткалась на станках каждой невесткой в отдельности для своей малой семьи. Индивидуально заготавливали также обувь, перчатки, сумки, шерсть, предназначенная для этой надобности, делилась между невестками в зависимости от числа членов ее индивидуальной семьи.

Обработкой шерсти женщины начинали заниматься осенью, в марте — мае месяцах ткали: носки, перчатки и čita (ჩიტა) — шерстяную обувь, вязали круглый год. Вязанием наряду с взрослыми женщинами занимались и девочки.

Каждодневной жизнью женщин руководила diasaxlisi. В случаях надобности, чаще когда это касалось вопросов семейной общины, diasaxlisi принимала участие также и в сельских сходах.

М. В. Мачабели при описании тушинской семьи особо подчеркивает то обстоятельство, что у тушин глава семьи и хозяйка дома избирались по принципу старшинства, вне зависимости от их индивидуальных качеств. «Старшинство здесь не определяется по выбору, старшим здесь является или отец или дядя, т. е. старший по возрасту. Среди женщин старшей является свекровь, если ее уже нет в живых, тогда ее место занимает старшая невестка — жена старшего брата. Если первая жена старшего брата умирает и он женится вторично, то и в таком случае предпочтение оказывается все-таки ей, как жене старшего брата. По вопросам мужских дел обращаются к главе семьи, и он их направляет. Все должны ему подчиняться. Главой семьи называют как старшего мужчину, так и женщину. Старшая женщина, в доме так же является руководительницей домашних дел, как старший мужчина руководителем мужских дел. Выпечка хлеба и приготовление пищи входит в обязанности старшей. Все основные заботы по дому лежат на старшей. Младшие в доме убирают, носят воду и прислуживают остальным членам семьи мужчинам. Старшая невестка разбирает все происходящие между женщинами недоразумения.

Девушки в семье сравнительно свободны, и если в семье есть уже молодые невестки, то девушки занимаются только рукоделием для себя»².

В тушинской семейной общине, так же как и во всех других семейных общинах, функции управления старшей женщины ограничивались женскими работами, однако сам круг возлагаемых на женщину-тушинку работ, был неизменно шире, чем в других частях Грузии. Земледелие и молочное хозяйство, основанные на крупном рогатом скоте, в условиях отсутствия мужчин,

¹ См. также М. В. М а ч а б е л и, Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 472.

² М. В. М а ч а б е л и. Из личного архива. Институт рукописей АН ГССР. (На груз. яз.)

большую часть года проводивших на пастбищах, фактически составляли компетенцию старшей женщины—*diasaxlisi* (დიასახლისი). Это обстоятельство много усложняло ее функции и увеличивало роль в семейном быту. Интересны описания женского быта тушинок, приведенные сказителями. Так, например, Сара Критиули указывает, что старшей хозяйкой в их семье была ее свекровь — она руководила всеми занятиями женщин. Далее сказительница подробно описывает каждодневные заботы хозяйки, *diasaxlisi* этой семьи сама указывала перед началом посева, какое поле чем должно быть засеяно, какой участок земли надо было держать под паром, когда начать посев и т. д. Направляя невесток на сенокосы, свекр в торопила их обычно с косовицей, чтобы затем уже они не отставали от предстоящей жатвы. Каждое утро свекровь будила своих невесток, приговаривая при этом, что они не должны отставать от других женщин села. Ни один вопрос не решался невестками без участия и указания свекрови. Все работы распределялись между ними по принципу старшинства: *saupgoso* (საუფრგოსო — для старших) и *saumcgoso* (საუმცგრგოსო — для младших). Выпечка хлеба и приготовление пищи составляли исключительно занятие старших невесток. Младшие невестки в основном были заняты на полевых работах.

С возрастанием значения для овцеводства тушин Алванского поля (о чем будет сказано ниже) параллельно с горной Тушети развивается их оседлая жизнь и в низменной части Грузии — в Кахети.

Члены тушинской семейной общины, чаще женщины = невестки, поочередно зимовали в Алвани, где в летнее время, кроме сторожей, обычно никто не оставался.

При этом в большинстве сел горной Тушети одна часть женщин переходила на зиму со стадами (крупным рогатым скотом) в зимние хлева, находящиеся при пашнях, как правило, в отдалении от домов. Ввиду специфических топографических условий дома в этих селах находились в одной части села, пашни—в другой. Ввиду больших затруднений с доставкой корма для скота на дом, а также в целях сохранности естественного удобрения земли, скот содержался при пашнях.

С наступлением весны и началом полевых работ скот перегонялся на летние пастбища, где молочным хозяйством занимались также женщины.

Такая организация хозяйства была специфична для сел, расположенных в скалистых местностях и оторванных от лугов в условиях бездорожья.

В Чагминском обществе такой порядок содержания скота распространялся полностью на Омало, Шенако, Агеурта (село, которое выселилось в начале XX века), частично для сел Бочорма и Кумелаурта.

В Пиракетской Тушети зимние хлева при пашнях были устроены в селениях Дартло, Квавло, Дано, Чонтио (последнее выселилось в начале XX века). Жители же селений Парсма, Гиреви и Чиги зимних хлевов отдельно не имели, и скот зимой содержался в нижней части дома, специально отведенной для хлева.

В Гомецарской общине в большинстве случаев скот находился зимой при пашнях. Так было в селениях Дочу, Бегела, Гудаанта, Вакисдзири, Гогрулта, Вестмо и частично в Сачиголо и Вестомта.

Совсем не имели зимних хлевов селения Илиурта, Букурта, Джварбосели, Верхоани, Дадикута, Алисгори, Коклата, Ведзисхеви и Бикурта.

В менее скалистой части горной Тушети — Ч а н ч а х о а н и содержание скота при пашнях не практиковалось, и поэтому специально выделенных на расстоянии от дома зимних хлевов у них не было.

Итак, в одной части тушинских сел, ввиду оторванности их пашен от дома и неблагоприятных дорожных условий, скот содержался при пашнях. Скотоводство обеспечивало естественное удобрение полей, что составляло необходимое условие земледелия горной Тушети.

Такого рода сочетание скотоводства с земледелием у тушин создавало в свою очередь, необходимость соответствующего распределения труда между женщинами—невестками. Здесь также требовалась очередность женских работ, при которой одна часть женщин оставалась дома, другая переходила со скотом в зимние жилища, а третья направлялась в Алвани.

В некоторых селах Тушети, как, например, в селении Шенако, не только зимние, но и осенние помещения для скота находились на определенном расстоянии от дома у подножия гор и назывались *mtis boseli* (მთის ბოსელი)—горные хлева; здесь также оставались женщины со скотом до начала зимы, а затем переходили уже в так называемые *zamtris boseli* (ზამთრის ბოსელი) — зимние хлева, расположенные в равнинной части селения. В ноябре скот переводили в осенние хлева, при которых жители селения Шенако имели сенокосы и маленькие участки пахотной земли, обычно засеваемые ячменем и рожью. Урожай отсюда не вывозился и употреблялся находящимися здесь со скотом членами семьи. Из каждой семейной общины здесь обычно находилась одна невестка. Между лицами, хлева которых были расположены вблизи друг от друга, широко практиковалась взаимная помощь.

В *mtis boseli* (მთის ბოსელი) женщины обычно находились до начала января, затем вместе со скотом они переходили в *zamtris boseli* (ზამთრის ბოსელი), где оставались до первых чисел мая, т. е. до того времени, когда там уже начинались весенние полевые работы и скот выгонялся на луга.

Таким образом одна часть женщин семейной общины, начиная с октября и до конца декабря, находилась в осенних помещениях — так называемых *mtis boseli* (მთის ბოსელი — высокогорных хлевах); с января до конца апреля — в зимних хлевах при пашнях, называемых *zamtris boseli* (ზამთრის ბოსელი — зимние хлева), и только с мая месяца до конца сентября скот находился при доме и ежедневно выпасался со всеми остальными стадами села.

Как видно из вышеизложенного, развитое молочное хозяйство в горных условиях Тушети требовало периодических переходов крупного рогатого скота, однако эти переходы происходили на сравнительно короткие расстояния. В связи с переходами скота в семейной общине была установлена соответствующая очередность между женщинами.

Руководя всеми женскими работами в тушинской семейной общине, *diasaxlisi* (დიასახლისი) тем самым ведала и управляла двумя подспорными видами хозяйства — земледелием и скотоводством, базировавшимся на женском труде. В женских коллективных работах внутри семейной общины объединялись жены родных и коллатеральных братьев, при общем руководстве свекрови или старшей невестки.

Любопытно то обстоятельство, что в тушинской семейной общине, так же как и в большинстве других грузинских семейных общинах, жены братьев объединенные внутри семейно-общинного коллектива, называли друг друга специальными терминами, отличными от общего наименования — невестки. Так, для обозначения жены брата мужа в тушинском **д-кте** существовал термин *mpdavi* (მპდავი). В термине *mpdavi* (მპდავი), который вместе с тем обозначал у тушин и пшавов супруги, хорошо передается характер коллективных отношений между женами братьев, объединенных общим хозяйством и коллективным способом производства.

Общим руководителем тушинской семейной общины, как было уже сказано, являлся один из старших братьев, который при этом был обычно опытным овцеводом и руководил основной отраслью хозяйства семейной общины — овцеводством.

Глава семьи заботился об увеличении поголовья стада, обеспечении скота высококачественными пастбищами, следил за установлением товарищеских отношений скотоводов на период кочевок посредством объединения их в союзы, называемые у тушин, так же как и у мохевцев, *patgala* (ბებგალა). Глава семьи нанимал, кроме того, при надобности пастухов, ведал всей полученной от овцеводства продукцией, выделял при этом нужные для семьи запасы мяса, шерсти и сыра и определял подлежащую продаже часть продукции. Вырученные деньги обычно шли на удовлетворение внутренних нужд семейной общины. Глава семьи непосредственно сам осуществлял обмен; он распределял между овчарами и пастухами работы, он же руководил воспитанием мальчиков, принимавших участие в овцеводстве с раннего возраста.

III

Пахотные земли у тушин находились в семейно-общинном пользовании. При распределении земель у тушин существовал следующий порядок: часть пашен периодически, раз в 5—6 лет, перераспределялась и поэтому называлась *sablis miça* (საბლის მიწა — верьвленые земли, так как при переделах земли измерялись веревкой)¹. Другие земли находились в постоянном владении отдельных домов и в общие переделы не включались. Они назывались *qagis miça* (კარის მიწა — подворные или усадебные земли). Кроме этих, были еще земли, называемые *sasoplo miça* (სასოფლო მიწა) — буквально — сельские или общинные земли, которые являлись выморочными землями и находились в общем пользовании села.

Во время переделов из общих земель выделялась особая доля в виде маленьких участков для сирот и одиноких женщин, называемая *saxale miça* (სახალე მიწა — земля для хали; ხალი *Xali* — это особый род пищи, заменяющей хлеб, приготовленной из поджаренной и растертой в масле муки, употребляемой обычно пастухами). Наименование *saxale miça* (სახალე მიწა), применялось для обозначения маленького участка земли именно потому, что при изготовлении хали (ხალი) уходило намного меньше муки, чем при изготовлении хлеба.

Наряду с перечисленными землями, в каждом селении находились также специальные участки пашни, принадлежащие святилищам и называемые *saxato miça* (სახატო მიწა) или *zvagis qapa* (ჯვარის ყაპა), которые обрабатывались отдельными семейными общинами поочередно. Сенокосы были разделены на равные части по числу отдельных семей селения. Одна мера пахотной земли в среднем равнялась двухдневной вспашке

¹ См. также М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 391. Здесь сказано: «Земли измеряли двадцатисаженой веревкой».

двум *dyiugi* (დღიური)¹. В селении Парсма, например, каждая семейная община владела следующими видами земель: 1) *sakege* (საქეგე — для ячменя) — 1 мера, 2) *saipkie* (საიჭქლე) или *saruge* (საპურე — для пшеницы) — $\frac{1}{2}$ меры, 3) *sašvrie* (საშვრე — для овса) — 2 меры, 4) *sasvile* (სასვილე — для ржи) — 1 мера и 5) сенокосы — 2 меры. Каждый участок земли имел свое наименование. Пахотные земли в селении Парсма располагались на участках: Соплистави, Цкаростана, Джвартана, Тетрцклебтана. Сенокосы находились на участках: Зарангуо, Татисшантали, Сапите и Вашари.

В других селах Тушети земля делилась по такому же принципу. В зависимости от общей площади села изменялся лишь размер участка земли, выделенного для каждой семейной общины.

Житель селения Чонтио Саба Гвтисоевич Итиуридзе (69 лет) сообщает следующее: «Земли у нас у всех были разделены поровну. Выделившаяся семья свою долю могла получить только во время общих переделов, которые происходили в каждые десять лет раз».

ḡaris piṣa (ḡარის მიწა) — подворные земли, которые составляли не более однодневной вспашки, обычно не делились; эта земля находилась в постоянном владении семейных общин. Она подвергалась естественному удобрению и периодически находилась под паром. Так же подымно были поделены и сенокосы.

Подробные указания делает и жительница селения Чешо, Елена Ивановна Уцоидзе: «Пашни между всеми жителями, — сообщает она, — были поделены поровну. У нашей семьи, например, были следующие земли: Цител Цкалтана — 3 дгури, Хевстхор — 3 дг, Босел Цинай — 3 дг, Нацхвери — 3 дг, Эстхория — 1 дг, Туначуал — 1 дг, Лапанте — 1 дг. Сопелдзирри — 1 дг. Гзагасакари — 1 дг, Хаисаки — 1 дг. Каждая семья имела около 15 *dyiugi* (დღიური).

В Чешо не было таких состоятельных овцеводов, как в других селах, но по сравнению с другими селами здесь было больше пахотной земли».

Житель селения Квавло Николай Филиппович Гацридзе (76 лет) подтверждает, что у всех было по одной мере *boslis ḡari* (ბოსლის ḡარი), где они сеяли ячмень, а также по одной мере земли во всех общих сельских землях: Бакурбоселтана, Чала, Мариам Цминдана, Салекве, Бакенеша, где сеяли в основном рожь.

Житель селения Дано — Тавберидзе Павле Иванович (76 лет) также подтверждает, что «у всех было по одной мере пашни *ḡaris piṣi* (ḡარის მიწა) или *boslis ḡari* (ბოსლის ḡარი). Это составляло немного меньше половины гектара. Кроме этого, у каждого из нас было по две меры из общих земель: Соплискарри, Квечепхо. Сенокосы обычно перераспределялись на глаз. У каждой семьи было около одного гектара сенокоса. Пастбище, называемое Сакордлис гори, было общим для всех жителей села».

¹ *Dyiugi*, т. е. однодневная вспашка, которую мы здесь приводим в качестве меры земли, является у местных жителей самой распространенной единицей определения площади земли.

М. В. Мачабели по этому поводу писал: «В горах же очень трудно сказать, сколько квадратных сажений включает в себя дгури. Смотря по грунту, по крутизне, высоте местности и др. причинам, она бывает больше и меньше. При двухпарной запряжке дгури доходит от 100 до 400 кв. саж., а в среднем можно считать ее 300 кв. саж.; при парной запряжке дгури — от 40 до 300 кв. саж., в среднем не более 160 кв. саж. Установить какую-либо точную меру дгури невозможно, и вышеприведенные цифры только приблизительны; при всех моих измерениях я редко получал два дгури одной и той же меры». (Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда Тифлиесской губернии Закавказского края. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Т., 1887, т. V, стр. 444, ср. также стр. 347).

Ведущая форма хозяйства тушинской семейной общины — овцеводство — была основана на общинно-семейной собственности, коллективной форме производства и коллективном потреблении.

Несмотря на то, что овцеводческое хозяйство тушин было представлено крупными объединениями в виде институтов пагеоба (ბაგეობა) — буквально: сборные, собранные, выходящими за пределы семьи, семейная община являлась все же единственной хозяйственно-родственной организацией, внутри которой хозяйство велось на основе коллективного труда и коллективного потребления. Хозяйственное объединение пагеоба (ბაგეობა), основанное на коллективной форме производства, в отличие от семейной общины не подразумевало уже коллективной собственности с коллективным потреблением и должно было быть более позднего происхождения.

Семейные общины, которые имели свыше 400 голов овец (численность отары часто доходила до нескольких тысяч голов), занимались овцеводством самостоятельно. Хозяйства, насчитывающие до 400 голов овец, объединялись с другими хозяйствами в отдельные товарищества, члены которых назывались топагеверпи (ძობაგევერპი); 400 голов овец составляло одно стадо, которое обслуживалось двумя пастухами, имеющими не менее двух собак и нескольких лошадей или ослов. Один пастух мог справиться со значительно меньшим стадом, насчитывающим не более двухсот овец.

Как свидетельствуют наши материалы, в Тушети все семейные общины села имели почти равную долю пахотной земли и сенокосов; имущественная разница семей проявлялась по линии скотоводческого хозяйства. Более многочисленные семьи в большинстве случаев имели и более многочисленные стада овец, количество скота в них доходило до 4.000 голов и более.

В таких семейных общинах можно было встретить наемных пастухов. Показательным является и то обстоятельство, что семейная община, имевшая до 2.000 голов мелкого рогатого скота и насчитывавшая десятки лошадей, имела часто лишь одну пару волов.

Так, например, вышеназванная семейная община Диди Джиджуриани (селение Шенако), которая состояла из 23 человек, владела стадом в 1.200 голов. Община Диди Ганаани (селение Сачиголо), насчитывающая 19 душ, имела 1.000 — 1.500 баранов. Чакоани (селение Парсма), насчитывающая 23 человека, владела стадом до 2.000 голов. Количество дойных коров в этих семейных общинах не превышало 12 голов. Во всех этих общинах обычно было не больше одной пары волов (см. таблицу), как и в других менее многочисленных и владеющих небольшим поголовьем овец семьях. Это обстоятельство объясняется тем, что состоятельные семьи имели столько же пахотной земли, сколько все остальные семьи села. В силу этого многочисленная состоятельная семейная община не нуждалась в большем количестве волов, чем и все остальные семьи. Все это указывает на сравнительно слабо развитое земледелие, что и составляет одну из характерных сторон тушинской семейной общины.

Большое развитие коневодства в Тушети частично было связано также с овцеводством, для которого одним из основных видов транспорта являлись лошади.

Каждая семейная община имела большое количество лошадей. Так, например, семейная община Джиджуриани имела 30 лошадей; семейная община Чакоани — от 80 до 120 лошадей, не имея при этом, подобно всем остальным семейным общинам, больше одной пары волов (см. таблицу).

საქართველოს
ხალხთა რევოლუციური
საბჭოთაო მთავრობის
საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს

Разделение труда

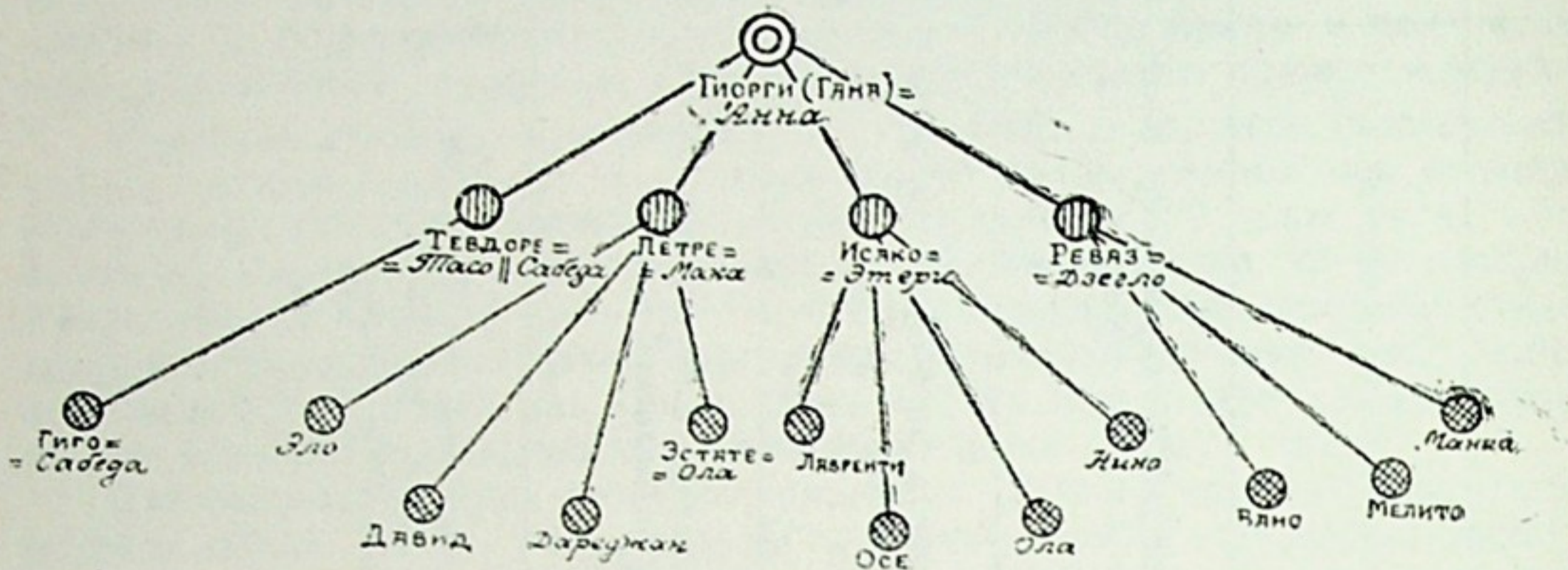
117

№ № пп.	Наименование села	Наименование семейной общины	Поголовье мелкого рогатого скота	Остальное имущество	Разделение труда
1.	Шенако	Диди-Джиджурнани (Хачидзе. Раздел произошел в 1913 году).	1.200 голов	30 лошадей, 10 коров, пара волов, 15 дг. пахотной земли.	23 души членов семьи. 7 чел. мужчин, занятых в овцеводстве; 2-3-паяемых пастуха.
2.	Сачиголо	Диди-Ганаани (Котилаидзе. Раздел произошел в 1913 году).	1.000—1.500 голов	7—8 коров, пара быков, 6 дг. пахотной земли.	19 душ членов семьи. Из 10 мужчин членов семьи—8 овчаров, 2 домашних работника, 8 чел. паяемых пастухов.
3.	Хахабо	Тибелаани (Бакуридзе. Раздел произошел в 1912 году).	1.000 голов	20 лошадей, 10 коров, пара быков, 5 дг. пахотной земли.	18 душ членов семьи, 6—7 овчаров.
4.	Парсма	Чакоани (Цадзикидзе. Первый раздел произошел в 1908 году. Второй раздел—в 1919 году).	1.500—2.000 голов	Лошадей от 80 до 120, ослов 13, пара волов, 10 собак, 12 коров, 8 дг. пахотной земли.	Во время первого раздела семья состояла из 23 душ, во время второго раздела—из 18 душ. Все мужчины в семье занимались овцеводством.

Вместе с тем следует указать, что вышеприведенные данные, а также другие этнографические материалы и показания литературных источников дают основание утверждать, что развитие, коневодства в Тушети было обусловлено не только интересами овцеводства, коневодство в Тушети составляло самостоятельную отрасль народного хозяйства.

Как было упомянуто, мужчины занимались в основном овцеводством, были семьи, в которых все мужчины были втянуты в овцеводство. Так, например, семейная община Чакоани не имела ни одного *šipačasi* (შობაჯიჯი), в семейной общине Диди Ганаани из десяти мужчин восемь были овцеводами и только двое *šipačasi* (შობაჯიჯი); приблизительно такая же картина наблюдалась и в других семейных общинах (см. таблицу).

Состав семейной общины Диди Ганаани, может быть представлен в виде следующей схемы:

Распределение труда внутри овцеводческого коллектива этой семейной общины было следующее:

Тевдоре считался главой семьи, он же руководил хозяйством семьи, Исако был лучшим мастером по приготовлению сыра, Давид, Эстате и Осе — были *mebačkpeebi* (მებაჭკბეები), начиная с весны и до зимы ухаживали и растили маленьких ягнят, зимой же они становились так называемыми *metoxleebi* (მეთოხლეები), *mesačvelave* (მესაწველავე), *meberce* (მებერწე) и *mečedile* (მეჭედილე), Гиго и Вано, как малолетние, пасли вначале выделенных из общего стада хромых овец, Мелито был запасным пастухом.

Таким образом, отдельные хозяйственные функции мужчин в овцеводческой отрасли труда распределялись по возрасту и индивидуальным способностям.

Кроме своих членов семьи, в овцеводческом хозяйстве семейной общины Ганаани работали восемь наемных пастухов.

Мальчиков овцеводству обучали с 8—9-летнего возраста, при этом им приходилось постоянно находиться со стадами, перекочевывая с одних стоянок на другие. Вначале их обучали сторожить жилища пастухов, затем им поручалось пасти хромых ягнят. Далее опытные пастухи начинали учить их пасти овец, определять время пригона стад в кошары, направление движения стада на протяжении всего дня, время и место отдыха, водопоя и т.д.

Существовавшие внутри семейной общины патриархальные отношения, предполагавшие четкое соблюдение принципа старшинства, особенно строго соблюдались при распределении работ между членами семьи. В овцеводческом хозяйстве не только распределение хозяйственных функций, но и каждодневные взаимоотношения между овчарами были основаны на возрастном делении, которое строго соблюдалось. Все распоряжения старших овчаров немедленно выполнялись остальными.

Старый овцевод Иордан Михайлович Абулаидзе, житель селения Дочу, следующими словами описывает систему обучения пастуха: «Восьмилетнего мальчика, — говорит он, — брал с собой отец на пастбище, с тем, чтобы он там привык к стадам; сперва ему поручали пасти хромых овец, затем его посылали вместе со старшими опытными пастухами.

Мальчиков использовали также и в самих кошарах, где они помогали пастухам толочь соль для сыра, носить воду и т. д. С пятнадцатилетнего возраста, мальчиков приучали уже к доярству, а с 16—17 лет учили стричь овец; в 20 лет юноша становился настоящим овчаром, которому можно было поручить всякую работу по овцеводству. Овцевод считался уже и настоящим женихом».

В случаях неповиновения старшим прибегали к жестоким мерам наказания. Так, например, если дежурный пастух ночью засыпал и оставлял стадо на произвол судьбы, ему в знак наказания прижигали раскаленным углем кончик носа.

В случаях совершения кражи с виновного пастуха взимались убытки в семикратном размере. Последнее взыскание касалось в основном наемных пастухов (штрафы взимались с личной доли пастуха).

Особенно почетной функцией среди овчаров считалось так называемое *тсповіагова* (ძებმბობრება) — буквально: опознавание. *Тсповіаге* (ძებმბობრე) — опознаватель был овчар, который умел определять принадлежность новорожденных ягнят матери. Правильное опознание ягнят имело огромное хозяйственное значение, так как овца отказывалась кормить чужих ягнят и при неправильном распределении новорожденные ягнята могли погибнуть от голода. Опытные *тсповіаге* (ძებმბობრე) учили молодых пастухов различать признаки точного определения принадлежности ягнят матери.

На зимних пастбищах тушины-овцеводы непосредственно общались со своими соседями лезгинами, а также с азербайджанцами, у которых арендовали пастбища. Поэтому тушины с детства обучали мальчиков азербайджанскому языку, определяя их для этого обычно на год в семьи своих кунаков азербайджанцев. Почти в каждой семейной общине тушин имелся по крайней мере один член, знающий азербайджанский язык. Такой член общины (владеющий языком) назывался *теепе* (თეპე). Он помогал общине устанавливать взаимоотношения с соседними народами.

Летние пастбища тушин находились недалеко от селения — обычно на расстоянии нескольких километров. Эти пастбища были общими для всего села, а иногда и для всей общины¹.

Так, например, пастбища селения Парсма состояли из участков Л а р о а н а и К в а х и д и, селения Джварбосели — из участков: С а д а т в и а, С а д ж и н ч в л е, Ц и н а ц и д а р и, С а м к у р е, Ц и ц а л а а н т а, С а д ж и х в е, С в и л о б и, П а т а р а г о р а, Л а н г и с х в а п и, С а г в а р е б и н а *Savare bina* (საგვარე ბინა), Ш а в х е в и с к а р и, М и д ж н и с г о р а, Н а п у д з а р т а н а, С а ц и х е г о р а, Д о в н и с е л и, Д и д г в е р д и, Д а д и к у р т и с т а в и, Г у д а н т и с т а в и, В е ш а г у р т х е в и.

Такие же пастбищные места имелись и в других общинах горной Тушети. Раздел пастбищных лугов, принадлежавших всей общине, на сельские пастбища происходил по вышеуказанным отдельным участкам.

Как уже отмечалось, жители горной Тушети в основном были обеспечены летними пастбищами; только в редких случаях им приходилось нани-

¹ Сел. Хисо, Цецаидзе Александр Дмитриевич, 66 лет.

мать луга у соседних племен. Так, например, из селения Парсма иногда перегонялись стада овец в Дагестанские горы в так называемые Л е к и м т а. Бацбиям, которые имели летние пастбища в Э т е л т а — недалеко от мест своих древних поселений, приходилось также иногда переправляться со стадами в Дагестанские горы; они арендовали пастбища на горе М у х а м м а у капучинцев, гору В а р к о — у мтладальцев и т. д.

Взимаемая казной пастбищная плата — *sabalaxo* (საბალახო) раскладывалась внутри селения подымно. Взносы высчитывались сообразно наличию поголовья скота. Наем частных пастбищ осуществлялся семейными общинами самостоятельно. Частным образом нанимались обычно зимние пастбища. Наниматели строили там жилища для скота и пастухов.

Переходы стад происходили по заранее установленным и хорошо известным маршрутам: с эйлагов через Накеральские горы до местечка Л е ч у р и, у предгорья, где обычно происходила осенняя стрижка овец, затем — через кахетинские селения Пшавели, Шакриани, Карданахи, Велицихе, мимо Сигнахи и Цнори на Алазанскую долину, где стада со своими пастухами располагались на осенние стоянки. Здесь они задерживались обычно не более одного месяца.

Ко времени алавердского праздника (14 сентября по старому стилю) все стада уже спускались с гор и располагались для стрижки овец.

Стрижка овец происходила два раза в год — осенью, в сентябре, и весной, в апреле. Ягнят стригли в августе на эйлагах. Основными зимними пастбищами являлась Ширакская степь Кахети, а реже — Самух (в настоящее время Кировабадский район).

За аренду одной десятины пастбищной площади платили 600—700 рублей в год. На зимних пастбищах тушины овцеводы находились с ноября до марта месяца.

Перед началом перехода стад проверялись дороги, на переходах устанавливалась стража для защиты от обычных для того времени нападений разбойничьих банд.

Стража устанавливалась по отдельным обществам — Пирикитскому, Чагминскому и Гомецарскому.

Как было уже указано при переходах с гор на зимние стоянки, тушины временно останавливались со своими стадами у подножия горы, около Л е ч у р и и П ш а в е л и, а также на «Алванском поле», которое было им даровано грузинскими царями за их преданность и отвагу во время нашествия турецких полчищ. «Алванское поле» первоначально использовалось тушинами для осенних и весенних стоянок стад во время перегонов. Землепашеством тушины тогда там не занимались и поэтому выплачивали казне подымно только пастбищную плату — *sabalaxo* (საბალახო) и подымную — *sakomlo* (საკომლო).

Эти сведения подтверждаются как этнографическими материалами, так и письменными документами. Например, документом, выданным тушинам в 1775 году царем Ираклием¹, и др.

М. В. Мачабели в своих описаниях также обращает особое внимание на хозяйственное значение «Алванского поля» для тушин, без чего «... скотоводство у тушин не могло быть в таких благоприятных условиях, в каких оно находится в настоящее время. В начале апреля весь скот из Ширакской степи выступает для перекочевки на летние пастбища. Летние пастбища покрыты в это время глубоким снегом и пути сообщения до 15 мая не

¹ Рукопись за № Hd 10063, хранится в рукописных фондах Института Рукописей АН ГССР.

настолько еще открыты, чтобы овцы могли передвигаться. До Тианетского уезда скот из Ширакской степи доходит за 15 дней, и поэтому целый месяц он должен оставаться еще на плоскости («Алванском поле»)¹.

Образование позднее в Алвани параллельно с горной Тушети оседлого местожительства было вызвано ростом экономического значения овцеводства, расширением масштабов этой отрасли хозяйства тушин. Здесь, так же как и в Лечури, но несколько в ином плане, мы встречаемся с фактом появления нового населенного пункта, знаменующего собой новый этап в общественном устройстве грузин-горцев.

Появление нового пункта отразилось в первую очередь на организации труда внутри семьи, вызвав соответствующее перераспределение рабочих рук, которое привело впоследствии к разложению семейной общины.

С появлением в Алвани населенного пункта невестки были вынуждены чередоваться в пребывании в горной Тушети и Алвани в течение всего зимнего периода. Находясь в Алвани, женщины заготавливали там для овчаров хали (ხალი), которое заменяло им хлеб и другую пищу, снабжали их необходимой одеждой. Здесь же они хранили предназначенные для реализации молочные продукты.

В сообщениях сказителей дается подробное описание образа жизни в Алвани и возрастающего в то время значения этого пункта в развитии овцеводства тушин, принявшего ярко выраженный товарный характер.

Житель селения Хисо, Сандро Дмитриевич Цециаидзе (66 лет) рассказывает: «Алвани для нас было необходимо еще потому, что мы в связи с овцеводством вели полукочевой образ жизни. Предназначенные для продажи продукты — шерсть и сыр — доставлялись прежде в Алвани и затем отсюда уже вывозились самими покупателями. Здесь заготавливалось для пастухов хали (ხალი) — поджаренная и растертая в масле мука».

Зимой, когда прекращалась связь с горной Тушети, тушины овцеводы имели возможность общаться с той частью своей семьи, которая в это время года проживала в Алвани. Житель селения Алвани, бацбий — Габо Иванович Туркошвили (78 лет) подтверждает: «В моем детстве в Алвани было всего несколько домиков Пирикительских тушин; массовое заселение Алванского поля началось приблизительно с 1915 года. Тогда здесь не было еще никаких насаждений и все поле было покрыто колючими кустарниками; здесь никто не сеял, только выпасали скот и заготавливали незначительное количество сена. Быков не имели, содержали только молочный скот».

Каадзе Коте Георгиевич (60 лет), житель селения Парсма также подтверждает, что в Алвани тогда было незначительное количество жилых построек. «Зимой, — рассказывает он, — сюда спускались с горной Тушети не более 10—12 дымов. Землепашеством здесь не занимались. Алвани представляло обширное поле, которое обычно использовалось для пастьбы. Во время переходов стад с одних стоянок на другие, алванское поле имело важное значение, так как здесь располагались на некоторое время как стада овец с пастухами, так и табуны лошадей. Дома здесь были маленькие, деревянные, с соломенной крышей; дом с маленьким участком земли был огорожен плетнем».

Характеристику жизни тушин в рассматриваемое время в Алвани дает и М. В. Мачабели: «Алванское поле, — пишет он, — находится хотя в таких же неблагоприятных климатических условиях, но тушин никогда летом

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда Тифлиской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 413.

не остается на нем и поднимается со своими семьями в нагорную Тушетю и на эйлаги»¹.

Итак, в связи с передвижением стад тушины овцеводы в течение года три раза переходили с одного места на другое — с летних пастбищ на осенние стоянки и с осенних стоянок — на зимние кочевки. В связи со специфической формой хозяйства перегонялся и крупный рогатый скот. Вместе с крупным рогатым скотом переходить приходилось и женщинам, на попечении которых этот скот находился.

С развитием овцеводства в Тушети росло значение «Алванского поля», как одного из вспомогательных пунктов, где хранились продукты овцеводства и частично происходила их реализация.

Это значение «Алванского поля» способствовало развитию на нем оседлости, возникновению полеводческого и садоводческого хозяйства, благодаря чему «Алванское поле» впоследствии превратилось в большое село.

В условиях развитого овцеводческого хозяйства образование параллельно с горной Тушетью постоянных поселений в Алвани было вполне оправдано. Наличие семейных общин с большим числом членов обеспечивало одновременное пребывание отдельных членов семьи в нескольких пунктах.

Для времени, к которому относятся наши материалы, с семейной общиной у тушин засвидетельствованы малые индивидуальные семьи, которые были вынуждены в силу малочисленности вести оседлую жизнь лишь в пределах горной Тушети.

М. В. Мачабели, описывая условия жизни тушин-бацбиев и останавливаясь затем на тушинах-чагминцах и пирикительцах, замечает следующее:

«Тушины же других обществ не все зимой живут в Алванах, а только часть их, по преимуществу богатые и средней состоятельности крестьяне, стада которых зимой выпасаются в Ширакской степи»².

Далее М. В. Мачабели обращает особое внимание на то обстоятельство, что благодаря Алвани в период зимних месяцев тушины имели возможность общаться со своей семьей.

«На «Алванском поле», — писал М. Мачабели, — тушины стригут овец и пасут их до перегона в горы и Ширакскую степь. Поле служит также складским местом для шерсти, сыра и других продуктов, предназначенных для продажи. Но важное значение «Алванского поля» не исчерпывается только этим; благодаря ему тушины имеют возможность сообщаться, хотя изредка, со своими семьями зимой и не быть совсем отрезанными от них на целых восемь месяцев».

Интересно, что далее М. Мачабели сравнивает условия жизни тушин с пшавами и хевсурами и замечает, что положение пшавов ввиду географических условий их страны иные, и поэтому связь с семьями пшавов овцеводов полностью никогда не прекращается, что же касается хевсур, они вообще не расстаются со своей семьей. «Пшавия значительно ниже нагорной Тушети и Хевсуретии, — пишет он, — и пшавец хотя с трудом, но все-таки имеет возможность навестить свою семью и не считать ее погребенной на то время, пока он на плоскости. Нет никакого сомнения, что не имея Алванского поля, тушин точно так же, как и хевсур, не расстался бы со своей семьей и не предоставлял бы ее случайностям суро-

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тиацотского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887., стр. 342.

² Там же, стр. 413.

вой природы и не менее суровых и грозных окружающих Тушетию врагов»¹.

Образование в Алвани оседлости, параллельно с горной Тушети, было, как отмечалось, вызвано существовавшими там специфическими условиями развития овцеводства — обстоятельство, которое способствовало в свою очередь сохранению пережитков семейной общины, как родственно-хозяйственной организации.

V

Как было уже отмечено, в овцеводческом хозяйстве тушинской семейной общины, кроме членов семьи, участвовали также и наемные пастухи. При этом различали пастухов первой и второй категории, а также пастухов-подростков. Первым пастухом в овцеводстве, как указывают информаторы, считался тот, которому можно было поручить самостоятельное выполнение всех существовавших в овцеводстве функций. Так, например, первый пастух должен был уметь управлять стадом, стричь овец, готовить сыр и т. д. Первый пастух получал в год по 40 баранов, одну бурку, один войлок и лапти. Второй пастух получал 30 баранов, а подросток не более пятнадцати баранов. Овечьи стада были разделены на *saçveli sxvagi* (საწველი ცხვარი) — дойных овец, *mǰali sxvagi* (მშრალი ცხვარი — буквально: сухих — не дойных овец), *çedila* (ჭედლა) — холощеных баранов и *batkani* (ბატკანი) — ягнят. Для каждого из этих стад были выделены отдельные пастухи. Со средних чисел февраля, когда начинался овечий окот, особое значение приобретали *mcpobiate* (მცობობარე) — опознаватели овец; *mcpobiate* (მცობობარე) во время кормления распределяли новорожденных ягнят по их матерям. На этот период все овцы объединялись в общие стада.

У наемных пастухов из года в год увеличивались личные стада баранов; стада эти обычно паслись вместе с хозяйскими. Удой этих овец также объединялся со всей остальной продукцией стада. Из молочной продукции пастухам выделялась их доля сообразно количеству принадлежащих им дойных овец. Все расходы по содержанию стада и приготовлению сыра велись за счет семейной общины².

Молодому и неопытному пастуху вначале ничего не платили, его только кормили и обучали, затем в течение года раз в два месяца ему выплачивали по одному барану, после чего уже переходили на постоянную оплату³.

С пастухами обычно договаривались на год или на полгода. Когда личные стада наемных пастухов доходили до двухсот голов и выше, они переставали работать по найму и, объединившись с другими пастухами в товарищеские артели пагеоба (*ბარეობა*), начинали пасти свой скот.

Moageve (მობარევე) — члены артели объединяли свои стада и свой труд, но продукцию делили между собою в зависимости от принадлежавшего им количества дойных овец. Сообразно с этим распределялись и все расходы. На каждые 20 голов вносилось 10 фунтов соли; на одну овцу — 1 фунт *xali* (ხალი); при этом обувь для пастухов покупалась на общие средства. Все расходы — вносимые за зимние пастбища оплаты, расходы, связанные с ремонтом дорог и мостов и т. д., — делились между *moageve* (მობარევე) по количеству принадлежащих каждому из них голов скота.

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тиапетского уезда, Тифлиской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 418.

² Сел. Хисо, Муртазишвили Кимоте Васильевич, 75 лет.

³ Сел. Шенако, Иоб Бабоевич Курдгелаидзе, 75 лет.

Так, например, у Сандро Димитриевича Цециаидзе (селение Хисо) в товарищеском союзе *мопагеоба* (მობარეობა) было объединено 400 голов овец, 13 лошадей, 2 осла и одна собака. Сандро был объединен с жителем селения Цокалта — Кимоте Пилаури и жителем селения Хисо — Тевдоре Мамисаидзе. Кимоте имел 200 голов овец, 3 лошади, одного осла и одну собаку. Тевдоре имел 150 голов овец, 2 лошади и одну собаку.

Таким образом, товарищество объединяло всего 750 голов овец. По существовавшему порядку главным овцеводом, называемым *sarkali* (სარკალი), и руководителем овцеводческого хозяйства товарищества считался тот член *мопагеоба* (მობარეობა), которому принадлежало большее количество овец в стаде. Всю продукцию члены объединения *мопагеоба* (მობარეობა) делили между собою в зависимости от количества принадлежащего каждому из них поголовья. Потребление полученной продукции происходило в индивидуальном порядке.

После того, как количество стад внутри товарищеского объединения *мопагеоба* (მობარეობა) выросло, члены объединения выделялись и создавали свои отдельные хозяйства, в которых использовался наемный труд.

Владельцы стад, имеющие от 8 до 10 наемных пастухов, назывались *хазеипеби* (ხაზეიპები). Характерно, что указанная форма владения, созданная в Тушети уже после развития там овцеводства крупного масштаба и характерная для товарного производства, не имела, таким образом, своего собственного обозначения и выражалась распространенным в XIX веке в Грузии негрузинским термином «хозяин».

Реализация продуктов овцеводства своей целью ставила в первую очередь восполнение недостающих для семейной общины запасов зерна, а также приобретение предметов украшения женского костюма. Одежда долгое время шилась из домотканной шерсти. Фабричная продукция начинает вытеснять кустарный женский костюм, который украшается серебряными предметами, приобретаемыми на Северном Кавказе посредством обмена на молочные продукты и шерсть.

Некоторые семейные общины имели довольно значительные избытки овцеводческого хозяйства. Так, например, семейная община Диди Ганаани в последние годы своего существования выделяла для реализации следующее количество овцеводческой продукции: 400 головок сыра, 300 голов овец, 400 голов *çedila* (ჭედლა) — холощенных баранов и 220 пудов шерсти. Кроме того, женщины имели личную собственность в виде коров, телят и молочной продукции.

Семейная община Диди Ганаани представляла одну из зажиточных семей, поэтому настоящий пример может быть использован для характеристики имущественного состояния лишь наиболее состоятельной части населения¹.

Деньги, которые оставались у семейной общины после всех произведенных расходов, хранились обычно у *diasaxlisi* (დიასახლისი) и назывались *саожахо* (საოჯახო) — буквально: семейные. Она же ведала всеми молочными, мясными и зерновыми запасами семьи, которые составляли общесемейную собственность и находились в общем потреблении.

Овцеводство обеспечивало семейную общину мясом, шерстью и сыром, а путем обмена — и зерном и другими предметами первой необходимости.

¹ См. также М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тиапетского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 432—463.

Необходимо отметить при этом, что обмен и торговля в Тушети зачастую не выходили за пределы простых форм. Накопленный посредством реализации овцеводческих продуктов капитал, называемый *saotaxo* (საოჯახო — семейный), не пускался в обращение, а в отдельных случаях даже закапывался в землю.

В свое время этот факт был отмечен Р. Эристави, который писал: «Вообще эта отрасль сельской промышленности доставляет жителям немалые выгоды (речь идет относительно овцеводства — Р. Х.); деньги, вырученные от продажи кож, шерсти, сыра и масла, они тщательно копят. Между пшавами и тушинами есть даже такие состоятельные, которые имеют 40—50 тысяч рублей, в числе которых найдете вы платины (полтинники — Р. Х.), вышедшие уже из образования (обращения — Р. Х.). Последнее обстоятельство неудивительно, потому что (тушины — Р. Х.), не пуская денег в оборот, закапывают их в землю»¹.

Итак, по имеющимся у нас сведениям, тушинская семейная община в XIX столетии представляла сравнительно состоятельную хозяйственно-родственную организацию, основанную на овцеводческом хозяйстве. Малочисленные семьи представляли собой в рассматриваемое время экономически слабые единицы.

В овцеводческом хозяйстве тушинской семейной общины наравне с членами семьи участвовали также и наемные пастухи, которые в большинстве случаев являлись выходцами из малых семей.

Специфические условия овцеводства создали у тушин первоначально особую форму наемного труда с элементами артельно-товарищеских отношений: наемный пастух, получая годовую оплату, имел и свою долю в овцеводческом хозяйстве нанимающей его семейной общины, сообразно количеству принадлежащих ему овец. Последняя форма распределения продуктов существовала у тушин и внутри товарищеских объединений — *topageoba* (ძობარეობა). Происхождение *ძობარეობა* (*topageoba*), вместе с обычаем *partaoba* (ბარათობა), могло возникнуть лишь в процессе разложения семейных общин.

При условии жизни малыми семьями, которые бытовали параллельно с семейными общинами, появляются своеобразные объединения, во-первых, чисто хозяйственного значения в виде *pageoba* (ბარეობა), во-вторых, институты так называемого *partaoba* (ბარათობა), представляющего собой временные присоединения женщин к чужим семьям. Оставшиеся в селе без мужчин женщины объединялись на период зимних месяцев. Они брали с собой детей и необходимые для пропитания запасы пищи. Жили такие женщины вместе, пользуясь общим огнем, однако готовили и работали отдельно. Экономия топлива в условиях горной Тушети имела свое определенное значение. Совместная жизнь одних и тех же женщин периодически повторялась иногда в течение 10—12 лет. Таким образом, в малой семье, мужчина которой находился в отлучке со стадами, женщина, оставшись одна с детьми, принуждена была переходить на зиму к такой же одинокой женщине или в дом более многочисленной семьи.

Грузинский лексикограф Саба-Сулхан Орбелиани определяет термин *partauli* (ბარათაული) как «приложение», а употребление слова *partavi*

¹ Р. Д. Эристов. О тушино, пшаво-хевсурском округе. «Записки Кавказского отдела императорского Русского Географического общества», 1855, кн. III, стр. 124—125.

(ბართავი) в смысле прибавления войска¹. Оба определения близко стоят к пониманию тушинского partavi (ბართავი). Сами тушины подобным же образом этимологизируют это слово, объясняя его как «дополнение», «добавление».

Таким образом, временно присоединившиеся к чужой семье женщины и дети являлись искусственно созданным добавлением к этой семье и назывались partavi (ბართავი).

Мы приведем здесь один автобиографический рассказ жителей селения Дартло—Гно Иордановича Хведегуридзе (85 лет) и его жены Тирине Ивановны Хведегуридзе (82 лет), где описывается конкретный случай работы наемного пастуха, а также обычай partaoba (ბართაობა).

Гно в молодости выделился из семьи своего отца и работал наемным пастухом, увеличивая постепенно поголовье своего собственного стада. Пять лет он работал у Иакоба Лухумандзе, пять лет у Соломона Аболоани в селении Чешо, три года у чигойского Бери, четыре года у гомецарского Баиндура, по одному году и по полгода еще у других. Доведя свое стадо к этому времени до двухсот голов, он стал независимым владельцем и объединился на товарищеских началах как topageve (ძობავე) с Обола Начаури.

Жена Гно — Тирине, оставшись одна с детьми, принуждена была в течение всего этого времени проводить каждую зиму в условиях partavi (ბართავი) и переселяться на период зимних месяцев в чужую семью. «Пять лет я пробыла у жены Свимона Наогураани, — рассказывает Тирине, — два года у Джелнамба Начаури, два года у жены Михо Кавтараани — Елены, затем у Мгела Элегоани и еще у других, — всех уже не припомнишь. Они себе готовили пищу, я себе. Каждая из нас только на себя работала: трепали шерсть, пряли, вязали в зимние дни и вечера. Partavi обычно бывали с того же села, могли быть как родственники, так и просто соседи».

Такого рода временные объединения могли быть созданы, безусловно, только при условии существования экономически стесненных индивидуальных семей, которым приходилось экономить главным образом топливо.

VI

Раздел имущества в тушинской семейной общине происходил по отдельным долям братьев. Разделу не подлежали следующие объекты: общинные земли, которые распределялись только во время общих переделов; одежда членов семьи, которая с самого же начала находилась в индивидуальном пользовании, хотя частной собственностью она также не являлась, так как члены семьи не могли свободно распоряжаться одеждой, которая заготавливалась на общие средства. Передавать другим свою одежду — дарить или продавать по своему желанию — члены семьи мужчины не могли. Сравнительно свободно распоряжались этим женщины, рукоделие которых принадлежало им самим.

Не подлежали разделу во время сегментации семейной общины и такие объекты, которые по своим масштабам могли быть использованы более широким коллективом, чем семья. Такими являлись, например, мельницы, винокурни и т. п.

¹ Саба-Сулхан Орбелани. Грузинский словарь (на груз. яз.), Тб., 1949.

При равном разделе к доле старшего брата добавлялось так называемое saurgoso (საურგოსო) — за старшинство, состоящее из одного лучшего коня и 15—20 голов баранов. Холостому брату выделялось на свадебные расходы — sakogçilo (საკორწილო), которое заключалось приблизительно в 15—20 головах баранов.

Типичное для грузинской семейной общины правило, заключающееся в том, что дети при жизни отцов не должны были делиться, не соблюдалось уже тушинской семейной общиной. Выделы взрослых сыновей здесь часто происходили и при жизни отца.

Во время раздела отец получал равную с сыновьями долю, но мог выбирать желаемую часть по своему усмотрению, не участвуя таким образом в общей жеребьевке. Отец брал, кроме того, двадцать голов баранов, специально для скачек — sadgini (სადგინი), которые должны были быть устроены в день его похорон, и десять баранов для yabaxi (ყაბახი — стрельба в цель из лука), устраиваемого во время поминок; получал он также еще одного коня saurgoso (საურგოსო) — за старшинство.

Кроме того, права отца в разделе имущества были так велики, что он мог оставить своих сыновей без доли. М. В. Мачабели по этому поводу замечает: «В Тушетии при разделе отец имеет неограниченные права и может сыновьям совсем ничего не выдать из имущества, но такой поступок отца вызывает порицание со стороны общества, и поэтому он очень редко встречается»¹.

Бездетная вдова в семейной общине, также как и незамужняя дочь, доли своей не имела. Она могла остаться в одной из вновь выделившихся семей брата и продолжать работать в этом доме. Специального вознаграждения за проведенные в семье годы и проделанную там работу женщины в тушинской семье, в отличие от хевсурской, где оно называлось patavgalí (პათავგალი) — трудовые, не получали.

Вообще в разделе тушинской семейной общины личному труду не придавалось почти никакого значения; все делилось главным образом по принципу патриархально-родовых правовых отношений, что в свою очередь указывает на устойчивость семейной общины, как родственно-хозяйственного объединения.

Как было уже сказано, не имела в семейной общине своей доли и девушка, которая при выходе замуж ничего не получала из отцовского дома, кроме орудий труда — серпа и чесалки шерсти, в которых она постоянно нуждалась в своей каждодневной трудовой жизни. Брала она с собой также свою одежду и рукоделие.

Семейное обычное право тушин не знало также и satavno (სათავნო) — особой формы приданого, известной для других районов Грузии. Эта специфика семейного права общины подтверждается и описаниями М. В. Мачабели².

Во время раздела подушно делились только зерновые и молочные запасы семьи.

Каждая семейная община имела свои знаки семейно-общинной собственности на мелком рогатом скоте. Знаки эти переходили из поколения в поколение. При разделе семейной общины знаки коллективной собствен-

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 413.

² Личный архив М. В. Мачабели. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР (на груз. яз.).

ности семьи переходили к старшему брату. Новые знаки для остальных выделившихся семей устанавливались советом старейшин, которые, располагая сведениями об имеющихся уже в употреблении знаках, создавали новые тамги.

Таким образом, приоритет старшинства в тушинской семейной общине сказывался не только в saurgoso (საურგოსო — буквально: за старшинство), выраженном в передаче ему лошади или определенного числа овец, но также и во вручении ему тамги, как символа семейно-общинной собственности.

Итак, в условиях натурального хозяйства у тушин долго сохранялись пережитки семейной общины, существование которой в свою очередь способствовало развитию той своеобразной формы овцеводческого хозяйства, которая являлась характерной для Тушети.

Дальнейшее развитие овцеводства и переход к более высокой форме товарного производства постепенно уменьшали потребность в соответствующих отраслях кустарного производства внутри семьи, и тем самым создавали условия для разложения семейной общины и образования в Тушети частной собственности и индивидуальной семьи.

Овцеводческие хозяйственные организации в период развития частной собственности и индивидуальной семьи были представлены у тушин, наравне с пережитками семейной общины, в виде товарищеских объединений — пагеоба (ბაგეობა) с общей формой производства, но, в отличие от семейной общины, уже с индивидуальной формой потребления.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У МОХЕВЦЕВ

На основании этнографических данных устанавливается, что до конца XIX века пережиточно сохранившаяся большая семья у мохевцев являлась общераспространенной формой их хозяйственной организации.

Семейная община состояла из нескольких брачных пар и их потомков, как первого, так и второго, а иногда даже и третьего поколения. Таким образом, состав семейной общины определялся родными и коллатеральными братьями, их женами и детьми. Внутри каждой из этих групп существовало четкое разграничение прав и обязанностей по принципу старшинства.

По установленным на месте данным, большие семьи мохевцев, разделы которых падают на конец XIX и начало XX века, объединяли в среднем от 25 до 60 душ.

Основным имуществом семейной общины являлся мелкий рогатый скот, насчитывающий в некоторых крупных хозяйствах до 3.000 голов. Основным занятием семьи было отгонное скотоводство — овцеводство, в котором было занято большее число мужчин семейной общины.

Остановимся на описании отдельных семейных общин мохевцев на основании этнографических материалов.

Семейная община Диди Чикиэни (буквально — большие Чекиэни) — Гигаури в селении Казбеги¹ перед разделом (1908 год) состояла из 52 душ. В ней было объединено пять брачных пар с их потомками, из которых четверо были родными братьями, а пятый являлся их коллатеральным братом. Таким образом, родство внутри семейной общины доходило

¹ Пользуемся сведениями жителей сел. Казбеги, одной из невесток семейной общины Диди Чикиэни — Анны Иосифовны Давиташвили-Гигаури (80 лет) и Ивана Михайловича Гигаури (60 лет).

до пятого колена включительно (см. схему № IV).

Семейная община Диди Чекиэни имела до 3.000 голов баранов, 40 лошадей, 10 ослов и сравнительно небольшое количество коров — от 8 до 10 голов и две пары быков.

Лошади и ослы в основном использовались в овцеводческом хозяйстве семьи для переноски тяжестей во время переходов от летних кочевок к зимним, а также для доставки продуктов пастухам.

Состояние семейной общины определялось масштабами овцеводческого хозяйства, так как пахотной земли даже у самой состоятельной общины было крайне недостаточно.

Семейная община Диди Чекиэни обладала следующими видами земель: С а н д р о с е у л и — 2 дгиури, Ц м и н д а Г и в а р г и с т а н — 1 дг, К б и л и с д ж в р е б и — 1 дг, Г р д з е л и к а н а — 1 дг, Ц к а л т а н а — 3 дг, Х о с о — 3 дг, Ш а в н и К у р а н и — 1 дг, С о п л и с г в е р д и — 2 дг, Ч в е н т а т е у л и — 1 дг. При условии, что одно дгиури равнялось 160 кв. саж., у Диди Чекиэни всей пахотной земли должно было быть около 2.400 кв. саж. Естественно, что такое количество земли не могло обеспечить семью хлебом.

Сенокосы Диди Чекиэни состояли из следующих участков: Х о с о — 20 тива (თოვბა) — буквально: сено, (сноп=10 пудам снимаемого сена; так определялись местными жителями размеры сенокосов), Ц к а л т а н а — 10 тива, Б е г и с Д з и р и — 3 тива, Ц к а л с и к и т а — 7—8 тива, Ч х р и с п и р и — 5—6 тива. Иными словами семейная община Диди Чекиэни имела в год не более 470—500 пудов сена, лимитирующего количество крупного рогатого скота семейной общины. Такое количество сена могло прокормить не более 10—12 голов.

В семейной общине Диди Чекиэни было двенадцать работников. Большинство из них занималось полукочевым скотоводством. Симон — глава семьи и старший овцевод sagkali (სარქალი), достаточно прославленный в свое время в Хеви¹, руководил всей жизнью семейной общины. В воспоминаниях членов семьи неоднократно отмечается, что «завтрашний день каждого из членов семьи зависел обычно от указаний Симона; он распределял по вечерам каждодневные занятия между работниками».

Трое других старших братьев — Гахута, Тепо и Левана — были tav-ḡobani (თავბობანი), овчарами, постоянно находящимися со стадом и отвечающими как за питание овец, так и за правильную организацию скота, стрижку овец, организацию переходов с летних пастбищ на зимние. Четверо младших — Шио, Георгий, Ягора, Ванка — были пастухами. Земледелием занимались только два старших брата — Гугуа и Аксиа. Община постоянно имела и наемных пастухов, получавших в год по 15 баранов.

В женских работах, которые у мохевцев также делились на основе возрастного принципа — sauproso (საუფროსო) — для старших и saumcroso (საუმცროსო) — для младших, принимали участие только невестки. Девушки к общим работам не привлекались.

В семейной общине Диди Чекиэни хозяйкой дома — diasaxlisi (დიასახლისი) была старшая невестка Бабале (после Бабале—Маринэ); она руководила всеми женскими работами, являясь хранительницей молочных продуктов и зерновых запасов общины. По ее указанию отправлялось зерно на размол, она отбирала лучшую часть зерна для посева и определяла годовую потребность семьи в хлебе. Одной из главных ее хозяйственных функций была выпечка хлеба.

¹ Имя Симона связано с биографией известного грузинского писателя Александра Казбеги. Симон был лучшим другом Казбеги, с которым он проводил время на кочевках; о нем часто упоминается в произведениях Казбеги.

Выпечкой хлеба вместе с diasaxlisi (დიასახლისი) занимались и другие старшие невестки: Маринэ, Нунуа, Сабеда. Хлеб выпекался в большом количестве на шиферных плитах в очаге.

При разделении хозяйственных функций между членами семейной общины у мохевцев, в отличие от других районов Грузии, не было строгого разграничения мужских и женских занятий.

Так в семейной общине Диди Чекиэни наравне с мужчинами, занимающимися полевыми работами и называемыми şipais qaci (შობის კაცი) — мужчина, находящийся дома, работали и женщины, которые косили, метали стога, пололи, жали и вязали снопы. Женщины помогали мужчинам и при вспашке земли, но в отличие от тушинок самостоятельно не пахали. Полевыми работами занимались обыкновенно молодые невестки.

Делом младших невесток являлось также доение как коров, так и овец и приготовление молочных продуктов. Доярки у мохевцев находились вместе со стадами на летних пастбищах, что совершенно исключалось у тушин, где женщины в овцеводстве не принимали никакого участия.

Хранением и распределением молочных продуктов, которые выделялись для дома, ведала diasaxlisi (დიასახლისი), реализация же излишков являлась уже делом главы семейной общины.

Исключение составляли занятия, связанные с уходом за стадами, которые были делом мужчин. Также исключительно мужчины ведали и мясными запасами. В семейной общине Диди Чекиэни Симона был прославленным овцеводом, который воспитал несколько поколений лучших овчаров — sagkali (სარკალი).

В воспитании мальчиков главное место занимала выработка навыков по овцеводству и пастушеству.

Основные навыки опытных пастухов, которые передавались из поколения в поколение, заключались в следующем: пастух должен был разбираться в травах, уметь определять полезные и ядовитые травы, уметь использовать по мере надобности лекарственные растения. При переходах с одного места на другое по заранее установленным маршрутам пастухи должны были уметь правильно направлять стада на лучшие луга, уметь уберечь овец от стихийных бедствий и препятствий на скалистых тропах, а в случаях ранений скота — оказать первую помощь.

Несмотря на то, что овец у мохевцев обычно доили женщины, а не мужчины, пастухи с малых лет обучались доярству и приготовлению сыра. Их учили также стричь овец; хороший пастух должен был успеть остричь в день не менее 100 баранов.

Стрижкой овец занимались только мужчины, обработка же шерсти всецело ложилась на женщин и носила в семейной общине мохевцев характер женского коллективного труда.

Шерсть между членами семьи не делилась; вся одежда членов семейной общины заготавливалась общими силами женщин под руководством старшей невестки — diasaxlisi (დიასახლისი).

Летние пастбища мохевцев, являясь общинной собственностью села в отдельных случаях сохраняли следы родового владения (на чем мы специально остановимся ниже). Часть пастбищ Хеви представляла собственность Казбеги и Чкареули.

Преобладающая форма пастбищных владений оставалась общинной; пастбища внутри села не делились. Каждая семейная община сооружала на пастбищах свои жилища и огораживала загоны для скота.

Собственных зимних пастбищ мохевцы не имели; пастбища арендовались в различных местах либо представителями семейных общин, либо

уполномоченными составленных овцеводческих товариществ — *patgala* (პატგალა).

Семейная община Диди Чекиэни переправляла свою баранту на зимние стоянки в Кизлярскую степь. Стадо направлялось в Кизляр по Военно-Грузинской дороге, через Грозный. Переходы эти были сопряжены не только с преодолением больших естественных препятствий, но и с постоянными междоусобицами с соседствовавшими с Хеви горцами — кистинами, через территорию которых им приходилось переправляться.

На зимних кочевках стада находились в течение семи месяцев — с середины октября до середины или конца мая.

Дом семейной общины Диди Чекиэни, как и все дома мохевцев, был двухэтажный и представлял собой единый комплекс помещений, как жилого, так и хозяйственного значения.

Верхний этаж дома состоял из большого зального помещения — *sacvala* (საცვალა) или *samqoro* (სამყოფო) с маленькой передней — *daripani* (ღარბი-ფანი). *Sacvala* являлась летним помещением всей семьи. Рядом с *sacvala* находилось *sene* (სენე), специальная комната для приготовления и хранения молочных продуктов. *Sacvala* (საცვალა) посредством внутреннего прохода соединялась с нижним этажом, разделенным на две части — на *koita* (ქოითა — буквально: нижний) — зимнее помещение семьи с находящимся внутри очагом и *boseli* (ბოსელი) — хлев для скота. До наших дней дом семейной общины Диди Чекиэни не сохранился, но дома такого типа, широко распространенные среди мохевцев в прошлом, в ряде случаев уцелели и до настоящего времени. Мы прилагаем план подобного дома, — Давида Гигаури из селения Казбеги, составленный научным сотрудником Института истории грузинского искусства АН ГССР В. Долидзе (см. табл. № 14—а).

Рядом с двухэтажным домом Диди Чекиэни находился большой старинного мохевского типа одноэтажный дом с плоской крышей. Дом этот, называемый в Хеви *didi saxli* (დიდი სახლი) — буквально: большой дом, состоял из двух основных частей: жилой части дома и помещения для скота. Внутри жилой части дома посредством плетеной перегородки выделялось *sene* (სენე).

Didi saxli (დიდი სახლი) являлся характерным домом для грузинской семейной общины. Его особенностью было общее помещение для всех членов семьи с открытым очагом — *šua sesxli* (შუა სეცხლი) в центре дома и массивным столбом — *deda bozi* (დედა ბოძი). Рисунок общего вида такого типа дома, сохранившегося до настоящего времени в селении Казбеги, принадлежащего Кирилу Кушашвили, прилагается. (См. табл. № 14—б. По материалам В. Долидзе).

Столб *deda bozi* (დედა ბოძი) у мохевцев считался обиталищем покровителя семьи, представляемого мохевцами в виде змеи — *saxlis gveli* (სახლის გველი — буквально: змея дома) или *ruzis gveli* (ფუძის გველი — буквально: змея основы, фундамента); ср. также изображение змей на фасаде жилого дома (табл. № 15—а, б). В канун великого поста все члены родового квартала собирались вокруг *deda bozi* (დედა ბოძი) того дома, выходцами из которого они себя считали.

Факт выделения в доме специального места для молочных продуктов — *sene* (სენე), которым ведала *diasaxlisi* (ღიასახლისი), в свою очередь указывает на ведущее место молочного хозяйства в экономике и быту семейной общины мохевцев.

Внутри дома устраивались большие деревянные или плетеные, обмазанные глиной, закрома для зерна с особыми отделениями для пшеницы, ячменя и ржи.

Все члены семейной общины Диди Чекиэни каждый вечер собирались вокруг очага, где у каждого было определенное место с учетом старшинства и соблюдением женской и мужской стороны.

По правую сторону от очага на длинных скамейках с орнаментированной спинкой располагались мужчины; женщины садились на противоположной стороне на низких табуретках или набитых лоскутами подушках, называемых *gunda* (გუნდა). Молодухи размещались в самом конце женского ряда, за ними помещали детей. Около очага стоял специальный стул главы семьи Симона, который сохранялся в этой семье в течение долгого времени под названием *masinaiš škami* (მასინაის შკამი), что означает стул Масина (прозвище Симона).

Особый почетный стул, называемый у мохевцев *šamaržo škami* (სამარჯოს შკამი), буквально — стул для одного, являлся привилегией главы семьи и служил выражением его главенства.

Пищу из общего котла распределяла между членами семейной общины *diasaxlisi* (დიასახლისი). Младшие невестки разносили в глиняных или деревянных мисках распределенную пищу всем присутствующим за едой. В условиях многочисленной семьи распределение пищи требовало определенной сноровки и умения.

В семейной общине мохевцев, так же как и у большинства грузин горцев — тушин, пшавов, отношения между молодыми невестками и старшими братьями мужа, а также старшими невестками семьи регламентировались обычаем.

Обычай этот заключался в основном в табуации собственных имен старших членов семейной общины и в запретах, в силу которых молодые невестки не могли непосредственно обращаться к старшим. В последнем случае невестки разговаривали с помощью третьих лиц, большею частью посредством детей.

Табуация собственных имен старших членов семьи исключала возможность употребления этих имен невестками даже в тех случаях, когда этими именами назывались совершенно посторонние лица.

При надобности упомянуть об этих лицах прибегали к описанию родственных отношений, например «отец моего мужа», «дядя моего мужа», «моя свекровь», или «тетка моего мужа» и т. д., причем имя мужа также не упоминалось. В необходимых случаях при упоминании посторонних лиц, носящих эти же имена, невестки были вынуждены давать им другие имена. Были случаи, когда среди мохевцев одно и то же лицо имело три имени: помимо имени, данного при крещении, новорожденному приходилось иногда прибавлять еще *sulis saxeli* (სულის სახელი) — имя в честь умершего предка или прославленного героя, а также *xatš saxeli* (ხატის სახელი) — святого, наконец, еще могло быть и прозвище *tikuni* (ტიკუნი).

В подобных случаях невестка выбирала одно из тех имен, которое она могла произносить.

Табуация имен длилась в течение всей жизни; даже глубокие старухи отказывались называть имена своего свекра, его старших братьев, а также свекрови.

Существующие, кроме того, запреты разговаривать с тем или иным членом общины иногда прекращались через год или два после брака, только в редких случаях они длились дольше. Обычно те члены семейной общины, с которыми невестка не имела права заговорить, подносили невестке какой-нибудь подарок и уговаривали ее произнести несколько слов, достаточных для снятия табуации.

При личном обращении свекровь называлась почетным именем матери — *deda* (დედა); к ней обращались так не только невестки, но и внуки. Дети свою мать в начале называли по имени, так как матью называлась бабушка, хозяйка дома — *diasaxlisi* (დიასახლისი).

Приведем конкретные материалы, характеризующие имущество, родственный состав и основные виды организации труда семейных общин различных сел Хеви.

Семейная община **Диди Удзилени** (Суджашвили, селение Гергети)¹, раздел которой произошел только в начале XX века, состояла из двадцати семи душ.

В семейной общине Диди Удзилени (буквально Большие Удзилени) было семь человек трудоспособных мужчин, занятых в основном овцеводством и земледелием: Удила, Тади, Давита, Ниниа — были овчарами и пастухами; Папила, Свимана, Мамука — земледельцами.

Имущество этой общины состояло из 100 голов мелкого рогатого скота, 15 *dyugri* (დღიური) пахотной земли и 10—12 гектаров сенокоса.

Пахотные земли семейной общины Диди Удзилени в условиях обычной для этих мест чересполосицы были распределены отдельными мелкими участками следующим образом: участок Г и з и р и — 3 *дгиури* (дня пахания), Н а в г е л а у р и — 3 *дг*, Д и д и П ш а н и — 2 *дг*, О х а р е ш и — 2 *дг*, В а р а н и с у б е — 2 *дг*, К о б и — 2 *дг*, участок в С т е п а н - Ц м и н д а — 1 *дг*. Сенокосы: Б а х о — 10 гектаров, К о б и с м т а — 7 гектаров.

Овцеводство являлось основным занятием Диди Удзилени, обеспечивающим материальное благосостояние семейной общины.

Семейная община **Элгуджаани** (Сабаури, селение Паншети)², просуществовала до двадцатых годов XX века и состояла из 23 душ.

В семейной общине было одиннадцать работников мужчин. Старшими братьями были Элгуджа, Григола и Нациа. Возглавлял семью Элгуджа он же был известным охотником; Григола был старшим овчаром *sarkali* (სარქალი); Нациа — просто овчаром. Из остальных мужчин большое число работников было занято в овцеводстве: Гиварги, Ниниа, Колиа Исидоре, Гиорги, Шалва — все были овчарами и пастухами. Земледелием занимались только Абрам и Иагор, которые считались *šipais kaci* (შობაის კაცი).

Diasaxlisi (დიასახლისი) семейной общины Элгуджаани была Тамари. Нино и Малико, являясь старшими невестками, в первую очередь заняты были уходом за детьми, выпечкой хлеба, ежедневным приготовлением пищи, изготовлением масла и домашних кустарных изделий. Младшим невесткам Саломэ, Анико, Сопиа, Дарико, Машо приходилось работать на поле, ухаживать за скотом и по очереди находиться со стадами овец, занимаясь там доярством и приготовлением сыра. Они же прислуживали всем членам семьи во время еды, разнося пищу, подавая воду и убирая посуду.

За едой располагались в порядке, уже описанном в семейной общине Диди Чекиэни.

Количество мелкого рогатого скота в семейной общине Элгуджаани в среднем доходило до 2.000 голов овец. Из крупного рогатого скота семейная община Элгуджаани имела 12—13 коров и одну пару волов.

¹ Сел. Гергети. Гахута Давидович Суджашвили, 120 лет.

² Сел. Паншети. Абрам Григорьевич Сабаури, 71 года.

Стадо овец в летнее время паслось на сельских пастбищах: Шавкде, Дидубе, Дохтелури, Чирдили, Укэн Чирдили, Ведзай, Ахадэ. На зимнее время мелкий рогатый скот переносился в Кизляр.

Семейная община Элгуджаани имела следующие земельные участки: по три дгиури в селении Ахада — Шерамазаантеули, Бибосеули, Арбулай; по полдгиури: Хевни, Дехелхо, Пудзе.

Сенокосов, находящихся в семейно-общинном пользовании у них не было; все сенокосы внутри села были распределены между тохумами. Сенокосы Элгуджаани вместе с остальными общинами их квартала — Бабриэни были объединены с семейными общинами других родственных тохумов: Самканени (состоящим из семейных общин — Сосиэти, Бидзиэти, Калиэти и Чониэти (состоящим из Иваниани и Шабатени)). Эти общины ежегодно производили между собой раздел сенокосов при помощи рукоятки косы, а не веревкой, как при разделе пашен.

Общая площадь сенокосов делилась по отдельным кварталам, а затем уже по семейным общинам.

Семейная община Бадет Дид Джалабиани (Керашвили, селение Ахалцихе)¹, разделившаяся к концу XIX века, состояла из 24 душ.

Бадет Дид Джалабиани, как и все другие семейные общины, носила собственное имя главы семьи Бадая, с прибавлением общего термина общины — Диди Джалабиани (буквально — состоящие из большого числа членов семьи).

Семейная община Бадет Дид Джалабиани объединяла 10 работников-мужчин, шестеро из которых были овчарами и пастухами, четверо остальных *šipais kasī* (შობის კაცი) — земледельцами.

Главой семьи являлся Бадай, который был земледельцем, а не скотоводом, как это широко практиковалось в других общинах мохевцев. Наника, который тоже был земледельцем, одно время занимался извозным промыслом, а затем, занявшись домашними делами, заменил Бадаю в управлении семейной общиной. Гигиэ, Ладимери, Ваниа, Серго, Датико, Варлами были овчарами, пастухами. Васи́ла и Ника́ла — земледельцами.

Бадет Дид Джалабиани имели небольшое стадо, насчитывающее до четырехсот голов, 2 коровы и пару быков. Этим объясняется и то обстоятельство, что у Бадет дид Джалабиани занятых в овцеводстве членов семьи было гораздо меньше, чем в других мохевских семейных общинах.

Бадет Дид Джалабиани владели как наследственными — *tapis tapuli* (ძაღვის მამული), так и общинными землями — *sasoplo mišebi* (სახოფლო მიწები).

Из наследованных земель под пашней находились участки Кармака — 5 дг, Цители мица — 10 дг, Нарчеви — 10 дг, Куретиса — 10 дг, Тетрни — 5—6 дгиури.

Под сенокосами находились участки: Кармака — 1 гектар, Сативакбиле — 2 гектара, Хакис гверди — 2 гектара, Цкаротруви — 2 гектара.

Из общинных земель Бадет Дид Джалабиани все в основном были представлены сенокосами, только три участка: Бахакана — 3 дг,

¹ Сел. Ахалцихе, Алексей Матвеевич Керашвили, 58 лет, и Григорий Давидович Бучукури, 57 лет.

Н а т е х р и а н и с к а н е б и — 2 дг, Ц и х е т у к е н а с к а н е б и — 1 дг., были заняты под пашню.

Общинные земли в селении Ахалцихе, которые принадлежали Керашвили, Бунели и Чабансдзе, были поделены между семейными общинами. Каждая из них имела на этих землях сравнительно большие участки: С а г у л е б л и с т а в и — 4 гектара, Г а р е т х а х и с т а в и — 3 гектара, Ш и г а т и х а х и с т а в и — 3 гектара, Э с к л и а н а — 7 гектаров, Г а р е т а п ш н и а н а — 3 гектара, Ш и г а т и п ш н и а н а — 2 гектара, С а з у р г е — 5 гектаров, Д и д и Р у и с т а в и — 6 гектаров, Т а д н а с н а г и б и — 3 гектара, Н и ш т г в е р д и — 6—7 гектаров, К о т а с т а в и — 2 гектара, Ц и х е т у к а н а с с а т и б и — 5 гектаров, Н а р и а н а — 3 гектара, Б а х а к а н а — 3 гектара, Ш и г а т и м з и с п и р а — 2 гектара, Н а т е х р и а н а — 2 гектара, Ц и х и с п и р д а п и р и — 2 гектара, С а д а т в е р у в и — 4 гектара, П и р и к о р а — 4 гектара, С а л е б е — 3 гектара, Ц к а р о т д з и р и — 2 гектара, Х ш и р т к и с т а в и — 2 гектара, — С а с а п а н д р е — 5 гектаров, В е р х в и а н и — 4 гектара.

Переделы пахотных общинных земель производились раз в десять лет, пастбища переделывались не реже одного раза в три года.

Ниже приводятся примеры семейно-общинных объединений у мохевцев.

Семейная община **Бекурени**¹ (Камараули, селение Каркуча), которая разделилась в самом начале XX века, состояла из 36 душ.

Из двадцати одного работоспособного члена этой семейной общины четырнадцать были заняты в овцеводстве. Старшим овчаром, руководителем овцеводства, а также главой семьи после старшего брата Бути, был Леван. Овчарами, пастухами были: Кобай, Бацай, Габриэл, Максиме, Мосиа, Дзиа, Алекси, Кацай, Гагуа, Ванэ, Никала, Иагора, Ладиа. Земледелием занимались: Георгий, Иосеб, Бути, Датико, Павлиа; Сандро был плотником, а Кутиай кузнецом.

Функции *diasaxlisi* (დიასახლისი) прежде выполняла Малиа—жена Бути, а затем Дедий — жена Левана.

Семейная община Бекурени владела большим количеством молочного скота, большим количеством (до 2.500 голов) мелкого рогатого скота и, напротив, малым количеством рабочего скота (не более двух пар волов).

Такой состав стада при существовавшем малоземелье был характерен как для мохевцев, так и для других грузин-горцев.

У семейной общины Бекурени, так же как и у других семейных общин этого села, земли были как наследственные, так и общинные. Наследственные, как правило, обрабатывались под пашню и состояли из следующих участков: К а и — 3 дг, М т а — 2 дг, М и л о с и — 3 дг, Д и д р у й — 2 дг, С а х а л е — 1 дгиури.

Общинные земли использовались под покосы. Некоторые из них, как, например, Милоси, делились между семейными общинами только перед самой косовицей. Остальные покосы переделывались раз в три года. Бекурени имели следующие покосные участки: К а и — 20—30 снопов сена, М т а — 60 сн. сена, Д и д р у й — 80 сн. сена, К и б е — 100 сн. сена, С а х а р е — 80 сн. сена.

В селении Каркуча существовали, кроме того, общинно-родовые пастбища. Все Камараули имели там пастбища с подразделениями Г о г о л е н и, Э п х е н и, М а н г и э н и, совместно справляющими общий родовой праздник перед началом перегона стада на летние пастбища.

¹ Сел. Каркуча, Алексей Иосифович Камараули, 80 лет.

Большая, как по своему составу, так и по своим материальным возможностям, семейная община Диди Одиэни (Одишвили, селение Сиони)¹, сохранила это название Диди (большие) и в собственном наименовании — Большие Одиэни.

Окончательный раздел семейной общины Диди Одиэни относится к самому началу XX века.

До раздела Диди Одиэни насчитывали 64 члена семьи. Однако число работников-мужчин было невелико. В семейной общине Диди Одиэни было всего 13 работоспособных мужчин. Больше число их — 7 человек — было занято в овцеводстве: Иосеба, Георги, Симона, Шио, Иванэ, Абрама, Лазарэ.

Глава семьи—Габала — опытный овчар, находился постоянно в разъездах, связанных с вопросами овцеводства: устройством зимних помещений для скота и пастухов, организацией переходов, обеспечением пастухов продуктами, инвентарем и экипировкой, перевозкой молочных продуктов и т. п.

Трое остальных—Алекси, Матэ и Кико занимались в городе торговлей, доставляя доходы с торговли в общую кассу семейной общины.

Диди Одиэни были известны своими большими стадами овец, доходящими до 1000—2000 голов, сравнительно большим количеством коров (10—12) и малым количеством рабочего скота — количество волов не превышало одной или двух пар.

В наследственном пользовании Диди Одиэни имелись следующие пашни: Д и д у б э — 15—20 дг, С а т и б е б и с т а в и — 10 дг, сенокосы — Ц л о а н а — 10 гектаров, С а х и з н а р и — 30 гектаров, К е л н и — 5 гектаров, Г а р е м т а — 6 гектаров.

Диди Одиэни в отличие от других семейных общин, пользовались зимними пастбищами (Д а р к о х, К а р д з и с и З м е й к а) в Северной Ссети, а не в Кизляре.

В результате сегментации семейной общины Диди Одиэни образовались две новые семейные общины: одна, состоящая из потомков брата Иосеба и сохранившая первоначальное наименование этой семейной общины — Диди Одиэни, другая, представляющая развитие семейной ячейки брата Габала и называемая его же именем Габалани.

Новая семейная община, Иосебиани или Диди Одиэни, объединяла двух братьев—Иосеба и Георгия, их жен, детей и внуков. Семейная община Габалани состояла также из двух братьев Габала и Бадура и их семей. При следующей сегментации Иосебиани разделились снова на две семьи—Георгия и Иосеба, а Габалани на три семьи—Георгия, Лазаре и Кико.

Дома, принадлежащие указанным семейным общинам были пристроены друг к другу и общались внутренними проходами, соединенными с башней. Общий двор запирался большими деревянными воротами около башни.

При осадном положении села Одиэни имели возможность переправляться внутренними проходами в башню.

Впоследствии из семейных общин Диди Одиэни и Габалани выделилось тринадцать малых семей. От семейной общины Диди Одиэни были образованы семьи Абрама, Василя, Илико, Арсена, Соло, Гриши, Александра, Георгия, Бесо, Симона, Маркоза, Шалвы и Георгия. Из семейной общины Габалани выделились семьи Котэ, Симона, Никала, Георгия и Левана (двое последних выселились из Сиони).

¹ Сел. Сиони, Сямон Георгиевич Одишвили, 77 лет.

Гагмат Эртобис сахли (Авсаджанишвили, селение Горисцихе)¹.

В собственном наименовании Gaumat ertobis saxli (გაუმათ ერტობის სახლი) сохранился один из терминов, служащих для обозначения грузинской семейной общины ertobis saxli (ერტობის სახლი), употребляемый наряду с терминами didi oḡaxi (დიდი ოჯახი), saerto saxli (საერთო სახლი), did žalabiani (დიდ ჯალაბიანი).

Семейная община Гагмат Эртобис сахли, которая просуществовала неразделенной до начала XX века, состояла из 27 душ. Из них работников-мужчин было девять человек: Ясе — глава семьи, овчар, Григорий (Гутуа) — овчар — sarkali (სარქალი), Георгий — овчар tav-čobani (თავ-ჩობანი) и хороший мспობიარე (მცნობიარე), Соломона, Николоза, Ника, Митка, Илия были пастухами, Ваниа занимался кустарным ремеслом.

Малиа (жена Ники) была хозяйкой дома — diasaxlisi (დიასახლისი) она ведала всеми зерновыми и молочными запасами семьи, руководила женскими работами, соблюдая при распределении функций принцип старшинства.

Тати, Малиа (жена Григола), и Маниа, являясь старшими невестками семейной общины, были в основном заняты выпечкой хлеба, приготовлением пищи, изготовлением масла, размещением и упаковкой сыра в бочки и т. д.

Приготовление сыра, так же как и доярство, составляло обязанность младших невесток, которые вместе с тем занимались и полевыми работами.

Семейная община Авсаджанишвили имела до 2.000 голов овец, 15 коров, две пары волов, 7 лошадей, 2 ослов.

Пахотные земли у них находились на участках Ч у р о б и — 2 дг, Х е в и с к у р и — 1,5 дг, Ш а р а — 1 дг, С а б у р т е — 1 дг. Недостаток зерна пополнялся семьей за счет доходов с овцеводства.

Сенокосы, принадлежавшие семейной общине, были разбросаны на участках: Ц л о в а н а — 30—40 сн. сена, Ц и т л о а н а — 15—16 сн. сена, Л и д ж е — 25 сн. сена, что определяло возможность семейной общины в содержании крупного рогатого скота.

Семейная община Лалитени (селение Горисцихе, Чкареули)², раздел которой относится также к первому десятилетию XX века, состояла из 44 душ. Из них работников-мужчин насчитывалось 16 человек. Большая часть их была занята в овцеводстве. Давитай — глава семьи, осуществлял общее руководство овцеводческим хозяйством семьи, возлагая при этом соответственные функции на sarkali (სარქალი) — Иосеба; Георгий, находящийся постоянно со стадами, был tav-čobani (თავ-ჩობანი); Свимана — овчар; Алекса — пастух; Григола был šipais qasi (შობლის კაცი), он занимался земледелием, заботился о доставке нужных для семейной общины продуктов; Илико, Ивардана, Ваниа, Васи́ла, Михела, Вано были пастухами; Степане был šipais qasi (შობლის კაცი) и занимался земледелием.

Семейная община Лалитени имела большое количество овец, доходящее в отдельные годы до 1.500—2.000 голов, 12 коров, 8 лошадей, две пары быков. В хозяйстве семейной общины Лалитени постоянно работало от 2 до 3 человек наемных пастухов.

Состоятельность семейной общины мохевцев, хозяйство которых было основано на овцеводстве, зависела часто от стихийных и других

¹ Сел. Горисцихе, Илья Григорьевич Авсаджанишвили, 66 лет.

² Сел. Горисцихе, Илья Георгиевич Чкареули, 80 лет.

бедствий — весенних снежных обвалов во время перекочевков стада, заболевания овец в пути, угона горскими разбойничьими бандами и т. п. Часто стихийные бедствия полностью разоряли даже состоятельную мохевскую семейную общину.

Стихийные бедствия были настолько частым явлением, что предопределили создание у мохевцев обычая *oçxagi* (ოჩხაგი), усматривавшего помощь пострадавшей семье со стороны общины. Во время *oçxagi* (ოჩხაგი) состоятельные хозяйства жертвовали в пользу пострадавшей семьи определенное количество овец и тем давали возможность «стать на ноги».

Члены семейной общины, владеющей тысячами голов овец и содержащие наемных пастухов, при стихийном или другом подобном бедствии, как, например, падеж скота, часто оказывались сами в таком положении, когда вынуждены были идти наемными пастухами. Так, например, описанная нами здесь семейная община Лалитени, имевшая 1.500—2.000 голов овец и не менее 3—4 наемных пастухов, после похищения и угона у них 1.500 голов скота принуждена была направить часть своих членов в качестве пастухов к северным осетинам. Каждый пастух в год получал от 15 до 18 баранов, поэтому в течение нескольких лет этой семейной общине удалось восстановить свои убытки.

Пахотные земли Лалитени были расположены в следующих местах: в В а н с у р и — 2 дг, в Ц е р о с к а р и — 2 дг, в Ч е ж и а — 2 дг. Такое количество земель не могло обеспечить достаточного урожая для удовлетворения потребностей семьи в хлебе. Недостаток семейной общины в хлебе восполнялся доходами с овцеводства.

Семейная община **Диди Датурени** (селение Арша, Авсаджанишвили)¹, раздел которой произошел в конце XIX века, состояла из 25 душ.

По сохранившимся до нашего времени данным, овцеводство не являлось основной формой хозяйства этой общины.

Диди Датурени имели всего лишь 200 голов овец, 10—15 коров и 3 лошадей. Малое значение овцеводства в хозяйстве семейной общины Диди Датурени проявилось и в распределении функций между членами семьи. Из шести взрослых мужчин семейной общины только двое занимались овцеводством — Гугуа и Давита; при этом последний часто находился вместе со своим стадом в качестве наемного пастуха в семье Казбеги. Особое развитие в семейной общине Диди Датурени имело ремесло — отдельные члены семьи были каменщиками, плотниками, каменотесами или строителями домов и мельниц. Ремеслом в семейной общине Диди Датурени занимались Нико, Гиварги, Вана, которые вносили заработки в общую кассу семейной общины. Обязанности землепашца в семье выполнял Иагора, которому помогали в свободное время и остальные братья.

Diasaxlisi (დიასახლისი) вначале была Атера, а затем жена Гиваргия — Талала.

Пахотные земли селений Арша, Ткаршети и Гаиботени были общими и поэтому пашни семейной общины Диди Датурени были разбросаны в разных местах. Пашни их состояли из следующих участков: в селении Ткаршети — Х а т а н а — 2 дг., П а п и с т в а л а — 2 дг., М и ц р о т и с п и р а — 1 дг., в селении Гаиботени — К в и р е и с К а р и — 1,5 дг., в селении Арша — Р е ш а х и — 2 дг., Ч и т и с т в а л а — 2 дг., Э к л е с и а — 1 дг. Покосы Диди Датурени, находящиеся в селении Ткаршети состояли из С р е л н и — 20 сн. сена, Х а р т К а л о —

¹ Сел. Арша, Кория Ягорович Авсаджанишвили, 73 лет.

10 сн. сена, П ш а н и — 7 сн. сена, С а д ж г н е — 40 сн. сена; находящиеся в селении Арша — А р а г в и с к в и ш а н и — 40 сн. сена, Г а г м а м т а — 20 сн. сена, С а д ж о г е — 40 сн. сена.

Пастбища Ц х а р о е н е б и и А ч к а л т и находились в общем владении села; Т о т и м т а, составляющая собственность фамилии Казбеги, арендовалась при надобности отдельными общинами за сто рублей в год.

Впоследствии Диди Датурени разделились на две семейные общины, часть семьи — поколение Иагора — выделилась в отдельную семью, которая стала носить имя по его прозвищу — Гогени; часть же — поколение Нико — в другую семью, по имени Никалани. Общины Гогени и Никалани оставались неразделенными до 1915 года. Состав семейной общины Гогени зафиксирован полностью.

Диди Зурабиани (селение Хуртиси, Тучашвили)¹. Семейная община Диди Зурабиани (буквально — Большие Зурабиани), разделившаяся в начале XX века, представляла коллектив людей, объединяемых родством, доходящим до пятого колена (см. схему № V). На примере Диди Зурабиани хорошо прослеживается факт образования зажиточной семьи, владеющей несколькими тысячами голов мелкого рогатого скота.

В описываемый период семейная община Диди Зурабиани имела 1.500 голов баранов, до 10—12 коров, пару волов, 7—8 лошадей, 4—5 ослов. Работников в этой семье было 10 человек. Андре — глава семьи, был овчаром, который сначала в течение восьми лет работал пастухом у различных хозяев, а собрав достаточное количество голов овец, сделался главой самостоятельной семейной общины. В дальнейшем наемным трудом занимались младшие братья, умножая таким образом общие доходы семейной общины. Доведя общее количество овец до тысячи голов, семейная община Диди Зурабиани прекратила работу на стороне, так как выросшее овцеводческое хозяйство требовало уже большого числа рук.

Овцеводством в семейной общине Диди Зурабиани занимались: Гвачи, Зураб, Андре, Тедо, Бачиэ, Иагор, Артем, Николоз (наш информатор); земледелием занимался только Симон, которому помогали младшие члены семьи и женщины.

Хозяйкой дома diasaxlisi (დასახლისი) — была Джедже (жена Андре). Земли пахотной у Диди Зурабиани было мало, она сосредоточивалась в Г р д з е л а — 1 дг., М а р и а м Ц м и н д а — 1,5 дг., С а к о р е — 1 дг., Х е в н и — 1 дг. Сенокосы находились в отдалении от села и были разбросаны на участках: С а п а т р е — 60 сн. сена, Д и и м т а — 40 сн. сена, М е л т а х в р е л и — 20 сн. сена, Х е в н и — 12 сн. сена. Пастбищами пользовались на основе общих правил совместно с другими односельчанами.

Семейная община Годени (Шадури), которая жила в селении Казбеги, состояла из трех братьев и их потомков и насчитывала всего 28 душ. Как и все остальные мохевцы, Годени занимались главным образом овцеводством, но славились, кроме того, развитыми видами ремесел. В семье были искусные кожевники, столяры, кузнецы.

В 1890 году, когда началось переселение горцев во Владикавказский уезд, переехало и 60 семейств мтиульцев и мохевцев и 12 семей осетин. В их числе также и семейная община Годени, в составе 28 человек, поселившаяся в Терском хуторе. Скотоводческое хозяйство этой семьи сменилось земледелием: землю брали в аренду, исходя из количества рабочих

¹ Сел. Хуртиси, Тучашвили Николай Николаевич, 65 лет.

рук и выплачивая по два с полтиной за десятину. Наряду с полеводством мохевцы здесь занимались огородничеством и садоводством, распределив соответствующие функции по обработке поля, огорода и сада между отдельными членами семейной общины. Одновременно с этим у мохевцев развилось ремесло: столярное дело, плотничество, кузнечество, портняжничество, шапошничество, сапожничество, кожевничество, а также торговля. Отдельные члены семьи работали в городе приказчиками в бакалейных, мясных, булочных и хлебных лавках.

Занявшись почти всеми видами ремесел, семейная община Годени разделилась на две части: одна из них переехала в город, другая осталась на хуторе. В городе наравне с ремеслом и торговлей возникло также и домашнее хозяйство, главным образом огородничество и садоводство.

Годени, так же как и другим переселенцам, на хуторе были отведены государственные земли с арендной платой в 2 рубля 50 копеек за десятину. Имея 2—3 десятины земли, Годени сеяли на ней пшеницу, кукурузу, подсолнух, картофель; $\frac{1}{2}$ десятины занимал огород, $\frac{1}{2}$ же десятины — фруктовый сад. Семья имела двух лошадей, 4 коров и лишь незначительное количество овец.

Хозяйство этой семьи основывалось уже на индивидуальной форме труда. Возрастающее значение ремесла приводило к выделению его в самостоятельную отрасль занятий отдельных членов семьи, связанную с капиталистической формой производства. Многочисленные большие семьи теряли свою экономическую основу, что приводило к их окончательному распаду.

Как это видно из приведенного материала, ведущая форма хозяйства семейной общины предопределяла и характер организации в ней труда. Особенности организации труда в мохевской семейной общине обуславливались необходимостью длительного и систематического отчуждения от семьи одной части мужчин, вызванного, со своей стороны, спецификой яйлажного или отгонного скотоводства. Эта форма скотоводства требовала, с одной стороны, лиц, работающих для общины вне дома, с другой стороны — создавала необходимость в работниках, занятых исключительно внутри семейной общины и называемых *šipais kaci* (შობობ ჯაცი) — мужчина, находящийся дома.

При ведущей форме овцеводческого хозяйства в мохевской семейной общине развивались и другие отрасли хозяйства — земледелие, скотоводство, основанное на крупном рогатом скоте, и другие, что создавало сложную форму коллективного труда внутри семьи. Ведущая форма хозяйства при этом требовала наибольшего числа рабочих рук и четкого распределения хозяйственных функций между работниками. Возникла специализация по различным отраслям хозяйства.

В распределении функций между членами большой семьи, так же как и в других грузинских семейных общинах, соблюдался принцип старшинства. Старшие члены семьи были заняты главным образом в овцеводстве. Опытный овцевод в мохевской общине был обычно и главою семейной общины.

Глава семьи, направляя всю жизнь и деятельность семейной общины, не мог целиком заниматься только скотоводством, требующим длительной отлучки из дома, поэтому в семейной общине мохевцев в отдельных случаях выделялся и специальный руководитель овцеводства — *sarkali* (სარკალი), осуществляющий работы, связанные с овцеводством. *Sarkali* постоянно был в разъездах, он договаривался относительно зимних пастбищ, заботился о сооружении каменных загонов — *ragexi* (ვაგეხი) как

на летних, так и на зимних яйлах. Paḡexi (ფარეხი) представляло целый комплекс отдельных сооружений, состоящих из специально выделенного saḡule (საჩულე) — яслей новорожденных ягнят с доярным отделением saḡveli baḡi (საწველი ბაგი) и saḡovi baḡi (საწოვი ბაგი), в который загонялись кормящие овцы со своими ягнятами. Saḡkali (სარქალი) руководил переходами от одних стоянок на другие, он же снабжал пастухов нужными предметами и продуктами и распределял мясные запасы на зиму и т. д.

Помимо saḡkali (სარქალი), в большой семье было несколько tavḡobani — (თავზობანი) — главный пастух из числа братьев старшего поколения, которые никуда не отлучались от стада и несли всю ответственность за него перед saḡkali (სარქალი). Tavḡobani (თავზობანი) подчинялись все остальные пастухи; tavḡobani (თავზობანი), помимо опыта и сноровки, должны были иметь способность опознавать ягнят по матери; обладатели этими знаниями у мохевцев, как и у тушин, назывались mspobiage (მცნობიარე). Mspobiage (მცნობიარე) следил за овечьим окотом и распределял новорожденных по их матерям; mspobiage (მცნობიარე) в течение двух недель руководили кормлением ягнят внутри ясель — saḡovi baḡi (საწოვი ბაგი), затем отправляли их на поле с пастухами, где продолжали следить за их правильным распределением и кормлением.

Хорошими mspobiage (მცნობიარე) считались лишь те пастухи, которые выращивали не менее двух тысяч ягнят.

Специфическая форма овцеводства, требующая четкого распределения труда между членами семьи, при натуральном или полунатуральном хозяйстве способствовала длительному сохранению пережитков семейной общины у мохевцев.

У мохевцев известны и объединения отдельных семейных общин с целью аренды пастбища, помощи в пути и совместной охраны скота. Эти объединения назывались pamgala (პამგალა). Члены pamgala (პამგალა) при этом не объединяли своих доходов, а вели обособленное семейно-общинное хозяйство.

Характер такого объединения вытекал из самой сущности отгонного скотоводческого хозяйства, которое в отдельных случаях все еще нуждалось в общности больших коллективов, превышающих своими размерами семейные общины.

При анализе хозяйственной организации мохевской семейной общины нельзя не остановиться на обычае ḡeghooba (ჭეგრბობა), ибо последний выявляет особенности скотоводческого коллективного хозяйства, а также характер более древнего общинно-родового объединения мохевцев; ḡeghooba (ჭეგრბობა) обращает на себя внимание не только своеобразием своего содержания, но и этимологией самого наименования. Термин ḡeghooba (ჭეგრბობა) образован от распространенного ранее у мохевцев наименования ḡegho (ჭეგრბო), выражающего понятие особого типа дома-крепости (общий вид и план дома ḡegho ḡegრბო, сохранившегося в селении Пхелше, см. табл. 16, рис. а и б). У хевсур до настоящего времени верхний этаж жилого дома обозначается термином ḡegho (ჭეგრბო).

Происхождение обычая ḡeghooba (ჭეგრბობა) связано прежде всего с общинно-родовой собственностью на пастбищные луга. Так, например, древнее родственное объединение Камараули из селения Каркуча, состоявшее из четырех toximi (თახუმი) или tamani (მამანი): Бекурени Гоголени, Эпхени, Мангиэни, имели общие пастбища, называемые **К а и с м т а**. Поступающие с пастбища доходы делились на четыре равные части, а затем распределялись внутри tamani (მამანი) по отдельным семейным общинам. Часть доходов шла на покрытие рас-

ходов, связанных с праздником ჯეგხოობა (ჯეგხოობა), устраиваемом ежегодно перед началом косовицы (обычно 15 июля по старому стилю).

В назначенный день все Камараули собирались в старом доме, и здесь после заклания баранов устраивалась общая трапеза; только на второй день после этого Камараули выходили на косовицу, имея при этом сенокосные участки, разделенные по семейным общинам.

На празднике присутствовали только члены родственного объединения Камараули. Присутствие чужеродцев не дозволялось; в редких случаях, лишь с общего согласия, допускались гостившие в это время в селе когнаты.

В этом же селении Каркуча, другое родственное объединение, Марсагиани, имело свои пастбища, называемые М и л о с и с м т а. Марсагиани также устраивали свое ჯეგხოობა (ჯეგხოობა).

Таким образом, из вышеизложенного следует, что характерное для мохевцев скотоводческое хозяйство семейной общины частично объединяло и те родственные группы, называемые тохипи (თახუმი) или татапи (მამბი), которые были образованы в результате сегментации семейных общин.

Как явствует из вышеизложенного, в овцеводческом хозяйстве мохевцев прослеживаются отдельные пережитки как общих пастбищных владений, так и общинной организации кочевничества.

Земледелие у мохевцев носило подсобный характер. Семейная община имела свои пашни, переходившие по наследству и, в случаях сегментации семейной общины, делившиеся по равным долям братьев.

Такого рода наследственные земли татараули (მამაპაპეული), принадлежащие отцам и дедам, отличались от земель, называемых sasoplo miṣa (სასოფლო მიწა — сельская земля), которые первоначально должны были представлять общинные земли, неразделенные еще на семейно-общинные владения.

В Хеви установлено несколько случаев, когда распределение sasoplo miṣa (სასოფლო მიწა) регулировалось только периодическими переделами земли. Эти земли являлись коллективной собственностью родственных групп, имеющих общее происхождение. Так например, в селении Ахалцихе, как было уже указано, часть пашень и сенокосов — К о р а й, Г р х о а н и и С и с х л и с в а к е — считались sasoplo miṣa. Первая принадлежала Керани, Бунели и позднее к ним примкнувшим Чабайсдзе. Керани и Бунели, именуемые раньше как Бучукури были общего происхождения; Бунели до сих пор сохранили свое прежнее патриномическое имя. Пашни и сенокосы Г р х о а н и и С и с х л и с в а к е принадлежали Падиаури. Переделы внутри указанных родственных групп носили систематический характер; пашни переделались через каждые десять лет, сенокосы — раз в три года.

Переделы не зависели от выделов новых семейств. Выделившаяся семья могла претендовать на получение своей доли из sasoplo miṣa только лишь тогда, когда по установленным срокам должны были произойти общие переделы. Таким образом, освоение бывших общинно-родовых земель осуществлялось семейными общинами уже путем более поздней формы периодических переделов.

Освоение новой земли посредством осушения заболоченных мест, очистки каменистой почвы и т. п. давало право семейной общине, затратившей на это силы и средства, на пользование пашней в течение десяти лет и сенокосом — в течение трех лет. Земли, оставленные переселившимся хозяйством, равно как и часть выморочных участков, переходили в общее

пользование лишь после переделов, происходивших в общеустановленные сроки.

Пастбища у мохевцев обычно находились в нераздельном пользовании села, иногда наряду с ними порядок переделов сохранял пережитки общинно-родовой собственности на землю. Так, например, лучшее пастбище селения Горисцихе — Л и д ж е было разделено на две части: одна часть принадлежала Авсаджанишвили, другая Элошвили. Каждая из этих частей была разделена по количеству родственников между собой семейных общин и подвергалась периодическому переделу в 5—6 лет раз. Эти пастбища не подлежали ни обмену, ни передаче другим, так как составляли объект общинно-родового владения.

При сегментации семейной общины раздел семьи происходил по равным долям братьев. Как движимое, так и недвижимое имущество делилось поровну, независимо от числа детей выделившихся братьев.

По равным долям братьев делилась как земля, находившаяся во владении семейной общины, так и весь наличный скот, жилые и хозяйственные постройки и орудия производства. Общим достоянием всех членов семьи являлся только годовой урожай, который делился поровну между всеми членами семьи.

Старшему брату — главе семьи, наряду с его долей, давалось *sauroso* (საუფროსო) — за старшинство, состоящее из нескольких десятков голов баранов или одной лошади; *sakogilo* (საქობილობა), предназначенное на свадебные расходы, давалось только холостому брату, но не племяннику.

В некоторых семейных общинах выделялась специальная доля братьев на благоприобретенное имущество, а равным образом доля из этого имущества взрослых племянников, участвовавших в его приобретении. Так, было, например, при разделе вышеописанных семейных общин: Диди Чекиэни, Диди Датурени, Диди Одиэни и т. д.

Право на благоприобретенное имущество, таким образом, распространялось в указанных случаях на всех членов общины, участвующих в приобретении последнего. Это является моментом, составляющим новую правовую категорию в семейной общине, появившуюся на поздней ступени ее развития.

Женщины в разделе имущества семейной общины не принимали никакого участия.

Своеобразная форма приданого *satavno* (სათავნო), которая составлялась в отцовском доме женщины и переходила вместе с ней в семейную общину мужа, состояла из нескольких голов баранов, коровы и вырученных побочными заработками денег.

Женщина распоряжалась *satavno* (სათავნო) самостоятельно, поэтому содержание и уход за скотом, входящим в *satavno*, происходил отдельно от хозяйства семейной общины. Обычно женщина отдавала свой скот на сторону на половинных началах и из года в год тем самым увеличивала свое *satavno* (სათავნო) как молочной продукцией, так и приплодом от основного скота. После смерти женщины *satavno* (სათავნო) переходило по наследству к ее дочерям.

Итак, как было видно из приведенного фактического материала, для последнего периода семейных общин мохевцев было характерно большое число членов, занимающихся различными видами ремесел и отходничеством.

Развитое ремесло при условиях капиталистической формы товарного производства приобретало самостоятельное значение. Жизнь многочис-

сленной общиной при такой форме труда постепенно теряла значение коллективного хозяйства, и семейная община начинала уже окончательно дробиться на отдельные малые семьи.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У ПШАВОВ

На существование семейной общины у пшавов, как это уже отмечалось в вводной части настоящей работы, обратили в свое время внимание М. В. Мачабели и М. М. Ковалевский. Последний писал: «Родовая организация не исключает возможности существования входящих в ее состав семей. Мы встречаемся с нею у пшавов, как и у других горцев Кавказа, но при этом должна быть отмечена та любопытная черта, что у этого народа семьи отличаются особенным многолюдством и включают в себя нередко до сорока человек обоюбого пола (подчеркнуто нами — Р. Х.). Пшавы враги разделов, от которых, в их представлениях, семьи необходимо должны прийти в упадок. Семья представляет несравнимо большее внутреннее единство, чем только что описанный нами род; единство кровное, экономическое, религиозное. Первое не устраняет, впрочем, как мы видели, возможности усыновления чужеродца; что касается до экономического единства, то проявлением его следует считать порядок совместного ведения хозяйства, под руководством не всегда старшего, а способнейшего, и неизменно мужчины. Одна стряпня и шитье состоят в заведывании женской половины семьи, причем женщины чередуются по годам в отправлении обязанностей старшей хозяйки»¹.

Далее М. Ковалевский опять подчеркивает многочисленность пшавской семейной общины и указывает на то обстоятельство, что она по своему типу более всего напоминает югославскую задругу: «Пшавы доселе живут большими семьями, нередко в 30—40 человек, по типу своему более всего напоминающими югославскую задругу. Подобно задруге, семья пшавы имеет не наследственного, а выборного главу. Выбор падает на того, кто умнее, трудолюбивее и нравственнее других; если эти качества встречаются в старшем, то на него; в противном случае на кого-либо из младших членов семьи. Семейный старейшина, так называемый «мамакаци», в полном смысле слова начальник над семьею. Даже ушедший на заработки родственник продолжает оставаться отдельным членом семьи, участвует в покрытии ее затрат, делится с нею заработком и во всем, что касается его хозяйственной деятельности, подчиняется руководству выбранного семьею мамакаци. Как общее правило, работы, производимые отдельными членами семьи, распределяются между ними ее старейшиной, он же ведет хозяйство дыма и заключает от его имени всякого рода сделки. Покупать и продавать без согласия мамакаци никто не в праве. Возникающие в среде семьи ссоры и несогласия поступают на его разбирательство. Его решения должны беспрекословно быть приводимы в исполнение; в противном случае мамакаци остается только сложить с себя обязанности главенства. При недовольстве старейшиной члены в праве отрешить его от должности и производят затем новые выборы»². Далее М. Ковалевский подчеркивает роль и значение старейшей в семье женщины, а также ограниченность прав главы семьи семейным советом:

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, М., 1890, т. II, стр. 73—74.

² Там же, стр. 87.

„Не следует думать,—читаем мы в этом описании, — чтобы управление семьи ее обоими старейшинами носило характер неограниченного деспотизма: и мамакаци и диасахлиси сами ищут совета и согласия отдельных членов, в особенности старших по летам. Вечером, когда вся семья собирается за ужином, оба старейшины совещаются о делах со всем домом. В подавании советов одинаково участвуют как мужчины, так и женщины»¹. Таким образом из сказанного видно, что М. М. Ковалевский не считал деспотическое управление характерной чертой описанной им пшавской семейной общины.

Описания М. В. Мачабели, касающиеся пшавской семейной общины, менее полны, но в отдельных случаях более конкретны, чем данные М. Ковалевского. На сведениях М. Мачабели мы остановимся ниже, когда будем анализировать отдельные стороны семейного быта пшавов.

Существование у пшавов многочисленной семейной общины, ее демократическое управление отмечались, таким образом, еще тогда, когда вопрос о значении семейной общины для истории развития форм общественных отношений был выдвинут впервые и особо заострен Ф. Энгельсом. При определении общих характерных сторон пшавской семейной общины недостаточно были выявлены ее характерные особенности, обусловленные ведущей формой семейно-общинного хозяйства.

М. В. Мачабели и М. М. Ковалевский особо подчеркивали многочисленность пшавской семейной общины, подтверждаемую и конкретными этнографическими данными.

Произведенные нами на месте описания относятся к последнему периоду существования семейных общин, для которого, как известно, характерно уменьшение численности семьи. Тем не менее, на основании воспоминаний информаторов, можно утверждать, что число членов семьи, достигающее до 40 душ, в прошлом являлось обычным².

Ниже мы приводим сохранившееся в памяти информаторов неполное описание семейной общины Чарбодаани (селение Шуапхо)³. На многочисленность и состоятельность семейной общины Чарбодаани обычно указывают все жители селения Шуапхо. К сожалению прямых потомков этой семьи не сохранилось, поэтому сведения о составе семьи недостаточно полны.

Хозяйкой дома — diasaxlisi (დიასახლისი) этой семейной общины вначале была Дедука (жена Павле), затем Тамари (жена Давито). Жены братьев, так же как и братья, назывались moçileni (მოწილენი), что свидетельствует об участии каждого из них в общем коллективном хозяйстве и производстве семейной общины.

В семейной общине Чарбодаани было три старших невестки — Тамари, Дедука (Чичуели), Дидули, и три младших — Марта, Натела, Текле. Все они считались друг для друга moçileni (მოწილენი), причем между невестками была установлена годовичная очередность выполнения работ.

У семейной общины Чарбодаани было два дома—один в селении Шуапхо, другой—недалеко от этого же села, в Тхилиана. Основным местожительством, где большая часть членов семьи находилась круглый год, было се-

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, М., 1890, т. II, стр. 87—88.

² Состав пшавской семьи позднего периода указывается в работе О. Ладыженского. Аграрні стосунки у кавказьких верховинців, «Червоний схід», 1930, № 6(15).

³ Пользуемся в основном сведениями, записанными со слов следующих лиц: Гвтисо Бецинтуровича Джабанишвили, 80-летнего старика, бывшего пастуха семейной общины Чарбодаани, и Нателы Балиаури из сел. Шуапхо.

ление Шуапхо. Дом в Шуапхо несколько измененный в настоящее время, принадлежит Георгию Элизбарашвили (см. табл. № 17а б, в, г; ср. табл. № 18а, б, в). В селении Тхилиана у семейной общины Чарбодаани содержался зимой крупный рогатый скот; сюда вместе с несколькими молодыми членами семьи переходила на зиму со скотом и одна из старших невесток. В Тхилиана происходила и заготовка зимних кормов для молочного скота. Когда количество скота выросло, часть скота угонялась вместе с овечьими стадами в Ширакскую степь.

Чарбодаани имели около 40 голов коров, 2—3 пары волов. Летом, в начале мая, скот угонялся на летние пастбища, расположенные недалеко от селения Шуапхо (К л д и т а в и), где у Чарбодаани имелось собственное помещение, оборудованное для жилья пастухов и приготовления молочных продуктов. К концу октября молочный скот переводили в зимнее помещение селения Тхилиана.

Первоначально Чарбодаани имели один дом в селении Шуапхо, в Тхилиана находилась только одна из старших невесток с помогающими ей в молочном хозяйстве девушками. Летние месяцы эта же невестка проводила со скотом в горах, на летних яйлах, так как ей поручался молочный скот на весь текущий год и на это время она называлась *temtiugi* (მემთიუგი).

Такая организация молочного хозяйства в пшавской семейной общине создала особенности и в организации труда среди женщин.

Одной из старших невесток в течение года, как мы только что отмечали, поручалось приготовление и распределение молочных продуктов. Обязанность *temtiugi* (მემთიუგი) считалась почетной и в семейной общине пшавов выполнялась по очереди только старшими невестками.

Руководство хозяйством в пшавской семейной общине, так же как и в других грузинских семейных общинах, предоставлялось старшей невестке, которая, по общему правилу, при жизни не сменялась.

Свидетельство М. М. Ковалевского о периодическом изменении главенства женщины в пшавской семейной общине должно быть отнесено к порядку ведения молочного хозяйства — очередного в течение года выполнения старшими невестками работ в молочном хозяйстве, — а не к общему управлению семьей; «...в семье пшавов, — пишет он, — главенство ежегодно предоставляется одной из невесток. Выбранная невестка получает заведывание домашним хозяйством. С одной стороны, она экономка в доме, с другой — глава женщин в полном смысле этого слова»¹.

В пшавской семейной общине ежегодно избиралась *temtiugi* (მემთიუგი). Функции *diasaxlisi* (დასახლისი) исполнялись, напротив, одной и той же женщиной, обычно свекровью или одной из старших невесток. В архиве М. Мачабели, где сохранилось описание пшавов Артаанского общества², говорится о постоянном общем руководстве *diasaxlisi* и ежегодной смене *temtiugi* (მემთიუგი), на которую возлагались функции, связанные исключительно с молочным хозяйством.

Рукописное описание М. Мачабели отличается от печатной работы автора³, в которой выдвигается общая с М. Ковалевским концепция.

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, М., т. II, 1890, стр. 87.

² Архив М. В. Мачабели (на груз. яз.). Институт Рукописей АН ГССР.

³ М. В. Мачабели. Экономический быт государственных крестьян Тифлисского уезда Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Т., 1887, т. V, стр. 399.

В рукописной работе М. Мачабели «Пшавы Артаанского общества» хорошо показаны функции diasaxlisi (დიასახლისი) в каждодневном управлении семьей и регулировании женских работ. Указывается на то, что diasaxlisi ведала хранением и распределением зерновых запасов, а также выпечкой хлеба для всей семейной общины. «Никто, даже ребенок не может — пишет М. Мачабели, — отломать краюху хлеба без ведома диасахлиси. Диасахлиси следит в семейной общине за установлением порядка между женщинами, препятствуя спорам и ссоре женщин внутри семьи. Диасахлиси ведает всеми внутренними семейными делами, как и мужчина всякими мужскими делами на стороне. Выпечка хлеба является одной из обязанностей диасахлиси, но в случае многочисленной семьи, когда диасахлиси сама не в силах справиться со своими делами, выпечка хлеба возлагается на старших невесток поочередно со сроком на один год. В ы п е к а ю щ а я х л е б и диасахлиси являются у пшавов почти синонимами, так как обычно эта функция должна выполняться самой диасахлиси. В тех случаях, когда других невесток нет дома, диасахлиси самой приходится носить и воду».

Рассмотрим конкретный материал по пшавам.

Так, например, семейная община Чарбодаани имела многочисленные стада овец, доходящие до 5.000 голов. Из семи работников, членов семьи, большая часть занималась молочным хозяйством и земледелием и только трое были выделены для овцеводства. Земледелие и скотоводство у пшавов, в отличие от тушин, требовало большого числа мужских рук, и Чарбодаани были вынуждены нанимать большое число (до 20 человек) пастухов. Пользуясь сообщением одного из пастухов семейной общины Чарбодаани — Хтисо Бецинтуровича Джабанишвили (80 лет, селение Тхилиана), можно восстановить даже список более или менее постоянных наемных пастухов: Цика (из селения Ванхеви), Мате Мтварелишвили (из селения Шуапхо), Петре Хуцураули (из селения Хорхи), Михо (из селения Хорхи), Петре Бадришвили (из селения Шуапхо), Шушанашвили Нико (из селения Шуапхо), Кенчишвили Алекса (из селения Шуапхо), Бежан Мтварелашвили (из селения Шуапхо), и другие.

Пастухи во время работы распределялись по отдельным стадам: 4 пастуха на два стада холощеных баранов (стадо насчитывало обычно от 600 до 700 баранов); по два пастуха в стадо ягнят, которых было два (стадо насчитывало от 800 до 1000 голов ягнят); по два пастуха на каждое стадо дойных овец, которых также было два (стадо 800—900 голов); два пастуха на стадо недоющих овец (насчитывало от 800 до 900 голов). Хромые овцы выделялись также в особое стадо (до 200 голов), — за ним ухаживали обычно малолетние пастухи.

Семейная община Чарбодаани имела, кроме того, табун лошадей, 4 пары волов и буйволов для арбы, а также от 15 до 16 ослов.

Руководителем овцеводческого хозяйства был Павле. Наем пастухов, выбор летних и зимних пастбищ, постройка кошар, а также организация перехода стад с одних пастбищ на другие являлись делом Павле. Он же обеспечивал всех пастухов необходимым питанием, руководил своевременной переброской заготовленной для хали (ხალი) жареной муки, а также нужным для пастухов обмундированием и инвентарем.

Приготовлением сыра — основной овцеводческой продукции, Павле сам не занимался, обязанности эти возлагались на одного из главных овчаров — sagkali (სარკალი), которым иногда являлся и наемный пастух. Так, например, одно время sagkali (სარკალი) был Петре Бадришвили из селения Шуапхо, затем его заменил Петре Элизбарашвили, тоже из се-

ления Шуапхо. Оплата пастухов зависела от проявленного ими усердия и умения. Первым пастухом считался тот, кто умел доить овец, стричь и пасти баранов, выполнять функции *m̄spobiage* (მცობიარე) — опознавателя ягнят. Такой пастух считался *çina m̄çqemsi* (წინა მწყემსი) — первым пастухом и получал в год 40 баранов. Договор с пастухами заключался на один год, по истечении которого он получал назначенную ему оплату. За первым пастухом следовал средний пастух — *šuatana m̄çqemsi* (შუათანა მწყემსი), который отличался от первого только тем, что не являлся уже *m̄spobiage* (მცობიარე), и поэтому ему давалось в год 30 баранов. Наконец, пастуху *bolo m̄çqemsi* (ბოლო მწყემსი), выполняющему обязанности помощника первых, полагалось от 20 до 25 баранов.

У проработавшего несколько лет подряд пастуха набиралось таким образом свое стадо, которое выпасалось вместе с хозяйскими стадами. За содержание стада с пастуха с каждых десяти голов взималось по одному барану *atis tavi* (ათის თავი). При этом пастухам выделялась доля молочной продукции и шерсти.

Все расходы, связанные с наймом пастбищ, переходом стад, а также пропитанием пастухов, шли за счет самих владельцев, они же выдавали требующуюся пастуху обувь — лапти.

Для пастухов, как членов семейной общины, так и наемных, устанавливалась очередность в получении месячного отпуска, единственного в году времени, когда пастух мог находиться вместе со своей семьей. Отпуска эти обычно приурочивались к такому времени сезона, когда овцы не доились и стрижка была закончена.

В летний период времени стада семейных общин находились в пшавских горах и только в исключительных случаях — на арендованных пастбищах в отдаленных от места жительства. Так, например, семейная община Чарбодаани нанимала на лето пастбище около Саракамыша, где у них были устроены свои кошары. Зимними кочевками для них, так же как и для других овцеводческих хозяйств Восточной Грузии, являлась Ширакская степь.

Переходы совершались обычно совместно с другими владельцами стад. Чарбодаани имели своих постоянных *topatgle* (ძობამგლე), с которыми они совершали переходы с зимних кочевков на летние и обратно. Такими *topatgle* для них были семейные общины, возглавляемые Шалва Сулханишвили (из селения Мигрелаурта-Магаро), Иоса Кистауришвили (из селения Матура), Степане (из селения Азамбура-Белакани). Все они имели по соседству кошары и одновременно переправлялись с одних пастбищ на другие. Переход на летние пастбища начинался с апреля месяца, там стада оставались до сентября месяца. Стрижку овец производили в сентябре и заканчивали на месте до возвращения обратно. После окончания стрижки направлялись в Ширакскую степь через населенные пункты: Навтлуг, Сартичала, Самгори, Азамбури, Бежанбаги, Сигнахи и Шираки.

Зимними кошарами община Чарбодаани располагала в следующих местах: в Ширакской степи — Джеранчейли, Джагата (на берегу реки Иори), Назарлеби, Тарибана и Эшмакисцхали.

С октября месяца пшавские овцеводы со стадами находились на зимних пастбищах. Зимняя пастбищная плата вносилась каждой отдельной семейной общиной из расчета одного рубля на сто голов, а за летние пастбища — одного рубля на 1.000 голов скота.

При ведущей роли скотоводческого хозяйства, с преобладающим зна-

чением овцеводства, овцеводство все же не занимало полностью всех членов семьи мужчин.

При отмеченном распределении сил в пшавской семейной общине овцеводство большими масштабами могло развиваться только лишь при наличии наемных пастухов. Состоятельность семейной общины была нераздельно связана с развитием овцеводства.

В тех семейных общинах, в которых овцеводство велось силами только членов семьи, овцеводство не достигало таких размеров, какие приняло оно у тушин.

По-видимому, этим нужно объяснить мнение М. В. Мачабели о равном развитии у пшавов скотоводства и земледелия.

Приводя сравнительный материал по другим горцам, М. Мачабели писал: «В Тушетии главное занятие жителей составляет овцеводство и коневодство; в Хевсуретии и Кистетии овцеводство не есть главная отрасль хозяйства; здесь больше разводят молочный скот, а овцеводство служит лишь важным подспорьем как к этому роду хозяйства, так и к хлебопашеству, которое вместе с разведением крупной рогатой скотины составляет главный источник благосостояния. В Пшавии же все вышеприведенные отрасли хозяйства находятся в полной гармонии, и трудно сказать, какое из вышеприведенных занятий более обеспечивает жителей»¹.

Согласно нашим материалам, подтверждаемым рядом литературных источников (Р. Эристави² и др.), ведущей формой хозяйства у пшавов было все же скотоводство, и в частности, овцеводство. Ограниченное количество пахотной земли не позволяло сделаться такой отраслью земледелия. Более того, земледелие не могло удовлетворить даже потребности семейной общины в хлебе. Земледелие в Пшавии полностью зависело от естественного удобрения и поэтому также не могло существовать независимо от развитого скотоводства.

А. С. Хаханашвили в очерке «О пшавцах» следующим образом описывает их занятия: «Пшавцы занимаются преимущественно скотоводством, хлебопашеству уделяется лишь столько времени, сколько это необходимо для домашнего потребления. Пшавец предпочитает сидеть дома вокруг огня, не угасаемого разведенного в середине комнаты и услаждать свою поэтическую душу наигрыванием жалобных мотивов на семиструнной пандури; но нужда гонит его в Триалеты пасти скотину или идти на отхожие промыслы во Владикавказ и Кахетию, где он продает предметы своего изделия: деревянные подносы, тарелки, корыта и пр...»³.

Из приведенного достаточно красочного описания автора следует, что основным видом хозяйства у пшавов являлось скотоводство, но что помимо сельского хозяйства они занимались отходничеством и реализацией своих кустарных изделий.

Как уже отмечалось, у пшавов, так же как и у тушин и мохевцев, земли были поделены поровну между отдельными семейными общинами и переделы носили периодический характер.

Так, например, у описываемой нами общины Чарбодаани, так же как и у всех других жителей Пшавии, имелись пахотные земли, находящиеся в постоянном пользовании семейной общины, так называемые подворные или

¹ В. М. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тифлисского уезда, Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т., 1887, стр. 435.

² Эристов, Р. Д. О тушино-пшаво-хевсурском округе, «Зап. Кавк. Отд. Импер. Русск. Геогр. общ.», 1855, кн. III, стр. 125.

³ А. С. Х а х а н о в. О пшавцах, «Сборник материалов по этнографии», М., 1888, в. II, стр. 84.

kaḡis piḡi (კარის პირი), и земли, подлежащие периодическому переделу, — paḡilaḡi (ბაწილარი — долевые). Чарбодаани имели kaḡis piḡi в Тхилиана, в размере одного гектара, где сеяли пшеницу. Участки в горах около полутора гектара, называемые самто карис пир и засеивались обычно ячменем.

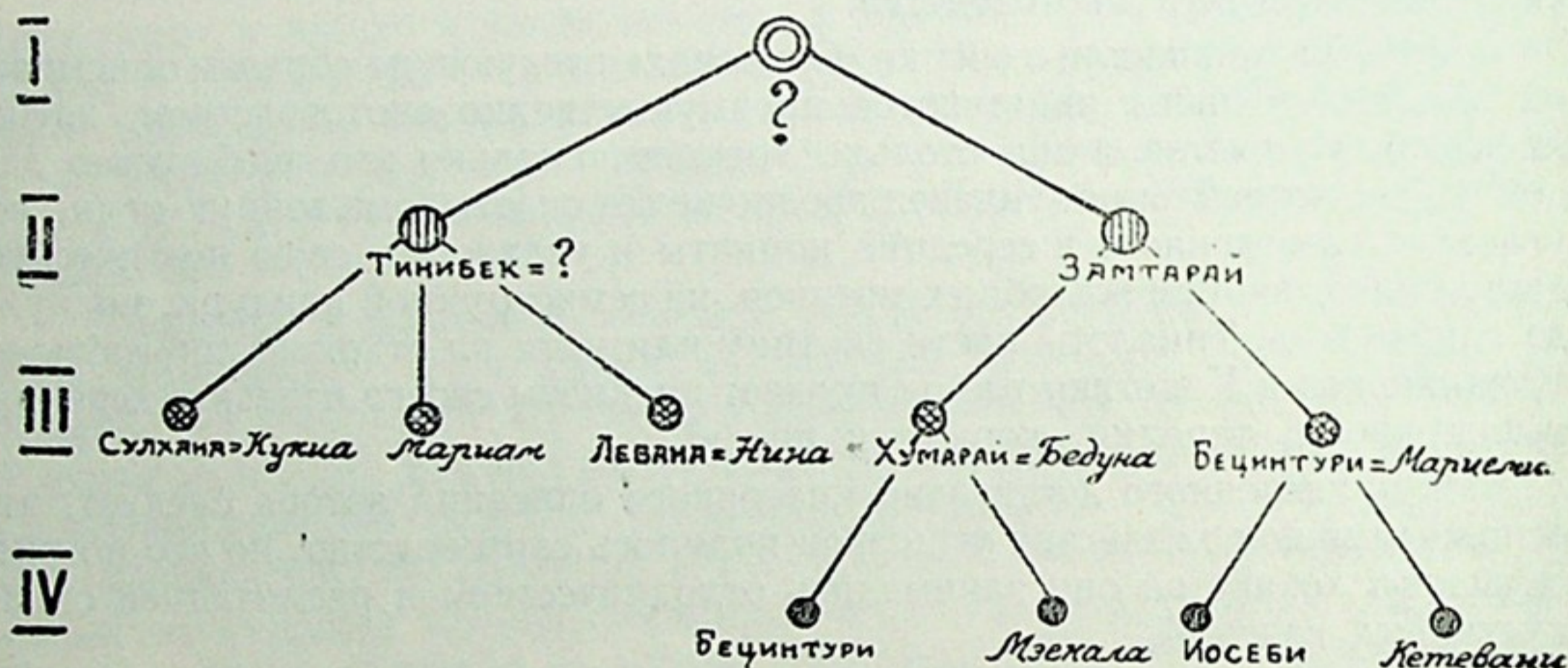
Общинные земли paḡilaḡi (ბაწილარი — долевые) были представлены участками: Ц и т е л о и К л д е т а в и (около двух dyiugī დიუგი). Здесь сеялись обычно рожь и ячмень. Из общинных земель особо выделялись малоурожайные пашни, которые назывались saḡiḡḡaḡo (სახიḡḡატო). У Чарбодаани имелось saḡiḡḡaḡo в селении Шуапхо. Эти земли обычно, так же как и другие общинные земли, измерялись веревкой и периодически переделывались.

Семейная община Чарбодаани состояла из трех дольщиков moḡile (მოწილე) — двух братьев и третьего, их кузена, со своими женами и детьми.

Все доходы, поступающие в семейную общину Чарбодаани считались семейно-общинной собственностью и находились в общем потреблении.

Изготовление одежды для членов семьи у пшавов, так же как у тушин и у мохевцев, считалось одним из основных занятий женщин. Обработка шерсти при этом носила индивидуальный характер, так как diasaxlisi (დიასახლისი) делила шерсть между невестками — женами братьев, которые затем самостоятельно обрабатывали ее для членов своих индивидуальных семей. Специально откладывалась шерсть saozaxo (საოჯახო — семейная), которая шла на общие нужды и обрабатывалась всеми женщинами совместно.

В семейной общине Читони (селении Цабаурта)¹, было объединено четыре moḡile (მოწილე) — дольщика, — в следующем составе:

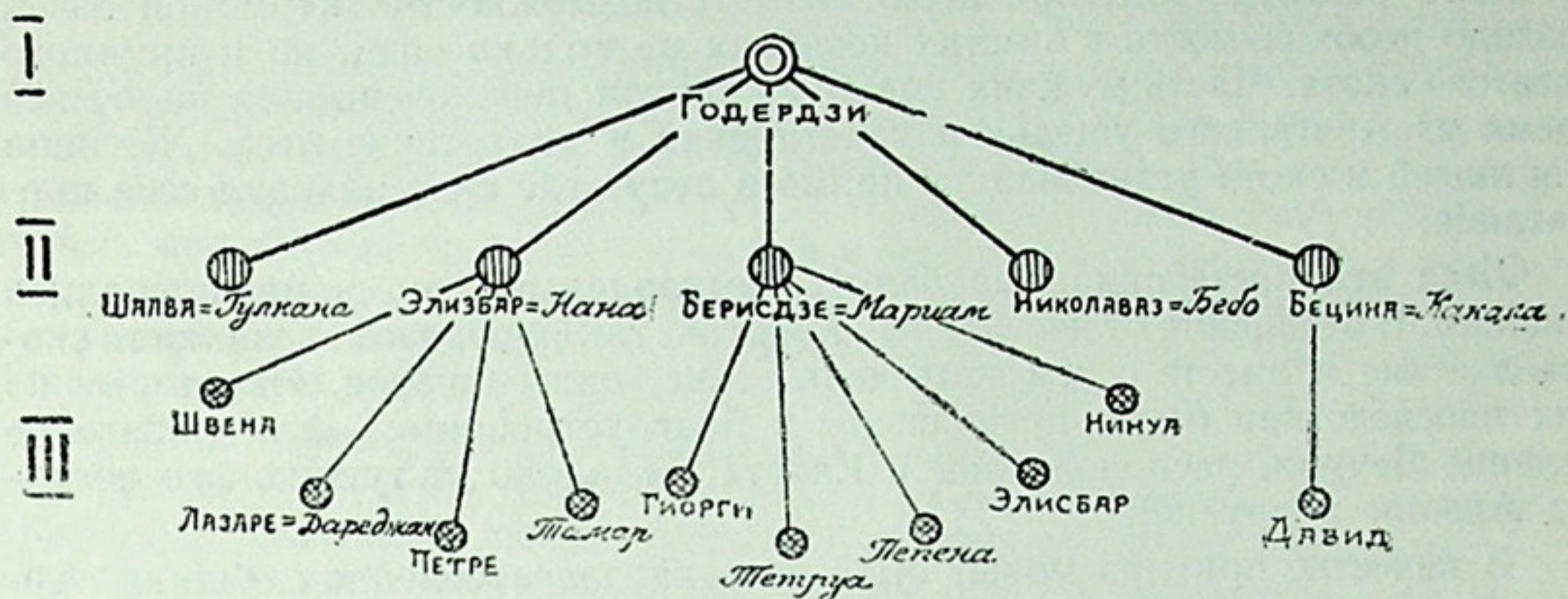
Замтарай был главой семейной общины и в то же время главным овчаром в хозяйстве, Тинибек — землепашцем ḡina kaḡi (შობა კაცო — домашним работником, Сулхана так же ḡina kaḡi (შობა კაცო), Левана — ḡina kaḡi, Хумарай и Бецинтури — овчарами. Таким образом, из шести взрослых мужчин работников семейной общины часть была овчарами, а другая — землепашцами. Последние в то же время были заняты и в молочном хозяйстве.

Читони имели 400 голов овец, 30 коров, одну пару волов, 2—3 лошади, одного осла. Указанное число скота резко отличало эту общину от семейной общины Чарбодаани.

¹ Мариам Бединиковна Читошвили, урожденная Моубаришвили, из сел. Апшо, 100 лет.

В семейной общине Читони наемных пастухов не было, труд был распределен между членами семьи по их возможностям. Однако и в этой семье основные доходы давало овцеводство.

В качестве одного примера может быть названа семейная община Годжитаани (селение Гоголаурта)¹, которая просуществовала до начала XX века в следующем составе:

Годердзи, Элизбар, Бецина были земледельцами, Берисдзе, Николаваз, Шалва — овчарами.

Общим руководителем семейной общины вначале был Годердзи, а затем Берисдзе, который в то же время руководил овцеводческим хозяйством семьи.

Обязанности *diasaxlisi* (ძიასახლობი) исполняла Нана (жена Элизбара). Остальные старшие невестки поочередно выполняли обязанности *metiugi* (მეტოეუბრი), в связи с чем им приходилось проводить попеременно зимние месяцы в Зенеурта, недалеко от селения Гоголаурта, где молочный скот оставался от 3 до 5 зимних месяцев.

Молочный скот семейной общины Годжитаани был представлен 30—40 головами коров. Овечьи стада доходили до 1.000 голов, лошадей насчитывалось от 25 до 30, ослов — от 5 до 6 голов, волов не более двух пар. В семейной общине Годжитаани постоянно работало три или четыре человека наемных пастухов. При организации труда, когда подразумевалось подразделение хозяйственных функций на *šipa kasi* (შობა კასი) — домашних работников и на *metxvage* (მეტხვარე) — овчаров, только в редких случаях имелась возможность развития в больших масштабах овцеводства без участия наемных пастухов.

В семейной общине Годжитаани, состоящей из объединения пяти братьев с их женами и детьми, во время раздела все было поделено на пять равных частей. Глава семьи, являвшийся руководителем овцеводческого хозяйства, Берисдзе при разделе получил *saiposo* (საიპოსო) за старшинство — двадцать баранов. В *saiposo* можно было заменить указанное число баранов и одним конем. Весь скот, как крупный, так и мелкий, был разделен на пять равных частей — по числу братьев. Пища же была разделена подушно.

Как уже указывалось, у пшавов мужчины принимали участие во всех видах хозяйственной деятельности семьи: в овцеводстве, молочном хозяйстве, земледелии. Однако в молочном хозяйстве ведущая, руководящая

¹ Сел. Гоголаурта, Давид Чрелаевич Турманаули, 76 лет.

роль принадлежала женщине — *memtiuri* (მემთიური), которая руководила приготовлением молочных продуктов и их распределением. В земледелии роль и значение женского труда были незначительны, хотя женщины и участвовали во всех видах полевых работ.

В некоторых районах Пшави, в частности в Уканашави развитие молочного хозяйства, разведение крупного рогатого скота параллельно с овцеводством, при ограниченных возможностях кормовой базы, создало необходимость в зимних кочевках не только овец, но и крупного рогатого скота. Часть мужчин вместе со скотом перекочевывала на зимнее время из Арагвского ущелья в кахетинские и тианетские леса. Жилища для людей и скота устраивались прямо в лесу, где скот находил себе пропитание.

Леса эти постепенно вырубались, выкорчевывались и превращались в пашни. В отдалении от населенных пунктов, таким образом, возникали скотоводческие и вместе с тем земледельческие базы пшавов. Некоторые из них впоследствии были превращены в благоустроенные села (пшавское селение Лечури, расположенное в Кахети, недалеко от тушинского поселка Алвани и другие).

В качестве примера может быть названа далее семейная община **Априлани**, члены которой лет двадцать тому назад переселились частично в Тианети и частично в Панкиси.

Семья эта состояла из двух *moçile* (მოწილე) — Тварели с женой его Мариам и брата Тварели Геджура с женой его Тетруай. Тварели имел трех сыновей: Гвтисо, Зураба и Иорама; Геджурай — одного сына, Луку, и двух дочерей — Салиа и Микварай.

Тварели был овчаром, а Геджура *şina kaçı* (შობა კაცი), занимающимся земледелием и молочным хозяйством.

Зимой Геджура вместе с другими своими соседями перегонял молочный скот на пропитание в лес **С в и а н а**, находящийся в **Л е ч у р и**. Здесь как и в **Ч а х у р и**, в **Ч о н т а** у пшавов содержался в зимние месяцы скот. Селение Лечури было образовано уже впоследствии, в результате выкорчевывания леса. В рассматриваемое время у семейной общины Априлани в Лечури имелся хлев для скота и маленькая хижина для находящихся со скотом людей. Геджура проводил здесь обычно вместе с молочным скотом все зимние месяцы.

Крупный рогатый скот в семейной общине был представлен в основном 10—15 коровами. В виду безземелья надобности в большом количестве рабочего скота здесь также не было. Семейная община обычно имела одну или две пары волов, которые постоянно содержались при доме и летом выпасались с общими стадами села.

Молочный скот оставался в лесу до середины мая, затем он перегонялся на летние пастбища, куда переходили и женщины во главе с *memtiuri* (მემთიური). В семейной общине Априлани функцию *memtiuri* попеременно исполняли Мариам и Тетруай. Геджура после перехода скота на летние пастбища передавал свои функции *memtiuri* (მემთიური), а сам начинал заниматься земледелием.

Овцеводство и молочное хозяйство, как это видно из приведенных конкретных данных, составляли основной источник существования пшавов. При этом зажиточность семейной общины зависела исключительно от состояния овцеводства, которое могло развиваться в больших масштабах. Развитие земледелия было ограничено малоземельем и бесплодием почвы, нуждающейся в постоянном удобрении. Развитию молочного хозяйства мешало отсутствие соответствующей кормовой базы. В селении пшавы могли про-

кормить не больше 10 голов крупного рогатого скота. Использование подножного корма укнапшавцами тоже было ограничено в своих размерах. Единственная отрасль хозяйства, в которой широко применялись пастбища других районов, было овцеводство. При той системе распределения труда между членами семьи, которая существовала у пшавов и подразумевала участие мужчин не только в овцеводстве, но и в молочном хозяйстве, а также при ведущем значении их в земледелии необходимо было большое число мужских рук. Только нераздельные семьи могли иметь, и действительно имели, большое число работников, поэтому нераздельность семьи была одним из условий благополучия и состоятельности пшавов. Интересна в этом отношении такая деталь: раздел семейной общины расценивался самими пшавами как одно из больших несчастий, и близкие родственники, а также соседи высказывали обычно разделившейся семье соболезнование. Раздел семьи расценивался как несчастье, аналогичное смерти члена семьи, и текст соболезнования в обоих случаях строился по одной и той же формуле.

Развитие овцеводства способствовало развитию у пшавов наемного труда. Ни одна из других форм хозяйства — ни земледелие, ни молочное хозяйство не создавали у пшавов условий для наемного труда. Капиталистическая форма товарного производства, основанная на овцеводстве, не могла в пшавской семейной общине развиваться без привлечения добавочных работников со стороны. В пшавской семейной общине, в отличие от тушин, не все мужчины участвовали в овцеводческом хозяйстве, часть из них была занята в земледелии и молочном хозяйстве.

Семейная община, заинтересованная в большом числе работников, широко использовала в овцеводстве наемный труд бедняков, являвшихся к этому времени главным образом членами малых семей.

С развитием форм капиталистических отношений в Грузии и возрастающим значением овцеводства как товарного производства, создавались новые взаимоотношения, способствовавшие образованию у пшавов частной собственности, а в связи с этим и разложению семейной общины.

Реализация как овцеводческих, так и молочных продуктов у пшавов происходила своеобразным способом, в основном в виде обмена на нужные для семейной общины предметы.

Так, например, в наиболее отдаленной от городского центра и рынка части Укнапшави в начале мая торговцы-разносчики доставляли пшавам в долг требующиеся для них ткани, женские головные платки, готовую одежду (пальто) и обувь. Затем в июле и августе они собирали полагающееся им за эти товары количество масла и сыра.

Mentiuri (მეტიური), которая ведала в семейной общине молочными продуктами, самостоятельно выделяла для обмена определенное количество продуктов. Таким образом, обменом молочных продуктов занимались сами женщины.

Продуктами из овцеводческого хозяйства семейной общины снабжался определенный круг покупателей, с которыми дела вели только мужчины. В августе месяце на пастбищах скупался живой скот и шерсть. Скот угонялся покупателями в долг, и стоимость приобретенной ими продукции выдавалась только после ее реализации. Иногда сами пшавы возили шерсть на обмен, обменивая ее на предметы первой необходимости — соль, керосин — в близлежащих селах — Артаани, Тианети, Магаро, Орцхали, где были устроены лавки розничной торговли.

Все торговые операции велись обычно главой семейной общины, который договаривался как о сроках оплаты, так и о стоимости товаров. Если

глава семьи не являлся одновременно руководителем овцеводства в семейной общине, тогда нужное для обмена или продажи количество овец и шерсти совместно с главой семьи выделял овчар. Посредством продажи излишков, полученных от овцеводства, пополнялись все недостатки семейной общины в хлебе.

Хранением хлебных запасов, размолотом и выпечкой хлеба ведала *di-saxlisi* (დიასახლისი). Женским делом считалось также выкуривание водки из хлебных злаков.

Необходимого для нужд семейной общины количества хлеба, ввиду малоземелья, как уже было указано, пшавы не имели. Имущественная разница между семейными общинами была обусловлена масштабами овцеводства.

Помимо общинных земель, подлежащих периодическому переделу, а также находящихся в постоянном пользовании семейной общины земельных участков—*qagis rigi* (კაგის რიგი), имелись земли, принадлежащие отдельным святилищам. В Уканапшави существовал своеобразный порядок обработки этих земель. Каждый участок, принадлежащий святилищу, делился на столько частей, сколько дымов было в селе, и каждый из них назывался *paqevgali* (ბ ა ყ ე ვ გ ა ლ ი).

Через каждые два года, в течение которых землю уваживали, участок *paqevgali* (ბ ა ყ ე ვ გ ა ლ ი) обрабатывался и засевался ячменем той семьей, которой это поручалось в порядке очередности. Урожай сдавался служителям святилищ—*dasugri* (დასტურნი) и хранился в *beyeli* (ბეელეი)—зернохранилище. В выборе *dasugri*-ов, которые ежегодно менялись, также была установлена очередность.

В *paqevgali* (ბ ა ყ ე ვ გ ა ლ ი) сеяли обычно только ячмень, из урожая которого изготовлялось пиво ко дню храмовых праздников. Зерно для будущих посевов бралось также из имеющихся при капищах зернохранилищ.

* * *

Разделы семейных общин у пшавов подобно тушинам и мохевцам происходили только по братьям. При этом делился как крупный рогатый скот, так и мелкий.

Для примера остановимся на описании раздела семейной общины **Цигрошвили** (селение Арахиджа) по материалам подробной информации участника раздела Бичури Чрелаевича Бадришвили (67 лет, селение Шуапхо).

Семейная община Цигрошвили состояла из четырех *moçile* (მოწილე)—братьев: Чрела, Сулхана, Хаха, Хтисо. Отца у них в то время уже не было, но была жива мать — Кутхели.

Разделу подлежало 500 голов овец, 40 коров, 12 лошадей, 4 осла и 5 собак, а также дом со всеми домашними принадлежностями — *upzi* (უბჯი), состоящими из медной посуды, деревянной утвари и железных орудий.

Дом, который был оценен в сто двадцать рублей, достался младшему брату Сулхану как бездетному и не имеющему помощников в хозяйстве. Хтисо, как неженатый брат, получил 40 баранов *sakogçilo* (საკოგწილო—свадебное), матери по ее старости определили одного быка и одну корову — *samagxi* (სამარხი)—на похороны и поминки.

Чрела, как старшему брату, полагался лучший конь *saugoso* (ს ა უ გ რ ო ს ო—за старшинство), но он от этого сам отказался. Остальное имущество было разделено поровну между братьями, а урожай — подушно.

После раздела семейной общины один брат, Хаха, переселился в Кварели (в Кахети), остальные же разместились на старом месте жительства. Спустя некоторое время выселились в Кахетию и остальные братья — один в Руснани, другие в Гомбори.

Семейная община Цигрошвили разделила между братьями и пахотные земли, ввиду того, что новые переделы ожидались лишь только спустя семь лет. Земли разделили на три части, так как один из братьев, Хтисо, будучи всю свою жизнь овчаром и не имея в семье работника, отказался от своей доли.

У семейной общины Цигрошвили была своя мельница, которая разделу не подлежала. После раздела семьи мельница осталась в общей собственности разделившихся семей. Для каждой выделившейся семьи устанавливались определенные дни недели, когда они могли ею пользоваться.

В общем пользовании братьев оставались также расположенные на летних пастбищах кошары. Находящиеся в общих кошарах вновь выделившиеся семьи вели при этом отдельное хозяйство.

Женщины в разделе имущества семейной общины у пшавов не принимали никакого участия, им полагалось лишь одно приданое — *satavno* (სათავნო).

Девушку с самого раннего возраста близкие родственники одаривали разными видами подарков: телятами, баранами, пчелиными ульями и т. д. Акт такого одаривания в отличие от других случаев одаривания, имел специальный термин *dasatavnoeba* (დასათავნოება), образованный от слова *satavno* (სათავნო).

Девушка старалась всячески увеличить свое *satavno* за счет приплода скота, а также посторонних заработков. Полученные девушками деньги от продажи принадлежащего лично им скота или их рукоделия сдавались обычно под проценты. На вырученные от *satavno* деньги покупались серебряные украшения, а также нужные девушкам мелочи.

Satavno девушки, состоящее из телки, телят и баранов, обычно находилось вместе с общим скотом семейной общины; общий уход и корм для скота не лишали девушку права собственности на принадлежащее лично ей *satavno*. После замужества и перехода женщины в семейную общину мужа способ содержания скота, входящего в *satavno* женщины, резко менялся. Женщина отдавала *satavno* на сторону, и получаемый оттуда доход являлся ее неприкосновенной собственностью. По предварительному уговору за содержание своего скота женщина отдавала хозяину одного барана с двадцати голов скота, кроме того — половину удою молока и настрига шерсти. На этих условиях содержался скот в течение четырех лет. По истечении этого срока овцы возвращались их владелице, часть приплода оставалась овчару. Содержание овечьего стада на таких условиях называлось у пшавов *storgi* (სტორგი).

Отдавались из *satavno* (სათავნო) на сторону также и телята, акт этот назывался *zgoxis dabna* (ძგოხის დაბნა) — привязывание коровы. Владелица коровы определяла свой скот в чужой дом также на четыре года и в течение этого времени получала ежегодно по четыре четверти *čageki* (ჩაგეკი) масла. Через четыре года корова ей возвращалась, а приплод делился поровну.

Получаемые от *satavno* доходы женщина обычно расходовала не только на свои личные нужды, но главным образом на нужды своих детей и мужа. В этом факте проявляются интересы индивидуальной семьи, противопоставляемые общим интересам семейной общины.

После смерти женщины ее *satavno* переходило по наследству к детям и делилось между ними поровну.

В архиве М. В. Мачабели имеются интересные сведения относительно *satavpno* пшавской женщины: «Раздел семьи у пшавов происходит по братьям, — пишет он. — Женщина в распределении имущества не участвует, но она удовлетворена обычаем *satavpno*. Все члены семьи, как мужчины, так и женщины, работают на семью — *saozaxo* (საოჯახო), и никто не имеет своей личной собственности. Даже в тех случаях, когда мужчина занят отходничеством, все его заработки принадлежат семье; но если женщина зарабатывает что-нибудь на стороне, это уже является ее личной собственностью и в общие доходы не включается»¹.

М. В. Мачабели указывает далее на источники составления *satavpno*: 1) когда мать или отец выделяют девушке что-либо из своего личного *satavpno*; 2) личный заработок девушки посредством пастушества; 3) заработок девушки посредством рукоделия; 4) специально составленное для девушки из общих средств семьи *satavpno* и 5) отдельные виды подарков, сделанные девушке во время свадьбы родственниками и друзьями, а также приносимые женихом во время помолвки, деньги (пять рублей), в качестве так называемого *lišani* (ლიშანი). Обращаем внимание на то обстоятельство, что здесь автор отмечает наравне с личным *satavpno* матери также и отцовское *satavpno*.

Из этих пяти источников по описанию М. В. Мачабели и складывается *satavpno*. «Женщина сама ухаживает и распоряжается своим *satavpno* и никто из других членов семьи, ни мать, ни отец, ни муж и ни семья в целом в это дело не вмешиваются. Деньги займы женщины всегда отдают другой семье. Иногда деньги даются под проценты мужу или его семье. Скот отдают на половинных началах другим; принадлежащую женщине пшеницу сеют также другие. В семье не оставляют *satavpno*, и такого обычая не имеют потому, что это может вызвать неприятности между членами семьи и разрушить единство семьи»².

Далее М. В. Мачабели, останавливаясь на искусственных объединениях семейных общин у пшавов замечает, что во время *şeqiloba* (შეჯილობა) каждая из вступающих в семейный союз частей вносит равную долю. Преобладающая доля имущества вступающего в союз остается в его личном пользовании.

«В сел. Чаргали, Бахала (Махаре), — пишет он, — сын Бачиа Пиркушиани—Гогочури объединился со своим братом. Бахала рассказывает, что у него осталось в личном пользовании 20 коди пшеницы, две коровы и шесть баранов. Все это он разделил между своими двумя дочерьми — Мариам и Тамар для их *satavpno*, чтобы в семье у мужа они не были обижены.

Мариам было четырнадцать лет, а Тамар десять. Они отдали пшеницу займы другим, получив за это половину урожая. Скот также отдали другим на половинных началах. С каждой коровы владелицам платили в год по одному литру масла; через четыре года приплод разделили пополам, коров же целиком вернули девушкам.

Кормилась девушка обычно, как и все другие члены семьи, общими запасами семьи, одежду же ей должны были справить или ее родители, или она сама из вырученных ею по *satavpno* денег. Для замужества семья специально справляла девушке только одну пару одежды, другой формы приданого, называемого у грузин *mzitevi* (ძვირფასი) здесь не знали. Басила сказал мне, — продолжает М. В. Мачабели, — что его старшая дочь во время замужества взяла с собой свое *satavpno*, а кроме этого одних подарков набра-

¹ Архив М. В. Мачабели (на груз. яз.) Институт Рукописей АН ГССР.

² Там же.

лось почти на сто двадцать рублей, так что она была богаче своего мужа. Некоторые ее одарили деньгами; свекор подарил ей лошадь, деверья подарили ей коров; получила она в подарок также два улья пчел и пшеницу, и все это после подсчета составило стоимость в сто двадцать рублей»¹.

В приведенном описании помимо интересных подробностей, касающихся состава *satavpno*, большое значение имеет указание М. В. Мачабели на особый порядок объединения имущества во время складства *şeqiloba* (შეჯილობა), не встречающееся в других источниках.

* * *

Итак, ведущей формой хозяйства у пшавов, так же как и у тушин и мохевцев, являлось овцеводство, но в отличие от тех и других у них наряду с овцеводством было сильно развито молочное хозяйство, основанное на крупном рогатом скоте.

Разведение молочного скота являлось важным подспорьем для овцеводства. Особая форма кочевничества, связанная с развитием молочного хозяйства, вызвала также развитие параллельного земледелия на выкорчеванных из-под леса участках.

Определенное количество лиц, участвовавших в овцеводстве и в молочном хозяйстве, при яйлажной форме того и другого постоянно находились в отрыве от семьи; в то время как другая часть мужчин оставалась дома, где занималась земледелием.

Указанная форма хозяйства требовала, таким образом, большого числа мужчин, могущих обеспечить развитое скотоводческое хозяйство. Это предопределило сохранность пережитков семейной общины.

Разведение крупного рогатого скота в пшавской семейной общине создало некоторые особенности в организации труда как среди мужчин, так и среди женщин.

В молочном хозяйстве главным образом участвовали женщины. В летнее время старшие невестки по очереди находились со скотом на пастбищах. Одной из невесток поручалось в течение года заниматься приготовлением и распределением молочных продуктов. Обязанность эта, имеющая наименование *temtiugi* (თემთიუგი) считалась почетной в семейной общине пшавов и выполнялась по очереди только старшими невестками.

По всем имеющимся в тушинской, мохевской и пшавской семейных общинах особенностям, нетрудно установить те общие черты, которые свойственны грузинской семейной общине со скотоводческим хозяйством.

Грузинская семейная община, с преимущественно скотоводческим хозяйством — овцеводством, важным подспорьем которого при этом являлось земледелие и молочное хозяйство (крупный рогатый скот), характеризуется типичным подразделением функций между членами семьи, когда одна часть ведет оседлый образ жизни, а другая занимается кочевничеством.

Это последнее обстоятельство определило увеличение роли женщин и, в частности, главной хозяйки дома, особенно в домашнем хозяйстве.

В некоторых случаях, как, например, у тушин, земледелие и молочное хозяйство (с крупным рогатым скотом) базировались на женском труде, с женским же управлением. У пшавов значение женщины в молочном хозяйстве выражалось в выделении особой функции женского управления. Это

¹ Архив М. В. Мачабели. Институт Рукописей АН ГССР.

была почетная обязанность, которая поочередно возлагалась на старших женщин.

Таким образом, в грузинской семейной общине, с преимущественно скотоводческим хозяйством, старшая женщина — დიასახლისი (diasaxlisi) являлась не только хранительницей домашних запасов и руководительницей женских работ, но и сама она управляла одной или двумя (у тушин) отраслями домашнего хозяйства.

Четкое разграничение хозяйственных функций внутри семейной общины указанного типа существовало, как правило, в области овцеводства. Для этой же отрасли хозяйства характерна специальная подготовка мальчиков для будущих работ в скотоводстве.

Глава семьи должен был быть в первую очередь хорошим овцеводом. Развитие скотоводства, требующее увеличения естественной кормовой базы, а также рынков сбыта для излишков скотоводческих продуктов, неизбежно приводило к возникновению дополнительных поселений (Алвани, Лечури), что в свою очередь вызывало новое распределение труда и было возможно только при условии существования многочисленной семейной общины.

Расширение товарного производства в семейной общине шло путем развития скотоводства с использованием в дальнейшем наемного труда. Это обстоятельство со своей стороны ускоряло процесс разложения грузинской семейной общины, с преимущественно скотоводческим хозяйством.

Глава третья

СЕМЕЙНЫЕ ОБЩИНЫ С СИМБИОЗНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У ГОРНЫХ РАЧИНЦЕВ

Исторически Рача делилась на три основные части: Горную, Верхнюю и Нижнюю. По существующему в настоящее время административному делению Горная и Верхняя Рача входят в Онский район, Нижняя же Рача является Амбролаурским районом.

Горная Рача, которая состоит всего из трех селений: Геби, Чиора и Глола, резко отличалась от других ее частей как в социально-экономическом, так и в этнографическом и географическом отношении.

При тех хозяйственных особенностях, которые были характерны для отдельных районов Рачи, общим для них является широкое применение отходничества. Каждый из указанных районов, характеризуемый определенной формой хозяйства, отличался при этом и характером отхожих промыслов.

Состав семьи жителей Горной Рачи конца XIX и начала XX века отличается своей многочисленностью. Число членов семьи, достигающее до 60 и больше, не является исключением даже в семьях, остававшихся неразделенными до начала XX века.

Семейная община Джагоени (Гавашелишвили, селение Геби)¹, которая разделилась в первом десятилетии настоящего столетия, состояла из шести братьев с их женами, детьми, невестками и внуками. В семье объединялись, таким образом, родные и двоюродные братья с их потомками, общее число которых доходило до 60 душ.

Многочисленность этой семьи подтверждается нашими информаторами и таким определением: «В семейной общине Джагоени было восемнадцать косарей».

Труд косарей предопределял в семейной общине запасы корма для пропитания крупного рогатого скота, составляющего основное богатство семьи, хозяйство которой основывалось на молочном скотоводстве с земледелием. Охота и рыболовство были хотя малозначительными, но также постоянными промыслами для жителей Горной Рачи².

¹ Сел. Геби, Михаил Лоджиевич Лобжанидзе, 74 лет.

² Ср. Ал. Р о б а к и д з е. Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии. Пережитки коллективной охоты у рачинцев. Тб., 1941 (на груз. яз. с русск. резюме).

В семейной общине Джагоени два брата — Тедоре (Толика) и Бато — были известными охотниками; третий брат, Исмаила, был рыболовом. Наряду с этими отраслями хозяйства они, так же как и остальные братья — Гугуна, Иванэ, Варсила, занимались скотоводством и земледелием. Варсила при этом являлся главой семейной общины.

Пахотные земли селения Геби—Теврешо, Чвешо, Мэйса, Ваке и др., находившиеся в семейно-общинном владении, были расположены в отдалении от села.

В Теврешо и Чвешо у каждой семейной общины, помимо пашен и сенокосов, были устроены хлева для скота и жилые помещения для пастухов.

Как крупный, так и мелкий рогатый скот содержался круглый год или в Теврешо или в Чвешо, в зависимости от того, какие поля отводились в этом году под пашни.

Поля обрабатывались обыкновенно с двухлетним перерывом. Оставляемая под паром земля, называемая здесь *qatigi* (უდობი) подвергалась естественному удобрению, для чего в продолжении всего этого времени на ней содержался скот. Такого рода чередование в использовании земли между земледелием и скотоводством было обусловлено низким плодородием почвы и уровнем развития агротехнических возможностей, в силу чего каждая семейная община вынуждена была иметь две хозяйственные базы.

Распределение работ между членами семейной общины горных рачинцев подчинялось определенной системе, которая исходила из вышеуказанных особенностей их хозяйственной жизни.

Как в скотоводстве, так и в земледелии принимали участие все братья. Постоянного деления хозяйственных функций по отдельным отраслям хозяйства между братьями не существовало; распределение работ покоилось на принципе очередности.

В молочном хозяйстве была установлена годовая очередность между членами семьи, в частности между женатыми братьями. В течение года один из братьев переходил вместе со своей женой и детьми в Теврешо или Чвешо, в зависимости от того, где находился в то время скот. Уход за скотом и приготовление молочных продуктов в течение указанного времени вменялось в обязанность этого брата и его индивидуальной семьи.

Таким образом, в скотоводстве участвовали вместе с мужчинами женщины и дети.

В одну очередь одновременно включались индивидуальные семьи нескольких братьев, называемых в это время *текохе* (მეჭობე). Термин *текохе*, образованный посредством префикса принадлежности *те* от слова *кохи* (в данном случае *избушка для скотоводов*), обозначает человека, проживающего в *избушке* в продолжение определенного отрезка времени.

Остальные работы, связанные с земледелием и сенокосом, выполнялись сообща всеми членами семьи, не занятыми в это время в скотоводстве.

Общим руководителем мужских работ в семейной общине являлся глава семьи, жена которого обычно управляла женскими работами и руководила всей внутренней жизнью дома. Она называлась старшей хозяйкой. Помимо нее назначалась еще одна хозяйка *diasaxlisi* (დიასახლისი) или *тевагце* (მევაგცე), функции которой выполнялись, в порядке очередности, старшими невестками в течение одного года.

Обязанности *diasaxlisi* или *тевагце* заключались в основном в приготовлении и распределении пищи и выпечке хлеба. В связи с последней функцией интересно указать и на сам термин *тевагце*, который образован от слова *вагци* (ვაგცი) — специальное корыто для замешивания теста. Ме-

vaḡle в данном случае обозначает лицо, которое ведает хлебопечением — одной из важных и почетных функций в семье. При жизни свекрови невестка не могла выполнять функции теваḡle (მევაგრე). Молодые невестки обычно помогали своей свекрови, выполняя отдельные ее поручения. Лишь после смерти свекрови выпечка хлеба возлагалась на старших невесток, ведавших этой отраслью семейной жизни поочередно.

Полевые работы — жатва, молотба, уборка картофеля и бобов — коллективно выполнялись молодыми женщинами семейной общины под руководством старшей diasaxlisi (დიასახლისი).

Все молочные продукты, доставляемые на дом, сдавались дежурной diasaxlisi, которая ведала приготовлением и распределением запасов.

Семейная община Джагоени имела от трех до четырех пар быков, до 30 голов коров, две лошади, от 10 до 12 голов молодняка и до 200 голов баранов. Такое количество скота, равно как и подобный состав его, требовалось как для проведения полевых работ в семейной общине Джагоени, так и для обеспечения семьи молочными продуктами. Избыточный приплод крупного рогатого скота подвергался реализации и служил источником дохода, используемого для удовлетворения других нужд семьи.

В условиях горной Рачи, где скот содержался большую часть года на стойловом корму, требовалось большое количество запасов сена.

У семейной общины Джагоени сенокосы, кроме вышеназванных мест, находились также в Джвари гори, Штала, Мухеса, Сасасо, Самдзевле, Тетри, Дзвире, Кабаба, Дидгеле, Зопхито, Дидкана. Туда со средних чисел июля направлялись косари, где они оставались на месяц—полтора, устраиваясь в наскоро сколоченных временных жилищах — kaḡavi (კაგავი).

Пропитание косарей, так же как и находящихся со скотом в Теврешо или Чвешо текохе (მეჭობე), происходило в общем порядке. Семья постоянно снабжала первых хлебом и пищей, а вторых только хлебом, так как молочные продукты они имели на месте.

Заботы по приготовлению и своевременной переброске работникам пищи ложились на плечи diasaxlisi (დიასახლისი). В семейной общине Джагоени двое молодых членов семьи постоянно были заняты доставкой необходимых для косарей и скотников продуктов.

Хозяйственные базы Теврешо и Чвешо, и особенно первая, имели вид села, где у большинства семейных общин селения Геби были выстроены капитальные дома.

У семейной общины Джагоени в Теврешо был большой двухэтажный дом. В верхнем этаже его находилось жилое помещение, в нижнем — помещение для скота. Отдельно от дома были устроены два хлева; один из них был сооружен для молодняка. Для баранов были сооружены также кошары. Над хлевами помещались специальные саманники. В саманнике хранились зимой солома и саман. Сено ставилось стогами, и только с разобранного для употребления стога оно убиралось в саманник.

Здесь же был устроен ток и шаḡа (შაგა) — хозяйственное помещение возле тока, с открытой передней стеной. Сеяли в основном ячмень и сравнительно мало пшеницы. Маленькая часть участка выделялась при этом для картофеля.

Участки земли отдельных семейных общин не разгораживались; у каждой из них имелись специальные знаки принадлежности — samani (სამანი), врытые в землю высокие узкие камни или тисовые столбики.

Все кормовые запасы к зиме заготавливались либо в Теврешо, либо в Чвешо, в зависимости от местонахождения скота.

Часть рабочего скота, а также дойной скотины, используемая для удовлетворения каждодневных нужд семьи, оставлялась на лето в самом селении, поэтому в нижних этажах основных домов также были устроены хлева.

Дом семейной общины Джагоени в деревне отвечал нуждам жилого и хозяйственного помещения.

Верхний этаж представлял общее для всей семьи жилое помещение с примыкающим к нему с одной стороны *qarseli* (კარსელი), в котором складывался разный хозяйственный скарб. Внутри *qarseli* было выделено перегородкой *magani* (მაგანი) для хранения запасов вина. С другой стороны жилого помещения находилось *beyeli* (ბეელი) — амбар для хранения мучных и зерновых запасов.

Несмотря на полное отсутствие в горной Раче виноградников, сюда из Нижней Рачи (Хванчкара, Садмели, Цеси) привозилось такое количество вина, которое требовало, подобно винодельческим районам, создания специальных винохранилищ.

На некотором расстоянии от дома отдельно помещался саманник с хлебом.

Источником отчуждаемых для продажи продуктов в семейной общине Джагоени, так же как и в других семейных общинах горной Рачи, являлось скотоводство, которое, однако, не представляло для них столь значительного источника увеличения доходов, как отхожий промысел, который у рачинцев обозначался несколько своеобразным термином *samgzavot' casvla* (სამგზავოთ წასვლა) — буквально: отправляться в путешествие.

После окончания полевых работ большинство косарей уходило на заработки. Из семейной общины Джагоени под предводительством Нико уходили Лексо, Петре, Иасона, Павле и другие.

Отходники покидали селение в начале декабря и возвращались обратно к концу марта, т. е. к началу полевых работ — времени, которое носит у рачинцев специальное наименование *alos tavi* (ალოს თავი)¹.

Джагоени вместе с другими односельчанами уходили в Терскую область, где нанимались на работы по заготовке лесного материала. Некоторые из членов семьи при этом отправлялись на более постоянные работы в города, нанимались там поварами и официантами в рестораны. Все доходы и заработки членов семейной общины сдавались по возвращении главе семьи.

Перечисленные особенности рачинской семьи были в основном характерны и для других семейных общин, которые вместе с тем имели и свои индивидуальные особенности.

Семейная община **Алукеени** (Лобжанидзе)² разделилась примерно в 1908—1909 годах. До раздела она объединяла семь братьев с их женами, сыновьями, невестками, внуками.

Вся семья жила в одном доме. В первом этаже, называемом *magi saxli* (მაგი სახლი — основной дом), располагались на ночлег старшие братья со своими женами. В верхнем этаже — *saižgo saxli* (საიჯგო სახლი — буквально: дом для еды) собиралась семья во время ужина и там же располагались на ночь остальные члены семьи.

Пахотные земли и сенокосы Алукеени находились в Теврешо, здесь же размещались жилые и хозяйственные постройки: каменный дом с

¹ О термине «ало» см. С. С. Орбелиани, Грузинский словарь (на груз. яз.) Тб., 1949, на соответствующее слово; также А. Л. Робакидзе. Супряги как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии (на груз. яз.), Мимомхилвели, т. II, Тб., 1951, стр. 407, прим. 3.

² Сел. Геби. Русудан Ивановна Гавашелишвили-Лобжанидзе, 85 лет. Невестка семейной общины Алукеени.

амбаром beyeli (ბეღელი), ток с перекрытием — таџа (ძაჯა) и сушильня — sarisxobeli (სარისხობელი), три хлева с саманниками. В Ч в е ш о был тот же комплекс хозяйственных и жилых построек. В С а х а р о семейная община Алукеени имела кошары для коз и баранов.

Скот содержался, как это было выше описано, попеременно в Т е в р е ш о и Ч в е ш о, где существовала очередность старших братьев и невесток в выполнении работ, связанных со скотоводством. В одной очереди участвовали одновременно 2—3 пары. Так, например, одновременно, в одну очередь, работали Русудан и Бичиа, Тупиа и Тепо, Сопина и Твало со своими детьми, невестками и внуками. В другую очередь включались остальные братья и невестки: Гио был главой семьи, и его поэтому в очередь не включали. Не включался также и Шошика, который не был женат. Шошика находился большею частью в С а х а р о со стадами овец.

Из оставшихся дома старших невесток одна обычно выполняла должность diasaxlisi (დიასახლისი).

Таким образом, семейная община имела постоянную оседлость в двух местах. Параллельная оседлость членов семейной общины с соответствующим разделением производственных функций между мужчинами и женщинами известна и из других грузинских этнографических материалов. Однако в данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что у жителей Горной Рачи, в отличие от жителей других районов Грузии, даже в условиях смешанной формы хозяйства распределение хозяйственных трудовых процессов на мужские и женские работы происходило не между различными отраслями хозяйства, а внутри каждой отрасли, в которой участвовали как женщины, так и мужчины. Эта особенность производства отразилась и на специфике быта рачинцев, у которых женщина не противопоставлялась столь резко мужчине своими каждодневными работами.

Чередование и изменение места жительства членов семьи, связанное с существованием двух хозяйств, происходило индивидуальными семейными ячейками, входящими в состав семейной общины. Мужчин от семьи отрывало только отходничество, которое иногда переходило в длительную отлучку из дома. Однако сезонным отходничеством в семейной общине занимались далеко не все. Так например, в семейной общине Алукеени Тазиа, Китеса, Твало, Гнато постоянно занимались земледелием и скотоводством и назывались поэтому šipa qasebi (შობა კაცებო — находящимися в доме); Тепо, Иордане и Давита назывались mgzavrebi (მგზავრებო — находящимися в пути).

При описании семейной общины Джагоени выше было отмечено, что отходничество их членов семьи было связано с сезонными работами.

В семейной общине Алукеени отходничество и торговля развивались в тесной связи с основной отраслью хозяйства— скотоводством. Тепо, Иордане и Давита в апреле и мае переходили через перевал к карачаевцам, там закупали крупный и мелкий рогатый скот, переводили его к себе на пастбища и оставляли там с общим скотом семейной общины до осени, а затем продавали его с прибылью в Кутаиси, Чхари, Зестафони, Хашури — в районах с менее развитым скотоводческим хозяйством.

Таким образом, торговля, как одна из доходных отраслей производства в рачинской семейной общине, возникла вначале на базе продажи собственных излишков скотоводческого хозяйства, в дальнейшем же стала уже развиваться с привлечением покупного скота.

Естественно, что многообразная деятельность членов семьи как по линии сельского хозяйства, так и по линии торговли, могла осуществляться лишь при условии существования многочисленных семейных общин.

Пахотные земли семейной общины Алукеени, кроме Теврешо и Чвешо, находились в Горгисахо, Шошети, Кверцхеули. Все они обрабатывались с годичным или двухгодичным перерывом. Годовой урожай семейной общины Алукеени не превышал 400 пудов зерна, что не могло удовлетворить нужды семьи. Пшеницу и кукурузу они приобретали обычно в Терской области.

Ввиду тяжелых горных условий, а главным образом бездорожья, мука заготавливалась семьей сразу в большом количестве. Зерно мололи в ноябре месяце обычно с таким расчетом, чтобы хватило до конца зимы. Затем уже перед началом весенних сезонных работ заготавливалось нужное до окончания полевых работ количество муки. Мука хранилась в специальных амбарах — beveli (ბეველი).

При разделе семейной общины Алукеени наследственное имущество тата-рареули (მამა-პაპეული) — было разделено по братьям благоприобретенное имущество — по тем членам семьи, которые принимали участие в его увеличении. Особо выделялось saogçilo (საქორწილო — на свадебные расходы) для неженатых братьев. При этом старший брат, Гио, получил за старшинство в качестве saurgoso (საუფროსო) одного оседланного коня.

После раздела каждой выделившейся стороне были вручены копии акта семейного раздела, называемые pagdis kayaldi (ფარდის ქაღალდი).

Существовали такие семейные общины рачинцев, в которых были представлены почти все виды ремесла — каменщики, плотники, кузнецы имелись в каждом селе.

Семейная община Нацоени (Naçoeni—ნაწოენი) (Гобеджишвили)¹ состояла из четырех братьев с их женами и детьми; по сравнению с другими семейными общинами Горной Рачи она была сравнительно малочисленной — число членов этой семьи доходило в среднем до 25—27 душ. Разделились Нацоени в 1914 году.

Отец этих четырех братьев, Нацо, был каменщиком. Двое его сыновей также выучились строить дома и занимались ремеслом каменщиков как у себя в деревне, так и в соседних селах. Третий сын, Иванэ, стал кузнецом, четвертый сын, Бартломе, занимался отходничеством и торговлей крупным и мелким рогатым скотом. При этом все братья без исключения занимались скотоводством и земледелием, составляющими основу хозяйства семьи.

Бартломе вместе со своими товарищами переправлялся весной через Баксанский перевал в Нальчик и оттуда перегонял баранов и коз, а иногда быков и лошадей. Скот перегонялся на летние пастбища селения Геби (Сасваногора, Лухуми, Ваццвери) и пасся вместе с остальными стадами. Осенью выкормленное стадо переправлялось на городские рынки в Они, Кутаиси, Чиатура, Сачхере и продавалось со значительной прибылью. Кроме вырученных денег, семейной общине оставалась шерсть от этих баранов, которых обычно стригли до продажи.

В организации скотоводческих хозяйств существовала определенная очередность работ. В тех случаях, когда одна часть братьев отсутствовала, находясь на отхожих промыслах или по торговым делам, хозяйственные функции выполнялись их женами и детьми.

У семейной общины Нацоени был в Теврешо каменный дом, верхний этаж которого представлял жилое помещение, а нижний этаж был отведен для скота.

Перед домом был устроен ток, имеющий специальное перекрытие на случай непогоды во время молотбы. Перекрытая дранью таца (ძაწა) состояла из трех каменных стен с открытой передней частью. Рядом с таца нахо-

¹ Сел. Геби, Гаврил (Габриел) Нацоевич Гобеджишвили, 94 лет.

дился саманник. Вплотную к дому был приставлен амбар (beyeli—ბელები) имеющий отделение для ячменя и пшеницы. Здесь же хранились обычно и молочные продукты.

Такого же типа жилые и хозяйственные постройки у семейной общины Нацоени были устроены и в Ч в е ш о.

К сравнительно раннему периоду разделов семейных общин относится семейная община Джавахиани (Лобжанидзе, селение Геби)¹, разделившаяся в 80-х годах прошлого столетия.

В семейной общине Джавахиани в последние годы ее существования число членов семьи доходило до пятидесяти душ. Члены этой семейной общины являлись потомками трех двоюродных братьев: Махара, Нано, Тухи и находились между собой в родстве, доходящем до четвертого и пятого колена. В семейной общине были объединены четыре сына Махара: Тепане, Осиа, Гнато и Тедоре с их женами и детьми; два сына Нано: Иванэ и Михела, с их женами и детьми, а также сыновья, внуки и правнуки Тухи.

При анализе структуры семейной общины Джавахиани обращает на себя внимание широко развившееся внутри семейной общины кузнечное ремесло.

Семейная община Джавахиани, подобно другим семейным общинам селения Геби, занималась скотоводством и земледелием, сосредоточенным в двух местах: Т е в р е ш о и Ч в е ш о.

Отходничество в семейной общине Джавахиани было развито в виде торговли скотом и мануфактурой.

Семейной общиной Джавахиани руководил Иванэ, занимавшийся в то же время и торговлей мануфактурой. В торговле вместе с Иванэ принимали участие и другие члены семьи: Гио, Ториа, Григола и Иасона.

За мануфактурой ездили в Россию — Москву, Нижний Новгород, откуда товары доставлялись на Северный Кавказ. В Карачае у семейной общины Джавахиани был свой мануфактурный склад, товары с которого разносились уже по карачаевским селам. Из Карачая вывозили приобретенные за деньги или полученные в обмен на мануфактуру бурки и домотканную тонкую шерсть для черкесок. Вывезенные из Карачая товары поступали на рынок в Кутаиси.

По собранным на месте сведениям, торговля привозными из Москвы товарами для жителей селений Геби и Чиора сделалась одним из видов промысла с 40-х годов прошлого столетия. Инициатором этого дела называют Гебского Мазо (Yebeli Mazo—ღებელი მაზო), который с этой целью якобы первый совершил путешествие в Москву.

При отсутствии железнодорожного сообщения с Москвой рачинцы путешествовали следующим маршрутом: до Саджавахо, через Кутаиси и Орпири, на лошадях, с Саджавахо до Поти по реке Риони на фелюгах, от Поти пароходом по Черному морю до Новороссийска, из Новороссийска на бричках до Царицына (Сталинграда), из Царицына до Москвы поездом.

Из Москвы возвращались уже другим путем, пролегающим через восточную часть Северного Кавказа, где должны были произойти первые торговые операции с купленным в Москве товаром.

Из Москвы до Царицына ехали опять по железной дороге, затем на колесах до Моздока, откуда направлялись на лошадях в Карачай и приступали уже к реализации привезенной мануфактуры, для чего переходили верхами в Кубань, Худе, Нальчик, Алагирь и, наконец, после продажи товаров возвращались через Мамисонский перевал домой².

¹ Сел. Геби, Федор Махарович Лобжанидзе, 95 лет.

² Сел. Чиора, Захарий Сехиевич Рехвиашвили, 87 лет.

Два брата в семейной общине Джавахиани — Тепане и Тедоре — торговали скотом, который также перегонялся весной из Карачая и до осени содержался на семейных пастбищах. Осенью же быков и баранов продавали на рынках Рачи и Имерети.

Постоянно находящимися в доме и занятыми в земледелии и скотоводстве были: Осиа, Гнато, Михела, Бичиа, которые так и назывались *špa qasi* (შობა კაცი).

Осенью семейная община Джавахиани продавала вместе с закупленным скотом излишки приплода своих стад, оставляя на зиму лишь необходимое для нужд семейной общины количество скота: от 20 до 30 дойных коров, от 30 до 40 коз и баранов, три или четыре пары быков и две-три лошади.

Пахотные земли у семейной общины Джавахиани, кроме *Теврешо* и *Чвешо*, были расположены и вблизи села на участках: *Шошети*, *Лиснани*, *Салашкро*, *Квертето*, *Цоха* (цоха—წობა). Годовой урожай, снимаемый с пашен, не мог удовлетворить потребностей многочисленной семейной общины.

Дом семейной общины Джавахиани в несколько измененном виде сохранился до настоящего времени. В настоящее время он принадлежит одному из потомков семейной общины Джавахиани, Федору Махаровичу Лобжанидзе (см. табл. № 19).

Дом Джавахиани — двухэтажный. В первом этаже находился скот, предназначенный для каждодневных нужд семейной общины: несколько коров и быки. Во втором этаже, представляющем большое зальное помещение, называемое *saerto saxli* (საერთო სახლი) — буквально: общий дом или *saožaxo saxli* (საოჯახო სახლი) — буквально: семейный дом, размещалась вся семья. Рядом с *saerto saxli* (საერთო სახლი) находилось маленькое помещение с камином под названием *derani* (ღებანი), в котором обычно помещали гостей. Дверь из *derani* вела в *beyeli* (ბეღელი—амбар).

С другой стороны *saerto saxli* было отделено *qarseli* (კარსელი) — помещение, предназначенное для хранения сельскохозяйственного инвентаря, но используемое и для жилья. Посредством специальной перегородки в *qarseli* была выделена часть помещения под *magani* (მარანი).

В селении Геби сохранились и другого типа более старые дома (однотипные со сванскими домами), в которых раньше размещались семейные общины. Дома эти имеют у местных жителей специальное название—*digoebiapi saxli* (დიგობიებიანი სახლი). Один из таких домов, сохранившийся с некоторыми внутренними конструктивными изменениями до настоящего времени, принадлежал раньше семейной общине **Белоани** (Лобжанидзе)¹ (см. общий вид дома Белоани Табл. № 20; ср. также рисунок дома Махароблиани таблица № 21).

Дом Белоани состоит из следующих частей: в нижнем этаже дома находился хлев; второй этаж представлял жилую часть дома, состоящую из тех же отделений, которые были указаны в вышеописанном доме: *qarseli* (კარსელი) с выделенным внутри специальным отделением *magani* (მარანი) с находящимися внутри марани зарытыми в землю кувшинами для вина; из *qarseli* (კარსელი) дверь вела в большое зальное помещение, которое также называлось *saerto saxli* (საერთო სახლი — общий или общинный дом). Обращаем при этом внимание на то обстоятельство, что в Картли, как это было отмечено в соответствующем месте настоящей работы, термин *saerto saxli* встречается в значении семейной общины.

¹ В настоящее время дом этот принадлежит Апасо Михайловичу Лобжанидзе.

В средней части этого помещения раньше был устроен очаг — *šua saxli* (შუა ცეცხლი) — буквально: средний огонь. Затем, также как и в вышеописанном доме, следовало *derani* (დერანი) с выходящей в *beyeli* (ბეღელი — амбар) дверью.

В *derani* хранились сельскохозяйственные орудия: коса, вилы, серпы, грабли, топоры и т. д. Третий этаж этого дома называется *šua saxli* (შუა სახლი — средний дом). Указанная часть дома служила складом для продуктов. Здесь хранили картофель, соленые и прокопченные запасы мяса — *šašxi* (შაშხი), что обычно подвешивалось к средней части балки потолка, куда доходил дым из нижнего этажа, используемый для копчения мяса. В четвертом этаже дома во всех стенах были устроены бойницы, при осадном положении села отсюда производилась обычно защита; здесь же хранился корм для скота.

Таким образом *digobiani saxli* представляет собой дом типа крепости, в котором во время осадного положения села семейная община оборонялась от нападения врага. Находясь со скотом внутри дома и имея в закромах запасы зерна и воды, семейная община была обеспечена в случае осады всеми необходимыми для людей запасами продовольствия и соответствующим кормом для скота.

Семейная община *Заликиани* (Лобжанидзе, селение Геби)¹, которая разделилась в конце прошлого столетия, была также многочисленна. Она объединяла сыновей двух братьев, иными словами — семь двоюродных братьев с их женами и детьми: три сына *Залики* (именем которого была названа семейная община) — *Гнато*, *Ордане*, *Микела* и четверо сыновей *Наниа* — *Бедо*, *Нестор*, *Квеци* и *Гио*.

Помимо основных работ по скотоводству и земледелию большинство членов семьи занималось отхожим промыслом и торговлей. Глава семьи, *Залика*, занимался перепродажей привозимой из России на Северный Кавказ — в *Баксане* и *Карачае* — мануфактуры или обменом ее на местные шерстяные ткани и бурки, которые затем в свою очередь продавались в *Кутаиси*. Эта операция длилась с марта или апреля месяца до декабря.

Брат *Залики*, *Наниа*, занимался земледелием и скотоводством, считаясь хорошим *šipa qasi* (შობა ჯაცი). Сын *Залики*, *Гнато*, вместе со своими двоюродными братьями — *Бедо* и *Квецо* — занимался тем же, чем и его отец.

Ордане и *Гио* наравне с земледелием и скотоводством занимались торговлей скотом: они пригоняли из *Карачая* быков, баранов, до осени содержали их у себя на лугах, а затем перепродавали с прибылью. *Нестор* занимался земледелием и скотоводством.

Из семи дольщиков семейной общины *Заликиани* один (*Микела*) рано погиб, пятеро занимались наряду с домашним хозяйством скотоводством и земледелием, а также и торговлей. Только один из братьев занимался исключительно домашним хозяйством.

Домашнее хозяйство *Заликиани* велось на тех же принципах, что и хозяйство всех других семейных общин селения *Геби*. Строго соблюдалось годовое распределение работ между братьями и невестками в *Теврешо* и *Чвешо*.

Общее количество крупного рогатого скота в семейной общине *Заликиани* доходило до 100, а мелкое — до 40 голов. Рабочий скот был представлен также двумя лошадьми и мулом. Пахотные земли внутри села у *Заликиани* размещались на участках *Мзиса*, *Шошети*, *Салашкро*,

¹ Сел. Геби, Павле Нициевич Гавашелишвили, сын одной из дочерей семейной общины *Заликиани*, 77 лет.

У кан Горда, Цоха, а также в отдалении от села в Теврешо, Чвешо и Хопито. Общий годовой урожай со всех полей доходил до 500 пудов. Недостаток в хлебе пополнялся покупной пшеницей и кукурузой.

Скотоводство и земледелие, а также отхожий промысел были основными видами занятий членов семейных общин и в селении Чиора.

Семейная община Гутеени (Рехвиашвили)¹, которая разделилась в 1910—11 годах, состояла из сыновей, невесток, внуков и правнуков двух братьев: Петрука и Отука (см. схему № VI). Общее число членов семейной общины, доходившее до 100 душ, определялось (до четвертого и пятого колена) объединением родных и двоюродных братьев.

Не считая стариков и детей, как менее активных участников производственной жизни семейной общины, в семье объединялись 9 мужчин второго поколения и 15 мужчин третьего поколения, которые являлись основными работниками семьи.

Все эти двадцать четыре мужчины выполняли необходимые работы семейной общины. Так, из девяти мужчин старшего поколения пятеро постоянно занимались скотоводством и земледелием, а четверо отлучались на сезонные работы.

После Отуки главой семейной общины Гутеени стал Гигиа, занявшийся с этого времени всецело сельским хозяйством и отказавшийся от занятия отхожим промыслом. Гигиа распределял между членами семьи работы, следя за очередностью их выполнения, и регулировал потребление общих запасов. Шио, Тере, Мико, Георгий, Мамуко постоянно занимались домашним хозяйством. Шишие, Кико, Закара помимо сельского хозяйства принимали участие и в отхожем промысле.

Восемь из пятнадцати мужчин младшего поколения — Тезо, Павле, Иванэ, Илико, Васи́ла, Апасион, Григол, Сате — были постоянно заняты скотоводством и земледелием, а семь человек — Петре, Алекси, Миха, Сапа, Сардион, Тедоре, Максиме, напротив — посезонно занимались отхожим промыслом и торговлей.

Реализация излишков от скотоводства происходила только путем продажи поголовья скота; молочные продукты заготавливались лишь в нужном для самой семейной общины количестве.

В зимнее время необходимый для каждодневной жизни семейной общины скот оставлялся дома, остальной скот переводился в зимние помещения Ноцарули, в 10—12 километрах от села. Со скотом находились обычно мужчины и женщины, между братьями соблюдалась очередность. В Ноцарули, наряду с пастбищами, семейные общины имели пахотные земли и сенокосы. Здесь же были сооружены хлева для скота, ток и та́са (ძაბა) для молотбы, саманник и жилое помещение. Такие же хозяйственные базы с пашнями были у семейной общины Гутеени в Жеврети и Сагорави. Поля общины вспахивались с двухлетним перерывом, соблюдалось постоянное чередование полей под пашню и пар. Поля, находящиеся под паром, использовались под пастбища.

Семейная община Гутеени в зимнее время имела до 40 дойных коров, 4—5 пар быков, двух лошадей и до 200 голов баранов; в летнее время количество скота значительно увеличивалось.

У жителей селения Чиора, помимо семейно-общинного владения пахотными землями и сенокосами, имелись также и земли, принадлежащие всей сельской общине. Большинство из этих земель являлись выморочными

¹ Сел. Чиора, Михаил Шошиевич Рехвиашвили, 91 года.

владениями, пожертвованными в свое время бездетными хозяевами, имена которых обычно упоминались при общинных сходах, во время праздников.

Находившиеся в сельском владении сенокосы были разделены на шесть равных частей: Махароблиани, Кацунани, Шошикети, Мамлоанти (соответственно патронимическим наименованиям Рехвиашвили), Гобеджишвили, Чагелишвили. Каждая из шести частей делилась в свою очередь по числу семейных общин на более мелкие участки. Такая система раздела сельских земель осуществлялась только в отношении покосов. Пахотные земли, принадлежавшие всему селу, не делились. Они обрабатывались поочередно всеми сельчанами.

Семья, которая обрабатывала в этом году сельскую землю, должна была на пасху зарезать несколько баранов, привезти несколько десятков ведер вина и угостить всех жителей села. Во время угощения, длившегося три дня, прославлялось имя усопшего владельца земли.

Гутеени редко пользовались сельскими землями, так как у них было достаточное количество находившихся в семейно-общинном владении земель.

Пахотные земли семейной общины Гутеени можно разбить на земли, находящиеся внутри селения, и земли, находящиеся далеко в районе пастбищ. Первые располагались на участках: Сагорави, Сакиретана, Цисквликари, Диднахо, Гебито, Глоетана, Уриши, Нагвариятке, Тиссагдали (Tissagzali—თისსაგდალი), Ковнепи (qovperi—ყოვეპი), Цврила. Земли эти удобрялись и поэтому засеивались ежегодно — без простоев, средний урожай с них составлял 300—350 пудов зерна.

Вторые, находящиеся вместе с пастбищными лугами в отдалении от села, были разбиты на участки: Шхироли, Сагорави, Логорули, Жеврети, Кведа Ваца (Kveda Vača—ქვედა ვაჭა), Левнара, Ноцара (Noçaga—ნოჯარა), общий урожай с них в среднем равнялся 350—400 пудам.

Удобрение земель второго ряда осуществлялось особым способом. Летом, с первых чисел июня, пастухи со стадами под руководством одного из старших братьев семейной общины переходили на летние пастбища, расположенные около вышеуказанных пахотных мест. Стада располагались на том участке поля, который находился под паром в течение двух лет. «Отдыхающая» от посевов земля таким образом получала естественное удобрение.

Прибывшие в июне в Ноцара пастухи со стадами устраивали из веток и деревьев временное помещение и ограждения для стоянок скота. В течение месяца пребывания в Ноцара заборы переносились с одного места на другое с целью унавозить всю площадь поля. Таким же способом удобрялись и остальные пашни: с Ноцара переходили в Жеврети, из Жеврети в Сагорави, из Сагорави в Тхирали, оставаясь везде по одному месяцу и направляясь затем опять на зимние стоянки в Нацарули.

Семейная община Гутеени сегментировалась в 1911 году. Все наследственное имущество семейной общины было разделено на две равные части: на долю Отука и долю Петрука, затем часть Отука была разделена в свою очередь на четыре доли, а часть Петрука—на пять долей. Все же благоприобретенное имущество было поделено сразу на девять равных частей. Женщины при разделе семейной общины ни из благоприобретенного, ни из наследственного имущества ничего не получили.

Единственным капиталом женщины в семейной общине горных рачинцев, так же как и в других районах Грузии, было satavno (სათავნო,

которым женщина обладала с самых малых лет своей жизни и оставляла его после смерти своим детям.

Перейдя с отцовского дома в семейную общину мужа, женщина отдавала *satavno* под проценты, а также пополняла его вырученными посредством личного труда деньгами. Покупали на свои деньги шерсть, из которой затем выделяли для продажи шерстяные ткани для мужской одежды. Вырученные деньги включали в *satavno*. Согласно существовавшим в Горной Раче порядкам, малолетних мальчиков, пока они не достигали пастушеского возраста и не могли быть использованы в производственной жизни семьи, одевала мать на собственные средства. Девочек в раннем возрасте одевала также мать. Поэтому многодетные матери все свои сбережения тратили на нужды детей и не могли иметь большого *satavno* (სათავნო).

Семейная община Сехноени (Рехвиашвили, селение Чиора)¹, разделась в 1901 году. Семья эта состояла из шести братьев с их женами, сыновьями, невестками и внуками. Общее число членов семьи достигало пятидесяти душ. Кузенное родство внутри семейной общины Сехноени доходило до четвертого колена.

В семейной общине Сехноени было шесть работников мужчин старшего поколения и все семь мужчин следующего поколения, всего 14 человек мужчин, не считая при этом представителей младшего поколения.

Сехноени, как и все другие семейные общины Горной Рачи, занимались смешанной формой хозяйства: скотоводством и земледелием. Организация их хозяйства носила те же формы, что и организация хозяйства описанной выше семьи Гутеени.

Хозяйственные базы семейной общины Сехноени находились в Э в р е т и е б и и Ш х и р о л е б и. Помимо этого у них имелись пашни в районе села, на участках: Л е ц и н е б и, Г е б и т у е б и (Yebituebi—ეპიტუები), Д и д а х у е б и, Ц в р и л е е б и, С а к и р е т н е б и, К о в н е н е б и, которые удобрялись посредством находящегося зимой при доме скота.

Годовой урожай зерновых культур—ячменя и пшеницы—не удовлетворял потребностей семейной общины. Крупный рогатый скот, количество которого превышало нужное для семьи поголовье скота, обменивался или перепродавался для удовлетворения отдельных требований семьи. Молочные продукты при этом заготавливались только в рамках натурального хозяйства.

Как было указано выше, в семейной общине Сехноени было четырнадцать работоспособных мужчин. Часть из них постоянно занималась домашним хозяйством. Это прежде всего Махара, Нациа, Гогиа и Сехно—старшего поколения, и Габо, Тепо и Гио—младшего. Главой семьи, управляющим всей внутренней жизнью семьи, был Сехно. Остальные мужчины—Тазо, Лексо, Мате, Рухо, Павле и Закара, занимаясь часть времени также домашним хозяйством, другую часть времени занимались отхожим промыслом и, главным образом, торговлей мануфактурой.

Мануфактуру они приобретали в Москве, затем обменивали ее на Северном Кавказе на местные изделия, которые сбывали на отдельных ярмарках Грузии: Кутаиси, Хони, Сенаки, Абаша, Зестафони.

Одна часть членов семьи возвращалась с отхода к началу сезонных полевых работ, другая продолжала торговые операции более продолжительное время.

¹ Сел. Чиора, Захарий Сехниевич Рехвиашвили, 87 лет.

Все вырученные деньги сдавались главе семьи, который при следующем их «путешествии» выдавал им нужную для новых операций сумму.

Итак, все доходы отдельных членов семьи поступали в семейную общину, которая обычно некоторую часть денег расходовала на приобретение земель, покупку зерна и вина.

Семейная община Сехноени разделилась на три равные части, так как из шести братьев двое остались холостыми, а у одного не было наследника — сына, а дочь во внимание не принималась.

По сообщению информаторов в Горной Раче не только дети долгое время не делились со своим отцом, но даже раздел братьев был сравнительно новым явлением. Делились между собой обычно уже двоюродные братья. Это положение вполне подтверждается анализом структуры даже поздних семейных общин Горной Рачи.

Многочисленность семьи, объединяющей родных и коллатеральных братьев, характерна для рачинских семейных общин даже конца XIX и начала XX века.

Сочетание земледелия со скотоводством вызывало необходимость существования двух хозяйственных баз, включающих как земледельческое, так и скотоводческое хозяйство.

Это своеобразие хозяйственной жизни рачинцев отразилось на создании определенной системы распределения работ между членами семьи. Деления по отдельным отраслям хозяйства между братьями здесь не существовало; как в скотоводстве, так и в земледелии принимали участие все братья. Установленная между женатыми братьями и невестками годичная очередность регулировала участие в молочном хозяйстве женщин и детей.

Чередование и изменение места жительства членов семьи происходили здесь индивидуальными семейными ячейками, находящимися внутри семейной общины. Только отходничество отрывало мужчин от их семьи.

В развитии материального благосостояния семейной общины рачинцев решающее значение имел отхожий промысел, способствовавший созданию торгового капитала в семейной общине горных рачинцев.

Торговля в семейной общине горных рачинцев возникла вначале на базе продажи собственных излишков скотоводческого хозяйства, в дальнейшем — на базе перепродажи купленных товаров. Реализация излишков скотоводства происходила только по линии продажи поголовья скота. Молочные продукты удовлетворяли лишь потребности натурального хозяйства семьи.

Многообразие деятельности членов семьи в Горной Раче, связанное как с сельским хозяйством, так и с отходничеством, могло быть осуществлено лишь при условии существования там семейных общин; с другой стороны, отходничество и торговля способствовали разложению семейной общины у горных рачинцев.

Широкое развитие связанного с торговым капиталом отходничества расширяло деятельность главы семейной общины у горных рачинцев. Глава семьи здесь не мог заниматься только сельским хозяйством, он являлся в то же время руководителем торговых сношений, принимающим в них непосредственное участие.

Общей руководительницей женских работ, возглавляющей домашнюю жизнь семейной общины, являлась старшая женщина — старшая *diasaxlisi* (ძიასახლისი). Наряду с ней существовала дежурная *diasaxlisi*, избранная на год для выполнения особых хозяйственных функций.

Население Джеджорского ущелья, представляющего один из микро-районов Верхней Рачи, также занималось смешанной формой хозяйства — земледелием и скотоводством. Самобытным занятием этого населения являлось исстари существовавшее там металлургическое производство. Природные богатства руды вкрае и веками выработанная техника сплава железа создали цедисским жителям (одному из сел Джеджорского ущелья) в свое время известность мастеров кузнечного дела¹. Развитие товарного обращения и ввоза сельскохозяйственных орудий из других районов страны значительно понизили потребность в местном кустарном производстве и уменьшил и число занятых в кузнечном деле мастеров. Другая отрасль производства — плотничество, сопровождающееся искусной резьбой по дереву, напротив, развивалась все с большим успехом.

При описании отдельных видов занятий членов семейных общин Джеджорского ущелья первой половины XIX века устанавливается большое число кузнецов в старых поколениях и сохранявшееся на протяжении долгого времени большое число плотников, известных своим ремеслом во всех районах Грузии.

В отличие от Горной Рачи, где расселение имело скученный характер и не было четкого деления по кварталам, в Джеджорском ущелье, при усадебном типе поселения, хорошо восстанавливается картина патронимического расселения, созданного путем сегментации семейных общин.

Так, например, все жители одного из сел Джеджорского ущелья — Цедиси носили одну фамилию Майсурадзе и были расселены отдельными моногенными кварталами. Родственные объединения, обозначаемые у рачинцев, так же как и у имеретин, термином *babušviloba* (ბაბუშვილობა — дети одного деда) представляли группу родственников, выходцев из одной семейной общины. Отдельные кварталы селения Цедиси имели следующие патронимические наименования: Габриэти, Гогилаанти, Ломинеети, Лаилеети, Гиоргианти, Леквичаанти, Чалеети (*čaleeti* — ჭალეეთი). Некоторые из них делились внутри себя на группы еще более близких родственников: Габриэти на Гелтианти, Гигуанти, Давитеенти, Гочунианти; Лаилеети — на Мукунаанти, Гигуанти, Давитеенти; Гиоргианти — на Хуцианти, Хутунаати, Петрешвилеби, Гигучаанти, Тазианти, Ниникианти.

Все указанные последующие деления являются родственными объединениями, созданными в результате сегментации семейных общин не ранее как в конце XIX столетия. Так, например, родственное объединение **Ниникиани**², состоящее из десяти дымов, образовалось в 90-х годах прошлого столетия в результате раздела семейной общины Ниникиани. До 90-х годов XIX столетия Ниникиани представляли семейную общину, входящую в родственное объединение *babušviloba* (ბაბუშვილობა) Гиоргианти.

Семейная община Ниникиани представляла многочисленную семью, состоящую из одиннадцати брачных пар — родных и двоюродных братьев, со своими потомками.

¹ Н. Б. Р е х в и а ш в и л и. Кузнечество в Раче (монография). Тб., 1953 г. (на груз. яз.). Е г о ж е: Цедисская сталь, «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР», т. IV, № 8, Тбилиси, 1943, стр. 829—836.

² Сел. Цедиси, Ефимия Петровна Майсурадзе, невестка семейной общины Ниникиани, родом Даушвили из сел. Шкмери, 110 лет.

Семейная община Ниникиани, состоявшая из 47 душ, разделилась на четвертом колене родства. В производственной жизни общины Ниникиани было занято одиннадцать мужчин старшего поколения и много молодежи.

Большинство членов семейной общины Ниникиани, наравне с земледелием и скотоводством, занимались лесными промыслами, а также плотничеством, как внутри своего села, так и в других районах Грузии.

Усадьба с многочисленными постройками отражала характер ведущего хозяйства семьи. Семейная община Ниникиани имела один большой двухэтажный дом, в верхней части которого располагались все члены семьи, а в нижней части находился скот. На огороженном каменной оградой участке усадьбы были размещены хозяйственные постройки: тагапи (ბარბი) — помещение для вина с зарытыми в землю глиняными кувшинами, palia (ბაღია) — зернохранилище, sasiminde (სასიმინდო) — кукурузник, beyeli (ბეღელი) — амбар с внутренними подразделениями для муки, зерна и бобовых культур. Здесь же хранились запасы молочных продуктов. В летнее время молочные продукты находились в derapi (დერაპი) — специальном помещении внутри дома. В derapi происходило приготовление и хранение молочных продуктов, здесь находились обыкновенно деревянные чаши gobi (გობი), в которых отстаивалось молоко для изготовления масла, глиняные кувшины для хранения сыра и топленого масла. В другой половине derapi была устроена торня для выпечки хлеба, около нее располагались корыта vageli (ვაგელი) для замешивания теста и кувшины для воды. На территории двора были выстроены специальные помещения для животноводства — саманники (sazeli—საძებელი) и маленькое помещение (кохи — ქობი), в котором хранился весь сельскохозяйственный инвентарь и запасы сена. В нижнем этаже этого помещения — в boseli (ბოსელი) — помещался скот.

Все постройки, включая жилые и хозяйственные помещения, были деревянные, выстроенные местными мастерами, за исключением плетенных кукурузников и саманников. Основным перекрытием для жилых помещений служила дрань, а для хозяйственных построек также и солома.

На отдаленном от усадьбы хозяйственном участке — в К в е р у л и а н т а — размещалась вторая хозяйственная база Ниникиани, в которой были представлены оба вида хозяйственной деятельности — скотоводство и земледелие. Существовавшие в горных условиях затруднения при перевозке корма для скота вызывали необходимость содержать его на подножном корму, что обусловило существование хозяйственных баз семейных общин в нескольких местах. На этой базе размещались помещения как для содержания скота, так и для скотников. Пахотные участки в К в е р у л и а н т а оставались попеременно под паром; в зимнее время скот здесь содержался частично на стойловом и частично на подножном корму. Количество урожая семейной общины Ниникиани, собираемого с различных участков земли, выражалось в среднем в следующих цифрах: С о р е у л и — 150 пудов, М и д а м о е б и — 150 пудов, К в е р у л и а н и — 25 пудов, А х а л а х о — 15 пудов, Ш у а г з а — 15 пудов, М у х а т а н а — 20 пудов, В е л у а н т а — 30 пудов, Х и а н и — 30 пудов, С а г о ч и а — 15 пудов. Все эти запасы не удовлетворяли потребностей семьи, что создавало постоянную нужду в привозном зерне. Семейная община имела в своем владении часть сенокосов: К о д и ц к а л и, К д е, Д ж у р г м у л а, П и ц а р т а, С а д а т в и а.

Количество крупного и мелкого рогатого скота семейной общины Ниникиани в среднем выражалось в следующих цифрах: 7—8 пар волов, 11—12 дойных коров со своими телятами, от 80 до 100 коз и не более 3—4 лошадей.

Виноградные сады в Джеджорском ущелье, ввиду неблагоприятных для виноградарства горных условий, не разводились. Однако часть населения, в том числе и Ниникиани, имела виноградники в других селах Рачи: в селениях Инчеви и Цеси. Таким образом, жители Джеджорского ущелья в какой-то мере занимались и виноградарством, что отразилось и на сельскохозяйственном инвентаре и комплексе построек. Многосторонняя производственная жизнь семейных общин Джеджорского ущелья требовала наравне с большим числом рабочих рук особой организации труда как между мужчинами, так и между женщинами.

В семейной общине Ниникиани находилось одиннадцать брачных пар со своими потомками. Общим руководителем семьи являлся один из старших братьев, Тедоре, выделенный еще при жизни Ниники — самого старшего из братьев, именем которого называлась семейная община. Тедоре был землепашцем и одновременно хорошим плотником, совмещая обе эти работы с общим руководством семьей. Почти все без исключения братья занимались земледелием и ремеслом, которое являлось одним из основных видов заработка для всех жителей Джеджорского ущелья. С ремеслом было связано и отходничество жителей этого района. Те члены семьи, которые систематически отлучались на заработки, назывались *mogageve* (მოგაგევე — отходниками), их в семье было 7—8 человек. Те же, которые не отрывались от домашнего хозяйства, назывались *šipa ḡaci* (შობა ჯაცი — домашними работниками). Отходничество, которое связано прочно с сельскохозяйственными работами, длилось обычно ограниченное время. Уходили в ноябре или октябре месяце, после окончания сбора всего урожая и приготовления на зиму топлива и корма для скота, возвращались домой перед началом весенних полевых работ. Начало всех сезонных земледельческих работ называлось *alostavi* (აღოსთავი), что обозначало начало как посевных, так и уборочных работ в сельском хозяйстве.

Помимо сезонных отходников в семейной общине имелся какой-то процент и таких работников, которые уходили на постоянные работы в города. Так, один из братьев, Окруа, работал поваром в Тифлисе, затем в Москве и постоянно был оторван от дома. Во всех случаях заработки с отхожих промыслов, за исключением тех издержек, которые были необходимы для существования самих работающих, составляли общий капитал семейной общины и не могли быть израсходованы на стороне. Жена и дети этих членов семьи не меняли своего образа жизни и оставались внутри семейной общины.

Уход работника из семьи часто был вызван требованиями самого сельского хозяйства, но в этом случае мужчина уже отлучался вместе со своей семьей — женой и детьми. Так, у семейной общины Ниникиани часть пахотных земель находилась на отдаленном от усадьбы расстоянии. В течение года там должен был находиться один из братьев со своей женой и детьми, занимавшимися как земледелием, так и молочным хозяйством. Такой же порядок существовал и в отношении обработки и ухода за виноградниками, которые, как указывалось, находились в отдаленных селах.

При распределении работ по виноградарству принимались во внимание склонность работника, опыт и знания в деле виноградарства, приобретаемые во время своего отходничества в Нижней Раче и Кахети. В семейной общине Ниникиани двое из братьев, Квириа и Осиа, считались в этом деле самыми искушенными, поэтому очередность устанавливалась только между ними. Они вместе со своими семьями по очереди отправлялись в виноградники, где производились работы с начала весны до конца осени.

Из сказанного следует, что в семейной общине Джеджорского ущелья, так же как и в Горной Раче, женщина разделяла с мужем выполнение од-

ной из производственных функций семейной общины, а именно сельскохозяйственные работы, при которых совместная жизнь супругов не менялась. В случае же ухода мужчины на отхожие промыслы женщина с детьми оставалась дома, продолжая заниматься сельским хозяйством вместе с остальными членами семейной общины. Только при этом последнем условии могла существовать семейная община в период развивающегося отходничества и нарождающегося капитализма.

Укоренившиеся устои семейной общины сохраняли характер основанной на сельском хозяйстве семьи и тем самым замедляли процесс ее распада.

Женщины участвовали своим трудом как в земледелии, так и в молочном хозяйстве, работы их распределялись и регулировались старшей хозяйкой дома. Старшая хозяйка называлась *urgosi diasaxlisi* (ურგოსი დიასახლისი) в отличие от просто *diasaxlisi* (დიასახლისი) — дежурной хозяйки, или как ее еще называли, *toxele* (მოხელე — мастерицы). *Urgosi diasaxlisi* (ურგოსი დიასახლისი) бывала обычно свекровь или старшая невестка уже после смерти свекрови. Невестки здесь, так же как и во всей Раче, Имерети и Лечхуми, называли друг друга *šili* (შილი).

Между невестками старшего поколения устанавливалась годовичная очередность в выполнении обязанностей *toxele* (მოხელე), основные функции которой заключались в выпечке хлеба, приготовлении молочных продуктов и в заготовлении каждодневной пищи. Общее руководство всеми женскими работами и распределение запасов сохранялось за *urgosi diasaxlisi* (ურგოსი დიასახლისი). Во время полевых работ в доме оставались только эти две женщины и молодухи, помогающие старшим в изготовлении и раздаче пищи.

При разделах семейных общин женщины не имели своей доли, но каждая из невесток обладала своим неприкосновенным капиталом — *satavno* (სათავნო) или *sataviso* (სათავისო — личный, собственный), который отдавала взаймы под проценты. Способы образования *satavno* были различны, в первую очередь таковыми являлись: приданое, подарки, сделанные невестке во время свадьбы, и те побочные заработки, которые женщины имели от продажи домотканной шерсти и холста. *Satavno* использовалось женщиной на нужды своей индивидуальной семьи.

Здесь, так же как в некоторых других районах Грузии, мальчиков, примерно до десятилетнего возраста, пока они не могли участвовать в производственной жизни семьи в качестве пастухов, должна была одевать мать на свои индивидуальные средства. Общие средства семьи на малолетних не расходовались, за исключением средств, необходимых на питание. Девочек, так же как и мальчиков, в раннем их возрасте одевала своим трудом мать. *Satavno* (სათავნო) после смерти матери переходило к ее детям.

Семейная община Ниникиани разделилась на две равные части — Михела и Мамуки.

Семейная община Гигаани¹, входящая в состав тех же Майсурадзе (селения Цедиси), объединяла трех женатых братьев и их потомков. Численность семьи до раздела составляла 20—22 человека. Разделилась она на третьем колене родства, в начале XX века. Шио Отиевич Майсурадзе, которому в настоящее время 73 года, сам являлся членом этой семейной общины, разделившейся на три равные части, когда ему было 25 лет.

В семейной общине Гигаани было восемь работоспособных мужчин, шестеро из них занимались как домашним хозяйством, так и плотничеством, двое были поварами и постоянно находились в отлучке.

¹ Сел. Цедиси, Шио Отиевич Майсурадзе, 73 лет.

Семейная община Гигаани, как и большая часть других общин Цедисского крестьянства, состояла из бывших крепостных князей Джапаридзе (из селения Гари). Занимаясь как земледелием, так и скотоводством, семейная община Гигаани была вынуждена пополнять запасы хлеба посредством ввоза кукурузы из Владикавказа. Со своих земель Гигаани получали в год следующее количество зерна: с участка С о р о в л и — 30 пудов, Р у а л е е б и — 20 пудов, К в а б и л а у р и — 40 пудов. Сеяли здесь пшеницу попеременно с кукурузой. С отдаленных от села участков земли получали зерна еще меньше: с участка В е л у а н т а — 20 пудов, с М у х е т а н а — 15 пудов и с Т и р а н е — 15 пудов. Участки эти не удобрялись, каждое поле оставалось под паром в течение года. Сенокосы, находившиеся также на определенном расстоянии от села, были разделены на отдельные участки семейных общин. Получаемое с этих участков сено, в среднем определялось следующим количеством ароб: с сенокоса У к и в л е т и — 6 ароб сена, с Д ж у р г м у л а — 6 ароб, с Ц в е р и — 6 ароб, с Н а р о а н и — 10 ароб, с К д и б о д з а л и — 6 ароб. В селении Сори, находящемся в 50 километрах от Цедиси, семейная община Гигаани имела кроме того свой виноградник, с которого в год получали 100—120 пудов вина.

Стадо семейной общины Гигаани состояло из двух пар волов, 3—4 коров, одной лошади и 40—60 коз. Остро ощущаемый недостаток в зерновых продуктах семейная община Гигаани могла покрыть только из тех доходов, которые добывались путем отходничества. Из восьми трудоспособных мужчин, как отмечалось, постоянно находился дома только один и то ввиду его физического недостатка. Остальные мужчины два раза в год на зимнее и летнее время направлялись большей частью в Кахети, где занимались как заготовкой строевого леса, так и изготовлением деревянных частей дома. Камнетесные работы для рачинцев не были характерны. Находясь во время работы на полном иждивении хозяина, хороший мастер рачинец зарабатывал в день не менее рубля; менее квалифицированные получали от 50 до 60 копеек. Хороший плотник возвращался домой с заработком не менее 70 рублей.

Мастера брали с собой в качестве учеников своих сыновей и племянников в возрасте от 12 до 15 лет, которые, имея даровое питание, подрабатывали некоторую сумму денег, участь при этом ремеслу у своих же родных.

Из биографии члена семейной общины Гигаани — Шио — выясняется, что в десятилетнем возрасте он сопровождал своего отца на плотничные работы в Телавский район (Кахети). Работали они в селах: Колота, Руиспирри, Маграани, Ожио, Алаверди, переходя из одного села в другое. После смерти отца Шио продолжал работать со своим дядей, а затем уже, к двадцати годам, стал брать заказы.

Мотивы украшения фасадов домов, выполненные резным орнаментом по дереву создавались мастерами самостоятельно. Иногда ими использовались орнаменты каменных плит древних храмов, расположенных на территории Рачи и представляющих ценнейшие памятники грузинского искусства.

Население селения Ири (Джеджорское ущелье) состояло из двух фамилий: Гагнидзе и Майсурадзе. Гагнидзе делились на следующие *babuišviloba* (ბაბუიშვილობა): Киколашвилеби, Матвалишвилеби, Харебашвилеби, Гошкаанеби.

Вся фамилия Гагнидзе жила в одной части села, но квартального подразделения по *babuišviloba* у них не сохранилось.

Майсурадзе в этом селе были представлены тремя группами — *babuišviloba*: Колаантеби, Шаламашвилеби, Беркаантеби.

Одной из babuišviloba являлись Харебашвилеби, которые, так же как и все остальные родственные подразделения, были образованы путем сегментации семейной общины.

Харебашвили, или Харебаани, представляли семейную общину, состоящую в последние годы из 40 душ¹.

Раздел семейной общины Харебаани произошел в первом десятилетии настоящего века. Объединенное внутри семейной общины родство доходило до пятого колена.

Многочисленная семья Харебаани состояла из потомков двух братьев, Шошиа и Отара (см. схему № VII), с их женами и детьми. До 80-х годов XIX века семью возглавлял Шошиа, исполняющий работы кузнеца, который сам добывал руду в местности, называемой К в а ц и т е л и (буквально — красные камни, недалеко от сел Джеджорского ущелья), плавил из нее железо и изготовлял плуги, топоры, косы и т. д. За один плуг в деревнях Нижней Рачи и Имерети получали около 10 пудов (1 saralpe სარალბე) вина. В генеалогии семейной общины Харебаани Шошиа был последним кузнецом; его сыновья и племянники уже не добывали руду и кузнецами не работали, так как цены на железные предметы кустарного производства при конкуренции фабричных изделий резко упали.

Следующее за Шошиа и Отаром поколение также занималось ремеслом, совмещая последнее с сельским хозяйством. Основной отраслью ремесла в рассматриваемое время являлось плотничество. Посредством плотничества Харебаани могли откупиться от крепостной зависимости своего феодала Папуны Церетели—сачхерского владельца, заплатив ему в начале II половины XIX столетия 760 рублей деньгами и двух лучших коней.

Семья Харебаани жила в старинном доме — dagbazi saxli (დაბაზი სახლი) или, как его еще называли, ožinžaliani saxli (ოჯინჯალიანი სახლი) с очагом в центральной части помещения. Над очагом были устроены деревянные перекладки с плетеным настилом, используемым для просушки мокрой обуви и шерстяных носков. К главному помещению были пристроены две маленькие комнатки из тонких досок lampa otaxebi (ლამფა ოთახები), предназначенные главным образом для молодоженов.

В нижнем этаже дома, стены которого были сложены из камня, содержалась часть скота. Все хозяйственные постройки были расположены на участке усадьбы. Недалеко от самого жилого дома находился амбар — beyeli (ბეელეი), пекарня — sartone (სართონე), хлев с саманником — кохbo-seli (ქობბოსელი), свинарник, курятник и плетеный кукурузник (см. таблицу № 22). В основном с таким же комплексом жилых и хозяйственных построек встречаемся при описании усадьбы и других семейных общин Джеджорского ущелья.

Почти вся мужская половина семейной общины Харебаани занималась ремеслом. Часть при этом, объединяясь с остальными жителями села, направлялась целыми группами на работу в Кахети и Картли (Телавский и Горийский районы), другая работала и в других районах Грузии.

Пастушеский период жизни мальчиков оканчивался в пятнадцать лет, и только те, которые не проявляли никаких других способностей, продолжали заниматься скотоводством, большинство же совмещало земледелие с плотничеством. В семье Харебаани из старших братьев только один Гурген, по словам самих членов семьи, оставался до конца своей жизни со скотом. Мужчины обычно работали плотниками до самой глубокой старости. Молочным хозяйством, в котором занимались, главным образом, изготовлением сыра и в меньшем количестве масла, были заняты женщины. Скот, принад-

¹ Сел. Ири, Ягор Иосифович Гагидзе, 76 лет.

лежащий жителям селения Ири, летом угонялся на пастбище В а т р а, его сопровождала одна из старших невесток, которой вменялось в обязанность в течение года вести молочное хозяйство. В В а т р а Харебаани имели избушку для скотников и загон с навесом для дойных коров и коз. Скот перегонялся в горы в начале мая и оставался там до сентября. Годовое дежурство невесток менялось перед самым переходом скота на горные пастбища, обычно накануне великого поста. Дежурство можно было передать другой невестке в любой день, за исключением понедельника. Заканчивающая свое дежурство хозяйка должна была предварительно подготовиться к этому дню — почистить употребляемую в молочном хозяйстве посуду: *pili* (ფილი) — глиняный сосуд для отстаивания молока, *satave* (სათავე) — специальную чашу для собирания сливок, *sadyvebeli* (სადღვებელი) — маслобойку, глиняный горшок для сыроварения, глиняные кувшины для хранения сыра и топленого масла, деревянные бочонки для перевозки сыра, медные котлы, деревянные чашки и ложки. Вымытую и вычищенную посуду *diasaxlisi* (დიასახლისი) или *toxele* (მოხელე) — хозяйка ставила на деревянный поднос с зажженными свечами и с благословлениями передавала вновь вступающей в свои права и обязанности *toxele*.

Семейная община Харебаани в последний период своего нераздельного существования имела годовой урожай зерна не более 200—250 пудов. Внутри села у Харебаани находились следующие участки пахотной земли: Н а с а х л а в е б и, С о к м а р о, С а м а р ц х в и а, Н а п у з в а р и, В а ш л о а н и, Ш х а м и е е б и. Общее количество собранного с этих пашен зерна в год составляло не более 50—60 пудов при системе чередования пшеницы с кукурузой. Остальную часть пахотных земель, принадлежащих Харебаани, составляли находящиеся в отдалении от села пашни: В а т р а (около 25 пудов урожая), С а м а к е д и (около 20 пудов), Б о г и р е е б и (столько же), М а г л а а х о е б и (30—35 пудов), К в е р ц х и т и (30 пудов), К в е д а а х о е б и (столько же), М о х о х н и л а (30 пудов), З у н и а т е у л и (25 пудов).

Количество скота семейной общины Харебаани в основном удовлетворяло нужды многочисленной семьи в молочных продуктах, а также в необходимой для земледелия тягловой силе. В более позднее время молочные продукты, изготовляемые семейной общиной, приобретали и товарное назначение; они по мере необходимости сбывались на ближайших районных рынках. Харебаани имели четыре пары волов, двух лошадей, одного мула, до десяти коров и до одной сотни коз.

Харебаани разделились, по их словам, по старому дедовскому обычаю, соблюдая первоначальные братские доли. Все имущество разделили прежде всего на две равные части между Шошиа и Отаром. Часть Шошиа в свою очередь разделили пополам между детьми Иванэ и Иосеба. Сыновья Гогиа получили половину всего имущества.

Семейная община **Шошикаани**¹, также представляющая одно из *babušviloba* (ბაბუშვილობა) Гагнидзе, разделилась в начале XX века и перед разделом состояла из 35 душ. В семье Шошикаани было объединено три поколения двух братьев — Хвтисиа и Ниниа. В семейной общине Шошикаани разделы не производились на протяжении шести поколений. Сам Шошика занимался земледелием и был одновременно кузнецом.

Семейная община Шошикаани имела один большой дом — *ožinžaliani saxli* (ოჯინჯალიანი სახლი) с открытым очагом в центральной его части, где готовилась пища для членов семьи и где собиралась за едой вся семья, глав-

¹ Сел. Ири, Русудан Сопромовна Гагнидзе, 86 лет.

ным образом, во время ужина, так как в остальное время дня члены семьи находились на работе.

Во дворе дома были размещены следующие хозяйственные постройки: кукурузник — sasiminde (სასიმინდე), два хлева — boseli (ბოსელი), тагари (თაგარი) с кувшинами для хранения вина, sartone (სართონე) — специальное помещение с торней для выпечки хлеба, кохи (ქოხი) — для хранения сельскохозяйственного инвентаря и сена, саманник, курятник и свинарник. На находящемся недалеко от двора току было устроено несколько зернохранилищ — palia (პალია).

Семейная община Шошикаани, так же как и другие семьи, испытывала недостаток в хлебе, что восполнялось за счет кукурузы, приобретаемой на рынке на средства, полученные от плотничества.

Характерное для всего рачинского района малоземелье лишало население возможности увеличения пахотных земель и после крестьянской реформы. С каждым новым разделом семейной общины количество принадлежащей семье земли постепенно уменьшалось и отходничество приобретало все более жизненно необходимое значение.

Семейная община Шошикаани, так же как и другие жители села, имела часть пахотных участков недалеко от самой усадьбы — С а к м о р у е б и и К в е м о в е л е б и, а часть земель в отдалении от села — В а т р а, Р е ш и л о.

Разделилась община на три равные братские доли. Разделу подверглось все движимое, а также и недвижимое имущество, жилые и хозяйственные постройки, земли и скот. В результате этого раздела были образованы три малые индивидуальные семьи.

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У СВАНОВ

Литературные сведения о существовании в XIX столетии пережиточной формы семейной общины у сванов ограничиваются упоминанием о наличии у них многочисленных семей. Конкретных описаний в дореволюционной литературе нет¹. Сообщения эти ценны как одни из ранних литературных сведений, касающихся грузинских семейных общин². Так, в коллективной статье Шаховского, путешествовавшего по Сванети в 1834 году, Немировича-Данченко, побывавшего там в 1839 году, и кутаисского благочинного Кутателадзе, посетившего Сванети в 40-х годах, сказано: «Многие побуждения, которые объясним ниже, заставляют сванетов жить вместе, огромными фамилиями, нераздельно и даже в одном доме»³.

¹ Вопросу сванской семейной общины посвящена специальная работа автора «Пережитки семейной общины у сванов», Тб., 1939 (на груз. яз. с русск. и франц. резюме).

² Р. Э р и с т о в. Заметки о Сванетии. «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», XIX, 1897, В. Я. Т е п ц о в, Сванетия, «Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа», Т., 1890, X; И. А. Б а р т о л о м е й. Поездка в Вольную Сванетию. «Зап. Кавк. отд. Русск. геогр. общ.», кн. III, 1855, стр. 147—287; Л о б а н о в-Р о с т о в с к и й. Сванетия, «Кавказ», 1852, стр. 14—17; И. Я. А к и ф и е в. Из поездки по Осетии и Сванетии, газ. «Кавказ», 1890, стр. 287—289; Д. В. Д о б р о в о л ь с к и й. Поездка в Сванетию и путев. журнал во время поездки в Сванетию. «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», 1863, V—VI стр. 151—238; Д. М а р г н а н и. Сванеты. «Сб. мат. для опис. местн. и племен Кавказа», X; е г о ж е: Несколько слов о незаконнорожденных в Сванетии, газ. «Иверна», 1900, № 95 (на груз. яз.), П. К а р б е л а ш в и л и. Две недели в Сванетии, газ. «Иверна», 1903, № 160 и др. (на груз. яз.); И. М а м а ц е в. Заметки о Сванетии, «Кавказ», 1872, № 121.

³ Сванетия, «Кавказ», 1846, № 43.

Добровольский в описании своего путешествия по Сванети отмечает: «В доме или дыме обыкновенно 12, 15 и 25 душ, выделы между братьями очень редки»¹.

Из приведенного списка работ отличаются статьи В. Нижарадзе, известного под разными псевдонимами: «Тависупали Свани», «Бесарион Нижарадзе», «Свани», и др., который дал специальное описание обычного права у сванов. При описании семейного права автор замечает, что «сванские семьи были многочисленными, да и сейчас встречаются насчитывающие в себе 50 душ»².

М. М. Ковалевский в отношении сванов ограничился только установлением самого факта существования семейной общины³.

«Кровное начало доселе составляет их (сванов—Р. Х.) основу, — писал М. М. Ковалевский. — Влияние его сказывается на каждом шагу: и в жизни большими семьями наподобие югославянских задруг, и в родовом характере сельских поселений или так называемых сопелей, составленных нередко из одних однофамильцев...»⁴ (Подчеркнуто нами.—Р. Х.) Стоянов в своих сведениях упоминает о семейных общинах, созданных путем искусственного объединения. Настоящий порядок образования семейных общин, называемый у сванов lišxval (ლიშხვალ), уподобляется порядку, описанному в других районах Грузии, а также известному по историческим документам обычаю šegiloba (შეგილობა). Стоянов пишет по этому поводу следующее: «Сванетская семья живет вместе, в одном доме. Иногда две семьи соединяются в одну и дают взаимную присягу. Имущество становится общим. Такое соединение называется лишхвал»⁵. Автор не разъясняет, о каких именно семьях, о родственных или посторонних, идет здесь речь.

Согласно собранному нами в Сванети (в Ушкульской общине) материалу, lišxval (ლიშხვალ)-ом объединялись две как родственные, так и неродственные семьи. Объединение происходило при выполнении следующего обряда: та семья, которая должна была после объединения перейти на жительство к другой, приходила к ней в дом в назначенный день в полном составе своих членов, приносила с собой водку, муку и сыр, выпекала пироги с сыром, закалывала двух бычков, принадлежащих этим семьям, по окончании приготовлений все садились за трапезу. Кога тахvši ჯობა მახვშო глава той семьи, в доме которой была устроена трапеза, брал в руки сердце и печень животного, другой кога тахvši брал водку, оба поворачивались лицом к востоку, сняв шапки, становились на колени и произносили молитву. За столом произносились тосты в честь соединившейся семьи и давалась клятва всеми членами семьи в совместной дружбе и общем согласии. На следующий день соединялось все движимое имущество. Недвижимое имущество с этого времени также становилось общим. В случае раздела все вновь делилось пополам⁶.

Сванская семейная община объединяла потомков нескольких нераздельных братьев с их женами, детьми и внуками, представляя тем самым группу

¹ Поездка в Сванетию и путев. журнал во время поездки в Сванетию. «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», 1863, стр. 5-6.

² Обычное право в Сванети, «Ивериа», 1886, № № 29, 55, 62 (на груз. яз.).

³ И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский. В Сванетии. Журн. «Вестник Европы», 1886, № 8, 9.

⁴ «Закон и обычай на Кавказе», т. II, 1890, стр. 4.

⁵ Путешествие по Сванетии, «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», 1876, кн. X, № 2, стр. 239.

⁶ Ушкули. Сел. Муркмели, Симон Челидзе, 120 лет, и Гуа Чаркселиани, 70 лет. Записано в 1937 году.

ближайших родственников по мужской линии, доходящую до четвертого колена.

Нераздельные братья с их женами и детьми, обозначаемые сванским термином *koḡsal* (ქორშალ), подобно грузинскому *saxleulni* (სახლეულები — домочадцы), имели еще и другое наименование — *mequlpa* (მეყულფა), которое выражало понятие людей одного очага¹.

Семья управлялась выбранным старейшиной, называемым у сванов. как это было видно из приведенного описания, *кога тахvši* (ქორა მახვში — старший или большой дома), обычно им бывал один из старейших, если он был достаточно умен и сообразителен. *Кога тахvši* должен был быть одним из лучших работников; он являлся выразителем общего желания, ответственным за семью во всех случаях ее жизни. Права его были ограничены. Без совета со старшими членами семьи он не мог самостоятельно действовать. Такие вопросы, как выделение из семьи одного из братьев, раздел семьи, введение в семью зятя, продажа или отдача общего имущества, решались всей семьей сообща.

Обсуждение всех семейных вопросов происходило ночью, когда семья собиралась к ужину вокруг очага. Тут у *кога тахvši* (ქორა მახვში) было особое место и стул, называемый *saḡuxxil*² (см. табл. № 1, рис. б) на который, кроме главы семьи, никто не садился. Допускалось, чтобы *кога тахvši* уступил свой стул кому-нибудь из почетных гостей, но против его желания никто не мог им пользоваться. Особое место было выделено также и старшей женщине *meḡbiel* (მეḡბიელ), о которой речь будет идти ниже. Она садилась во главе женской скамейки — *labord* (ლაბორდ), там же обычно стояло корыто, в котором месили тесто. Все остальные мужчины садились подряд на восточной стороне, женщины — с противоположной стороны рядом с *meḡbiel*. В обсуждении семейных вопросов принимали участие все старшие члены семьи, без различия пола, но с правовым преимуществом *кога тахvši*. Он первым начинал говорить, и к его мнению обычно все прислушивались. Все неприятности между членами семьи улаживались *кога тахvši*. *Кога тахvši* был представителем семьи на собраниях села. Ни охота, никакая работа не начиналась без разрешения *кога тахvši* (ქორა მახვში). Ни один член семьи без его разрешения не мог отправиться и в путь. Во время храмового праздника *кога тахvši* приводил на закланье животных, освящал их молитвой, затем доставал печень животного, освящал ее отдельно, после чего разделял вареное мясо между членами семьи. То же самое выполнялось, когда ели убитую дичь; без освящения молитвой *кога тахvši* дичь в пищу не принималась.

Всеми работами в течение года руководил *кога тахvši*. Он распределял работу между членами семьи, в частности между мужчинами.

Для Верхней Сванети характерной являлась смешанная форма хозяйства — земледелия и скотоводства. Не мало времени уделялось и лесозаготовительным работам. В значительной степени у сванов было развито сезонное отходничество, которое, как и в грузинском языке, обозначалось специальным термином — *lizi* (ლიზი), образованным от слова, выражающего понятие наживы, добычи.

В земледелии и скотоводстве участвовали как мужчины, так и женщины; функции каждого из них были точно распределены, причем большинство из них имело даже свои специальные названия: *təlaḡ* (მსლაḡ) — сеятель), функция которого в доме была почетной и выполнялась или самим

¹ По поводу термина *мекулпа* см. диссертацию М. Чартолани «Из истории материальной культуры грузинского народа. (Очаг сванского дома)». Тб., 1953, стр. 131 (на груз. яз.).

² Г. С. Ч и т а я. Сванский сакурцхил. «Известия Музея Грузии», т. II, Т., 1925, стр. 109-110 (на груз. яз.).

кога тахvši (ქობა მახვში), или одним из братьев старшего поколения, особенно выделявшимся умом и исключительной порядочностью. Məlaš (მლაშ) был самым ответственным лицом в земледелии. Он отбирал семена, устанавливал время посева, а также распределял зерновые культуры по отдельным участкам земли. Мепеп (მებებ) ведал кормлением скота в течение зимнего периода. Скот содержался у сванов на стойловом корму и находился в самом же доме. Равномерное распределение кормовых запасов имело решающее значение для успешного ведения скотоводства. Каждую осень мепеп (მებებ)-у сдавались все кормовые запасы семьи. Мепеп распределял все запасы с таким расчетом, чтобы корма хватило до середины апреля. С этой целью он ставил скот в gvalvir-e (გვალვირ) — часть дома, которая находится за перегородкой, по степени его мощности: сперва сильное животное, затем слабое, затем еще слабее и т. д. . . . Особо выделялись функции zagal (ზარალ)-а, которому поручался весь мясной запас семьи. Он варил мясо, приготавливал на зиму копченое и соленое мясо, распределял запасы и т. д. Melaxv (მელახვ) и məldey (მლდელ) были скотниками, находившимися со скотом на летних пастбищах, функции которых выполнялись обычно младшими членами семьи.

Основными зерновыми культурами, выращиваемыми в земледельческом хозяйстве семейной общины, у сванов были ячмень и в меньшем количестве пшеница. В Нижней Сванети сеяли также и кукурузу. Молочное хозяйство было основано на крупном рогатом скоте, который, составляя источник естественного удобрения почвы, также способствовал развитию земледелия. Полеводство в Верхней Сванети еще до начала посева требовало проведения соответствующих подготовительных работ, на которых были заняты как мужчины, так и женщины. Чтобы ускорить процесс таяния снега, с марта месяца начинали засыпать его землей, затем вывозили на поля накопленные за зиму удобрения, после чего уже приступали к пахоте. Косовица являлась мужским занятием, а жатва, молотба, мытье и сушка зерна — женским. За скотом в течение года ухаживали как мужчины, так и женщины; приготовлением молочных продуктов (в основном здесь изготовлялся сыр) занимались женщины.

Всеми женскими работами руководила старшая женщина, называемая кога тахvši zugal (ქობა მახვში ზურალ) или хоša zugal (ხოშა ზურალ). В большинстве случаев это была жена кога тахvši (ქობა მახვში) или же старшая невестка. Главой всей семьи, как это было уже указано, был мужчина, именем которого называлась семья. Иногда это правило нарушалось, и даже при наличии взрослого сына женщина, отличающаяся храбростью и умом, могла стать главой семьи и дать семье свое имя.

Кога тахvši zugal (ქობა მახვში ზურალ — буквально: старшая женщина дома) называлась у сванов также megbiel (მებბიელ) за исполняемые ею обязанности выпекать хлеб. Весь урожай ячменя и пшеницы находился в ее ведении, и без ее ведома нельзя было вынести из дому ни одного зерна. Продажа части урожая тоже была делом megbiel, так как она лучше других знала годовую потребность семьи в зерне и могла учесть излишек для продажи. Работу между другими женщинами семьи—невестками—распределяла также megbiel. Молодуха, которая в продолжение одного года помогала megbiel печь хлеб называлась megbiel mupigzi (მებბიელ მუპიგჯი) и во всем подчинялась megbiel.

Выпечка хлеба у сванов подчинялась строго установленному порядку. Существуют термины, определяющие не только лиц, выпекающих хлеб, но сами хлеба, различные по величине и количеству в зависимости от пола и возраста: хлеб для мужчин leuvažmare diar (ლელვაჟმარე დიარ) или хоša diar (ხოშა

დიარ), хлеб для женщин—lezugal diar (ლეზუგალ დიარ) или хохуга diar (ხოხუგა დიარ), хлеб детский—leberšw diar (ლებეფშვ დიარ) или kōçol diar (კოჭოლ დიარ), хлеб для гостей—mušgvargi diar (მუშგვარგი დიარ).

Одной из главных женских занятий было молочное хозяйство: доение коров и коз, приготовление сыра, уход за молочными телятами. Обязанности эти возлагались на одну из старших невесток, которая в это время называлась — təšgäl (მსშგალ). Ей поручалась вся молочная продукция, и у нее, как у megbiel (მეგბიელ) была своя помощница tūpigzi (მუმიგჯი). Одной из младших невесток поручалось смотреть за скотом, подметать pačub (ძაჩუბ) — нижний этаж дома, где зимой находился вместе со всей семьей и скот, выносить навоз и подсыпать саман. Кроме вышеуказанного, в обязанности megbiel входило установление внутреннего распорядка семьи, она давала указания невесткам о том, как принять того или другого гостя, как относиться к старшим и младшим и т. п.

Распределение работ между невестками и их названия в общинах Верхней Сванети несколько различны. Например, megbiel (მეგბიელ), которое употребляется в вышеуказанном значении в Латальской, Мулахской общинах в Лахамульской общине заменено более распространенным dixsal (დიხსალ), образованным от грузинского термина diasaxlisi (დიასახლისი).

В употреблении этих терминов Нижняя Сванети существенно отличается от Верхней Сванети. В Нижней Сванети megbiel (მეგბიელ) называется не старшая женщина, распределяющая обязанности между невестками, а одна из тех старших невесток, которой поручается в доме на определенный срок выпечка хлеба. В Лентехской общине, кроме перечисленных терминов, сохранились еще названия двух видов деятельности женщин, относящиеся к младшим невесткам, а именно lici məqde (ლიცი მჰყდე) и zeki məqde (ზეკი მჰყდე) — буквально: приносящая воду и приносящая дрова.

Кроме каждодневных семейных дел, распределенных между женщинами на год, megbiel (მეგბიელ) ведала и сезонными работами, которые выполнялись всеми младшими невестками вместе. Основные сезонные работы женщин были следующие: весной женщины помогали мужчинам в пахоте — женщина при этом шла впереди и вела быков или мотыгой разбивала комья земли; в летний период женщины помогали мужчинам в косьбе, бороновании, помогали ставить стога и др. Специальным женским занятием являлась жатва. Женщины особенно готовились к этому дню, принаряжались и приглашали себе на помощь других. После жатвы начиналась молотьба, которую большей частью выполняли также женщины и дети. После молотьбы женщины помогали мужчинам возить дрова на санях. Зимой женщины занимались обработкой шерсти: чесали ее, пряли, вязали носки — работы, к которым девочки приучались с 8-9-летнего возраста. Все это заготавливалось женщинами сообща для всех членов семьи. Шерсть между невестками не делилась и употреблялась по мере надобности каждого члена семьи.

Дом, в котором располагались все члены сванской семьи, был каменный, двухэтажный¹. Нижний этаж, называемый pačub (ძაჩუბ) и состоящий из большого зального помещения, был приспособлен для жилья в зимних условиях Сванети. Здесь помещался вместе со всей семьей, соответствующим

¹ Описание архитектуры сванского дома см. в работе Г. И. Лежава и М. И. Джандиери, Архитектура Сванетии, 1938, см. главным образом стр. 8-9; см. также А. И. Робакидзе и др. Современное грузинское крестьянское жилище. «Материалы по этнографии Грузии», в. X, 1959 г. стр. 24—25.

образом изолированный, весь скот, и здесь же находились запасы зерна. Отгороженная для скота посредством деревянной перегородки часть помещения не была полностью изолирована от жилой части дома. Скот обычно кормился через сделанные в загородке проемы, перед которыми со стороны жилой части дома были устроены ясли для корма. В верхнем этаже сванского дома, называемом *dagbaz* (ღარბაზ), обычно хранили зимой корм для скота, алетом туда переходила вся семья.

В центральной части *mačub*-а находился очаг — *ḡega* (კეგა). Здесь совершались все семейные обряды: «очищение» новорожденного ребенка, приобщение молодой невестки к культу дома, прощание с покойником и другие. Когда *maxvši* (ქორა მახვში) здесь совершал молитву в дни религиозных праздников и тут же распределял между членами семьи вареное мясо заколотого жертвенного животного; здесь же собирался семейный совет. Об очаге и огне сванского дома Арсен Ониани в своих описаниях говорит: «Во всей Сванети относились с большим почтением к огню и очагу и в особенности к стоящему на огне и предназначенному для выпечки хлеба *ḡa-ḡega* (კა-კეგა), который состоит из железных ножек и диска из шиферного камня; прикосновение к нему грязной рукой или поругание словом или действием строго воспрещены. Очаг—святое святых для свана, он—честь его семьи, и от него зависит все счастье или несчастье, добро и зло, богатство и бедность»¹.

Раздел семьи — *liqluge* (ლიყლუგე) происходил только с согласия когда *maxvši* (ქორა მახვში). Чаще всего разделы происходили после смерти старейшего отца.

Раздел семьи происходил большею частью с помощью выбранных для этого специально лиц — *pesgamezal* (ნესგამეზალ), которые, придя в разделяющуюся семью, брали со всех членов семьи клятву в том, что они будут говорить правду. После клятвы каждый дольщик требовал причитающийся ему по той или иной причине излишек. Выслушав каждого в отдельности, *pesgamezal* уже со своей стороны давали клятву братьям, что они будут справедливы и беспристрастны в своих решениях. Только после этого начинался дележ семейного имущества. Все имущество делилось по братьям: пашни, крупный и мелкий рогатый скот, пища и вся домашняя утварь. Лес не делили, как не делили и фруктовые деревья, остающиеся в общем пользовании братьев, между тем как земля, на которой росли фруктовые деревья, переходила к одному из них. Не делился иногда и покос, остававшийся в общем пользовании вновь выделившихся семей.

Раздел семьи происходил следующим порядком: все имущество между братьями делилось поровну, исключая старшего, который был когда *maxvši*; он получал за старшинство особую долю, так называемый *patxošier* (ბაძვროშორ), которая обычно равнялась одному участку пахотной земли в один *palžom* (ბალჯომ) — однодневную вспашку земли. Относительно этого обычая Б. Нижарадзе писал: «Два брата делят поровну все движимое и недвижимое имущество, кроме пашни одного дня пахания, которую обыкновенно помимо своей доли получает старший брат за старшинство»². Отцовская доля в разделе семейной общины у сванов не была предусмотрена,

¹ Арсен Ониани. Сванские этнографические материалы. Архив отдела этнографии ин-та истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР (на груз. яз.).

² Тависупали Свани. Обычное право в Сванети, газ. «Ивериа», 1886, № 62 (на груз. яз.).

так как при жизни отца раздел был весьма редким явлением и если случался, то отец селился с одним из сыновей, получая в таком случае равную с остальными долю. Сестры при разделе семьи своей доли не имели и до замужества должны были жить у одного из братьев. При выходе замуж сестры все братья одинаково принимали участие в свадебных расходах и также равномерно распределяли полученную от семьи жениха виру — *pačvlaš* (ბაჭვლაშ). Бездетная вдова оставалась в доме одного из своих деверей, и ей выделялась маленькая доля на содержание. В том случае, если вдова уходила из семьи мужа, ей уже ничего не давалось, кроме принесенного из отцовского дома приданого. Вообще овдовевшую невестку старались из дому не отпускать, и она должна была выйти замуж за одного из своих холостых деверей. Вдова, имеющая сына, после раздела семьи оставалась с сыном, который получал полную братскую долю.

Несмотря на то что женщина никакими имущественными правами в разделе семейной общины ни в доме отца, ни в доме мужа не пользовалась, здесь, так же как в вышеописанных других семейных общинах, она имела свое обособленное имущество, принесенное из отцовского дома и переходящее вместе с ней в семейную общину мужа.

Имущество это при выделе семьи не подлежало разделу, а при уходе женщины из семьи мужа, вследствие вдовства или же развода, если только при этом женщина не была виновна, оставалось ее собственностью.

По материалам Верхней Сванети имущество это составлялось следующим образом: родительская семья женщины из полученного за нее вена выделяла часть в пользу женщины. Вено состояло обычно из определенного количества быков и маленького участка земли. Часть быков отдавалась женщине. Что же касается земли, полученной в качестве вена, то родительская семья женщины никогда ею не пользовалась, она безвозмездно передавалась дочери и оставалась в качестве ее собственности. Иногда же женщина отдавала эту землю семье мужа, за что получала от последней соответствующее вознаграждение быками. Кроме этого, родительская семья давала женщине корову и по одной голове мелкого рогатого скота. Все это составляло ее нераздельную собственность. В Нижней Сванети земля в вено не включалась, и поэтому в собственность женщины земля так никогда и не переходила. Кроме вышеназванного, по сведениям Тависупали Свани: «Замужняя дочь к каждому новому году получала подарок в виде мелкого рогатого скота, а то и быка или лошади. После ее смерти право это переходило к мужу и детям.

Замужняя женщина имела право разводить для себя скот в родительском доме. На новый год родители умершей должны были принести в дом мужа водку для поминания дочери. Первые роды дочери всегда происходили в родительской семье»¹.

Здесь, кроме конкретных данных об имуществе женщины в виде ее приданого, подобного установленному в других районах Грузии *satavno* ბათავნო (см. соответствующие разделы настоящей работы), интересно также и то обстоятельство, что первые роды женщины происходили в родительской семье, что подтверждается также и собранными на месте нашими материалами. К сказанному необходимо добавить, что первенец дочери в течение нескольких лет обычно оставался в материнском доме. Этот любопытный и при этом некогда распространенный во всей Грузии обычай получил в специальной литературе объяснение, согласно которому мы имеем здесь дело с сохранившимся пережитком того времени, когда женщина

¹ Обычное право в Сванети, газ. «Ивериа», 1886, № 62 (на груз. яз.).

как и ребенок, принадлежали материнскому, но не отцовскому роду. Поэтому обычай рожать и воспитывать ребенка в материнской семье может быть и в данном случае признан рудиментом прав материнского рода.

При разделе имущества семейной общины в первую очередь делили земли, а затем остальное имущество. Старшие мужчины вместе с *pesgamez* (ბესგამეზ) -ами измеряли земельные угодья и, учитывая урожайность земель, производили раздел по жребию. В шапку опускали помеченные крестиками, а также немеченные камешки; заранее уславливались о том, какая часть имущества соответствовала крестикам и какая немеченым камням; по вынутым камешкам делилось имущество. Жребий вынимали с закрытыми глазами¹.

Делить дом, разрушать его при разделе семьи было недопустимо, и поэтому шло соглашение: или оба брата оставались жить вместе и одному доставался нижний этаж *tašub* (თაშუბ), а другому — верхний этаж — *darbaz* (დარბაზ); или одному доставался дом целиком, а другой строил с помощью брата новый дом; в последнем случае первый добавлял 6—7 *palžom* (ბალჯომ) -ов земли в пользу второго. Уходящий брат должен был благословить очаг остающегося, подарив ему при этом одну корову. В старом доме обычно оставался старший брат.

Тависупали Свани при описании раздела семьи не отмечает жеребьевки: «Если число братьев или других родственников больше двух, — пишет Тависупали Свани, — то раздел происходит следующим образом: допустим, делятся четыре брата, один из желающих разделиться делит все имущество на четыре равные части. Первым выбирает старший, который обычно берет дом с приусадебными угодьями, вторым выбирает второй брат, третьим — третий, а последним — инициатор дележа. Так как инициатору раздела оставалась часть самая худшая и меньшая, то по обычному праву этому последнему дается в придачу пол *palžom* (ბალჯომ) -а пахоты или равной стоимости лес, покос и т. д. Если кто-либо из них недоволен дележом, тогда в раздел вмешивается теми². Старшему брату и здесь давалось за старшинство, остальное имущество делилось поровну»³.

Таким образом, на основании представленного описания раздела семейной общины, со всеми существующими у сванов в этом отношении вариантами, выясняются имущественные права членов семейной общины. Глава семьи *кога тахуši* (ქოგა თახუში) пользуется здесь правом воспрепятствовать разделу семьи, а при разделе, как видно из некоторых материалов, он имеет право на первый выбор и получает специальное вознаграждение за старшинство. Остальные братья обладают равными правами, и имущество между ними делится поровну. Женщина при разделе семейного имущества была совершенно бесправна.

¹ Указанный вид жеребьевки записан в 1935 году в Латальском обществе от Квериджи Парджиани, 65 лет. Жеребьевка в сел. Халде несколько отличается: каждый брат делал свою пометку на щепке; щепка с пометкой называлась джилай. После того как все делящиеся братья опускали свои щепки в шапку, туда клали еще один джилай, называемый джилай св. Георгия, и приговаривали: «Да порешит сам св. Георгий справедливо». Затем подводили к шапке мальчика, он вынимал джилай с закрытыми глазами, при этом назывались вслух имена делящихся и по вынутому жребью присваивалось имущество. Этим жеребьевка кончалась. (Сел. Халде. Шамше Давидович Гегниадзе. Записано в 1935 году).

² Тависупали Свани употребляет здесь термин *теми* в значении родственной группы — *самхуб-а*, о котором ниже будет сказано особо.

³ Обычное право в Сванети, газ. «Ивериа», 1886, № 62 (на груз. яз.).

Сила кровного родства в сванской семейной общине признавала только права мужчин, переходящие по наследству от отца к сыну, и по этому принципу устанавливались имущественные отношения членов семьи.

Женщина сама представляла собственность семьи и после смерти мужа становилась женой своего деверя. Таким образом, в нормах брачных отношений сванской семейной общины были сохранены выдоизменившиеся пережитки левирата, сохранению которых в условиях семейной общины способствовали нормы имущественно-правовых взаимоотношений.

В управлении сванской семейной общиной права старшей женщины строго были ограничены кругом женских работ. Общее руководство семейной общиной было всецело возложено на старшего мужчину — кога тахvši (ქობა მახვი), и главенство женщины в этом случае не может быть признано типичным, а может рассматриваться только лишь как исключение.

В результате сегментации сванских семейных общин на протяжении долгого времени создавались родственные объединения *satxub* (სამხუბ)-ов или *latxub* (ლამხუბ)-ов, имеющие еще в XIX веке определенное значение в общественной жизни сванов. Само слово *satxub* (სამხუბ) в буквальном переводе обозначает братство, от слова *tuxvbe* (მუხვბე) или *texvib* (მუხვობ) — брат. Термин *satxub* (სამხუბ) употребляется жителями Верхней Сванети; для Нижней же Сванети установлено *latxub* (ლამხუბ). Сванское *la* в данном случае равнозначно грузинскому префиксу принадлежности *sa*, и, таким образом, в одном случае имеется грузинское, а в другом сванское словообразование одного и того же термина.

Satxub (სამხუბ) — сохранял некоторые виды общей собственности, экзогамию и другие нормы родовых взаимоотношений. Каждый *satxub* (სამხუბ) сохранял также свое патронимическое наименование и состоял из отдельных колен или родственных групп, которые также носили имя своего общего предка. Так например, Парджиани, жители селения Енаши, Латальского общества состояли из двух *satxub*-ов — **Датваре** и **Нуашер**. Каждый из этих *satxub*-ов разделялся внутри себя на отдельные ветви, которые были связаны между собой общим происхождением из одной и той же семейной общины. Все эти колена, кроме своих собственных имен, носили также общее имя *satxub*-а, и все они различались внутри *satxub*-ов обозначениями *zigiš texvbağ* (ძიგის მუხვაგ — буквально: близких братьев) и *kaħike texvbağ* (ქახიკე მუხვაგ — буквально: дальних братьев).

Таким образом, *satxub*-ы представляли родственные объединения, сохранявшиеся часто в виде моногенных кварталов и образовавшиеся путем неоднократной сегментации семейных общин. В наименованиях *satxub*-ов сохранились древние имена семейных общин, в редких же случаях они были заменены топонимическими наименованиями населенных пунктов.

В работе Дегена-Ковалевского «Сванское селение как исторический источник», автор, игнорируя конкретные данные относительно состава сванских домов, а также не учитывая общего исторического хода развития общественных организаций, отождествляет сванский дом конца XIX века с родовым объединением. Не вскрывая на фактическом материале специфики процесса образования населенного родичами квартала, он пишет: «За последние десятилетия процесс дробления родов и парцеллирования домохозяйств идет с возрастающей интенсивностью, и в связи с этим род Гочша, выросший до 22 дворов; распространился и по сторонам дороги у нижнего ее конца, сохранив, однако, связность и непрерывность занятой им территории...

Тот же процесс разрастания, разукрупнения и в связи с этим расселения на новые площади происходил в каждом из родов»¹.

Итак, ошибочно признавая за сванской семейной общиной XIX века род, автор старается доказать, что образование родового квартала происходило в процессе выделения из рода отдельных самостоятельных семей, а не в результате сегментации семейных общин.

Samxub (სამხუბ) имел своего samxubiš taxvši (სამხუბიშ მახვიში) — главу samxub-а. Он являлся официальным лицом, представляющим samxub в случае надобности, а также выразителем его нужд, общих мнений и намерений всего собрания samxub-а. Всякое решение выносилось samxub-ом на собрание, называемое samxubiš linzogal (სამხუბიშ ლიზოგალი). Samxubiš linzogal обсуждал вопросы, касающиеся отдельных семейных общин, входящих в состав samxub-а: в большинстве случаев дело касалось или различных вопросов, связанных с браком, как, например, умыкание девушки, оставление мужем жены или, наоборот, оставление женою мужа, или урегулирования вопросов купли-продажи, происшедшего воровства и других подобных вопросов. Переселение семьи и раздел семейной общины тоже являлись предметами обсуждения samxubiš linzogal (სამხუბიშ ლიზოგალი)-а, samxub (სამხუბ) собирался во всех важных случаях в жизни семейной общины, входящей в ее объединение.

Как было указано, при описании раздела имущества семейной общины часть имущества не делилась. Таковою являлись, например, лес, покос, фруктовые деревья, и таким образом создавалось общее имущество samxub-а. Каждый samxub, а иногда и отдельные колена samxub-а имели свои клейма на деревьях, называемые dayag (დაღარ), которые сохранились в некоторых обществах Сванети до самого последнего времени. (Приведенные в таблице знаки samxub-а на дереве описаны в Лахамульской и Местийской общинах)². Крупный и мелкий рогатый скот клеймился только семейными общинами, общинно-семейной собственностью которых он являлся. У каждой семьи была особая, собственная пометка — хэпсэга (ხეპსეგა), которая в семейной общине устанавливалась самим кога taxvši.

Пережитки общинной формы владения и коллективно го производства сохранялись у сванов в особом порядке использования покосов семьями одного samxub (სამხუბ)-а. Как было уже указано, во многих случаях у всего (samxub-а) был один покос, т. е. покос всего села был разделен по samxub-ам. Согласно сведениям, записанным в Латальской общине, приступая к косьбе, каждая семья выставляла столько косарей, сколько могла бы ставить наиболее малочисленная семья в samxub-е, в некоторых же случаях малочисленная семья прибегала к помощи свойственников, и таким образом увеличивалось число косарей до известного предела. Все работали вместе, и по окончании работы укос распределялся по семьям. Распределение производил samxubiš taxvši (სამხუბიშ მახვიში), но в случае каких-либо недоразумений прибегали к жеребьевке, после чего распределение считалось окончательным. После распределения каждый брал свою долю, причем оказывалась помощь друг другу и в доставке сена на дом.

В больших samxub-ах, ввиду многочисленности дольщиков, семьи делились на родственные разветвления, по которым делился принадлежащий samxub-у покос. Так, например, samxub-ы Нуашер и Датваре Парджиани Латальской общины, состоящие из отдельных колен, распределяли по этим коленам принадлежащий samxub-у покос. Что же касается маленьких samxub-ов, каким для примера может быть назван

¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник, «Советская этнография», 1936, № 4—5, стр. 36.

² Р. Л. Харадзе. Пережитки семейной общины у сванов, Тб. 1939 г.

satxub рода Цередани (из той же Латальской общины), который не был столь многочислен, покос их уже не делился, и все семейные общины этого satxub'a владели одним общим покосом, несмотря на то, что и в этом satxub-e существовали родственные подразделения по коленам.

То же самое нужно сказать и о кладбищах: satxub-ы с многочисленными семейными общинами имели обособленные кладбища, разделенные по отдельным разветвлениям, малочисленные же satxub (საბნუბ)-ы кладбищ не делили.

Таким образом, пахота и скот представляли у сванов общинно-семейную собственность; покосы и леса, которые во время сегментации семейных общин не делились, находились в общем пользовании satxub-a или всей сельской общины. Знаки общей собственности satxub-a сохранились на деревьях, клеймение же животных было основано на принципе общинно-семейного владения скотом.

Смешанная форма хозяйства, скотоводство и земледелие, на базе которого были основаны хозяйственно-родственные отношения сванской большой семьи, подразумевала одновременное участие в обоих видах хозяйства как мужчин, так и женщин, с четким разграничением всех хозяйственных функций между членами семьи.

Одновременное развитие двух отраслей хозяйства при низком уровне производительных сил могло быть осуществлено лишь при условии многочисленного коллектива, нуждающегося в особом управлении, в четкой организации труда и в специальных нормах внутренних взаимоотношений. Только с увеличением побочных заработков, источником которых в Сванети являлись лесозаготовительные и другие отхожие промыслы, могла измениться хозяйственная жизнь сванов, создавая условия для разложения семейных общин и образования малых индивидуальных семей: этот процесс в Сванети, в силу относительно стойкого бытования различных пережитков как в социальных взаимоотношениях, так и в идеологии, осуществлялся сравнительно медленно.

* * *

На основании представленного в настоящей части работы фактического материала могут быть сделаны следующие выводы.

Грузинские семейные общины по своему хозяйственному быту могут быть подразделены на три основных вида хозяйственно-родственного объединения: семейные общины с преимущественно земледельческим хозяйством, семейные общины с преимущественно скотоводческим хозяйством и семейные общины с симбиозной формой хозяйства. В области общественной они характеризуются различной системой разделения труда и специфическими особенностями управления:

1. Все основные хозяйственные функции семейной общины, с преимущественно земледельческим хозяйством, были распределены главным образом между мужчинами. Разделение труда по отдельным отраслям хозяйства происходило только между старшими и младшими поколениями мужчин, причем каждый работник имел специальное наименование; женщины в хозяйственной деятельности семьи активно не участвовали. Это должно было отразиться и действительно отразилось и на форме управления семейной общиной.

Руководителем всей производственной и общественной жизни такой общины был мужчина. Старшая женщина являлась руководительницей женского труда, ограниченного в данном случае лишь работами по дому, приготовлением и распределением между членами семьи пищи, одежды, хранением общих запасов семьи и т. д. Это обстоятельство в значительной

мере ограничивало правовые возможности женщины по управлению семейной общиной, ибо, как это устанавливается на грузинском этнографическом материале, права и обязанности diasaxlisi (დიასახლისი) — старшей женщины — всегда были, как правило, обусловлены характером женского труда в большой семье.

2. Грузинская семейная община, с преимущественно скотоводческим хозяйством — овцеводством, важным подспорьем которого при этом являлось земледелие и молочное хозяйство (крупный рогатый скот), характеризуется специфическим подразделением функций между членами семьи, при котором одна часть семьи ведет оседлый образ жизни, а другая занимается отгонным скотоводством.

Благодаря такому подразделению роль женщины и, в частности, главной хозяйки дома в домашнем хозяйстве возрастает. Для указанного вида семейной общины характерным является разделение производственных функций между мужчиной и женщиной по отдельным отраслям хозяйства. Старшая женщина diasaxlisi (დიასახლისი), являясь руководительницей женских работ, управляла тем самым определенной отраслью хозяйства, а именно молочным хозяйством (крупным рогатым скотом), в то время как мужчина руководил основной отраслью — овцеводством. В некоторых случаях (как, например, у тушин) земледелие базировалось также на женском труде и женском управлении.

Diasaxlisi (დიასახლისი), таким образом, в семейной общине этого типа являлась не только хранительницей домашних запасов и руководительницей женских работ по дому, она возглавляла и управляла одной или двумя (у тушин) самостоятельными отраслями хозяйства, что должно было соответствовать более древней форме управления семейной общины.

3. Для грузинской семейной общины с симбиозной формой хозяйства характерным является отсутствие отраслевой дифференциации между мужчинами и женщинами. Участие их в ведущих отраслях хозяйства регулировалось годичной очередностью, установленной между всеми членами семьи (у горных рачинцев).

Более развитая форма земледелия, сочетаемая со скотоводством, создала необходимость существования двух хозяйственных баз с комплексным земледельческим и скотоводческим хозяйством.

На основе комплексного хозяйства (у горных рачинцев) была создана определенная система распределения работ между членами семьи. Подразделения функций по отдельным отраслям хозяйства между братьями здесь не существовало — как в скотоводстве, так и в земледелии принимали участие все братья.

Между женатыми братьями (совместно с их женами) устанавливалась годичная очередность. В тех случаях, когда в распределении работ к очередности не прибегали (сваны), все равно подразумевалось участие как мужчин, так и женщин во всех отраслях хозяйства с четким между ними распределением труда.

В семейной общине последнего вида в функции старшей женщины включалось руководство женскими работами как в земледельческом, так и в молочном хозяйстве, и тем самым осуществлялось типичное для семейной общины мужское и женское руководство.

Однако здесь, так же как и во всех других видах грузинских семейных общин, приоритет мужчины в общем руководстве семейной общиной был обусловлен преобладающим значением его роли в хозяйственной и общественной жизни.

СОСТАВ СЕМЕЙНЫХ ОБЩИН В
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ СХЕМАХ

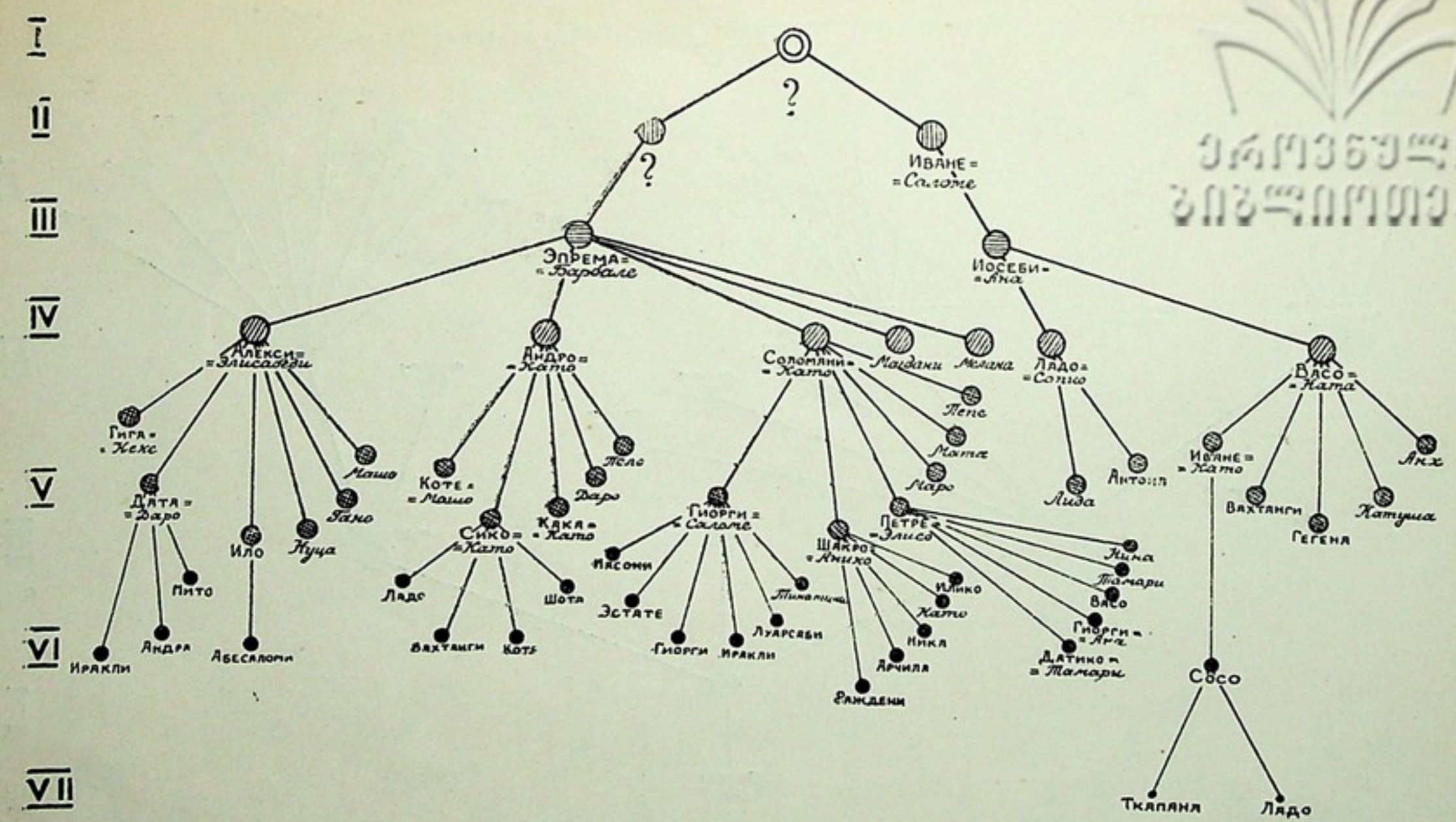
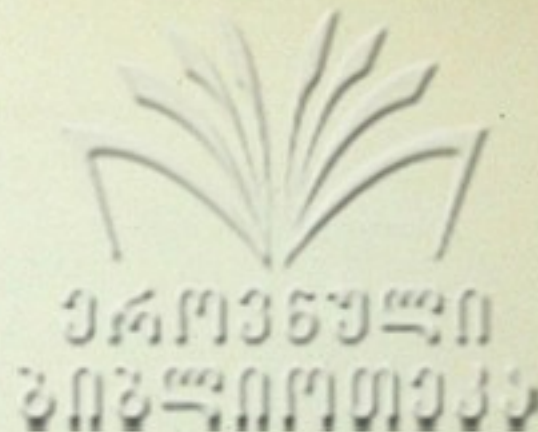

Схема I. Семейная община Эпремаани, сел. Земо Никози, к стр. 44.

I
II
III
IV
V

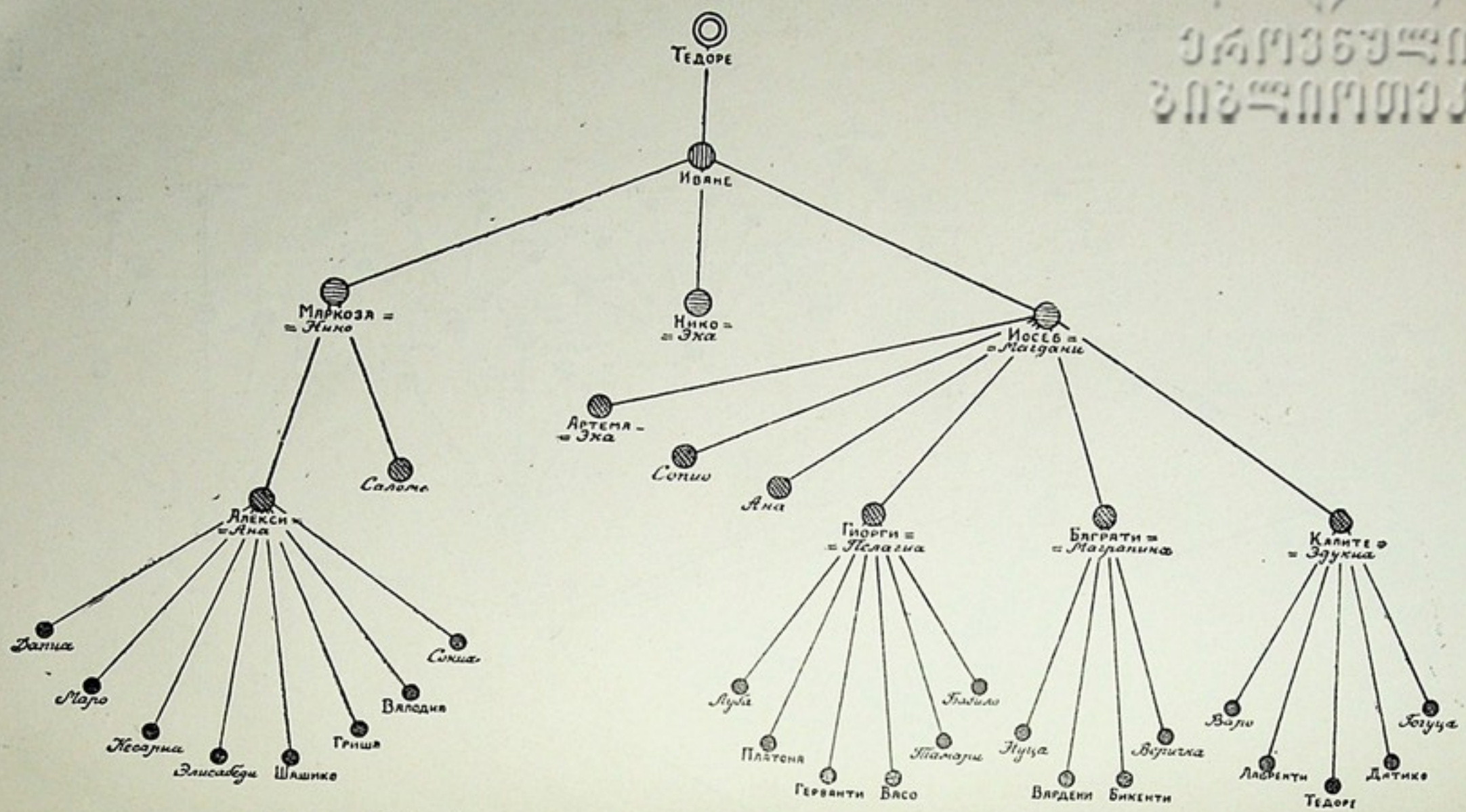

Схема II. Семейная община Диди Чарбадзеби, сел. Хванчкара, к стр. 84.

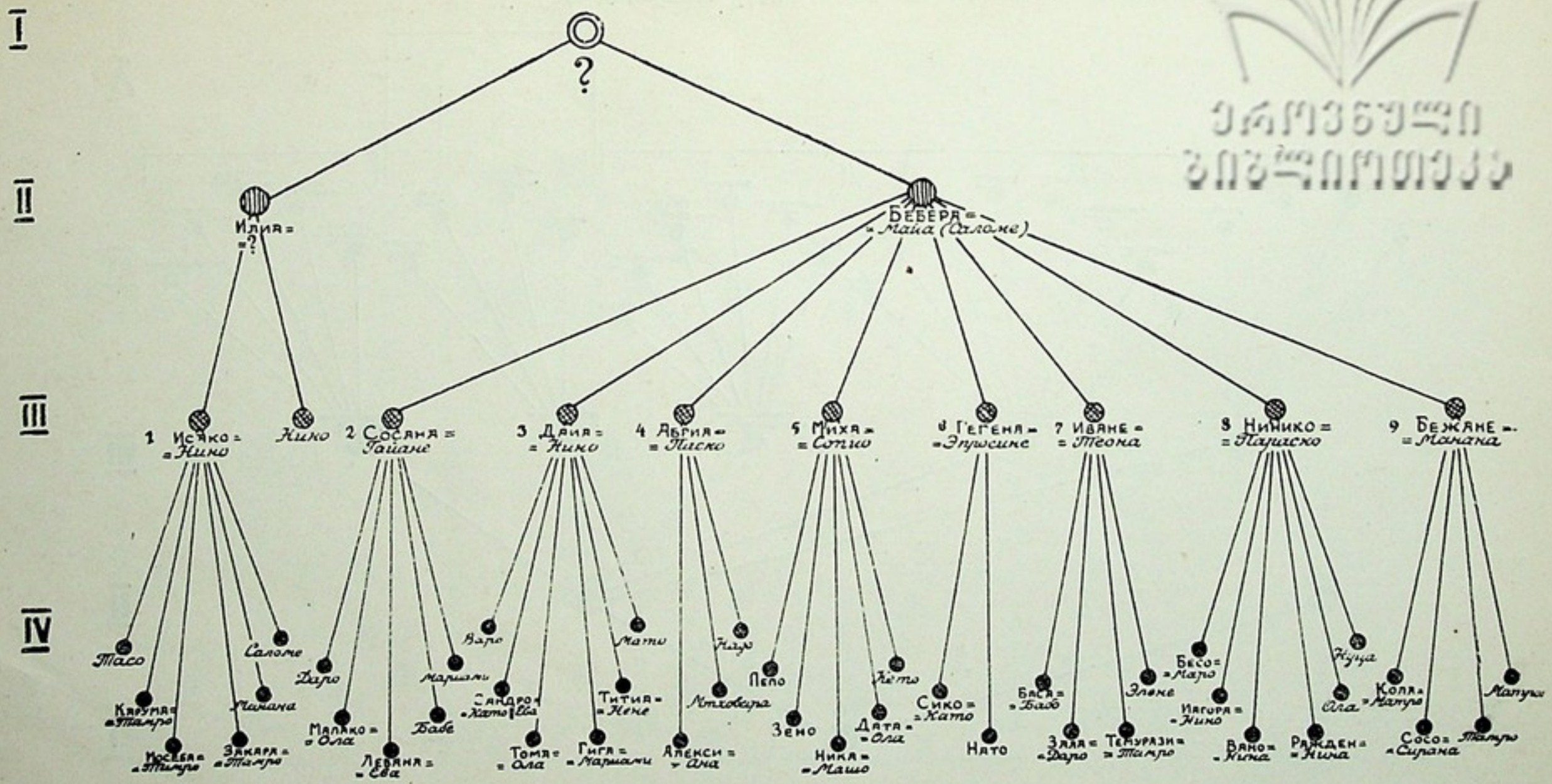
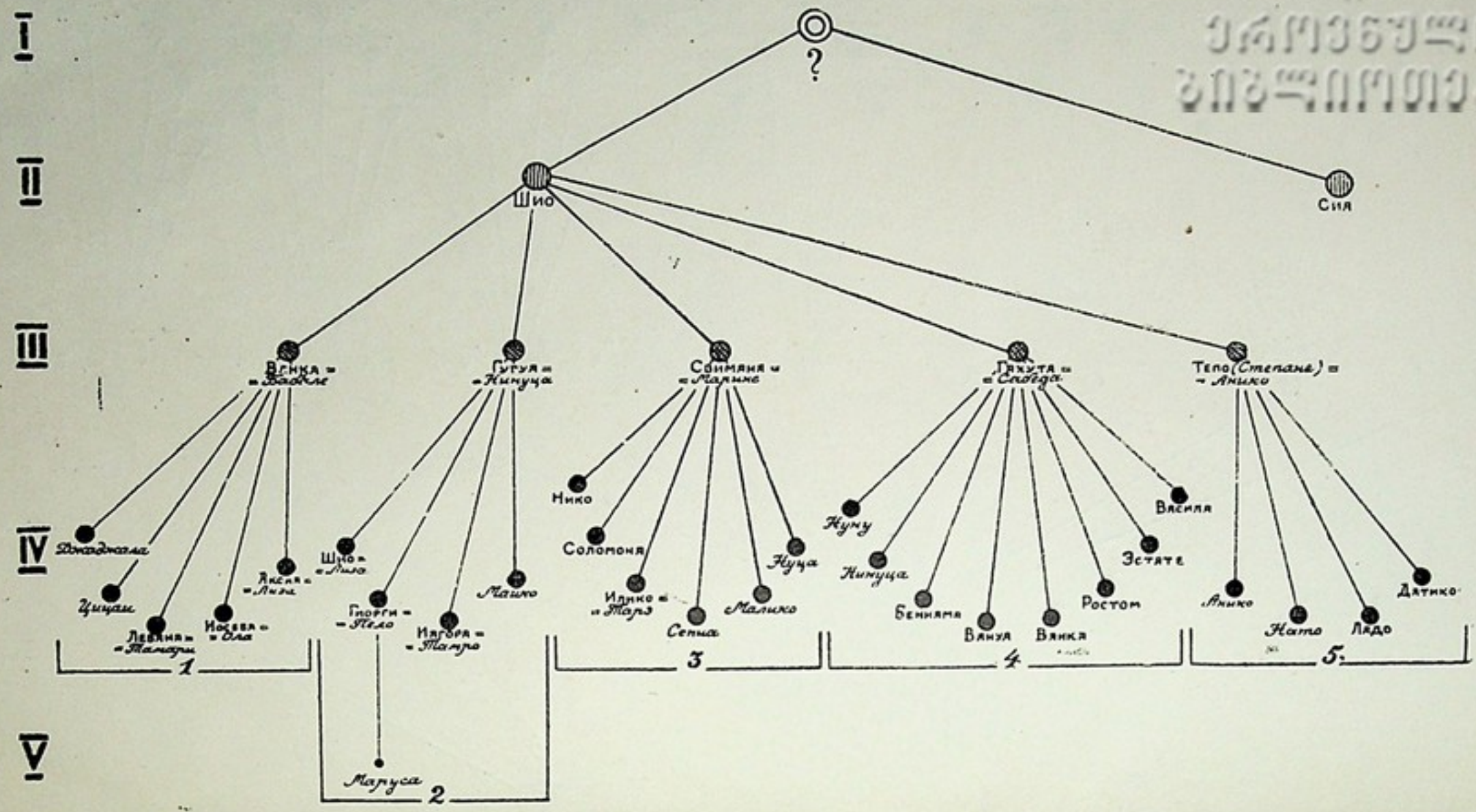

Схема III. Семейная община Гогиплаани, сел. Земо Мачхаани, к стр. 92.

С х е м а IV. Семейная община Диди Чекхени, сел. Казбеги, к стр. 129.

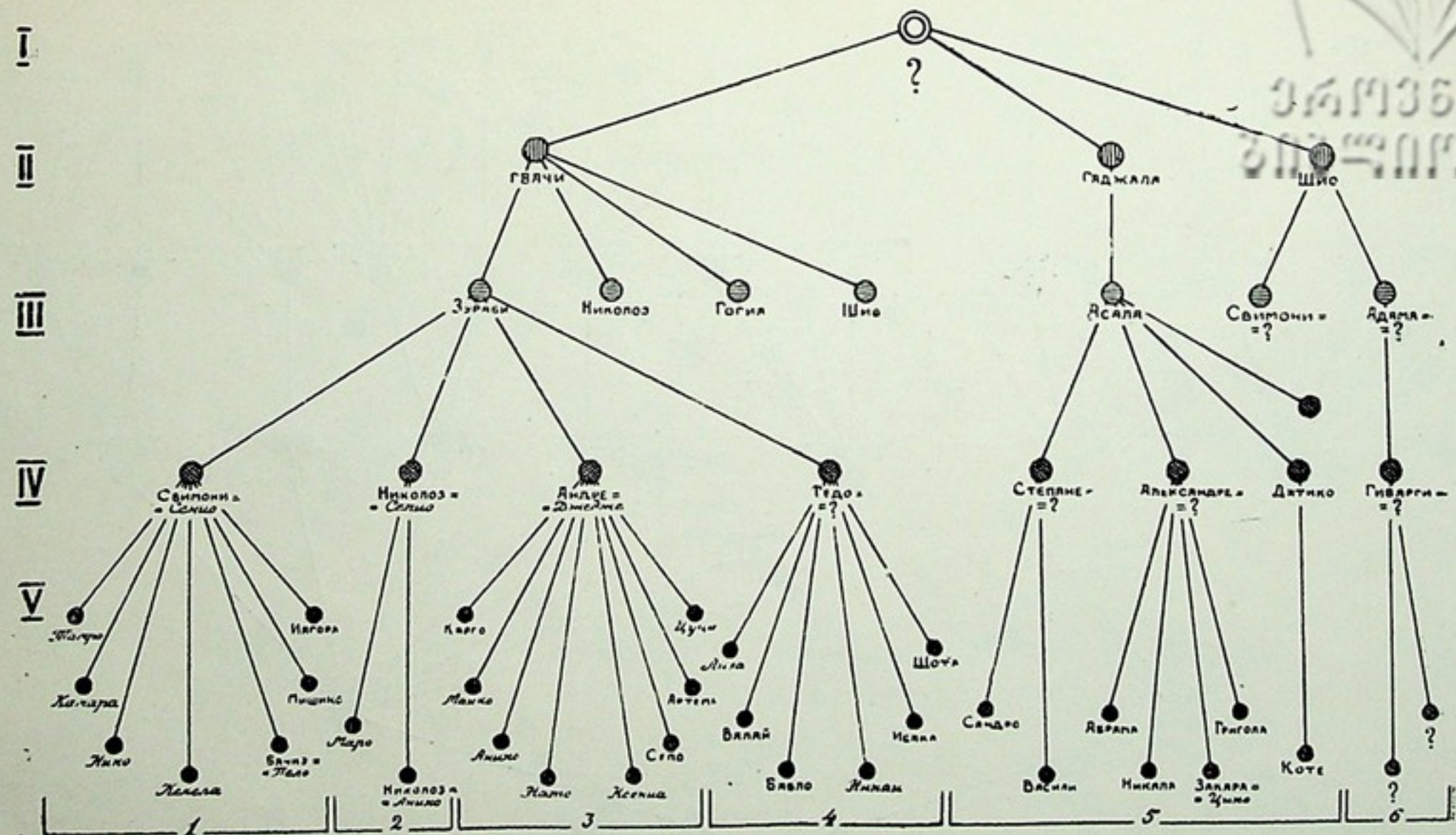
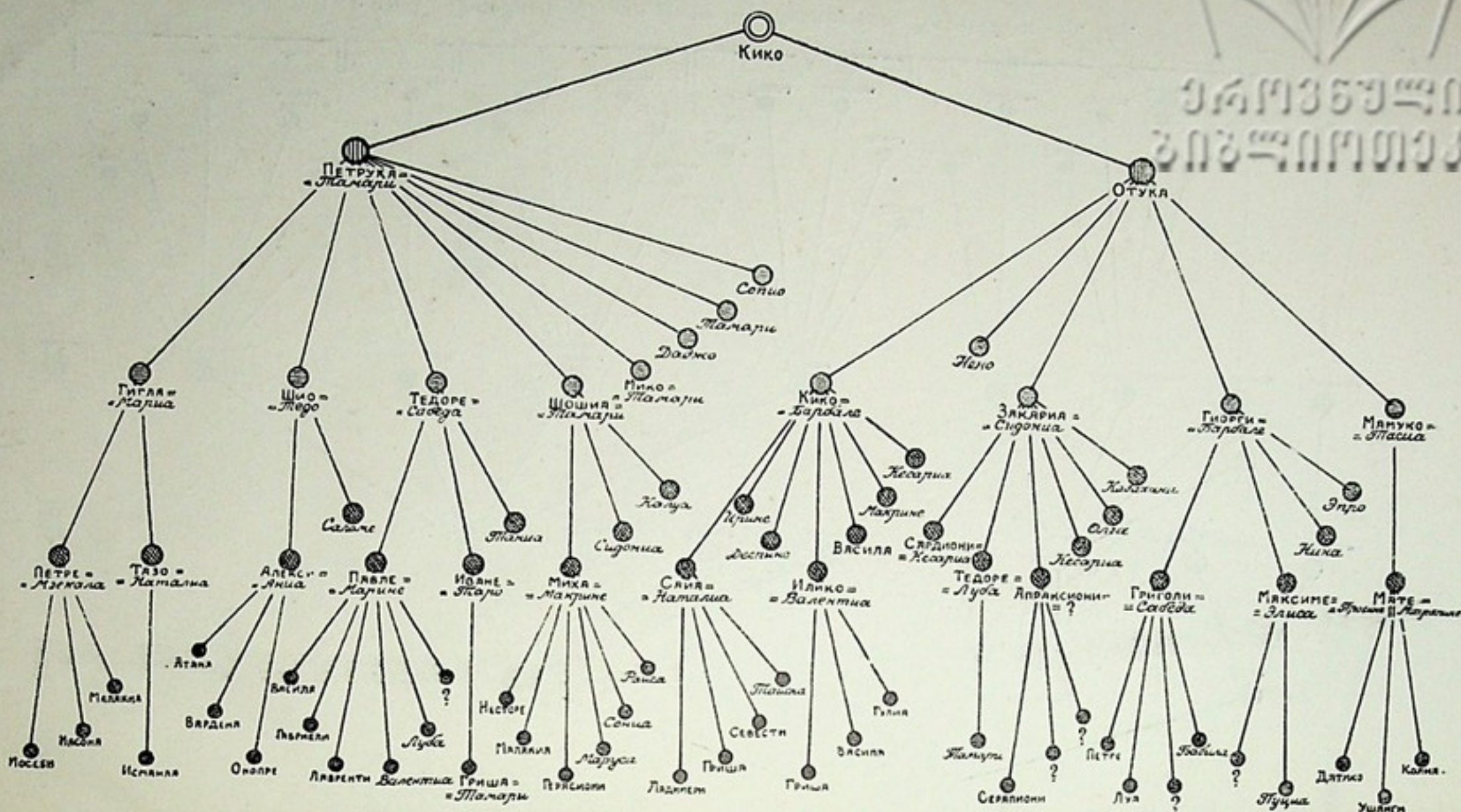

Схема V. Семейная община Диди Зурабиани, сел. Хуртиси, к стр. 139.

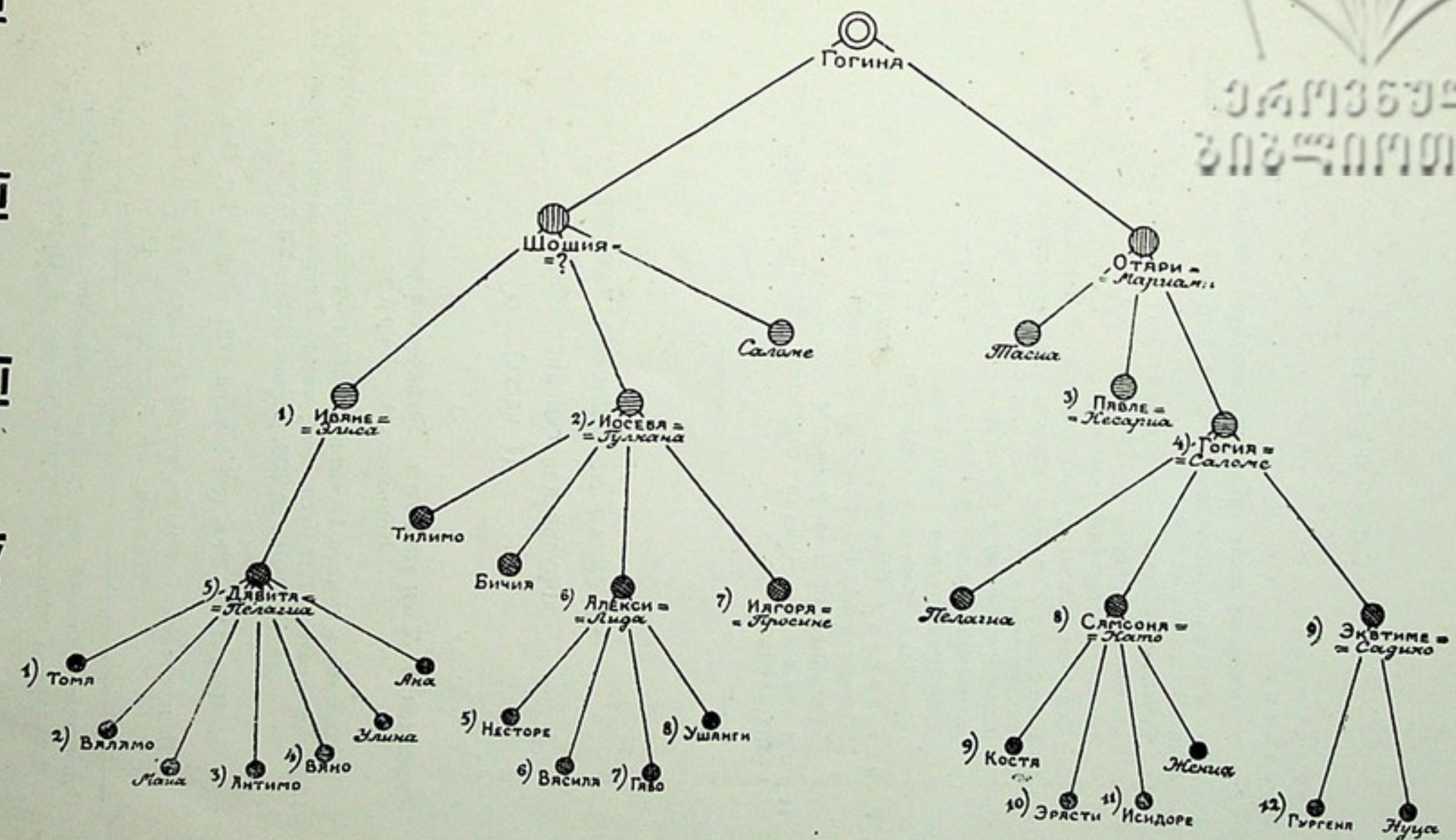
1
2
3
4
5
6
7

С х е м а VI. Семейная община Гутееи, сел. Чнора, к стр. 168.

I
II
III
IV
V

С х е м а VII. Семейная община Харебаани, сел. При, к стр. 177.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Введение	7
Основные виды грузинской семейной общины	
Глава первая. Семейные общины с преимущественно земледельческим хозяйством	43
Семейная община у картлийцев	43
Семейная община у кахетин	57
Семейная община у имеретин	67
Семейная община у жителей верхней и нижней Рачи	78
Глава вторая. Семейные общины с преимущественно скотоводческим хозяйством	89
Семейная община у кизикцев	89
Семейная община у тушин	106
Семейная община у мохевцев	128
Семейная община у пшавов	144
Глава третья. Семейные общины с симбиозным хозяйством	159
Семейная община у горных рачинцев	159
Семейная община у сванов	179
Приложение: Состав семейных общин в генеалогических схемах	191

РУСУДАН ЛУКЪЯНОВНА ХАРАДЗЕ

«Грузинская семейная община»

(I часть)

Художник А. Томашвили. Технический редактор А. Басинов.
Корректор А. Перим.

Подписано к печати 1 сентября 1960 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
12,5 печ. листа=17,12 усл. печ. листа. Учетно-издательских 15,86
листа. Заказ № 309. Тираж 2.000. УЭ 03587.

Цена 11 р. 50 к. (с 1 января 1961 г. цена 1 р. 15 к.)

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока».
Тбилиси, пр. Руставели № 42.

Отпечатано в первой типографии Главполиграфгиза Министерства
культуры Грузинской ССР. Тбилиси, ул. Орджоникидзе № 50.

რუსუდან ლუკას ასული ხარაძე
ქართული საოჯახო თემი (I ნაწილი)
(რუსულ ენაზე)

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

გ. 287/55

943